

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

исследования по российской и всеобщей истории

№ 1 (09) 2016

Ответственный редактор – д.и.н. А. И. Рупасов
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Учредитель

Санкт-Петербургский
институт истории РАН
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98
E-mail: SPbHistoryStudies@mail.ru

Адрес редакции

«Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98

Издатель

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
E-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Типография

«Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)622-01-23

Издается с 2014 г.
Выходит 4 раза в год
ISSN 2311-603X

Редакционный совет:

д-р *Я. Валге* (университеты Тарту и Таллина)
профессор *Т. Вихавайнен* (Хельсинкский
университет)
д.и.н., профессор *А. К. Гаврилов* (Санкт-
Петербургский институт истории РАН)
д.и.н., профессор *А. Х. Даудов* (директор
Института истории Санкт-Петербургского
государственного университета)
д.и.н. *О. П. Илюха* (директор Института языка,
литературы и истории Карельского научного
центра РАН, Петрозаводск)
д-р, профессор *И. Коэн* (Высшая школа соци-
альных наук, Париж)
член-корр. РАН, д.и.н. *И. П. Медведев* (Санкт-
Петербургский институт истории РАН)
д.и.н. *И. И. Муллонен* (доктор филологических
наук, профессор Петрозаводского госунивер-
ситета, Петрозаводск)
профессор *А. Рабинович* (Индианский универ-
ситет)
профессор *У. Г. Розенберг* (университет
Мичигана, Европейский университет в Санкт-
Петербурге)
д.и.н., профессор *Н. Н. Смирнов* (Санкт-
Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербургский государственный
университет)
д.и.н. *А. Н. Чистиков* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)
д.и.н., профессор *М. В. Ходяков* (Санкт-
Петербургский государственный университет)
к.и.н. *С. Е. Эрлих* (Генеральный директор из-
дательства «Нестор-История»)

Секретариат

Ответственный секретарь – *К. А. Тарасов*
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН)

А. А. Ефимов
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН)

Дата подписания в печать: 14.03.2016

Перепечатка материалов
допускается только с письменного
разрешения редакции журнала.

Тираж 500 экз.

Заказ № 372

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации

ПИ № ФС77–64510

от 31.12.2015

© Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук, 2015
© Издательство «Нестор-История», 2015

Члены редколлегии:

к.филол.н. *Д. В. Кейер* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

к.и.н. *В. Ю. Черняев* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

к.и.н. *В. И. Мажуга* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д.и.н., профессор *М. Б. Свердлов*
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН; Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена)

д.и.н., профессор *В. В. Носков* (Санкт-
Петербургский институт истории РАН)

д.и.н. *Т. В. Андреева* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д.и.н. *С. Н. Исколь* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

Содержание

История России

- *Е. В. Гончарова*
Изучение дворянских владений Псковской губернии по материалам межевания последней четверти XVIII в. 6
- *С. Н. Рудник*
Всесословная воинская повинность, русское общество и грамотность новобранцев в России 14
- *А. В. Евдокимов*
К вопросу о криминальной составляющей доходов В. А. Сухомлинова 26
- *С. В. Куликов*
Назначение Алексея Хвостова управляющим МВД: предыстория и механизм 36

Всеобщая история

- *А. А. Касатов*
Жесты и письменное слово в баронии Грама середины XIV в. (по материалам НИА СПбИИ РАН) 58
- *Н. Н. Наумов*
«Книга императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке: автор и проблема жанра 65
- *В. Е. Кукушкин*
У истоков канадского православия: украинская иммиграция конца XIX — начала XX в. и возникновение первых православных приходов в западной Канаде 83

Историография

- *Ю. Н. Беспярых*
Еще раз о грамотности А. Д. Меншикова 97
- *М. М. Сафонов*
«Молодая Екатерина» в отечественной историографии 113
- *Р. А. Хазиев*
Александр I в судьбе России: англоязычная историография 1990–2000-х гг. 129
- *Б. Б. Дубенцов*
«Неудавшийся юбилей»: Десятилетие манифеста 17 октября 1905 г. в освещении русской печати 144

- *Н. Г. Кедров*
Сталинская историографическая модель осмысления коллективизации российского крестьянства 173

Публикации

- *И. П. Медведев*
Румянцевский грант Императорской Академии наук на издание русских летописей 186
- *Д. И. Раскин*
Дневниковые записи А. А. Алелекова о событиях февраля 1917 г. в Петрограде 193
- *Н. В. Лукина*
Поэтесса, прошедшая ГУЛАГ 201

Древнерусский семинар

- *В. Г. Вовина-Лебедева*
Древнерусский семинар 221
- *Д. Д. Смирнова*
Послания новгородского архиепископа Феодосия: проблемы бытования и создания 223

Сообщения

- *М. Б. Свердлов*
Академический анекдот как особый вид исторической памяти 237
- *В. Н. Гинев*
Из жизни ЛОИИ 1980-х гг.: «Библиотека революционных мемуаров». Идея и воплощение 247
- *Г. А. Пудов*
О предметах из коллекции Н.П. Лихачева в Отделе народного искусства Русского музея 263
- *В. Н. Прямыцын*
Невероятные приключения математика на фронте 279
- *А. И. Рупасов*
О зыбкости политических установок личности в эпоху хаоса. Свен Фабрициус 287

Рецензии

- *С. А. Исаев*
Взгляд из лагеря Наполеона во время Русского похода 1812 г. Рецензия: *Сегюр Ф. де*. Наполеон и Великая Армия во время войны 1812 года / Пер. с франц. Д. Соловьёва; под ред. С. Искюля. СПб.: Петрополис, 2014 310

Аннотации 317

Abstracts 331

Сведения об авторах 344

Contacts of authors 346

Требования к публикации статей и материалов 348

Е. В. Гончарова

Изучение дворянских владений Псковской губернии по материалам межевания последней четверти XVIII в.

Исследование социально-экономической истории России второй половины XVIII в. невозможно без привлечения таких массовых источников, как материалы Генерального межевания. Устойчивый интерес, который вызывает межевание у специалистов, объясняется тем, что наряду с собственно кадастровым учетом межевые конторы проводили широкую программу обследования хозяйства и населения. В межевых материалах содержатся данные о землепользовании, землевладении и землевладельцах¹. Уже в дореволюционной историографии отмечена специфика межевого дела². В. И. Семевский первым привлек материалы Генерального межевания для изучения размеров оброка, землевладения и землепользования³, но Н. Л. Рубинштейн подверг критике методику работы В. И. Семевского, считая необходимым учет поездных особенностей. Однако сам он, анализируя Экономические примечания, обошел вниманием Псковскую губернию⁴. Л. В. Милов

широко использовал материалы Генерального межевания, но относительно Псковской губернии он упоминает только о времени его проведения (1781–1796 гг.)⁵. А. А. Горский выявил на основе Экономических примечаний соотношение земельных угодий в Ярославской и Костромской губерниях, а также ряде губерний черноземной полосы⁶. Я. Е. Водарский привел обобщенные данные Генерального межевания для всех помещичьих владений Псковской губернии без конкретизации по отдельным уездам и владельцам⁷. Используя материалы Генерального межевания, Н. В. Пиотух определила хозяйственное районирование Новоржевского уезда в первой половине XVII — второй половине XVIII в.⁸

Таким образом, до настоящего времени отсутствуют комплексные исследования материалов Генерального межевания по Псковской губернии с детализацией сведений по уездам и отдельным дворянским владениям. В полном объеме материалы Генерального межевания по Псковской губернии отложились в РГАДА⁹, часть их хранится и в фондах местных архивов. В фонде 14 «Псковского губернского землемера» ГАПО¹⁰ сохранились межевые планы, представленные копиями первой половины XIX в. с оригинала конца XVIII в., и межевые книги (153 дачи, принадлежавшие 172 помещикам)¹¹. Сведения о владении в этих двух источниках дублируются, что позволяет восстановить описание изучаемых земель даже при наличии только одного из них. Межевые книги и планы дач содержат распространенную характеристику земельного участка, указания на смежные владения, а также данные о времени проведения межевания. Таким образом, у исследователя появляется возможность комплексного

⁵ Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965. С. 130–142.

⁶ Горский А. А. Экономические примечания к Генеральному межеванию как источник по истории сельского хозяйства России во второй половине XVIII века (Опыт количественного анализа) // История СССР. 1984. № 6. С. 117–122.

⁷ Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII — I пол. XIX. М., 1988. С. 132.

⁸ Пиотух Н. В. Новоржевский (Пусторжевский) уезд в первой половине XVII — второй половине XVIII в. Пространственно-демографические изменения: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

⁹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1166, 1169, 1174, 1179, 1188, 1193, 1197, 1201.

¹⁰ Государственный архив Псковской области.

¹¹ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4, 8, 9, 17, 25–27, 36, 37, 45, 46, 48, 49, 51, 52, 59, 62, 64, 65, 67, 69, 71, 76, 77, 86, 88, 89, 97–99, 105, 110, 117, 125, 130, 137, 139, 140, 144–146, 148, 149, 151, 179, 184, 190, 200, 207, 212, 212а, 213, 227, 230, 248, 252, 263–266, 268, 269, 279, 284, 286, 289, 296–298, 301, 312, 317, 321, 324, 326, 327, 329, 331, 332, 335, 339, 342–344, 344а, 346, 348–350, 352, 354, 355а, 356, 357, 368, 370, 373, 381а, 390а, 391, 401, 402, 405, 407, 412, 413, 426б, 428, 432, 441, 452, 455; Оп. 2. Д. 1а, 7а; Оп. 3. Д. 3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 20, 24, 26, 27, 33, 34, 36, 38–45, 47, 48; Оп. 4. Д. 3–5, 9, 14, 17, 20, 22, 24.

анализа материалов Генерального межевания по всем уездам Псковской губернии с конкретизацией по отдельным дворянским владениям.

Описанные дачи значительно отличались по составу поселений. Они включают сельцо с деревнями или пустошами, деревни, деревни с пустошами и пустоши. Наличие в даче только деревень говорит об отсутствии господского дома и соответственно барской запашки в ней. Это позволило определить количество десятин пашни на одного крестьянина мужского пола в таком владении. Под владением мы понимаем земельный участок, весь комплекс угодий и построек, а также крестьян, записанных за помещиком на этой территории.

Результаты анализа данных документов, отложившихся в ГАПО, сопоставлены нами с полными данными для Псковского уезда по Генеральному межеванию из РГАДА. Согласно им, в Псковском уезде было описано 1038 дач, принадлежавших 275 помещикам. Из которых чуть более половины владельцев — 156 человек (57%) — мужчины и 119 человек (43%) — женщины, значительная часть последних — вдовы¹². Материалы ГАПО дают аналогичное соотношение: 26 человек (54%) — мужчины и 22 человека (46%) — женщины, основная часть которых вдовы¹³. Менее половины дворян (37%) имели в уезде только одну дачу. Это могло компенсироваться наличием владений в других уездах Псковской губернии¹⁴. Так, у А.Л. Симанского помимо деревни Семинковой Горки с пустошью Юдино Псковского уезда¹⁵ было еще две дачи в Островском уезде (пустошь Сидоркова, а также деревни Федоровская и Решотова с пустошью Кабылкиной) в совладении с А.Л. Шишковой¹⁶. Средний показатель количества дач на одного помещика для Псковского уезда составляет 3,8. Самые большие владения в уезде принадлежали С.Г. Карамышеву — 37 дач и Е.А. Щербинину — 31 дача¹⁷.

Почти четверть владений Псковского уезда — это совместная собственность, 0,2 из них — семейные совладения¹⁸. У некоторых дворянских родов было сразу несколько дач в уезде. Так, дворянам Валуевым принадлежало 18 дач, из которых: 13 дач записано за Степаном Мироновичем, 4 дачи — в совладении у Алексея и Петра Степановичей, за последним еще была записана одна дача¹⁹. В большинстве же совладений собственниками выступали дворяне, не являв-

¹² РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1193. Л. 1–317.

¹³ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 402, 412, 428, 452, 455.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1193. Л. 1–317.

¹⁵ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 436. Л. 1–8.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 291, 304; Оп. 3. Д. 39; Оп. 4. Д. 21.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1193. Л. 1–317.

¹⁸ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 26, 27, 48, 49, 51, 52, 59, 64, 65, 67, 69, 71, 77, 86, 88, 89, 317, 368, 370, 373, 381а, 390а, 391, 401, 402, 405, 407, 412, 413, 426б, 428, 432, 441, 452, 455; Оп. 3. Д. 43–45, 47, 48.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1193. Л. 1–317.

шиеся родственниками. Около половины всех изученных дач Псковского уезда фиксируют только деревни, 0,33 — только пустоши и 0,14 — сельцо²⁰.

Анализ межевых книг и планов дач, отложившихся в ГАПО, и общей совокупности материалов Генерального межевания из РГАДА позволяет считать их репрезентативными. Это важно отметить, поскольку Псковский уезд был самой большой и устойчивой в административно-территориальном отношении единицей в структуре губернии. Аналогичное соотношение владений представлено и в других уездах Псковской губернии. Так, около половины дач Порховского уезда — это деревни, столько же записаны как сельцо и 0,17 — пустоши. Почти половина владений — совместная собственность, 0,25 из которых — у родственников²¹. Так, деревня Большое Заречье с пустошами было владением И.И. Крекшина и М.М. Савинковой²². Е.Л. Васильчиковой принадлежала деревня Быстерская, где по V ревизии (1795 г.) числилось 7 крестьянских дворов с 24 д.м.п. (душ мужского пола). Из 132,9 дес. удобной и неудобной земли 66,9 дес. приходилось на пашню, 60 дес. — на лес и 2 дес. под поселением и огородами. Таким образом, на одного крестьянина мужского пола приходилось 2,8 десятин пашни²³.

Половина владений Опочецкого уезда включают только деревни, 0,17 — только пустоши и 0,33 — только сельцо²⁴. Значительной по размерам была дача, включающая несколько деревень, помещиков К.Н. Расихина и А.Ф. Клокачева, общая площадь которой составила 7240,8 дес., из них пашня составляла 655,2 дес., лес — 6124 дес., сеной покос — 45,4 дес. и 38,4 дес. под поселением и огородами²⁵. У.Е. Ганнибал, Осипу Ивановичу и Ивану Захарьевичу Яхонтовым принадлежала деревня Бахирева, общей площадью 1230,9 дес., из которых: 57,1 дес. — пашня, 916,8 дес. — лес, 18,4 дес. — сеной покос и на поселение приходилось 6,5 дес. По V ревизии в этой деревне с прочими землями был 41 крепостной крестьянин. Таким образом, на 1 д.м.п. приходилось 2,2 дес. пашни²⁶.

В Великолукском уезде 0,33 учтенных дач записаны как деревни, почти половина — пустоши, 0,14 — сельцо²⁷. Две дачи были во владении П.С. Лаврова. Это: пустошь Олухова, общей площадью 26,6 дес., где 16,6 дес. — пашня, 9,7 дес. — лес²⁸, и деревня Гущино, в которой по V ревизии было записано

²⁰ ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 26, 27, 48, 49, 51, 52, 59, 64, 65, 67, 69, 71, 77, 86, 88, 89, 317, 368, 370, 373, 381а, 390а, 391, 401, 402, 405, 407, 412, 413, 426б, 428, 432, 441, 452, 455; Оп. 3. Д. 43–45, 47, 48.

²¹ Там же. Оп. 1. Д. 321, 324, 326, 327, 329, 331, 332, 335, 339, 342, 343а, 344, 344а, 346, 348–350, 352, 354, 355а, 356, 357; Оп. 3. Д. 41, 42.

²² Там же. Оп. 3. Д. 41. Л. 1.

²³ Там же. Оп. 1. Д. 327. Л. 1–8.

²⁴ Там же. Оп. 1. Д. 179, 184, 190; Оп. 3. Д. 19, 20; Оп. 4. Д. 14.

²⁵ Там же. Оп. 1. Д. 190. Л. 1–34.

²⁶ Там же. Оп. 3. Д. 20. Л. 1.

²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 4, 8, 9, 17, 25, 36, 37, 45, 46; Оп. 4. Д. 3–5.

²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–8.

15 крестьянских дворов с 52 д.м.п. Из 198 дес. 176,2 дес. составляла пашня, 18,7 дес. — сеной покос и 1,2 дес. под поселением, огородами, гуменниками и конопляниками. Таким образом, во втором владении помещика П. С. Лаврова (деревня Гушино с прочими землями) на одного крестьянина мужского пола приходилось 3,4 дес. пашни²⁹.

Чуть менее половины дач Островского уезда были деревни и столько же пустоши³⁰. Село Рублево-Царево принадлежало А. Д. Дубровскому. По описанию 1782 г., там находился господский дом и 20 крестьянских дворов. Из 1036,7 дес.: 728,4 дес. — пашня, 151,5 дес. — лес, 92 дес. — сеной покос и 13 дес. под поселением, огородами, гуменниками и конопляниками. По V ревизии в этом владении были записаны дворовые люди 62 человека и 300 крепостных обоого пола³¹.

В Холмском уезде в 1781 г. И. А. Крыжовой принадлежало сельцо Кузелкино общей площадью 636,9 дес.: 104,4 дес. — пашня, 458,3 дес. — лес, 38,9 дес. — сеной покос и 1 дес. под поселением³². Во владении Е. И. Манкошевой общая площадь земли составила 2632 дес.: 152,8 дес. — пашня, 2057,5 дес. — лес, 13,8 дес. — сеной покос и 3,2 дес. под поселением. По V ревизии за помещицей было записано 8 дворов с 49 крепостными обоого пола³³.

Сельцо Воробьево с деревнями Торопецкого уезда (1568,9 дес.) находилось в собственности А. С. Хмелева. В этой даче на пашню приходилось 852,4 дес., на лес — 645,9 дес., на сеной покос — 83,7 дес. и под поселением 15,5 дес.³⁴ В сельце Покровское с деревнями П. П. Караулова было 206,9 дес. пашни, 739,1 дес. леса, 9,3 дес. сеного покоса и 4,2 дес. под поселением. Всего во владении помещика располагалось 1214,1 дес. удобной и неудобной земли³⁵.

Более половины учтенных владений Новоржевского уезда записаны как деревни, четверть — пустоши и 0,1 — сельцо³⁶. В совместном владении было 0,25 дач³⁷. В деревне Никитина помещика К. Злобина по V ревизии числилось 6 крестьянских дворов с 36 крепостными. Из 188,1 десятин: 69,1 дес. составляла пашня, 111,9 дес. — лес, 2 дес. — сеной покос и 3 дес. под поселением и огородами³⁸. Таким образом, в этом владении на 1 д.м.п. приходилось 3,1 дес. пашни. Н. В. Пиотух отмечает, что в деревнях Новоржевского уезда пашенные и лесные угодья составляли примерно

²⁹ Там же. Д. 45. Л. 1–20.

³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 200, 207, 212, 212а, 213, 227, 230, 248, 252, 263–266, 268, 269, 279, 284, 286, 289, 296–298, 301, 312; Оп. 3. Д. 24, 26, 27, 33, 34, 36, 38–40; Оп. 4. Д. 17, 20, 22, 24.

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 284. Л. 1–46.

³² Там же. Оп. 3. Д. 59. Л. 1.

³³ Там же. Д. 58. Л. 1.

³⁴ Там же. Д. 54. Л. 1.

³⁵ Там же. Д. 57. Л. 1.

³⁶ Там же. Оп. 1. Д. 62, 76, 97–99, 105, 110, 117, 125, 130, 137, 139, 140, 144, 145, 146, 148, 149, 151; Оп. 2. Д. 1а, 7а; Оп. 3. Д. 3, 6, 7, 9, 10, 14, 15; Оп. 4. Д. 9.

³⁷ Там же. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–100.

³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–14.

одинаковую долю, а в сельцах имелось превышение пашенных угодий над лесными. В пустошах лес преобладал. Во всех типах поселений сенокосные угодья составляли небольшую долю. Сходство структуры землепользования в деревнях и пустошных дачах могло отражать специфику этих типов селений и угодий. Долевое соотношение пашни и леса в деревнях было примерно одинаковым — небольшое превышение пашни над лесом, что говорит об идентичности хозяйственного значения этого типа сельских поселений и этого типа угодий как основного крестьянского поселения для исторической части территории страны.

По итогам Генерального межевания на территории всей Псковской губернии во владении помещиков находилось 24 тыс. дес. усадебной земли, 1037 дес. пашни, 148 тыс. дес. сеного покоса и 1853 тыс. дес. леса. Из 3262 тыс. дес. земли неудобной было 200 тыс. дес. Распаханность губернии составляла 32 %, а более половины угодий (56 %) занимал лес. Ни в одном уезде пашня не охватывала половины территории. В Островском уезде ее доля составляла 45 %, в Новоржевском — 42 %, а в Холмском — только 18 %³⁹.

Таким образом, основную часть земли владений псковских помещиков в последней четверти XVIII в. занимали лес и пашня. Значительные лесные массивы составляли богатство помещичьих владений⁴⁰, а пустоши могли быть резервом земледельческих угодий. Дачи значительно отличались по размерам. Средний надел пахотной земли в разных владениях значительно разнился — от 0,5 до 7,6 дес. По данным Г. М. Дейча, в конце XVIII в. средний надел пахотной земли у барщинных крестьян в Псковской губернии составлял 3,5 и 4,8 дес. у оброчных⁴¹. По данным А. В. Борисовой, для Псковской и Смоленской губерний средняя обеспеченность крестьян землей могла колебаться от 1,25 до 7 дес. пашни на 1 д.м.п. При этом не все наделные пашни крестьяне могли включать в хозяйственный оборот. Так, в Смоленской губернии из наделных пашен в 5–7 дес. на 1 д.м.п. распахивалось в трех полях около 1,8 дес.⁴² Л. В. Милов отмечает, что фактический посев был намного ниже и вместе с паром составлял примерно половину, а остальная пашня просто не использовалась⁴³. Если сравнивать долю пашни и размер остальных угодий в поместье в XVII в., то, по данным Н. Н. Масленниковой, в 20-х гг. XVII в. пашня занимала всего 4,4 %⁴⁴.

³⁹ *Водарский Я. Е.* Дворянское землевладение в России в XVII — I пол. XIX. С. 132.

⁴⁰ *Индова Е. И.* Крепостное хозяйство в начале XIX в. По материалам вотчинного архива Воронцовых. М., 1955. С. 119.

⁴¹ *Дейч Г. М.* Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в. Псков, 1957. С. 51.

⁴² *Борисова А. В.* Крестьянство России в конце XVIII — первой половине XIX в. Ярославль, 2000. С. 20–24.

⁴³ *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 386.

⁴⁴ *Масленникова Н. Н.* Землепользование на Псковской земле // Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Л., 1989. С. 154–160.

Но 20-е гг. XVII в. — это годы кризиса. Ко второй половине XVIII в. доля пашни у псковских помещиков достигла почти половины всех угодий. То же наблюдается и в Тульской губернии, где посев составлял 46,7% от площади пахотных угодий⁴⁵. Это составляло минимальное соотношение лугов и пашни при трехполье⁴⁶.

References

- Borisova A. V.* Krestyanstvo Rossii v kontse XVIII — pervoy polovine XIX v. Yaroslavl', 2000.
Dejch G. M. Krest'yanstvo Pskovskoj gubernii v kontse XVIII — pervoy polovine XIX v. Pskov, 1957.
German I. E. Istoriya russkogo mejevaniya. M., 1907.
Golubinskiy A. A., Hitrov D. A., Chernenko D. A. Itogovyye materialy Generalnogo mejevaniya: o vozmozhnosti obobshcheniya i analiza // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8: Istoriya. 2011. № 3. S. 52–68.
Gorskiy A. A. Ekonomicheskie primechaniya k Generalnomu mejevaniyu kak istochnik po istorii selskogo hozyaystva Rossii vo vtoroy polovine XVIII veka (Opyit kolichestvennogo analiza) // Istoriya SSSR. 1984. № 6. S. 117–122.
Gudkov A. G. Defitsit prodovol'stvennogo byudzheta krest'yanskogo khozyaystva Russkogo Severa i istochniki ego kompensatsii v kontse XVIII — pervoy polovine XIX veka: Dis. ... kand. ist. nauk. M., 2006.
Indova E. I. Krepostnoe khozyaystvo v nachale XIX v. Po materialam votchinnogo arkhiva Vorontsovykh. M., 1955.
Kavelin S. P. Mejevanie i zemleustroystvo. Teoreticheskoe i prakticheskoe rukovodstvo. M., 1914.
Maslennikova N. N. Zemlepol'zovanie na Pskovskoj zemle // Agrarnaya istoriya Severo-Zapada Rossii XVII veka. L., 1989. S. 154–160.
Milov L. V. Issledovanie ob «Ekonomicheskikh primechaniyakh» k Generalnomu mejevaniyu. M., 1965.
Milov L. V. Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo protsesssa. M., 2001.
Piotuh N. V. Novorjevskiy (Pustorjevskiy) uезд v pervoy polovine XVII — vtoroy polovine XVIII v. Prostranstvenno-demograficheskie izmeneniya: Dis. ... kand. ist. nauk. M., 1999.
Rubinshteyn N. L. Selskoe hozyaystvo Rossii vo vtoroy polovine XVIII v. M., 1957.
Rudin S. D. Mejevoe zakonodatel'stvo i deyatelnost' mejevoy chasti za 150 let. Pg., 1915.
Semevskiy V. I. Krestyane v tsarstvovanie imperatritsyi Ekateriny II. T. 1–2. SPb., 1901–1903.
Vodarskiy Y. E. Dvoryanskoe zemlevladienie v Rossii v XVII — I pol. XIX. M., 1988.

Список литературы

- Борисова А. В.* Крестьянство России в конце XVIII — первой половине XIX в. Ярославль, 2000.
Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII — I пол. XIX. М., 1988.
Герман И. Е. История русского межевания. М., 1907.
Голубинский А. А., Хитров Д. А., Черненко Д. А. Итоговые материалы Генерального межевания: о возможности обобщения и анализа // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2011. № 3. С. 52–68.
Горский А. А. Экономические примечания к Генеральному межеванию как источник по истории сельского хозяйства России во второй половине XVIII века (Опыт количественного анализа) // История СССР. № 6. 1984. С. 117–122.
Гудков А. Г. Дефицит продовольственного бюджета крестьянского хозяйства Русского Севера и источники его компенсации в конце XVIII — первой половине XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в. Псков, 1957.
Индова Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX в. По материалам вотчинного архива Воронцовых. М., 1955.
Кавелин С. П. Межевание и землеустройство. Теоретическое и практическое руководство. М., 1914.
Масленикова Н. Н. Землепользование на Псковской земле // Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Л., 1989. С. 154–160.

⁴⁵ *Милов Л. В.* Великоорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 375–381.

⁴⁶ *Гудков А. Г.* Дефицит продовольственного бюджета крестьянского хозяйства Русского Севера и источники его компенсации в конце XVIII — первой половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 187–265.

- Милов Л. В.* Великоорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.
Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965.
Пюотух Н. В. Новоржевский (Пусторжевский) уезд в первой половине XVII — второй половине XVIII в. Пространственно-демографические изменения: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.
Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957.
Рудин С. Д. Межевое законодательство и деятельность межевой части за 150 лет. Пг., 1915.
Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1–2. СПб., 1901–1903.

С. Н. Рудник

Всесословная воинская повинность, русское общество и грамотность новобранцев в России

Во второй половине XIX в. вопросы народного образования в России вышли на первый план в ряду других жгучих проблем современности. Поражение в Крымской войне общество восприняло как расплату за культурную отсталость страны, имея в виду низкий уровень грамотности податного населения. Реформа образования была продиктована потребностью в модернизации России. Безграмотность населения препятствовала дальнейшему прогрессу страны. Промышленность, транспорт, сельское хозяйство, торговля нуждались в квалифицированных специалистах не меньше, чем государственный и административный аппарат. Между тем, говоря о причинах, побудивших общество и правительство обратить внимание на народное образование, исследователи редко отмечают еще один важный побудительный мотив — введение всеобщей воинской повинности.

Когда 4 ноября 1870 г. последовало Высочайшее повеление императора Александра II «о распространении прямого участия в военной повинности, при соблюдении некоторых особых условий, на все вообще сословия в государстве»¹, в русском обществе на страницах газет развернулась дискуссия, в которой вопросы образования затрагивались самым непосредственным образом. Одни издания, поддерживая в целом принцип равенства всех перед законом, выражали сомнение в необходимости привлекать образованных людей к военной службе.

Например, как только стало известно о первых очертаниях будущего устава, обозреватель «Недели» критически отозвался о нем, полагая, что «проект слишком мало имеет в виду интересы нашего образования и допускает в его пользу слишком мало исключений». По его мнению, «образованный класс» в России был «пока еще так малочислен, что сплошное привлечение образованных людей в ряды армии, нисколько не облегчая тягостей военной службы для массы населения, в то же время» не могло «способствовать и качественному улучшению нашей армии». Последнее же «с гораздо большим успехом» могло «быть достигнуто совсем иными средствами»².

Сторонники этой точки зрения полагали, что «привилегии в пользу образования» никак не повредят новым демократическим принципам комплектования армии. Неужели образованные молодые люди и те, кто стремится получить образование, «будут тоже оторваны от занятий?», — обращалось к читателям с вопросом другое издание. «Для чего же мы тратили время, деньги, здоровье, чтобы не докончить того, что было начали? Чтобы при первой войне быть жертвами свинца и пороха? Что же у нас на Руси останется, кто будет учить, и у кого будут учиться?»³

Другие представители печати успокаивали общество, объясняя, что едва ли есть основания думать, будто бы «введение общей военной повинности обратит государство в военный стан, водворит в нем гнет, убьет просвещение»⁴. Наоборот, полагали они, новый закон заставит многих сесть за парту. Например, «Санкт-Петербургские ведомости» не без сарказма писали о предсказуемой реакции купеческого сословия, которое обязательно «немножко всплакнет» по прошлым временам. Но, по мнению издания, в конечном итоге именно «для купечества военная повинность особенно необходима». И даже «не столько в видах защиты отечества от неприятелей, сколько в поднятии уровня образования в самом купечестве». По мнению издания, русское купечество, являясь самым отсталым «на всем земном шаре», об образовании имело «понятие самое высокомерное». Среди его представителей было «множество богачей», которые не пускали «своих сынков далее первых классов гимназии» и обычно всё их образование ограничивалось грамотой и «арифметикой». Обозреватель газеты не сомневался, что в России, «как и в Пруссии», срок службы в армии будет зависеть от образования. И поскольку срок этот, несомненно, будет сокращен для всех тех, кто окончил «курс в средних учебных заведениях», то «Всеобщая воинская повинность будет иметь для купечества значение “обязательного” обучения». Газета шутила, что какой-нибудь педагог «сделал бы хорошую аферу», открыв в настоящее время «гимназию для взрослых», так как в нее обязательно «набежало бы» много малообразованных «купеческих сынков»⁵.

² Неделя. 1871. 5 (17) января. № 1. С. 15.

³ Современные известия. 1870. 4 декабря. № 334.

⁴ Голос. 1870. 28 октября (9 ноября). № 298. С. 1.

⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1870. 8 (20) ноября. № 308. С. 1.

¹ Русский инвалид. 1870. 5 ноября. С. 1.

По мнению защитников реформы, в новых условиях, когда «сроки обязательной службы будут значительно сокращены, вследствие чего личный состав армии будет возобновляться гораздо чаще», гораздо «удобнее и выгоднее» было бы «вопрос о распространении грамотности в армии свести» к вопросу «о распространении грамотности в народе, т.е. поставить дело таким образом, чтобы в армию поступали уже грамотные и чтобы военное ведомство было избавлено от необходимости учить солдат чтению и письму»⁶.

Таким образом, журналистское сообщество разделилось на два лагеря: одна его часть высказывалась «безусловно в пользу проектируемого закона», а другая, «относясь с сочувствием к провозглашенному правительством принципу, тем не менее» выражала «сомнение в надлежащей организации военного дела» и связывала успех реформы с преобразованиями в других сферах общественной жизни⁷.

17 ноября 1870 г. были образованы две комиссии: одна — для разработки «Положения о воинской повинности», другая — для составления «Положения о запасных, местных и резервных войсках и государственном ополчении». Председателем обеих комиссий был назначен начальник Главного штаба генерал-адъютант Ф.Л. Гейден. Общее руководство их работой возглавил Д.А. Милютин. При этом Милютин полагал, что в интересах государства и общества следует «допустить многие и существенные льготы»⁸, имея в виду как льготы по образованию, так и по характеру государственной и общественной деятельности.

Интересно, что слухи о льготах по образованию начали циркулировать уже через несколько дней после образования комиссий. «Всезнающие люди» утверждали, что окончившие университет молодые люди должны будут служить то ли три, то ли шесть месяцев, а закончившие гимназию будут тянуть солдатскую лямку только год⁹.

В октябре 1871 г. комиссия для разработки положения на трех заседаниях (5, 8 и 12 октября) обсуждала вопросы «об изъятиях и льготах по отправлению военной повинности», в том числе льготы по образованию. На важность этих мер в журнале комиссии было указано особо: «Недостаток в образованных и даже только в грамотных людях чувствуется на всех поприщах общественной и частной деятельности. Поэтому желательно и необходимо, чтобы введение всеобщей военной повинности не только не препятствовало, но, напротив того, содействовало достижению вышеозначенной цели»¹⁰.

Вопрос о льготах для образованных призывников был подготовлен первым отделом комиссии под председательством тайного советника Н.А. Гернгросса.

⁶ Неделя. 1870. 16 (28) ноября. № 46. С. 1508.

⁷ Современные известия. 1870. 14 ноября. № 314.

⁸ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1275. Оп. 1. Д. 83. Л. 27.

⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1870. 21 ноября (3 декабря). № 321. С. 1.

¹⁰ РГИА. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 314 об.

Только один член этого отдела, статский советник Розинг предложил «не устанавливать льгот по образованию для лиц, поступающих на службу по жеребью», так как призывники с образованием могли поступить «вольнопределяющимися на сокращенные сроки службы». Большинство отдела (13 человек) полагало, «что все молодые люди, находящиеся в высших и средних учебных заведениях, по достижении ими призывного возраста, должны» были брать жребий вместе со своими сверстниками, но затем им следовало бы предоставлять «право оставаться в заведении до окончания курса», но «не долее» определенного возраста (22–28 лет), который зависел от типа учебного заведения. Семь членов отдела комиссии считали, что «воспитанникам высших и средних заведений должно быть предоставлено право» не являться к жеребьевке призывников «до окончания курса» и отсрочка для студентов должна продолжаться до достижения 27, а для гимназистов — «23 лет от роду». Дискуссия относительно срока действительной службы завершилась тем, что «отдел, за исключением двух лиц», высказался за сокращение его для лиц с высшим образованием до 6 месяцев. По их мнению, окончившие средние заведения должны были ходить в солдатских сапогах один год, воспитанники «низших заведений» — до трех лет и, наконец, лица, «прошедшие чрез народные школы, до 4 лет». Двое — генерал-майор Н.Н. Обручев и полковник Н.Ф. Шнитников — полагали, «что в видах поощрения образованных молодых людей к поступлению на службу вольнопределяющимися», для них следует установить «более продолжительные» сроки службы — от одного до трех лет. Наконец, большинство членов отдела признали «необходимым установить, чтобы воспитанники высших и средних заведений назначались исключительно на строевые должности»¹¹.

Комиссия по разработке нового Устава трудилась два года. С апреля по ноябрь 1873 г. проект «Устава о воинской повинности» обсуждался в созданном при Государственном Совете Особом присутствии о воинской повинности во главе с великим князем Константином Николаевичем — давним приверженцем реформы. Обсуждение проекта вызвало горячие споры по целому ряду вопросов, в том числе и о льготах по образованию. Некоторые высшие сановники поставили под сомнение целесообразность введения воинской повинности в ближайший период. Как отметил князь Д.А. Оболенский, «на душе каждого, видимо, лежало тяжелое сомнение относительно пользы новой реформы»¹². Решительным поборником сохранения в армии привилегий дворянства был министр просвещения граф Д.А. Толстой. В частности, он полагал, что новый закон приведет к тому, что господствующее положение дворян в офицерском корпусе могут занять лица мещанского или купеческого звания. Д.А. Толстой считал, что следует оставить лишь две льготы по образованию: сокращение действительной военной службы до 3–4-х лет для всех освоивших программу

¹¹ РГИА. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 313 об. — 314.

¹² Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 337.

начальной школы, и до 1-го года — для вольноопределяющихся, окончивших не менее 6 классов гимназии. Министр просвещения отрицал необходимость особых льгот для лиц, получивших высшее образование, возражал против сохранения отсрочек для студентов, полагая, что они могут легко и удобно сочетать свои занятия с отбыванием воинской повинности. Среди тех немногих, кто поддержал Д. А. Толстого, был и князь Д. А. Оболенский, полагавший, что при наличии значительных льгот по образованию для поступающих на военную службу по жребию «никто не пойдет в вольноопределяющиеся»¹³. Сложилась парадоксальная ситуация, о которой Д. А. Милютин записал 3 декабря 1873 г. в своем дневнике: «Многие из членов [Государственного Совета] громко подсмеивались над тем, что два министра обменялись ролями: министр народного просвещения как будто только и заботился о лучшем составе армии и в особенности корпуса офицеров, жертвуя с самоотвержением всеми выгодами просвещения и другими интересами государственными; военный же министр защищал народное просвещение и высшее образование»¹⁴. Подробности перипетий развернувшейся дискуссии между военным министром и министром просвещения описал в своей знаменитой монографии П. А. Зайончковский¹⁵.

При обсуждении проекта устава в Государственном Совете по всем спорным пунктам восторжествовала точка зрения военного министерства. Документ был принят в основном в том же виде, в каком он был составлен комиссией о воинской повинности. 1 января 1874 г. император Александр II подписал манифест и утвердил Устав о воинской повинности, первая статья которого гласила: «Защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население без различия состояний подлежит воинской повинности»¹⁶.

К ст. 53 устава прилагался список учебных заведений, разделенных на четыре разряда «по отношению к отбыванию воинской повинности». Например, к первому разряду были приписаны все духовные академии, университеты, ветеринарные институты в Казани, Харькове, Дерпте, Императорская академия художеств (для удостоенных звания классных художников 1-й и 2-й степени по всем отраслям искусства), Горный институт, Санкт-Петербургский практический технологический институт, Рижское политехническое училище, медико-хирургическая академия в Санкт-Петербурге и еще ряд заведений, принадлежавших разным министерствам и ведомствам¹⁷.

¹³ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. С. 340–341.

¹⁴ Милютин Д. А. Дневник. 1873–1875 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2008. С. 60.

¹⁵ Подробнее см.: Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870-х годов в России. М., 1952. С. 315–331.

¹⁶ Устав о воинской повинности Высочайше утвержденный 1 января 1874 года // Реформы Александра II. М., 1998. С. 338.

¹⁷ Сборник правительственных распоряжений по введению общей воинской повинности. Т. 1. СПб., 1874. С. 65–66.

Закон устанавливал для учащихся отсрочки от призыва для окончания образования, в зависимости от вида учебного заведения — от 22 до 28 лет. Например, воспитанникам Императорской академии художеств, Московского училища живописи, ваяния и зодчества, Петербургской и Московской консерваторий, учительских институтов, семинарий и школ предоставлялась отсрочка до достижения ими 22 лет. Но те же учащиеся Московского училища живописи, удостоенные «серебряной медали ранее достижения 22-летнего возраста» и продолжающие там свое образование, получали отсрочку до 25 лет.

Для образованной молодежи устанавливались сокращенные сроки действительной службы и увеличенные — в запасе. Они составляли соответственно: для окончивших университеты и другие учебные заведения первого разряда — полгода и 14 с половиной лет; курс шести классов гимназий и реальных училищ, духовных семинарий второго класса и других учебных заведений второго разряда — полтора года и 13 с половиной лет; учебные заведения третьего разряда — 3 года и 12 лет. Для выпускников начальных народных училищ и других учебных заведений четвертого разряда — 4 года и 11 лет, а в Туркестанском военном округе, Семипалатинской, Забайкальской, Якутской, Амурской, Приморской областях и во флоте — 6 лет на действительной службе и 4 года в запасе¹⁸.

Лица с высшим и средним образованием по желанию могли отбыть воинскую повинность в качестве вольноопределяющихся, обязанных прослужить в действующих войсках: выпускники учебных заведений первого разряда — 3 месяца, второго разряда — 6 месяцев, а выдержавшие испытание по особой программе, устанавливавшейся по соглашению министров военного и народного просвещения, — 2 года. Для них предусматривался ускоренный порядок производства в унтер-офицеры и офицеры при условии успешной сдачи соответствующих экзаменов.

Таким образом, реформа давала стимул к образованию. «Отечественные записки» отмечали, что в связи с введением всесловной воинской повинности «чуть ли не все земства и городские общества принялись жертвовать значительные суммы на открытие реальных и ремесленных школ»¹⁹. «Со всех концов России доносятся вести о проектах новых гимназий, реальных училищ и т.п. заведений, по преимуществу средних», — писали Санкт-Петербургские ведомости в марте 1874 г. Судя по сообщениям, большинство этих заведений предполагалось содержать за «счет местных земских сборов»²⁰. По случаю обнародования манифеста крестьянские общества в многочисленных адресах выражали свои верноподданнические чувства. В одном из таких адресов крестьяне Марковской волости Рыльского уезда Курской губернии сообщали о своем решении «собрать по 5 копеек с души» на обучение «детей их грамоте»²¹.

¹⁸ Устав о воинской повинности Высочайше утвержденный 1 января 1874 года. С. 346–348.

¹⁹ Наши общественные дела // Отечественные записки. 1874. № 2. С. 315.

²⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1874. 17 (29) марта. № 75. С. 1.

²¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 195. Л. 76 об.

Характерной приметой времени было письмо попечителя народного училища из г. Дубоссары в Петербургский комитет грамотности, в котором он отмечал, что за пять лет существования училища все его «старания убедить здешних мещан посылать своих детей в школу оставались безуспешны», в ней училось максимум 60 учеников, «и то половина из них были дети иногородних церковнослужителей и солдат». Не лучше обстояли дела «в соседних школах», расположенных «в селениях государственных крестьян: за всю зиму в каждую школу еле-еле собиралось человек 15». Всё изменилось после «обнародования нового закона о всеобщей воинской повинности». Попечитель с удовлетворением сообщал, что «в настоящее время в каждой из сельских школ учится по 70 и более детей, а в дубоссарском училище — 90 человек». Местные школы буквально «завалены сообщениями родителей» о том, что они в самое ближайшее время «пришлют своих детей учиться». По словам попечителя, «даже евреи» не остались в стороне от общего стремления учиться в русской школе и «обучать своих детей русской грамоте», чего раньше за ними замечено не было. Отмечая это «отрадное явление», автор письма не обошел стороной и «темную сторону дела» просвещения народа: острую нехватку учителей, «недостаток в удобных помещениях», дефицит книг, учебной литературы и пр. Попечитель дубоссарского народного училища беспокоился о недостатке средств, «земских и других ассигнований», отмечая, что тех «скудных крупниц», выделяемых «на дело народного образования», не хватает и сейчас, и будет явно недостаточно в будущем «для распространения грамотности в народе»²².

Корреспондент «Голоса» в Ревеле не сомневался в том, что в прибалтийских губерниях новый закон о воинской повинности произведет «самый решительный и благоприятный переворот». И все благодаря одной 57-й ст. нового Устава, которая гласила, что «От лиц нерусского происхождения, обучившихся в народных школах или таких учебных заведениях, в коих преподавание русского языка не обязательно, для предоставления им права на сокращенные сроки службы по образованию (ст. 56) требуется, кроме знания училищных курсов, умение бегло и со смыслом читать и четко писать по-русски»²³. Таким образом, только одна эта статья значительно стимулировала население прибалтийского края к изучению русского языка, сделала гораздо больше, чем «разного рода попытки к искусственному насаждению этого знания в здешнем крае». По сведениям корреспондента, еще раньше русский язык постепенно, «мало-помалу», начали вводить в местных школах, и к 1874 г. русский язык преподавался в 60 из 479 сельских народных школ Эстонской губернии. На первый взгляд немного, но, как отмечал репортер, надо было учесть, что еще «пять лет назад даже в самом Ревеле, не говоря об уездах, городах и селлах, положительно негде было учиться русскому языку»²⁴.

²² Санкт-Петербургские ведомости. 1874. 14 (26) марта. № 72. С. 1.

²³ Устав в воинской повинности Высочайше утвержденный 1 января 1874 года. С. 348.

²⁴ Голос. 1874. 26 января (7 февраля). № 26. С. 3.

Следует также отметить, что, несмотря на обнародование устава о воинской повинности и широкое обсуждение его в печати и обществе, в сельской местности знание многих положений нового закона было поверхностным. Многие крестьяне узнавали о предоставляемых «грамотеям» льготах уже на самих призывных участках осенью 1874 г., когда начался первый призыв на военную службу по новому закону. Любопытный факт в этом отношении передают «Екатеринославские губернские ведомости». В посаде Азове, перед самой жеребьевкой призывников «уездный училищный совет» подверг «испытанию молодых людей, желавших получить свидетельства в знании курса начальных народных училищ». Четыре человека из шести «выдержали экзамен и получили свидетельства». По итогам жеребьевки двое из них подлежали призыву на действительную службу. Когда председатель уездного по воинской повинности присутствия объявил им, что они, согласно уставу, имеют право на «льготу по образованию» и будут служить не 6 лет, как все неграмотные новобранцы, а только 4 года, «то это объявление произвело такое впечатление на азовское мещанское общество, что оно» в тот же миг постановило «открыть с 1 января 1875 г. в посаде» начальное народное училище «с ассигнованием на содержание его из общественных сумм по 1500 руб. ежегодно»²⁵.

Росло не только количество учащихся, школ, но появлялись и новые предметы в программе обучения. Газета «Голос» осенью 1874 г. информировала читателей: «Новая воинская повинность не только вызывает увеличение числа учебных заведений, но преобразует и существующие. Нам передавали, что, с началом учебного года, в частном пансионе, если не ошибаемся, г. Васильева, кроме гимнастических упражнений, вошедших уже в программу преподавания, введено теперь фехтование на эспадронах и штыках. Это первый пример частного почина в распространении искусства, на которое у нас вообще мало обращено внимание, хотя фехтование, как гимнастика, является самым действительным средством для физического развития, пренебрегать которым нельзя безнаказанно»²⁶.

Многие крестьяне обучались в начальных общеобразовательных заведениях. К начальным народным училищам министерства народного просвещения относились: 1) приходские училища в городах, посадах и селлах, которые должны были содержаться за счет казны и частных пожертвований; 2) народные училища, созданные и содержащиеся частными лицами. Право открывать свои сельские школы имели также министерства государственных имуществ, внутренних дел, удельное и горное; содержание этих школ поручалось местным обществам. Духовное ведомство открывало и содержало свои церковно-приходские училища. Воскресные школы могли учреждаться как правительством, так и городскими и сельскими обществами, а также частными лицами для обучения ремесленников и рабочих. Огромная роль в устройстве и содержании начальных школ

²⁵ Неделя. 1874. № 47. Ст. 1704–1705.

²⁶ Голос. 1874. 26 октября (7 ноября). № 296.

отводилась земским учреждениям. Согласно авторитетным исследованиям Б. Б. Веселовского, «заботы о начальном народном образовании с самого начала были отнесены к предметам ведомства уездных земств, губернские земства отвели себе по преимуществу область среднего образования и подготовки учительского персонала»²⁷. Он пришел к общему выводу, что земская школа своим возникновением всецело обязана сельским обществам.

Кроме того, как отмечал русский историк и публицист-этнограф А. С. Пругавин, народ создавал «свои собственные доморощенные школы», отыскивал «учителей для этих школ из своей же среды — из числа отставных солдат, черничек [сельские женщины, не вступившие в брак по обету родителей или своему собственному], разных захожих людей», учился «у местных крестьян-грамотеев» и наконец «просто друг от друга». В своем исследовании А. С. Пругавин привел ряд фактов, доказывающих, что «во многих местах благодаря исключительно влиянию вольных доморощенных учителей народ обучился грамоте»²⁸.

Таким образом, в крестьянской среде постепенно приходило понимание преимуществ образования, в том числе и для военной службы. Собирая данные о развитии народного образования в Воронежской губернии в пореформенный период, чиновники местного статистического отделения сделали массу «отметок и записей, касающихся отношения крестьян к грамоте». Например, на хуторе Барсуков Твердохлебовской волости они услышали от крестьян: «Грамотному и на базаре сподручней, и на военной службе легче»²⁹. Отрицая пользу учения для женщины (это «не бабье дело, ее дело — хозяйство»), крестьяне обыкновенно говорили: «Вот обучить мальчонку — это иная статья: ему и в солдатах легче будет, да и по мужичеству ныне без грамоты плохо: нужда бывает в город по делам, или на заработки, а то еще выберут в податные и старосты, — мужику приходится всякие обороты давать, а баба сидит дома»³⁰. «Мальчику нужна грамота потому, что он впоследствии должен отбывать воинскую повинность, нести общественные должности, работать на отхожих промыслах», — так рассуждали крестьяне Оларевской волости Вологодской губернии³¹. Земский статистик В. В. Петров, изучая вопросы развития народного образования в Московской губернии, отмечал, что народ к необходимости «распространения грамотности» подходил «почти исключительно со стороны его практического

²⁷ Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. Т. I. СПб., 1909. С. 588.

²⁸ Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. М., 1890. С. 35.

²⁹ Воронов И. К. Материалы по народному образованию в Воронежской губернии. Воронеж, 1899. С. 17.

³⁰ Пругавин А. С. Указ. соч. С. 41.

³¹ Вороникова Н. С. Система начального образования в северной деревне во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Вологодской губернии) // Государство и развитие образования в России XVIII—XX вв.: политика, институты личности: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, РУДН, 14–15 мая 2009 г. М.: РУДН, 2009. С. 38.

применения», в том числе ввиду понимания «тех неудобств, которыми грозит безграмотному солдатчина». От крестьян приходилось слышать: «Нынче неграмотного и в ученье не берут, и в солдатах неграмотный — пропащий человек»; «солдату <...> надо быть грамотным непременно, неграмотному солдату служить труднее». Учителя церковно-приходских школ той же губернии также сообщали, что стремление к грамотности у крестьян было вызвано желанием «воспользоваться льготой по воинской повинности и получить хорошее место» или «что мальчишки, успешно кончившие курс в школе, пользуются льготой по воинской повинности»³².

Результаты усилий социума, крестьянских обществ и частных лиц в деле повышения грамотности среди новобранцев видны из следующей таблицы³³.

Год	Всего принято	Всех грамотных (%)	Со свидетельствами учебных заведений		
			1-го и 2-го разрядов	3-го разряда	4 разряда
1874	148 909	31 789 (21,34 %)	150	867	628
1875	179 002	38 004 (21,24 %)	233	1157	732
1876	192 541	40 334 (20,95 %)	341	1200	918
1877	212 469	44 651 (21,01 %)	348	1408	945
1878	214 322	44 285 (20,67 %)	458	1364	1175
1879	215 181	45 413 (21,12 %)	600	1457	1528
1880	231 681	51 161 (22,09 %)	638	1465	1897
1881	209 965	48 416 (23,06 %)	706	1384	2375
1882	208 969	49 168 (23,53 %)	716	1382	3086
1883	215 624	52 846 (24,51 %)	735	1330	4215
1884	221 562	56 442 (25,47 %)	787	1572	5655
1885	227 906	60 582 (26,58 %)	758	1761	7400
1886	234 087	65 092 (27,80 %)	783	1914	8744
1887	236 436	69 192 (29,26 %)	944	2302	9451
1888	251 366	75 538 (30,05 %)	1135	4307	8763
1889	255 868	78 533 (30,69 %)	1229	5647	9964
1890	261 596	82 286 (31,45 %)	2124	13 670	IV разряд ликвидирован
1891	261 122	84 522 (32,36 %)	2116	14 548	—
1892	262 682	91 478 (34,82 %)	2502	16 475	—
1893	259 988	92 356 (35,52 %)	2464	16 518	—
1894	270 767	101 946 (37,65 %)	2310	19 675	—

³² Петров В. В. Вопросы народного образования в Московской губернии. Вып. III. М., 1900. С. 5, 8.

³³ Таблица составлена на основании данных, опубликованных в следующих изданиях: Статистический временник Российской империи. Сер. III. Вып. 12: Всеобщая воинская повинность в империи за первое десятилетие 1874–1883 гг. СПб., 1886. С. 38, 77; Статистика Российской империи. XL. Сборник сведений по России, 1896. СПб., 1897. С. 130–131.

Таким образом, почти каждый год (исключение составили 1878, 1881 и 1882 гг.) в армию призывалось всё больше грамотных новобранцев, и через 20 лет они составляли уже более трети всех молодых солдат. По сравнению с 1874 г. их было уже на 16% больше. В процентном отношении особенно устойчивый рост отмечается с 1880 г. Многие авторы, изучавшие состояние народного образования в губерниях и уездах Российской империи в пореформенный период, отмечали эту устойчивую положительную динамику. Так, в Псковской губернии в 1881 г. «грамотеев» среди новобранцев было 17%, в 1885 г. этот процент вырос до 23,3, а в 1887 г. их уже насчитывалось 29,9%³⁴. В Смоленской губернии в 1880 г. из 3647 новобранцев, поступивших на службу, грамотных было только 726 (20,3%), из них только 63 человека (1,7%) имели право на сокращенные сроки службы по образованию. В 1898 г. статистическая картина была иной: из 4065 парней, принятых на службу, грамоте было обучено уже 1694 человек (41,5%), из них 565 (13,9%) имели право на сокращенные сроки службы³⁵.

В последующие годы в устав о воинской повинности вносились разные дополнения в виде различных инструкций, циркуляров МВД, «мнений» Государственного Совета. Например, список учебных заведений всех четырех разрядов неизменно пополнялся и уточнялся. В 1890 г. четвертый разряд был аннулирован. К Уставу о воинской повинности издания 1897 г. прилагался список учебных заведений только двух разрядов. В первый входили высшие и средние учебные заведения, во второй — низшие. Высочайше утвержденным 10 февраля 1886 г. мнением Государственного Совета сроки действительной службы для лиц, получивших высшее и среднее образование, были увеличены до двух лет на действительной службе и шестнадцати лет в запасе³⁶. Идя на такой шаг, правительство стремилось «заставить образованных молодых людей в большем числе отбывать воинскую повинность вольноопределяющимися и тем самым увеличить число прапорщиков запаса». По данным Главного штаба, к концу XIX в. около 85% молодых людей с высшим и средним образованием служили в войсках вольноопределяющимися (из них только 40% выдерживали экзамен на чин прапорщика запаса), и лишь около 15% поступало на военную службу по жребию³⁷.

Таким образом, всеобщая воинская повинность в немалой степени способствовала распространению в России грамотности. Реформа 1874 г. выполнила одну из главных своих задач, о которой писал военный министр

³⁴ Пругавин А. С. Указ. соч. С. 25.

³⁵ Шперк Ф. Ф. Краткий исторический очерк народного образования в Смоленской губернии. Смоленск, 1899. С. 108.

³⁶ Устав о воинской повинности (изд. 1897 г.) с приложением правил об учете и призыве нижних чинов запаса и о военно-конской повинности / Сост. А. Анисимов. СПб., 1899. С. 31.

³⁷ РГИА. Ф. 1292. Оп. 5. Д. 155. Л. 6 об. — 7.

Д. А. Милютин: подняла «общий уровень образования не только в войсках, но и в народе»³⁸. Льготы, данные по новому закону образованным призывникам, во многом просветлили прежде всего «темное царство» крестьянской неграмотности.

References

- Miljutin D. A. Vospominaniya. 1868–1873 / Pod red. L. G. Zaharovoj. M., 2006.
 Miljutin D. A. Dnevnik. 1873–1875 / Pod red. L. G. Zaharovoj. M., 2008.
 Nashi obshhestvennye dela // Otechestvennye zapiski. 1874. № 2. S. 292–319.
 Petrov V. V. Voprosy narodnogo obrazovanija v Moskovskoj gubernii. Vyp. III. M., 1900.
 Prugavin A. S. Zaprosy naroda i objazannosti intelligencii v oblasti umstvennogo razvitiya i prosveshhenija. M., 1890.
 Shperk F. F. Kratkij istoricheskij ocherk narodnogo obrazovanija v Smolenskoj gubernii. Smolensk, 1899.
 Veselovskij B. B. Istorija zemstva za sorok let. T. I. SPb., 1909.
 Voronov I. K. Materialy po narodnomu obrazovaniju v Voronezhskoj gubernii. Voronezh, 1899.
 Vorotnikova N. S. Sistema nachal'nogo obrazovanija v severnoj derevne vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. (po materialam Vologodskoj gubernii) // Gosudarstvo i razvitie obrazovanija v Rossii XVIII–XX vv.: politika, instituty lichnosti: Materialy XIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii. Moskva, RUDN, 14–15 maja 2009 g. M.: RUDN, 2009.
 Zajonchkovskij P. A. Voennye reformy 1860–1870-h godov v Rossii. M., 1952.
 Zapiski knjazja Dmitrija Aleksandrovicha Obolenskogo. SPb., 2005.

Список литературы

- Вeselovskij Б. Б. История земства за сорок лет. Т. I. СПб., 1909.
 Воронов И. К. Материалы по народному образованию в Воронежской губернии. Воронеж, 1899.
 Воротникова Н. С. Система начального образования в северной деревне во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Вологодской губернии) // Государство и развитие образования в России XVIII–XX вв.: политика, институты личности: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, РУДН, 14–15 мая 2009 г. М.: РУДН, 2009.
 Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870-х годов в России. М., 1952.
 Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005.
 Милютин Д. А. Воспоминания. 1868–1873 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2006.
 Милютин Д. А. Дневник. 1873–1875 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2008.
 Наши общественные дела // Отечественные записки. 1874. № 2. С. 292–319.
 Петров В. В. Вопросы народного образования в Московской губернии. Вып. III. М., 1900.
 Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. М., 1890.
 Шперк Ф. Ф. Краткий исторический очерк народного образования в Смоленской губернии. Смоленск, 1899.

³⁸ Милютин Д. А. Воспоминания. 1868–1873 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2006. С. 317.

А. В. Евдокимов

К вопросу о криминальной составляющей доходов В. А. Сухомлинова

В данной статье будет проанализирован один из важнейших аспектов «дела Сухомлинова» — вопрос о взяточничестве генерала. По официальной версии, он был изменником Родины и брал взятки за военные заказы, данные частным предприятиям, в том числе иностранным. Данная проблема получила освещение в историографии, однако до сих пор остается недостаточно изученной.

В советской историографии данная проблема была рассмотрена в двух работах — В. А. Апушкина «Генерал от поражений В. А. Сухомлинов» и книге Д. Сейдаметова и Н. Шляпникова «Германо-австрийская разведка в царской России». Авторы обоих исследований отрицательно оценивали как самого Сухомлинова, так и его деятельность. В. А. Апушкин, однако, по интересующему нас вопросу отмечал, что «обвинения в лихоимстве следствием не подтвердились и на суде Сухомлинову не предъявлялись»¹.

Д. Сейдаметов и Н. Шляпников уже без каких-либо сомнений считали Сухомлинова и его окружение шпионами и изменниками: «Полковник Иванов, сам Сухомлинов и инженер Кошкевич кормились не только от щедрот германской разведки, но и из кассы военного министерства. Эти и подобные им люди облепили прогнившее тело военного министерства и всей царской России. Подкупы, взятки тесно переплетались со шпионажем»².

¹ Апушкин В. А. Генерал от поражений В. А. Сухомлинов. Л.: Былое, 1925. С. 122.

² Сейдаметов Д., Шляпников Н. Германо-австрийская разведка в царской России [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/h/seydametov_shlupnikov/07.html (дата обращения: 15.05.15).

Среди историков-эмигрантов вопрос о доходах Сухомлинова затронул А. Гарсаидзе. Он сделал предположение о том, что Сухомлинов играл на бирже, однако далее отмечал, что «обвинять Сухомлинова в игре на бирже, неэтичном по существу поступке, но и не преступном, пока Советы не раскроют архивы, нет возможности»³.

В зарубежной историографии данный вопрос затронул американский историк Уильям Фуллер. Он в целом придерживался версии о невинности Сухомлинова, однако возможность взяточничества Сухомлинова не отрицал⁴.

В постсоветской историографии вопрос о взяточничестве Сухомлинова рассмотрел В. В. Поликарпов. Он усомнился в правдоподобии взяток Сухомлинову и ряду других министров: «Но даже принимая за достоверный факт подкуп в самой грубой форме, как прямое подношение даже не андрониковских 50 тыс., а 700 тыс. Лукомского, пришлось бы оценивать его с другим, и притом вполне реальным фактом: несмотря на все усилия сановника, царского любимца, ему не удалось повернуть дела в пользу РАОАЗ с ружейными и пушечными заказами. Государственный аппарат не воспринял этот импульс... Деньги же, потраченные монополистами на предполагаемую взятку, пропали в таком случае зря...»⁵

Для того чтобы выяснить, был ли Сухомлинов взяточником и на чем основаны подобные обвинения, необходимо обратиться к источникам. На основании чего бывший военный министр обвинялся во взяточничестве? В. В. Поликарпов в связи с этим заметил, что «ссылки на подкуп, как правило, не опираются на поддающиеся проверке источники»⁶. Мы склонны с ним согласиться. Основой для обвинения Сухомлинова в многочисленных взятках являлись анонимные доносы.

Один из них был составлен, по нашему мнению, около 18 августа 1915 г., и автором его являлся известный в столичных кругах князь М. М. Андроников. Вот как автор характеризовал атмосферу вокруг Сухомлинова: «Дом Сухомлинова в буквальном смысле слова сделался лавочкой бога Меркурия, где продавалось всё — вплоть до хозяйки дома, и где торговали всем: подрядами, заказами, честью, совестью и кровью наших героев офицеров и солдат. Заказы он давал только тем заводам, которые предлагали большие взятки или в которых он состоял пайщиком, как, например, Максим Виккерс; взятки передавал инженер Балинский, дальше Русско-Балтийский завод и завод Промета»⁷.

³ Гарсаидзе А. Четыре мифа о Первой мировой: Дело о мобилизации 1914 г.; Дело Мясоедова; Дело Сухомлинова; Дело Протопопова («Стокгольмская история»). М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007. С. 361–362.

⁴ Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 127–128.

⁵ Поликарпов В. В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М.: Индрик, 2008. С. 367.

⁶ Поликарпов В. В. Указ. соч. С. 368.

⁷ Евдокимов А. В., Селезнев Ф. А. «Попав под влияние распутной и циничной женщины, он исключительно жил для нее»: Донос на бывшего военного министра В. А. Сухомлинова. 1915 г. // Исторический архив. 2014. № 6. С. 176.

Интересно, что данные из этого доноса (про взятку от Веккера в 50 тыс. руб., инженера Балинского, мебельщика Свирского, Метальникова, общество «Промет», банкирский дом «Маврикий Нелькен» и др.) легли в основу Всеподданнейшего донесения Верховной комиссии, утвержденной Николаем II для расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии⁸. А Уильям Фуллер прямо ссылается в своей работе на донесение Верховной комиссии и цитирует фрагмент текста о взятке от Веккера в 50 тыс. руб.⁹

В. В. Поликарпов в этой связи отметил, что «использование Фуллером и некоторыми другими историками “фактов” подобного сорта лишь отражает продолжающую действовать тенденцию следствия, тогда как само оно не сочло возможным удовлетвориться такого рода данными и не решилось предъявить на их основании обвинение»¹⁰.

Существуют и другие доносы, по своему содержанию схожие с вышеназванным, а в некоторых своих деталях и перекликающиеся с ним. Вот какие «грехи» Сухомлинова упоминает автор другого доноса: «...50 тысяч за автомобили, заказанные теперь в Англии. 50 тысяч за аэропланы Морана. 200 тысяч франков за Депердюсена. 150 тысяч руб. за прожектора для армии с завода Промет. Директор Метельников. Прежние грехи: Максим Веккерс. Русско-Балтийский Завод — директора Сыромятников и Чоголоков. Суммы в точности неизвестны. Дружба с Альтшиллером. Биржа. Гонение достойнейших генералов. Оказывание протекций всяким подозрительным, но богатым немцам вроде Рауперга — директора Азовского банка и Шифлера — представителя фирмы Крупа. Все взятки через Свирского...»¹¹

Автором этого доноса тоже являлся М. М. Андроников. Но здесь интересно другое — откуда он взял все эти данные, при этом упомянув выше, что «суммы в точности неизвестны»? Ответ на этот вопрос дают материалы суда над Сухомлиновым в августе–сентябре 1917 г. На вопрос защиты об источниках информации о «разгульной» жизни Екатерины Викторовны Сухомлиновой или о влиянии генерала Сухомлинова на назначение ряда офицеров, Андроников ответил, что информация (а точнее, слухи) исходила от Натальи Илларионовны Червинской, двоюродной сестры В. Н. Бутовича, первого мужа Сухомлиновой¹².

⁸ Всеподданнейшее донесение Верховной комиссии, высочайше учрежденной для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии // Генерал В. А. Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы: сборник документов / Отв. ред. Е. Г. Мачикин. М.: Научно-политическая книга; Политическая энциклопедия, 2014. С. 334–339.

⁹ Фуллер У. Указ. соч. С. 127–128.

¹⁰ Поликарпов В. В. Указ. соч. С. 364.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 1467. Оп. 1. Д. 736. Л. 24. Автором документа является М. М. Андроников, он составлен около 18 августа 1915 г.

¹² Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 962. Оп. 2. Д. 145. Л. 130.

Причем когда Андроникова спросили, почему он не проверял сведения, поступившие от Червинской, он ответил, что «сообщал то, что слышал», и надеялся, «что сведения эти будут проверены»¹³. Также князь отметил, что «никаких других источников не имел»¹⁴. Таким образом, мы можем наглядно убедиться, что все сведения о взятках Сухомлинова, о которых рассказывал в своих доносах Андроников, не имели под собой веских оснований.

Однако сторона обвинения на суде выражала большой интерес к этому вопросу и использовала его в части обвинения в шпионаже, хотя прямого обвинения в лихоимстве Сухомлинову не предъявлялось. На это обратила внимание сторона защиты.

Когда прокурор сказал, что обвинений в лихоимстве Сухомлинову не предъявлялось, присяжный поверенный Захарьин заметил: «Обвинение не предъявляется, но подсчет денег Сухомлинова производился. Но раз такого обвинения не предъявлялось, то я дальше на этом останавливаться не буду. Раз не было взятки, то ген[ерал] С[ухомлинов] отличался какой-то необыкновенной способностью к дружбе, к личным сердечным привязанностям. Его друзья до такой степени были ему дороги, что он совершенно бескорыстно только при одном появлении, как напр[имер] Свир[ский] готов был предлагать совершенно негодные вещи для воен[ного] м[инистерст]ва — это явлен[ие] еще более загадочное...»¹⁵

Важным также является вопрос — играл ли Сухомлинов на бирже? Ответ на него дают опять же стенограммы суда над Сухомлиновым. Из них мы точно можем установить, что сам генерал на бирже не играл, но по его поручению это делали два человека.

Первым был инженер и биржевой игрок Иван Николаевич Урбанский. Он познакомился сначала с Екатериной Викторовной, когда она была за границей, а затем в Петербурге уже с военным министром. Урбанский предложил вести дела на бирже от имени Сухомлинова по доверенности и на безвозмездной основе, и в итоге эту доверенность от Сухомлиновых он получил¹⁶.

Урбанский, говоря о ценных бумагах, которые Сухомлинов ему давал, отмечал: «...я продавал его бумаги, его операции шли удачно»¹⁷. При этом он отмечал: «...когда ген[ерал] Сух[омлинов] оставался один, то жил скромно, даже больше, чем скромно. Когда бывала дома г-жа Сухомлинов[ова], то бывали близкие люди, соответственно этому увеличивались и траты в доме, как и в каждом семейном доме»¹⁸.

¹³ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 145. Л. 131.

¹⁴ Там же. Л. 132.

¹⁵ Там же. Д. 150. Л. 61.

¹⁶ Там же. Д. 147. Л. 19.

¹⁷ Там же. Л. 23.

¹⁸ Там же. Л. 22 об.

Инженер Урбанский прекратил общение с Сухомлиновыми по двум причинам. Первая, по его словам, состояла в том, что «когда началась нынешняя война, я считал, что бывать у военного министра неудобно потому, что там происходят, может быть, секретные дела и могли бы что-нибудь сказать, предосудительное»¹⁹.

Вторая причина представляется нам интереснее: «...я прекратил посещения по причине, которую уже доложил, а во-вторых, мадам Червинская сказала, что некоторых лиц, в том числе и меня, “там” не желают»²⁰. Когда адвокат Казаринов спросил инженера, были ли у него данные о том, что его действительно не желают у Сухомлиновых, Урбанский ответил: «Нет, не было»²¹.

Вторым человеком, игравшим по поручению Сухомлинова на бирже, была Мария Францевна Кюнье, которая заведовала хозяйством в доме Сухомлиновых. Из ее показаний на суде выясняется много подробностей финансовой жизни Сухомлиновых. Например, что стоимость бумаг Сухомлинова возросла «на тысяч 60–63»²². Или что в год Сухомлиновы проживали «приблизительно 40–38 тысяч»²³.

Интересно, что М. Ф. Кюнье знала о том, сколько выиграл Урбанский, по ее словам это была сумма в «50 или 55 тысяч»²⁴. Когда председатель отметил, что она играла удачнее Урбанского, Кюнье ответила: «У него была меньше сумма»²⁵. Также она отметила, что последний раз продавала бумаги еще в 1914 г.²⁶

Кроме того, из показаний М. Ф. Кюнье мы узнаем о том, что еще до войны Сухомлинов одолжил генералу Е. В. Богдановичу 55 тыс. руб., но в 1914 г. тот умер и его вдова вернула Екатерине Викторовне 165 тыс. процентными бумагами и 12 500 руб. наличными, а затем Сухомлинова передала эти деньги мужу²⁷.

Е. В. Сухомлинова также обвинялась в чрезмерных расходах. Так ли это было или кто-то из ее окружения просто посредством доносов Андроникова мстил супруге бывшего военного министра?

Князь Андроников в своем доносе писал: «Траты г-жи Сухомлиновой в этом году доходили до безумия». И далее описываются траты на собольи шкурки, головокругительные наряды и т.д.²⁸ В другом доносе, автором которого, по всей видимости, тоже был Андроников, также есть фраза, намекающая на роскошь

¹⁹ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 147. Л. 20.

²⁰ Там же. Л. 21.

²¹ Там же. Л. 22 об.

²² Там же. Л. 24.

²³ Там же. Л. 24.

²⁴ Там же. Л. 26 об.

²⁵ Там же. Л. 27.

²⁶ Там же. Л. 24.

²⁷ Там же. Л. 26 об., Л. 33 — 33 об.

²⁸ Евдокимов А. В., Селезнев Ф. А. Указ. соч. С. 177.

и расточительный образ жизни супруги генерала Сухомлинова: «На имя Военного Министра и его жены поступают огромные суммы денег. Главный жертвователь — богач Манташев, который дал уже непосредственно в руки г-же Сухомлиновой около трехсот тысяч рублей и из них двести тысяч рублей на устройство госпиталя»²⁹.

Материалы суда над Сухомлиновым позволяют нам разобраться и в этом вопросе. Интересно, что часть фактов в вышеприведенных доносах действительно имела место быть. Например, что Леон Манташев жертвовал некоторые суммы для организации санитарных поездов или лазаретов. Или что Сухомлинов играл на бирже.

Однако интерпретировались эти факты уже в рамках заданной противниками Сухомлинова идеи о взяточнике и рабе своей ненасытной в материальном плане супруги. Для придания убедительности всему этому уже искусственно добавлялись «факты» преступной деятельности Сухомлинова и окружавших его «подозрительных» лиц, которые не имели под собой каких-либо убедительных и доказанных данных.

Показания М. Ф. Кюнье позволяют прояснить реальные траты Е. В. Сухомлиновой. Например, хан Хивинский подарил Сухомлиновой бриллиантовые серьги. По словам Кюнье, она продала серьги и вырученную сумму положила в банк. Это было 7 тыс. руб. Счетом этим заведовал адъютант военного министра полковник Лев Булацель. Кюнье также добавила, что в итоге Сухомлиновой пришлось доплатить, а других счетов в банках у нее не было³⁰.

Не менее интересно то, что супругам Сухомлиновым иногда везло в различных азартных играх во время пребывания на отдыхе. Несколько примеров привела М. Ф. Кюнье. Когда Е. В. Сухомлинова была в Крыму, она выиграла в карты у Манташева 13 тысяч. А Сухомлинов однажды в Монте-Карло выиграл 20 тысяч³¹.

Кюнье также отметила, что Сухомлинова заказывала 4–5 платьев, причем не роскошных, а обыкновенных и одно бальное, которое она надевала несколько раз³². Стоимость одного обычного платья была от 100 до 350 франков, а бального — 800 франков. Кроме того, шляпы Сухомлинова не покупала, а заказывала из своего материала, включая свои кружева, перья и ленты³³. Если посмотреть обменный курс валют разных стран (в том числе франка) по отношению к рублю на 1913 г., то вышеприведенные суммы никак нельзя назвать огромными, что ставит под сомнение тот образ роскошной жизни, который был представлен в анонимных доносах и умело растиражирован в газетах.

²⁹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 736. Л. 23.

³⁰ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 147. Л. 29.

³¹ Там же. Л. 31 об.

³² Там же. Л. 31 об., 35.

³³ Там же. Л. 38.

Тезис о том, что Сухомлинова присваивала себе деньги, которые Манташев жертвовал на организацию поездов и лазаретов, также не соответствовал действительности. На суде свидетель С. Ю. (к сожалению, его имя и фамилия неизвестны), который был связан с организованным на пожертвования лазаретом, утверждал, что «деньги не находились в руках Сух[омлиновой], а там был особый казначей и пом[ощник] его и еще целая организация, которая ведала выдачей и получением денег. Она была совершенно обособлена. Самовольно никто не мог получать деньги, и траты не могли производиться без казначея. Отчетность была самая строгая»³⁴.

Показания самой Сухомлиновой позволяют предположить, кто мог быть автором версии о разгульной и роскошной жизни супруги военного министра, в том числе и на зарубежных курортах: «...я ездила за границу совершенно больной. За границей я делала две операции. Мне вынимали камни из почек и затем удаляли почку. Я всё время болела... Было не до развлечений... Была на курортах в Висбадене, Виши, Карлсбаде. Все — курорты, где лечат почки и исключительно вела санаторский образ жизни... Со мной была моя прислуга и иногда знакомые. Напр[имер], была семья Булацель, кот[орая] приезжала отдохнуть, но совершенно не для того, чтобы развлекаться. Просто жить на солнце, отдыхать и лечиться... в Кавдае я жила в 10, 11, 12, 13 и 14 г[одах]. Жизнь настолько там уединенна и тиха, что Червинская, кот[орая] любила жить за границей и относилась ко мне очень хорошо, не хотела жить там со мной потому, что умирала от тоски от этой жизни...»³⁵

Рассмотрим теперь общую сумму доходов и расходов Сухомлинова с 1908 по начало сентября 1915 г. Такой временной отрезок выбран, во-первых, потому что обвинения во взятках относятся именно к этому периоду, а во-вторых, потому что именно по этому периоду вел подсчеты специальный эксперт, выступивший на суде. Он, в частности, указал, что Сухомлинов «внес наличными деньгами, за это время, не считая биржевых операций, более 700 000 р[ублей], а 3 сентября 15 года, это было то число под которое я подводил все подсчеты, потому что нужно было какое-ниб[удь] одно число, у него осталось 420 000, считая, конечно, и деньги и процентные бумаги, считая процентные бумаги по официальному курсу 3 сентября»³⁶.

Показания Сухомлинова на суде проясняют для нас общую картину доходов и расходов. По его словам, после приезда в Петербург в 1908 г. у него было с собой около 180 тыс. руб. Генерал разделил их на три части. Первую (около 75 тыс.) он положил в Учетно-Ссудный банк и поручил эти средства для игры на бирже инженеру Урбанскому. Вторую часть (53 тыс.) Сухомлинов отдал Е. В. Богдановичу. А третья (70 тыс.), по словам бывшего военного министра, была страховкой его состояния³⁷.

³⁴ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 148. Л. 2.

³⁵ Там же. Л. 15 об.

³⁶ Там же. Л. 26.

³⁷ Там же. Л. 30–31.

Также Сухомлинов приводил свои доходы по должности военного министра: жалованье — 18 тыс. в год, за шесть с половиной лет около 143 тыс.; 60 тыс. добавочного гонорара в год, а за пять с половиной лет — около 300 тыс.; 10 тыс. фуражных денег; 62 тыс. прогонных денег за шесть с половиной лет; суточные во время войны как военному министру 20 руб. в сутки, всего 7 тыс.; 510 руб. ежегодной пенсии и 150 руб. ежегодно за георгиевский крест, всего около 3 тыс. руб.; попавшие в приход 20 тыс. — подарок жене от хана Хивинского; пособие на лечение жены — 5 тыс.; романовские 20 тыс.; дивиденд в Гвардейском Экономическом Обществе — 100–1000; от Е. В. Богдановича — 154 тыс.; прибыль в Учетно-Ссудном банке от продажи процентных бумаг — около 50 тыс.; прибыль от купонов и дивидендов — 12 тыс.; от продажи вещей — около 16 тыс.; выигранные с женой деньги — около 32 тыс. По подсчетам Сухомлинова, общий приход примерно составил 648 тыс., с учетом привезенных с собой 180 тыс. всего доход составил 808 700 руб.³⁸

В то же время Сухомлинов отмечал, что тратил примерно 50 тыс. год и по его подсчетам за шесть с половиной лет это сумма в 350 тыс., «если снять с этих счетов, то остается по этому подсчету 458 000... Так[им] обр[азом], эта цифра относительно отвечает 400 000 р[ублей], которые по уходе с моей службы и составили мои средства, то остаток, получившийся, превышает эту сумму»³⁹. Кроме того, Сухомлинов вспомнил, что у него были две заграничные командировки — в 1909 г. в Париж и в 1913 г. в Лейпциг, которые, по его словам, «составляли большую сумму, которую я не помню, и поэтому тоже не вошла сюда»⁴⁰.

Надо отметить, что точную сумму доходов и расходов Сухомлинова вплоть до рубля установить было достаточно трудно, что видно из показаний эксперта, производившего подсчет денег генерала. К тому же значительная часть средств была не в наличных деньгах, а в процентных бумагах. Так как они имеют свойство изменяться в цене, то можно говорить только о приблизительных суммах.

И всё же был у Сухомлинова еще один источник дохода, о котором он не упомянул. Возможно, генерал забыл о нем в процессе подсчета других средств. Это жалованье Сухомлинова как члена Государственного Совета. 24 сентября 1916 г. в газете «Речь» в одной из заметок было упомянуто, что «в объяснительной записке к смете Гос[ударственного] Совета в 1917 г., внесенной 23 сентября в Гос[ударственную] Думу, сообщается, что за увольнение от службы прекращено содержание генерал-адъютанту, генералу от кавалерии В. А. Сухомлинову, получавшему в качестве члена Гос[ударственного] Совета 17.100 р[ублей] в год»⁴¹.

Если учесть, что генерал входил в Государственный Совет с 6 декабря 1911 г., то полученное с того времени жалованье на сентябрь 1915 г. составляло 65 550 руб. Попробуем с учетом этой суммы посчитать примерный доход

³⁸ Там же. Л. 33–34.

³⁹ Там же. Л. 34.

⁴⁰ Там же. Л. 34.

⁴¹ Речь. 1916. 24 сент. С. 4.

и расход Сухомлинова с 1908 по сентябрь 1915 г. По нашим расчетам, доход составил 812 152 рубля (в приведенных выше данных Сухомлинова мы нашли ряд арифметических неточностей), если к этому прибавить 65 500 руб. по линии Госсовета, то общая сумма дохода составит уже 877 702 рубля. А если учесть упомянутые Сухомлиновым две заграничные командировки, то сумма дохода Сухомлинова могла быть и больше. Здесь важно отметить, что все источники дохода мы можем установить и среди них нет ни одного противозаконного.

Если учесть, что Сухомлинов проживал в год 50 тыс. руб., то с 1908 по 1915 г. было потрачено примерно 350 000 руб. В то же время Кюнье отмечала, что в год Сухомлиновы проживали 40–43 тыс., но через нее проходили не все расходы супруги генерала. Кроме того, ее лечение за рубежом, скорее всего, обходилось дороже, чем выделенные за это время для Сухомлинова 5 тыс. руб. Не зря же генералу приходилось продавать вещи, в том числе часть своих орденов. Это совсем не укладывается в психологию вора и взяточника.

Таким образом, анализ доходов и расходов Сухомлинова противозаконных и преступных источников денежных средств не выявил. При пересчете дохода Сухомлинова данная сумма несколько увеличилась, но источники ее происхождения были нами точно установлены. Обвинения во взятках от отечественных и иностранных предприятий, на наш взгляд, не подтверждаются, так как не имеют проверяемой фактической основы. Автор анонимных доносов князь Андроников и его информатор Н. И. Червинская имели целью главным образом отомстить чете Сухомлиновых за прекращение доступа в их дом. Однако идея о взяточничестве Сухомлинова оказалась выгодной для общественной контрэлиты и противников Сухомлинова внутри элиты, чем они успешно воспользовались не только в борьбе с военным министром, но и через него в борьбе с самодержавием и лично императором Николаем II.

References

- Apushkin V. A.* General ot porazhenij V. A. Suhomlinov. L.: Byloe, 1925.
 General V. A. Suhomlinov. Dnevnik. Pis'ma. Dokumenty: Sbornik dokumentov / Otv. red. E. G. Machikin. M.: Nauchno-politicheskaja kniga; Politicheskaja jenciklopedija, 2014. P. 316–351.
Evdokimov A. V., Seleznev F. A. «Popav pod vlijanie rasputnoj i cinichnoj zhenshhiny, on iskljuchitel'no zhil dlja nee»: Donos na byvshego voennogo ministra V. A. Suhomlinova. 1915 g. // Istoricheskij arhiv. 2014. № 6. P. 174–179.
Polikarpov V. V. Ot Cusimy k Fevralju. Tsarizm i voennaja promyshlennost' v nachale XX veka. M.: Indrik, 2008.
Sejdametov D., Shljapnikov N. Germano-avstrijskaja razvedka v tsarskoj Rossii [Electronic resource]. URL: http://militera.lib.ru/h/sejdametov_shljapnikov/07.html (date of access: 15.05.15).
Tarsaidze A. Chetyre mifa o Pervoj mirovoj: Delo o mobilizacii 1914 g.; Delo Mjasoedova; Delo Suhomlinova; Delo Protopopova («Stokgol'mskaja istorija»). M.: Kuchkovo pole; Giperboreja, 2007.
Fuller U. Vnutrennij vrag: Shpionomanija i zakat imperatorskoj Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.

Список литературы

- Апушкин В. А.* Генерал от поражений В. А. Сухомлинов. Л.: Былое, 1925.
 Генерал В. А. Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы: сборник документов / Отв. ред. Е. Г. Мачикин. М.: Научно-политическая книга; Политическая энциклопедия, 2014. С. 316–351.

Евдокимов А. В., Селезнев Ф. А. «Попав под влияние распутной и циничной женщины, он исключительно жил для нее»: Донос на бывшего военного министра В. А. Сухомлинова. 1915 г. // Исторический архив. 2014. № 6. С. 174–179.

Поликарпов В. В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М.: Индик, 2008.

Сейдаметов Д., Шляпников Н. Германо-австрийская разведка в царской России [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/h/sejdametov_shljapnikov/07.html (дата обращения: 15.05.15).

Тарсаидзе А. Четыре мифа о Первой мировой: Дело о мобилизации 1914 г.; Дело Мясоедова; Дело Сухомлинова; Дело Протопопова («Стокгольмская история»). М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007.

Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

С. В. Куликов

Назначение Алексея Хвостова управляющим МВД: предыстория и механизм¹

Антихвостовская мотивация Горемыкина имела известные основания, поскольку 3 августа Хвостов не только критиковал Джунковско-го, МВД и правительство в целом, возглавлявшееся тем же Горемыкиным, но и, говоря «не от фракции, а от себя», оспорил самого лидера Правой группы Государственного Совета П. Н. Дурново. Выступая в Государственном Совете 19 июля, Дурново объявил от лица власть предержащих, что «мы боимся приказывать». «Между тем, — продолжал Дурново, — мы были обязаны твердо помнить, что в России еще можно и должно приказывать... Послушаются не только царского повеления, но и повеления того, кого царь на то уполномочит... Вот почему правительство обязано воспитывать в этом духе не только народ, но и все без исключения учреждения, из народа исходящие, а также и своих собственных представителей»². «Господа, — полемизируя с Дурново, говорил Хвостов 3 августа, — он провозгласил формулу управления, сказав, что надо уметь только приказывать в настоящее время, а я отвечу ему, в настоящее время сначала надо, чтобы власть сумела справиться с оскорбительным для нас всех немецким засильем внутри страны, чтобы она в области дороговизны жизни поставила бы, наконец, интересы населения выше интересов банковских кругов, чтобы в сознании народном власть перестала быть виноватой,

и только тогда она может приказывать, и народ пойдет за ней»³. Выступление Хвостова неоднократно прерывалось «бурными рукоплесканиями» не только справа и в центре, но и «на отдельных местах слева» и даже слева в целом. Эта речь, отмечал генерал А. И. Спиридович, «по резкости и нападкам на власть была гораздо хуже речей левых и потому произвела на всех особенно сильное впечатление»⁴. «В Государственной Думе, — записал 3 августа бывший военный министр генерал В. А. Сухомлинов, — даже правый Хвостов ополчился на правительство»⁵. Насколько ораторский успех Хвостова беспокоил его политических конкурентов не только сверху, но и слева, видно из письма от 9–10 августа, адресованного фактическому премьеру Кривошеину П. Б. Струве, который, действуя в пользу организации леволиберального большинства в Думе и Государственном Совете, подчеркивал, что «в борьбе с демагогией нужно Хвостовых загнать в революционный угол, накрыть там с красным флагом и политически обезвредить (если угодно, высечь)»⁶. В августе 1915 г. Хвостов явно перехватывал инициативу у лидеров либеральной оппозиции.

После образования 25 августа Прогрессивного блока Хвостов пошел на демонстративное сближение с ним, оставил Фракцию правых и вступил во внепартийную группу независимых депутатов⁷, хотя, по информации из других источников, он покинул фракцию после назначения министром⁸. «При некоторых организационных усилиях, — отмечал осведомленный С. М. Султанов, — полагаем, депутата А. Н. Хвостова можно было бы привлечь в Прогрессивный блок. Если бы не неожиданный портфель министра внутренних дел, то трудно сказать, как далеко пошел бы в своем новом повороте А. Н. Хвостов»⁹. В начале сентября, «не отрицая необходимости создания твердой власти, А. Н. Хвостов принципиально не возражал против образования Прогрессивного блока и той пользы, которую он может принести». Имея в виду вопросы о борьбе с немецким засильем и дороговизной, он заявил тогда представителям прессы: «Если бы авторы Прогрессивного блока включили в свою программу эти два пункта, я к ним охотно

¹ Окончание. Начало см.: Петербургский исторический журнал. 2014. № 2–4.

² Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.–СПб., 2013. С. 149–150.

³ Ораторы России в Государственной думе (1906–1917 гг.): В 2 т. / Сост. М. А. Буланаква, С. В. Куликов и О. А. Патрикеева. СПб., 2004. Т. 2. С. 343.

⁴ Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Минск, 2004. С. 137.

⁵ Сухомлинов В. А. Дневник // Дела и дни. 1922. Кн. 3. С. 122.

⁶ А. В. Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны. Письма А. И. Гучкова, А. Д. Протопопова, П. Б. Струве // Русское прошлое. 1994. Кн. 5. С. 54–55.

⁷ Иванов А. А. Указ. соч. С. 190.

⁸ Двенадцатый съезд уполномоченных дворянских обществ 34 губерний. 27 ноября — 3 декабря 1916 г. Петроград // Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных дворянских обществ. 1906–1916 гг.: В 3 т. Т. 3. М., 2000. С. 600.

⁹ Султанов С. М. А. Н. Хвостов (Письмо из Москвы) // Биржевые ведомости. 1915. 7 октября.

присоединился бы»¹⁰. Таким образом, одобряя программу блока, Хвостов хотел, однако, дополнить ее еще двумя пунктами, между тем В. С. Дякин утверждал, что упомянутые пункты Хвостов «выдвинул» «вместо “второстепенных”, по его словам, лозунгов Прогрессивного блока»¹¹, с чем согласиться нельзя.

Более того, Хвостов, хотя и с известными оговорками, принимал даже главный пункт программы Блока — о замене кабинета Горемыкина «министерством общественного доверия». В начале сентября Хвостов говорил журналистам: «Я являюсь безусловным сторонником обновления кабинета, но полагаю, что так называемые общественные деятели, т.е. лица, не имеющие специального служебного стажа, не подготовлены с деловой точки зрения к роли министров». «Я, — конкретизировал Хвостов собственную позицию, — допускаю и даже считаю желательным назначение в состав высшего правительства тех деятелей различных партий Государственной Думы и [Государственного] Совета, которые известны своей прошлой административной деятельностью и против которых в обществе нет нареканий»¹². Под пером одного из лидеров Прогрессивного блока П. Н. Милокова Хвостов предстает как «речистый и шумный депутат, не лишенный житейской ловкости и проявивший вкус к демагогии»¹³, а в другом месте — как «молодой и шустрый человек, энергичный и предприимчивый, — но только не на государственную деятельность»¹⁴. Однако Милоков сознательно преуменьшал потенциал своего едва ли не главного на тот момент политического конкурента, поскольку сам же признавал, что при формировании Прогрессивного блока кандидатами в председатели «министерства доверия» являлись А. И. Гучков и... Хвостов¹⁵, имя которого «называлось» именно в связи с поисками нового премьера¹⁶.

Выдвигая предположение, что «имя Хвостова <...> могло быть впервые под-сказано и не из распутинских сфер», Мельгунов отмечал, что Хвостов «несколько неожиданно стал в августовские дни появляться даже на завтраках Кривошеина и был введен тогда либеральным Григоровичем (морским министром. — С. К.) в число желательных кандидатов на занятие министерского поста в “деловом” кабинете»¹⁷. Ничего неожиданного в появлении Хвостова на завтраках Кривошеина нет, поскольку еще в начале 1915 г. фактический премьер и его соратник, недавний лидер думской Фракции центра и товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием граф В. В. Мусин-Пушкин запланировали назна-

¹⁰ А. Н. Хвостов о Прогрессивном блоке // Утро России. 1915. 28 сентября.

¹¹ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 130.

¹² А. Н. Хвостов о кабинете общественных деятелей // Утро России. 1915. 28 сентября.

¹³ Милоков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 32.

¹⁴ Милоков П. Н. Воспоминания: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 193.

¹⁵ Показания П. Н. Милокова. 4 августа 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: В 7 т. М.–Л., 1924–1927. Т. 7. М.–Л., 1927. С. 316.

¹⁶ Милоков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 180.

¹⁷ Мельгунов С. П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 223–224.

чение Хвостова на пост министра без портфеля, который представлял бы в кабинете Думу¹⁸. Впрочем, к выдвижению кандидатуры Хвостова в руководители МВД Кривошеин был, судя по всему, непричастен, и назначение думца стало для него и других министров полной неожиданностью. «Я, — вспоминал министр народного просвещения граф П. Н. Игнатъев, подразумевая вопрос о причинах возвышения Хвостова, — этот вопрос ставил Кривошеину, так как мне казалось, что он больше в курсе, но и он не отдавал себе отчета. Некоторые кандидаты прошли, безусловно, под влиянием Горемыкина, но некоторые совершенно непонятно для нас, откуда были; например, А. Н. Хвостов, — совершенно неизвестно, откуда его выкопали... Одним словом, для нас было загадкой, откуда Хвостов?»¹⁹ Одно несомненно: Хвостов как общественный деятель пользовался доверием не только части либеральной оппозиции, но и фактического премьера, в конце августа действовавшего с большинством кабинета против Горемыкина, а потому неудивительно, что кандидат Николая II по-прежнему встречал неприятие со стороны формального премьера.

В список, составить который Горемыкин обещал императрице Александре Федоровне 23 августа, входили директор Департамента общих дел МВД А. Н. Волжин, государственный секретарь С. Е. Крыжановский, помощник варшавского генерал-губернатора по гражданской части сенатор Д. Н. Любимов, назначенный член Группы правого центра Государственного Совета А. Б. Нейдгарт и варшавский губернатор П. П. Стремоухов²⁰. Наиболее желательным кандидатом Горемыкину виделся государственный секретарь и при посещении царицы 28 августа премьер «хотел предложить Крыжановского, но я, — сообщила Александра Федоровна супругу на следующий день, — ответила, что ты никогда не согласишься»²¹. Тогда Горемыкин остановился на кандидатуре А. Б. Нейдгарта²², шурина П. А. Столыпина, бессменного лидера Группы правого центра верхней палаты и к тому же оппонента Прогрессивного блока. Премьер исходил из весьма тонкого расчета, поскольку хорошо знал, что Нейдгарт, руководивший деятельностью Комитета великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи лицам, пострадавшим от военных действий (Татьянинского комитета), пользуется благоволением Александры Федоровны. Действительно, совсем недавно, 1 августа, именно по ее ходатайству Нейдгарта, выбывшего по жребию из состава выборных членов Государственного

¹⁸ Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 46, 446.

¹⁹ Показания графа П. Н. Игнатъева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 12.

²⁰ «Успокоения нечего ожидать». Письма князя М. М. Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А. А. Вырубовой и В. Н. Воейкову // Источник. 1999. № 1. С. 25.

²¹ Александра Федоровна — Николаю II. 29 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013. С. 237.

²² Александра Федоровна — Николаю II. 28 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 234.

Совета, Николай II сделал его назначенным членом²³. Очевидно, по логике Горемыкина, выбирая между Нейдгартом и Хвостовым, незнакомым ей лично, царица должна была первого предпочесть второму, что поначалу как будто бы и получилось, ибо после беседы с премьером она полностью поддержала кандидатуру Нейдгарта в письме супругу от 28 августа²⁴.

Ситуация стала меняться на следующий день, 29 августа, когда в царском сельском домике Вырубовой произошла ее встреча с Хвостовым²⁵, который в данном случае исполнял желание Николая II представить думца Александре Федоровне. «Будучи всем этим заинтересован и не зная, как исполнить его желание, — рассказывал Хвостов, — я обратился к Вырубовой... Этому делу способствовал и Михаил Михайлович Андроников»²⁶. Участие последнего объяснялось, помимо прочего, тем, что Андроников «очень хорошо» знал отца Хвостова, а его помнил еще лицеистом²⁷. При этом Хвостов оставался в неведении, что отношение царя и царицы к Андроникову было «критически-ироническое»²⁸, причем как Николай II²⁹, так и Александра Федоровна³⁰ отказались принять от Андроникова иконы, переданные князем через посредников. Сам Андроников также хотел познакомиться с Хвостовым после его речи 3 августа³¹ и сделал это через общую знакомую Н.И. Червинскую³² — она знала Хвостова несколько лет по Мариенбаду (куда до войны, несмотря на собственное германофобство, Хвостов ежегодно ездил на лечение) и организовала встречу думца с князем у себя на квартире. В свою очередь Андроников познакомился с Вырубовой на квартире у Распутина в середине июня 1914 г. и, будучи у нее в середине августа 1915 г., рассказал о содержании речи Хвостова. В ответ Вырубова заметила, что «хотела его повидать», поскольку ей «говорили о нем их величества», а через несколько дней телефонировала Андроникову: «Же-

лаю видеть Хвостова», и князь привез его к Вырубовой³³. Так, помимо Распутина и Александры Федоровны, Хвостов, планировавший во исполнение царского желания представиться царице, познакомился с ее ближайшей подругой.

«На допросе, — писал А.Я. Аврех, — Андроников пытался уверить [Чрезвычайную следственную] комиссию, что он привел Хвостова к Вырубовой «случайно», по ее инициативе и уже после того, когда царем было решено сделать Хвостова преемником Щербатова. Однако переписка царской четы полностью опровергает эту версию: до появления Андроникова в Царском Селе императрица и Горемыкин примеривали на пост министра внутренних дел совсем других людей, в частности упомянутого Нейдгарта. Впервые имя Хвостова в качестве возможного кандидата на пост министра внутренних дел императрица

Хвостов — депутат Думы

упоминает в письме от 3 сентября, причем наряду с тем же Нейдгартом. Из ее последующих писем видно, что эта кандидатура была подсказана ей именно Андрониковым»³⁴. На самом деле впервые кандидатура Хвостова появляется в письме царицы от 22 августа, а кандидатура Нейдгарта — в письме от 28 августа, причем из первого письма видно, что кандидатура Хвостова была «подсказана» Александре Федоровне не Андрониковым, а самим Николаем II. В сущности, косвенно это был вынужден признать и сам А.Я. Аврех, когда писал, что царица выступала в пользу назначения Хвостова «еще при заочном знакомстве, со слов Вырубовой, при сопротивлении Горемыкина, настаивавшего на своем кандидате — Крыжановском, в отсутствие Распутина, находившегося в то время в Покровском»³⁵. Если бы Андроников действительно являлся организатором назначения Хвостова, то, действуя в его пользу, не выходил бы из-за кулис, однако мастер по части политических интриг действовал наоборот. Описывая

²³ Куликов С.В. Практика пополнения состава членов Государственного Совета по назначению в 1906–1917 гг. // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сборник научных работ. Вып. 2. СПб., 2000. С. 100.

²⁴ Александра Федоровна — Николаю II. 28 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 234.

²⁵ Александра Федоровна — Николаю II. 29 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 237–238.

²⁶ Хвостов А.Н. Из воспоминаний // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 163.

²⁷ Допрос князя М.М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.–Л., 1924. С. 379.

²⁸ Руднев В.М. Правда о царской семье и «темных силах» // Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы Следственной комиссии. М., 1990. С. 290.

²⁹ Постановление следователя ЧСК Временного правительства Ф.П. Симсона. 1 ноября 1917 г. // Искендеров А.А. Закат Империи. М., 2001. С. 330.

³⁰ Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 36.

³¹ Допрос князя М.М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.–Л., 1924. С. 379.

³² Постановление следователя ЧСК Временного правительства Ф.П. Симсона. С. 342.

³³ Допрос князя М.М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.–Л., 1924. С. 379–382.

³⁴ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 115.

³⁵ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 115.

их поездку в Царское Село, князь показывал: «Нас в вагоне увидели, да и трудно было его (Хвостова. — С. К.) не заметить (я тоже был полнее, чем теперь) ...Нас увидело несколько знакомых и сейчас же, после назначения Хвостова, они говорили: “Ах, Андроников возил Хвостова в Царское, — значит, вот откуда всё это происходит!”»³⁶. Естественно, в данном случае Андроников действовал только в качестве посредника между Хвостовым и Вырубовой.

Подруге венценосцев думец понравился настолько, что «произвел на нее, — сообщала царица Николаю II 29 августа, — прекрасное впечатление», которое, однако, не передалось Александре Федоровне полностью, поскольку и в это время она выбирала между Нейдгартом и Хвостовым. Имея в виду Горемыкина, императрица тогда же просила мужа: «Поговори с ним насчет Нейдгарта». Относительно же Хвостова Александре Федоровне было «нечего сказать», так как «старик против него, я же, — подчеркивала царица, — его не знаю», речи, озвученной 3 августа, «не читала», а потому ей «трудно давать советы». Подразумевая Хвостова и Горемыкина и только множа свои сомнения, Александра Федоровна вопрошала: «Все ли другие против него, или один только старик, который ненавидит всех думских? Очень трудно тебе опять решить, бедное мое сокровище, а я не могу высказаться, раз не знаю этого человека... Поговори с Горемыкиным о нем»³⁷. Однако Николай II, вынашивая свой замысел относительно Хвостова, явно не собирался торопить события только потому, что этого хотела Александра Федоровна. Хотя 30 августа царь «долго принимал» Горемыкина³⁸, вопрос о новом министре внутренних дел, вопреки рекомендации царицы, даже не ставился. «Он, — отвечал после встречи с премьером император 31 августа, — может передать тебе наш разговор, но я совершенно забыл упомянуть о Хвостове. Лучше оставить эти вопросы до моего возвращения»³⁹. Александра Федоровна могла лишь подчиниться воле Николая II, по-прежнему балансируя между Хвостовым и Нейдгартом. Так, в письме за 3 сентября, выражая желание, чтобы царь «мог хоть мельком взглянуть на Хвостова, годится ли он для тебя», царица тут же добавляла — «а не то Нейдгарт», хотя он — «такой педант!»⁴⁰. Во время состоявшейся 7 сентября встречи Александры Федоровны с Горемыкиным она сказала ему, что «ты, — писала императрица мужу в тот же день, — еще не решил относительно Нейдгарта, — может быть, по возвращении ты еще раз подумаешь о Хвостове»⁴¹. Пока Николай II хранил молчание, остав-

³⁶ Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.—Л., 1924. С. 379.

³⁷ Александра Федоровна — Николаю II. 29 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 237–238.

³⁸ Николай II. Дневники (1894–1918): В 2 т. М., 2013. С. 150.

³⁹ Николай II — Александре Федоровне. 31 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 244.

⁴⁰ Александра Федоровна — Николаю II. 3 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 250.

⁴¹ Александра Федоровна — Николаю II. 7 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Алек-

ляя в неведении Александру Федоровну, Андроников развернул агитацию в пользу Хвостова перед Вырубовой и Горемыкиным.

Царица информировала царя 7 сентября, что в разговорах с их подругой Андроников «продолжает восхвалять Хвостова и убеждает в этом Горемыкина»⁴². В качестве главного козыря князь использовал речь Хвостова; он передал Андроникову «несколько отпечатков» речи, и князь начал распространять их «в конце августа»⁴³. Спустя неделю, несомненно через Вырубову, текст речи дошел и до Александры Федоровны, переславшей Николаю II один из «отпечатков» 8 сентября⁴⁴. Речь, получившая высокую оценку со стороны царицы, явилась поводом для письменных обращений Андроникова к Вырубовой и Александре Федоровне⁴⁵. В послании Вырубовой, написанном не ранее 2 сентября, князь, упомянув о росте оппозиционных настроений, утверждал: «На министра внутренних дел в настоящее время обращены не только тысячи глаз, но и тысячи умов. Его ум должен уметь реагировать на эти умы толпы. Речь А. Н. Хвостова, произнесенная им недавно в Государственной Думе, пронеслась доброй вестью по всей России. С какой же силой пронесутся его речи, когда он будет произносить их в качестве ближайшего слуги нашего царя? Народ больше всего пленяют такие политические деятели, которым присущи живое слово, энергия и ум, а на таких царских слуг теперь страдная пора». В письме Александре Федоровне, написанном несколько позже, Андроников, подразумевая депутатов Думы, указывал: «Среди последних особенно вырисовывается фигура члена Государственной Думы Алексея Николаевича Хвостова, пользующегося особенным уважением и авторитетом и с вполне подготовленной и определенной государственной программой, которой в последнее время не было ни у одного министра. Многие, помня желание государя императора привлечь Хвостова к высшему управлению Министерством внутренних дел после кончины Столыпина, намечают его кандидатом на этот пост и в настоящее трудное время. Голос народа — голос Бога, говорит пословица. Быть может, действительно Алексей Николаевич Хвостов будет избранником и тогда наши тревоги уступят место полному успокоению, так как во главе нашего Внутреннего, самого важного ведомства будет человек сильной воли, будет сильная преданная царю власть»⁴⁶.

сандры... С. 264.

⁴² Там же. С. 267.

⁴³ Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.—Л., 1924. С. 382.

⁴⁴ Александра Федоровна — Николаю II. 8 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 271–272.

⁴⁵ Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.—Л., 1924. С. 388.

⁴⁶ «Успокоения нечего ожидать»... С. 25, 28–29. При публикации второго письма в 1999 г. мы сочли его адресатом Николая II, однако, судя по его контексту, оно адресовано Александре Федоровне.

Хвостов — губернатор

Агитационная деятельность Андроникова, который, по удачному выражению Хвостова, «не проводил», а «хвалил» его⁴⁷, принесла свои плоды в том смысле, что Александра Федоровна, преодолев колебания между мнениями о думце Николая II и Горемыкина, к 10 сентября окончательно приняла кандидатуру Хвостова. «Прошу тебя, — обращалась тогда царица к супругу, — поговори серьезно о Хвостове как министре внутренних дел с Горемыкиным. Я уверена, что он — подходящий человек для теперешнего момента, так как никого не боится и предан тебе»⁴⁸. Между тем Горемыкин, будучи 11 сентября у императрицы, снова говорил против Хвостова, ссылаясь на мнение о нем его дяди⁴⁹, а 14 сентября, приехав в Ставку, во время вечернего приема у Николая II⁵⁰ пошел ва-банк и в качестве желательного преемника Щербатова прямо «на-

звал Крыжановского, но я, — сообщил император супруге 19 сентября, — отверг его»⁵¹. В более чем полуторамесячном споре с монархом о Хвостове премьер окончательно проиграл, и 16 сентября, вспоминая Крыжановский, «вернулся из Ставки с известием о назначении А. Н. Хвостова»⁵². Характерно, однако, что, вплоть до 19 сентября Николай II так и не проинформировал Александру Федоровну о содержании своей беседы с Горемыкиным, и причиной тому стало обстоятельство, также оставшееся неизвестным императрице, а именно — постепенное воплощение Хвостовым царского плана, имевшего целью его сближение с Александрой Федоровной. С. П. Мельгунов полагал, что, вопреки показаниям Хвостова, он «должен был побороть не столько противодействие

⁴⁷ Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.—Л., 1926. С. 22.

⁴⁸ Александра Федоровна — Николаю II. 10 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 279.

⁴⁹ Александра Федоровна — Николаю II. 12 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 287.

⁵⁰ Николай II. Указ. соч. С. 153.

⁵¹ Николай II — Александре Федоровне. 19 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 316.

⁵² Крыжановский С. Е. Указ. соч. С. 141.

Александры Федоровны, сколько колебания императора дать окончательное согласие на назначение Хвостова — очевидно, после протеста Горемыкина»⁵³. Между тем, «колебания» по вопросу о Хвостове имелись не у царя, а лишь у царицы, и вызывались, помимо позиции премьера, отрицательным отношением к бывшему губернатору со стороны Распутина, приобретаая в данном контексте значение «противодействия».

Исполняя желание Николая II, Хвостов наконец-таки вышел непосредственно на императрицу. «Я, — показывал Хвостов, — воспользовался тем, что не было Распутина, и мне удалось быть представленным Александре Федоровне»⁵⁴, причем роль посредницы сыграла Вырубова, которая, вдохновляемая Андрониковым, «с восторгом» устроила частный прием думца у царицы⁵⁵. «Он, — подразумеваемая Хвостова, писала Александра Федоровна мужу 11 сентября, — очень желает меня видеть, считает, что я одна могу спасти положение, пока ты в отсутствии (сказал это Андроникову), хочет поговорить со мной по душам и высказать мне все свои мысли»⁵⁶. Факт того, что инициатором встречи стал именно Хвостов, неопровержимо доказывает — в это время он действовал, реализуя план императора, а не его жены, встретившейся с депутатом только через неделю, поскольку Александре Федоровне, в отличие от Николая II, было важно узнать об отношении к Хвостову Распутина, по-прежнему находившегося в Сибири. Телеграфный запрос о Хвостове Вырубова послала старцу около середины сентября, и уже 16-го подруга венценосцев получила телеграфный ответ Распутина, который дал понять, что «Хвостов подойдет»⁵⁷, что он — «самый подходящий человек»⁵⁸. Весьма показательно: в истории с назначением Хвостова старец появился, да и то заочно, лишь тогда, когда всё уже давным-давно было решено без него лично Николаем II. Не менее примечательно и другое — Распутин, в августе 1911 г. отозвавшийся о Хвостове отрицательно, в сентябре 1915 г. встал на противоположную точку зрения, поняв, что назначение нижегородского обидчика предпрешено царем и одобряется царицей. Впрочем, в данном случае наблюдается и обратная зависимость — получив благословение старца, Александра Федоровна уверилась окончательно, что в споре о Хвостове прав Николай II, а не Горемыкин. «Теперь, — писала императрица монарху 17 сентября, — когда и Григорий советует взять Хвостова, я чувствую, что это **правильно**, и потому приму его»⁵⁹.

⁵³ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 224.

⁵⁴ Допрос А. Н. Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.—Л., 1926. С. 74.

⁵⁵ Хвостов А. Н. Указ. соч. С. 163.

⁵⁶ Александра Федоровна — Николаю II. 11 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 284.

⁵⁷ Александра Федоровна — Николаю II. 16 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 302.

⁵⁸ Александра Федоровна — Николаю II. 17 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 309.

⁵⁹ Там же. С. 305.

Александра Федоровна действительно не заставила себя долго ждать. «Милый, — сообщала она Николаю II 17 сентября, имея в виду события предыдущего дня, — Хвостов был опять у Ани и умолял, чтоб я приняла его, поэтому приму его сегодня»⁶⁰. «Через день после свидания с Вырубовой, — рассказывал Хвостов, — мне был назначен прием у царицы», причем — в Александровском дворце, а не в домике Вырубовой⁶¹. В начале состоявшейся 17 сентября и длившейся «больше часу»⁶² встречи Александра Федоровна приняла Хвостова «очень милостиво» и сказала, что «очень рада» его видеть, однако намекнула на то, что он «не безгрешен по отношению к Распутину»⁶³. Царица, рассказывал Хвостов позднее, заявила, что «помнит меня и очень ценит, но что сердце и душа не соответствуют у меня уму», поскольку «они загубели», доказательством чего является «инцидент с Распутиным в Нижнем»⁶⁴, однако тут же выразила надежду, что у собеседника «откроются глаза» на старца⁶⁵. Тему назначения Хвостова Александра Федоровна прямо не затронула, хотя и сказала: «Вас очень хвалит государь, о вас он говорит много приятных слов!». Снова переходя на намеки, царица дала понять, что воспримет «с удовольствием» назначение Хвостова и вообще — будет «рада» «видеть назначенным» именно собеседника⁶⁶.

Впрочем, намеки Александры Федоровны были достаточно прозрачны, так что в своих воспоминаниях Хвостов передал суть ее высказываний вполне однозначно: «Мой муж не раз уже подумывал о назначении вашем на пост министра внутренних дел, и действительно, Щербатов совершенно не годится. Но сознаюсь, что я этому препятствовала вследствие того, что вы так отрицательно относитесь к Григорию Ефимовичу». Под «препятствованием» императрицы здесь, очевидно, необходимо понимать ее колебания между мнениями о Хвостове Николая II и Горемыкина, прекратившиеся окончательно 16 сентября, после получения телеграфного благословения старца. «Ваше назначение, — заметила в связи с отмеченным обстоятельством Александра Федоровна, — теперь тем более возможно, что я получила от Григория Ефимовича телеграмму, в которой он благословляет это намерение наше»⁶⁷. «Но, — заметила царица в конце беседы, — мне бы хотелось — это мое желание, вы, может быть, удовлетворите его, с своей стороны представив сенатора Белецкого в свои товарищи?» Впрочем, данную просьбу, показывал Хвостов, императрица высказала «мягко,

⁶⁰ Александра Федоровна — Николаю II. 17 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 304.

⁶¹ Хвостов А. Н. Указ. соч. С. 163.

⁶² Александра Федоровна — Николаю II. 17 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 306.

⁶³ Постановление следователя ЧСК Временного правительства Ф. П. Симсона... С. 342.

⁶⁴ Хвостов А. Н. Указ. соч. С. 163–164.

⁶⁵ Постановление следователя ЧСК Временного правительства Ф. П. Симсона... С. 342.

⁶⁶ Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 8.

⁶⁷ Хвостов А. Н. Указ. соч. С. 163–164.

кругло», «в дипломатической форме»⁶⁸. Значит ли это, что Белецкий являлся кандидатом Александры Федоровны? Конечно, нет, поскольку кандидатура сенатора была выдвинута лично Николаем II перед Щербатовым более полутора месяцев назад помимо царицы, и если она выступила 17 сентября за назначение Белецкого, то лишь учитывая мнение монарха, которому и принадлежала идея тандема «Хвостов–Белецкий».

Показательно также, что впервые о сенаторе Александра Федоровна упомянула в письме мужу от 20 сентября, после того как при посредничестве и в присутствии Андроникова Вырубова, явно по просьбе императрицы, приняла Белецкого в своем домике и побеседовала с ним «о настроении страны» (Андроников ошибочно относил эту встречу к августу 1915 г.)⁶⁹. Сообщая Николаю II содержание данной беседы, Александра Федоровна писала о Белецком 20 сентября: «Это, кажется, человек, который действительно мог бы быть весьма полезным министру внутренних дел, так как он всё знает. Джунковский его съел именно тогда, когда необходимо иметь все нити в руках»⁷⁰. Очевидно, что если бы Белецкий действительно являлся кандидатом императрицы, то она упомянула бы о нем в письмах супругу до 20 сентября, по крайней мере — еще тогда, когда Джунковский находился на посту товарища министра.

От общения с Хвостовым Александра Федоровна, информировала она супруга 17 сентября сразу после ухода думца, осталась «полна наилучших впечатлений» и пришла к заключению, что «работа с таким человеком будет удовольствием». «Поговорив с ним, — писала царица царю в тот же день о Хвостове, — я теперь могу откровенно тебе посоветовать взять его **без всяких колебаний**»⁷¹. Однако с 22 августа, т.е. с момента отъезда Николая II в Ставку, он ни разу не отреагировал на всю ту информацию о Хвостове, которой Александра Федоровна наполняла чуть ли не каждое свое письмо. Подобное поведение императора не могло не вызывать у императрицы раздражения, облеченного в форму беспокойства, прорвавшегося во втором послании, написанном ею мужу 17 сентября. «Я, — напоминала тогда Александра Федоровна, — четыре раза тебе телеграфировала о Хвостове и надеялась, что ты ответишь хоть словечко на это»⁷². Даже В. И. Гурко, преувеличивавший политическое влияние царицы на царя, был вынужден признать, подразумевая отношения между венценосцами, в частности — и в случае с назначением Хвостова: «Не имея достаточно мужества оказать ей явное сопротивление, он прибегал в таких случаях к пассивной обороне. Так, он систематически не отвечал на некоторые

⁶⁸ Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 8.

⁶⁹ Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.–Л., 1924. С. 394, 395.

⁷⁰ Александра Федоровна — Николаю II. 20 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 319.

⁷¹ Александра Федоровна — Николаю II. 17 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 306, 307.

⁷² Там же. С. 310.

обращаемые к нему царицей предложения и вопросы»⁷³. Как представляется, дело заключалось не в недостатке у императора мужества, а именно в его избытке, точнее — в том, что за долгие годы семейной жизни Николай II, будучи мужем со стажем, сумел выработать в себе способность тактично, но твердо ставить пределы вмешательству Александры Федоровны в государственные дела.

Лишь после почти месячного молчания относительно судьбы Хвостова монарх 18 сентября снизошел до того, чтобы наконец-таки удовлетворить любопытство жены по данному вопросу. «Только что, — обращался в указанный день император к императрице, — получил твое последнее милое письмо от 17-го, в котором ты говоришь о хорошем впечатлении, произведенном на тебя молодым Хвостовым. Я уверен был в этом... И чтобы не терять времени, немедленно повидать его в тот день, когда приеду, в 6 часов»⁷⁴. «Реакция царя, — комментировал эти строки А.Я. Аврех, имея в виду зависимость Николая II от Александры Федоровны, — была быстрой и решительной... Через два дня царь возвращается в Царское, а спустя пять дней Хвостов назначается министром внутренних дел»⁷⁵. Однако в действительности возвращение Николая II в Царское Село произошло через пять дней, 23 сентября⁷⁶, а назначение Хвостова последовало (считая от 18-го) через восемь дней, 26-го⁷⁷. И потом — как можно говорить о «быстрой и решительной» реакции царя, если он не реагировал на письменные упоминания царицы о Хвостове с 22 августа вплоть до 18 сентября? «Быстрая и решительная» реакция Николая II объяснялась весьма прозаично: в среду, 23 сентября, он собирался вернуться в Царское Село, а потому телеграфировал Александре Федоровне 19 сентября: «Я помню Хвост[ова]. Хотел бы повидать его в среду в 6 часов; не можешь ли ты известить его?»⁷⁸ «Сердечно благодарю за телеграмму, — в тот же день отвечала царица. — Извещу»⁷⁹. Позднее Хвостов рассказывал: о том, что его «хотел бы видеть государь», Александра Федоровна сообщила думцу во время второй аудиенции⁸⁰, однако, судя по ее письмам и телеграммам с 18 по 22 сентября⁸¹,

⁷³ Гурко В.И. Царь и царица // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 363.

⁷⁴ Николай II — Александре Федоровне. 18 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 316.

⁷⁵ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 116.

⁷⁶ Николай II. Указ. соч. С. 155.

⁷⁷ Куликов С.В. «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 — февраль 1917). // Из глубины времен. 1994. Вып. 3. С. 50.

⁷⁸ Николай II — Александре Федоровне. 19 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 316.

⁷⁹ Александра Федоровна — Николаю II. 19 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 317.

⁸⁰ Хвостов А.Н. Указ. соч. С. 165.

⁸¹ Переписка Николая и Александры... С. 311–322.

на этот раз память изменила Хвостову, и императрица сообщила ему о желании Николая II не лично, а через Вырубову.

Память изменила Хвостову и тогда, когда он, подразумевая Белецкого, рассказывал: «После того, как состоялось мое назначение, я предупредил его о намерении Александры Федоровны назначить его товарищем министра»⁸². Очевидно, здесь речь идет не о получении Хвостовым портфеля руководителя МВД, а о дате, когда царица намекнула Хвостову о желательности привлечения в МВД Белецкого, т.е. о 17 сентября. Сенатор показывал, что о назначении думца «знал недели за две до официального приказа» об этом от самого Хвостова, который при первой же встрече с Белецким пригласил собеседника «к сотрудничеству с ним на должность товарища министра внутренних дел, в случае его назначения», а впоследствии виделся с сенатором «почти ежедневно»⁸³. Следовательно, Белецкого также подвела память, поскольку, согласно сенатору, его первая встреча с Хвостовым имела место около 12 сентября, если отнять две недели от 26 сентября, когда Николай II подписал указ о назначении думца⁸⁴. Впрочем, очевидно, в данном случае расхождение между источниками относительно небольшое, позволяя утверждать наверняка, что встреча Белецкого и Хвостова произошла не ранее 17 сентября.

В другом месте своих показаний Белецкий оказался гораздо менее точным, создав тем самым источниковедческие предпосылки для версии о решающей роли Андроникова при подготовке назначения как Хвостова, так и Белецкого. Суть этого места из его показаний заключается в следующем. Приблизительно в середине сентября 1915 г. князь, узнав о возвращении сенатора в Петроград, телефонирует ему и пригласил к себе на квартиру, где сообщил, что «в составе кабинета предстоят большие перемены, которые могут повлечь за собою, — отмечал Белецкий, — обратное мое возвращение к активной работе, к чему почва достаточным образом подготовлена, так как им сделано многое в мою пользу», причем Андроников поставил Белецкому условие — «в будущем действовать с ним солидарно». «Когда князь Андроников, — показывал Белецкий далее, — сообщил мне о предстоящих переменах, то под строгим секретом передал мне, что им еще задолго до этого, уже с лета выставлена кандидатура А. Н. Хвостова, которого он сблизил и с дворцовым комендантом Воейковым и с А. А. Вырубовой, что А. Н. Хвостов уже был вызываем во дворец государыней, произвел самое лучшее на нее впечатление, и что теперь для Хвостова готовится благоприятная почва к приему у государя, что, судя по всему, успех назначения обеспечен и что это делается очень тонко, так что даже Горемыкин не посвящен в это назначение, так как это назначение, как он думает, могло бы встретить противодействие со стороны Горемыкина, имевшего своего кандидата,

⁸² Хвостов А.Н. Указ. соч. С. 165.

⁸³ Показания С.П. Белецкого // Падение царского режима... Т. 4. М.–Л., 1925. С. 119.

⁸⁴ Куликов С.В. «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 — февраль 1917) // Из глубины времен. 1994. Вып. 3. С. 50.

к провалу которого, путем сообщения о нем некоторых сведений, приняты уже им, князем Андрониковым, меры и что А. Н. Хвостов <...> теперь, под влиянием его, князя, рад будет совместному служению со мною. На другой день было назначено в квартире князя Андроникова свидание с А. Н. Хвостовым, повлекшее за собою ряд дальнейших свиданий, нас тесно сблизивших, и затем состоялась моя совместная с ним поездка к А. А. Вырубовой, где я встретил доверчивый прием, и к генералу Воейкову, с которым до этого времени я познакомился через князя Андроникова и у которого бывал неоднократно. Эти сведения меня убедили, что князь Андроников весьма точно передал мне обстановку дела и что вопрос о переменах в кабинете — вопрос самого близкого будущего, и предопределено, судя по полученным уже из дворца известиям, назначение А. Н. Хвостова»⁸⁵.

Приведенный отрывок отличается перепутанной хронологией и переполнен неточностями, которые далее будут рассматриваться в порядке их расположения в отрывке. «С лета» 1915 г. кандидатуру Хвостова Андроников выставлять не мог, поскольку с Николаем II, Александрой Федоровной и Распутиным тогда не встречался, а сближение Хвостова с Воейковым Андроников организовал после 23 сентября, когда князь обращался к генералу: «Очень прошу Вас разрешить мне приехать к Вам с Алексеем Николаевичем Хвостовым, если можно — завтра, в четверг, или в пятницу. Я много говорил Алексею Николаевичу про Вас, и он жаждет видеть Вас»⁸⁶. Близкое знакомство Хвостова с Вырубовой при посредничестве Андроникова произошло не вообще «летом», а конкретно 29 августа⁸⁷, с Александрой Федоровной при посредничестве Вырубовой — 17 сентября⁸⁸; вопрос о приеме Хвостова 23 сентября Николай II решил без постороннего влияния телеграммой царице от 19 сентября⁸⁹. В намерение монарха назначить Хвостова Горемыкин был полностью посвящен еще в конце июля 1915 г. (см. выше). Кандидатуру Крыжановского в министры внутренних дел Николай II отверг во время всеподданнейшего доклада Горемыкина, состоявшегося 14 сентября⁹⁰, и не по проискам Андроникова, а поскольку Крыжановский, напоминала Александра Федоровна супругу 17 сентября, «тебе всегда сильно не нравился»; тогда же, принимаемый царицей, «провалу» Крыжановского пытался способствовать не Андроников, а Хвостов, заявивший,

⁸⁵ Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима... Т. 4. М.—Л., 1925. С. 152–155.

⁸⁶ М. М. Андроников — В. Н. Воейкову. 23 сентября 1915 г. // РГИА. Ф. 1617 (князь М. М. Андроников). Оп. 1. Д. 63. Л. 26 об.

⁸⁷ Александра Федоровна — Николаю II. 29 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 237.

⁸⁸ Александра Федоровна — Николаю II. 17 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 304.

⁸⁹ Николай II — Александре Федоровне. 19 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 316.

⁹⁰ Там же.

что государственный секретарь — «очень дурной человек»⁹¹, иными словами — Николай II отказался от замены Щербатова Крыжановским независимо от отрицательного мнения о нем Хвостова, а тем более — Андроникова. В другом месте своих показаний Белецкий утверждал, что его сближение с Хвостовым последовало помимо Андроникова⁹². К Вырубовой Белецкий ездил вместе с Андрониковым⁹³ 20 сентября⁹⁴, а к Воейкову, вместе с Хвостовым, — после состоявшегося 23 сентября приема последнего Николаем II⁹⁵. Все эти неточности можно объяснить, во-первых, тем, что Андроников сознательно блефовал перед Белецким, разыгрывая роль этакого кукловода и стремясь обеспечить за собой влияние на сенатора, а во-вторых — желанием Белецкого подыграть Чрезвычайной следственной комиссии, которая пыталась документально подтвердить миф о решающем влиянии представителей «темных сил», в частности Андроникова, на высшую кадровую политику.

Хотя роль Андроникова в подготовке назначения Хвостова сводилась к исключительно служебной роли посредника, Александра Федоровна беспокоилась, как бы болтливость князя не выставила в превратном свете ее и Вырубову. «Андроников, — сообщила Александра Федоровна мужу 20 сентября, — дал Ане честное слово, что никто не будет знать, что Хвостов и Белецкий бывают у нее (она выдается с ними в своем доме, не во дворце), так что ее имя и мое не будут в этом замешаны»⁹⁶. Поначалу тайну удавалось сохранять вполне. «Очень шатким, — сообщил Д. Н. Матвееву крупный чиновник МВД Н. Д. Тальберг 19 сентября, — продолжают считать положение нашего шефа, преемниками которого называют Крыжановского, Веревкина (товарища министра юстиции), Ал[ександра] Трепова, даже Муратова»⁹⁷. Примечательно, что кандидат императора, в отличие от кандидата премьера, в этом списке отсутствует.

Приехав в Царское Село 23 сентября, Николай II вызвал Хвостова «поговорить о текущих делах»⁹⁸. «После чая, — записал в этот день монарх, — принял молодого Хвостова»⁹⁹. Гоф-фурьер уточнил, что «член Государственной Думы

⁹¹ Александра Федоровна — Николаю II. 17 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 305.

⁹² Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима... Т. 4. М.—Л., 1925. С. 119.

⁹³ Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.—Л., 1924. С. 394, 395.

⁹⁴ Александра Федоровна — Николаю II. 20 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 319.

⁹⁵ *Спиридович А. И.* Указ. соч. С. 184.

⁹⁶ Александра Федоровна — Николаю II. 20 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 319.

⁹⁷ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 129.

⁹⁸ Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.—Л., 1926. С. 7.

⁹⁹ *Николай II.* Указ. соч. С. 155.

в звании камергера Хвостов» «имел счастье» представляться царю от 6 до 8 вечера¹⁰⁰. На этот раз Хвостова-племянника не перепутали с Хвостовым-дядей. Общение между Николаем II и думцем было отмечено печатью характерного для последнего самодержца невинного лукавства. Подразумевая царя, Хвостов показывал: «Он мне ни слова не сказал о моем назначении, говорил о текущих делах, говорил, что читал мои речи, — вполне со мной согласен; говорил об общем положении вещей, — говорил долго... Потом простился со мной и сказал, что будет с большим интересом читать мои речи в Государственной Думе»¹⁰¹. Сразу после возвращения Хвостова в Петроград его по телефону пригласили к Горемыкину. «Когда я приехал к нему, — вспоминал Хвостов, — он показал мне письмо царя о моем назначении», посланное премьеру до встречи Николая II с депутатом. Горемыкин заявил откровенно, что назначение Хвостова «сделано против его желания», поскольку «он вел в министры внутренних дел Крыжановского»¹⁰². «В 3½ поехал в город и на Елагин, — записал императора 24 сентября. — Пил чай с Мамá и Ксенией. Вернулся в поезде с Горемыкиным»¹⁰³. Наверняка сын сообщил матери, что скоро назначение ее любимца станет фактом, однако точно утверждать этого нельзя, поскольку и относящиеся к сентябрю 1915 г. дневниковые записи Марии Федоровны сохранились только за 2, 3, 8, 17 и 18 числа¹⁰⁴. Запись за 24 сентября отсутствует. Вообще обширные лакуны в дневнике вдовствующей императрицы за июль–сентябрь 1915 г. дают основания для предположения о том, что они стали результатом сознательно уничтожения, сделанного в редакции «Последних новостей», которые, имея в своем распоряжении подлинник дневника за указанный период, опубликовали его частично, опустив записи, доказывающие, что к назначению Хвостова была причастна Мария Федоровна, поскольку это противоречило внедренному (в том числе и стараниями редактора газеты П. Н. Милюкова) в массовое сознание мифу, будто данное назначение стало результатом влияния «темных сил».

25 сентября Николай II принял «в 11 час. — Щербатова и в 12 час. — Самарина и, — отметил император в своем дневнике, — простился с обоими»¹⁰⁵. «Государь, — описывал встречу царя с князем А. И. Спиридович, — как всегда, милостиво и внимательно выслушал доклад и согласился на назначение одного рекомендованного министром губернатора. По окончании доклада, встав, государь, как бы конфузясь, объявил министру об его увольнении». «Я почувствовал, — сообщил Щербатов Спиридовичу уже в эмиграции, — что у меня гора с плеч сваливается,

¹⁰⁰ Черновой Камер-фурьерский журнал за сентябрь 1915 г. // РГИА. Ф. 516 (камер-фурьерские журналы). Оп. 219/2728. Д. 41. Л. 167 об.

¹⁰¹ Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 7.

¹⁰² Хвостов А. Н. Указ. соч. С. 165.

¹⁰³ Николай II. Указ. соч. С. 155.

¹⁰⁴ Мария Федоровна. Указ. соч. С. 91.

¹⁰⁵ Николай II. Указ. соч. С. 155.

и я искренне сказал: “Покорнейше благодарю, Ваше величество”». «Государь, — писал Спиридович, — обнял князя, выразил сожаление и объявил о назначении его членом Государственного Совета. Князь поблагодарил, но отказался, мотивируя это тем, что он должен вернуться в имение. Немного удивившись, государь ничего не сказал и молча пожал князю руку. На другой день Щербатов получил фотографию императора с подписью»¹⁰⁶. Распроцавшись с отставляемыми министрами, царь написал А. С. Танееву, главноуправляющему Собственной его величества канцелярией: «Пришлите мне указы об увольнении: князя Щербатова от должности управляющего Министерством внутренних дел и Самарина от должности исправляющего должность обер-прокурора Св. Синода. О назначении члена Государственной Думы Хвостова управляющим Министерством внутренних дел. Николай. 25 сентября 1915»¹⁰⁷. Подготовленные Танеевым указы о назначениях Хвостова и Белецкого царь подписал 26 и 28 сентября¹⁰⁸. Таким образом, во всей истории назначения Хвостова с начала и до конца Николай II сохранял за собой главную роль, несравнимую по своему значению с явно второстепенными ролями Александры Федоровны, Вырубовой и Андроникова, не говоря уже об отсутствовавшем Распутине.

Старец вернулся в Петроград лишь 28 сентября¹⁰⁹, будучи «заранее предупрежден телеграммой» о произведенных кадровых переменах¹¹⁰, и в тот же день посетил императорскую чету. «Вечер, — записал тогда Николай II, — провели хорошо у Ани с Григорием»¹¹¹. Встреча старца с Хвостовым и Белецким состоялась уже после их назначений, 29 сентября, на квартире Андроникова во время данного им обеда и в присутствии Червинской. «Из первых же слов, — показывал Белецкий, — Распутин дал понять, что он несколько недоволен тем, что наше назначение состоялось в его отсутствие»¹¹². Тем не менее, преувеличивая свое значение, виновником возвышения Хвостова и Белецкого Распутин представлял себя. «Меня злило, — возмущался по этому поводу Андроников, — когда Распутин говорил: “Я назначил Хвостова, я назначил Белецкого”... Это была неправда, потому что Хвостов был назначен 24–25 августа (правильно — 26 сентября. — С. К.), а Распутин приехал в сентябре!»¹¹³ Впрочем, Андроников сам,

¹⁰⁶ Спиридович А. И. Указ. соч. С. 187.

¹⁰⁷ Николай II — А. С. Танееву. 25 сентября 1915 г. // РГИА. Ф. 1409 (Собственная его величества канцелярия). Оп. 9. Д. 321. Л. 7.

¹⁰⁸ Куликов С. В. «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 — февраль 1917). // Из глубины времен. 1994. Вып. 3. С. 50.

¹⁰⁹ Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным... С. 274.

¹¹⁰ Допрос князя Н. Б. Щербатова. 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима... Т. 7. М.–Л., 1927. С. 215.

¹¹¹ Николай II. Указ. соч. С. 156.

¹¹² Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима... Т. 4. М.–Л., 1925. С. 161.

¹¹³ Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.–Л., 1925. С. 379.

кадя своему самолюбию, перед непосвященными, в частности перед Белецким, тоже представлял дело так, будто он и является автором кандидатуры Хвостова. Понятно, что старец и князь выдавали желаемое за действительное, и назначение Хвостова всецело предопределялось не влиянием «темных сил», а личным выбором Николая II. Впрочем, 2 марта 1916 г., когда Хвостов, который скомпрометировал себя причастностью к «делу Б. М. Ржевского»¹¹⁴, вот-вот должен был получить отставку, Александра Федоровна сокрушенно писала мужу, подразумевая себя и Вырубову: «Я в отчаянии, что мы через Григория рекомендовали тебе Хвостова. Мысль об этом не дает мне покоя, ты был против этого, а я сделала по их настоянию»¹¹⁵. Однако это — явный самоговор, поскольку в данном случае экзальтированная царица, как всякий любящий человек, попыталась переложить вину с любимого человека на себя — субъект любви всегда приписывает объекту любви все успехи, даже свои, и кается за неудачи, даже чужие.

Главной причиной появления версии о Хвостове как ставленнике камарильи стало функционирование машины «черного пиара», одним из виртуозных пользователей которой в начале XX в. являлся А. И. Гучков. Уже 1 октября 1915 г. соратник лидера октябристов М. С. Маргулиес говорил петроградскому городскому голове графу И. И. Толстому со слов Гучкова, что «Хвостов назначен министром по желанию Распутина, познакомившегося с совсем молодым еще Хвостовым в бытность его вице-губернатором или губернатором». Весьма характерно — Толстой, хороший знавший Гучкова как гласного Петроградской городской думы с 1913 г., отметил, что его информация «не внушает чрезмерного доверия», поскольку исходит от политика, который «ради своих целей не женируется с истиной, и когда ему это кажется нужным — привирает и выдумывает за дорогую душу»¹¹⁶. Однако у менее искушенных общественных и государственных деятелей Гучков имел репутацию респектабельного политика, а потому распространявшаяся им ложь воспринималась как правда. Сыграл роль и массовый психоз, охвативший накануне Февральской революции 1917 г. широкие круги населения и заставлявший видеть «руку Распутина» едва ли не во всем. «Рассказами о Гришке полна Россия, — записал Л. А. Тихомиров 2 января 1916 г. — Так, еще недавно слышал уверения, что Хвостов назначен в министры Гришкой. Нет сомнения, что все такие слухи раздуваются врагами самодержавия, но это не изменяет результатов»¹¹⁷.

Рассмотрение предыстории и механизма назначения Хвостова управляющим МВД показывает, что это событие было вызвано вескими политическими причинами, а не происками камарильи. Помимо того, что Хвостов своей государственной и общественной деятельностью заслужил авторитет у Николая II,

¹¹⁴ См. о нем: Куликов С. В. Дело Б. М. Ржевского // Из глубины времен. 2011. Вып. 14. С. 4–40.

¹¹⁵ Александра Федоровна — Николаю II. 2 марта 1916 г. // Переписка Николая и Александры... С. 501.

¹¹⁶ Толстой И. И. Дневник: В 2 т. СПб., 2010. Т. 2. С. 815.

¹¹⁷ Тихомиров Л. А. Дневник. 1915–1917 гг. М., 2008. С. 188.

он еще, как сообщал супруге назначенный член Группы центра Государственного Совета князь А. Д. Оболенский, получил известность как «принципиальный немцененавистник»¹¹⁸. «Во время войны, — вспоминала Вырубова, — Хвостов был правым членом Думы, стал произносить громовые речи против немецкого засилия. Государь взял его, сказав, что “уж его в шпионстве не заподозрят”»¹¹⁹. Выбирая Хвостова, Николай II хотел добиться нейтрализации слухов об «измене наверху», которые, как показали московские волнения конца 1915 г., начали приобретать антидинастический характер. Поскольку Хвостов, особенно после речи 3 августа, имел репутацию яркого германофоба и являлся в этом смысле знаковой фигурой, его назначение, по мысли царя, должно было доказать несостоятельность подозрений, захвативших массовое сознание.

Существовала еще одна политическая причина, вызвавшая возвышение Хвостова, который, по мнению П. Н. Милокова, получил портфель как «кандидат крайних правых организаций» и «ставленник Союза русского народа»¹²⁰. Но уже И. И. Толстой был более осторожен, хотя и записал 27 сентября 1915 г., что замена Щербатова Хвостовым «является, несомненно, сдвигом вправо, к реакции». «Впрочем, — оговаривался граф, — по слухам, Хвостов умнее Щербатова и, может быть, он окажется менее партийным, чем дозволено опасаться, на новом ответственном посту»¹²¹. Более осведомленный П. Б. Струве прямо утверждал, что «якобы “правый” господин Хвостов гораздо дальше от консерватизма, чем якобы “левый” князь Щербатов», а потому: «Никакого сдвига направо не совершилось»¹²². «Министром внутренних дел назначен Хвостов, член Государственной Думы, — комментировал данное событие великий князь Андрей Владимирович 27 сентября 1915 г. — Об этих переменах уже давно говорили как о первом предвестнике ответственного перед палатами министерства»¹²³. Назначение Хвостова, подчеркивал Волконский, «было сделано под влиянием общественного мнения»¹²⁴. Подразумевая это назначение, Г. Е. Львов признавал: «Несомненно, тут была идея — мы идем навстречу обществу, мы берем наших министров из рядов избранников народа»¹²⁵. «Царю все навязывали общественных деятелей, — комментировал возвышение Хвостова В. Б. Лопухин. — С благословения Распутина он и взял себе общественного деятеля

¹¹⁸ Иванов А. А. Указ. соч. С. 221.

¹¹⁹ Вырубова А. А. Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. СПб., 2005. С. 110.

¹²⁰ Милоков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 30, 32.

¹²¹ Толстой И. И. Указ. соч. С. 813.

¹²² Струве П. Б. Неотвратимое совершается // Биржевые ведомости. 1915. 11 октября.

¹²³ Андрей Владимирович, вел. кн. Военный дневник (1914–1917). С. 188.

¹²⁴ Показания князя В. М. Волконского. 19 июля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 137.

¹²⁵ Соколов Н. А. Предварительное следствие 1919–1922 гг. // Российский архив. 1998. Т. 8. С. 215.

в министры внутренних дел, думая угодить общественности»¹²⁶. Образование в конце августа 1915 г. Прогрессивного блока актуализировало для царя вопрос о соглашении правительства с оппозицией, которое не выглядело бы как капитуляция власти, что могло, по мнению Николая II, привести к усилению внутривластной дестабилизации. И Хвостов, беспартийный правый, близкий в то же время к Прогрессивному блоку, как никто другой подходил для решения указанного вопроса. С учетом всех этих причин назначение Хвостова свидетельствовало о полной адекватности Николая II как правителя и эффективности, даже — эффектности, проводившейся им высшей кадровой политики и само по себе не может быть рассмотрено как доказательство «кризиса самодержавия», который если и проявлялся, то отнюдь не в предыстории и механизме назначения Хвостова управляющим МВД.

References

- Andrey Vladimirovich, vel. kn. Voennyj dnevnik (1914–1917)*. М., 2008.
Аврех А. Я. Тсаризм накануне свержения. М., 1989.
Dyakin V.S. Russkaya burzhuaziya i tsarizm v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1917). Л., 1967.
Gurko V.I. Tsar' i tsaritsa // Nikolay Vtoroy. Vospominaniya. Dnevnik. SPb., 1994.
Hvostov A.N. Iz vospominaniy // Golos minuvshogo. 1923. № 2.
Iskenderov A.A. Zakat Imperii. М., 2001.
Ivanov A.A. Prave v russkom parlamente: ot krizisa k krahu (1914–1917). М.–СПб., 2013.
Kryzhanovskiy S.E. Vospominaniya. Iz bumag poslednego gosudarstvennogo sekretarya Rossiyskoy imperii. SPb., 2009.
Kulikov S.V. «Ministerskaya cheharda» v Rossii perioda Pervoy mirovoy voyny. Hronika sobyтий (iyul' 1914 – fevral' 1917) // Iz glubiny vremen. 1994. Vyp. 3.
Kulikov S.V. Byurokraticheskaya elita Rossiyskoy imperii nakanune padeniya starogo poryadka (1914–1917). Ryazan', 2004.
Kulikov S.V. Delo B. M. Rzhhevskogo // Iz glubiny vremen. 2011. Vyp. 14.
Kulikov S.V. Praktika popolneniya sostava chlenov Gosudarstvennogo soвета po naznacheniyu v 1906–1917 gg. // Problemy sotsial'nogo i gumanitarnogo znaniya: Sbornik nauchnykh rabot. Vyp. 2. SPb., 2000.
Lopuhin V.B. Zapiski byvshego direktora Departamenta MID. SPb., 2008.
Mariya Fedorovna. Dnevnik (1914–1920, 1923 gg.). М., 2005.
Mel'gunov S.P. Legenda o separatnom mire. Kanun revolyutsii. М., 2006.
Milyukov P.N. Istoriya vtoroy russkoy revolyutsii. М., 2001.
Milyukov P.N. Vospominaniya: V 2 t. М., 1990.
Nikolay II. Dnevnik (1894–1918): V 2 t. М., 2013.
Oratori Rossii v Gosudarstvennoi dume (1906–1917 gg.). Sost. М.А. Буланаква, S.V. Kulikov i О.А. Патрикеева. V 2 t. SPb., 2004.
Padenie carskogo rejima. Stenograficheskie otcheti doprosov i pokazanii, dannih v 1917 g. v Chrezvichainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitelstva: V 7 t. М.–Л., 1924–1927.
Perepiska Nikolaya i Aleksandri. М., 2013.
Postanovlenie sledovatelya ChSK Vremennogo pravitelstva F.P. Simsona. 1 noyabrya 1917 g. // Iskenderov A. A. Zakat Imperii. М., 2001.
Rudnev V.M. Pravda o tsarskoy sem'e i «temnykh silah» // Svyatoy chert. Tayna Grigoriya Rasputina. Vospominaniya. Dokumenty. Materialy Sledstvennoy komissii. М., 1990.
Sokolov N.A. Predvaritel'noe sledstvie 1919–1922 gg. // Rossiyskiy arhiv. 1998. T. 8.
Spiridovich A.I. Velikaya voyna i Fevral'skaya revolyutsiya. Vospominaniya. Minsk, 2004.
Struve P.B. Neotvratimoe sovershaetsya // Birzhevye vedomosti. 1915. 11 oktyabrya.
Suhomlinov V.A. Dnevnik // Dela i dni. 1922. Kn. 3.
Sultanov S.M. A.N. Hvostov (Pis'mo iz Moskvy) // Birzhevye vedomosti. 1915. 7 oktyabrya.

- Tihomirov L.A. Dnevnik. 1915–1917 gg. М., 2008.*
Tolstoy I.I. Dnevnik: V 2 t. SPb., 2010.
 «Uspokoeniya nechego ojidat'». Pisma knyazyza М.М. Andronikova Nikolayu II, Aleksandre Fedorovne, А.А. Virubovoi i V.N. Voeikovu // Istochnik. 1999. № 1.
Voeikov V.N. S tsarem i bez tsarya. Vospominaniya poslednego dvortsovogo komendanta gosudarya imperatora Nikolaya II. М., 1995.
Vyrubova A.A. Stranitsy moey zhizni // Vernaya Bogu, Tsaryu i Otechestvu. Anna Aleksandrovna Taneeva (Vyrubova) — monahinya Mariya. SPb., 2005.

Список литературы

- Аврех А. Я. Тсаризм накануне свержения*. М., 1989.
Андрей Владимирович, вел. кн. Военный дневник (1914–1917). М., 2008.
Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995.
Вырубова А.А. Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. СПб., 2005.
Гурко В.И. Царь и царица // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.
Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.
Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.–СПб., 2013.
Искендеров А.А. Закат Империи. М., 2001.
Куликов С.В. «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 — февраль 1917). // Из глубины времен. 1994. Вып. 3.
Куликов С.В. Практика пополнения состава членов Государственного Совета по назначению в 1906–1917 гг. // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сборник научных работ. Вып. 2. СПб., 2000.
Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.
Куликов С.В. Дело Б.М. Ржевского // Из глубины времен. 2011. Вып. 14.
Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009.
Лопухин В.Б. Записки бывшего директора Департамента МИД. СПб., 2008.
Мария Федоровна. Дневники (1914–1920, 1923 гг.). М., 2005.
Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006.
Миллюков П.Н. Воспоминания: В 2 т. М., 1990.
Миллюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001.
Николай II. Дневники (1894–1918). В 2 т. М., 2013.
Ораторы России в Государственной думе (1906–1917 гг.). Сост. М.А. Буланаква, С.В. Куликов и О.А. Патрикеева. В 2 т. СПб., 2004.
Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: В 7 т. М.–Л., 1924–1927.
Переписка Николая и Александры. М., 2013.
Постановление следователя ЧСК Временного правительства Ф.П. Симсона. 1 ноября 1917 г. // Искендеров А.А. Закат Империи. М., 2001.
Руднев В.М. Правда о царской семье и «темных силах» // Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы Следственной комиссии. М., 1990.
Соколов Н.А. Предварительное следствие 1919–1922 гг. // Российский архив. 1998. Т. 8.
Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Минск, 2004.
Струве П.Б. Неотвратимое совершается // Биржевые ведомости. 1915 г. 11 октября.
Султанов С.М. А.Н. Хвостов (Письмо из Москвы) // Биржевые ведомости. 1915. 7 октября.
Сухомлинов В.А. Дневник // Дела и дни. 1922. Кн. 3.
Тихомиров Л.А. Дневник. 1915–1917 гг. М., 2008.
Толстой И.И. Дневник: В 2 т. СПб., 2010.
 «Успокоения нечего ожидать». Письма князя М.М. Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А.А. Вырубовой и В.Н. Воейкову // Источник. 1999. № 1.
Хвостов А.Н. Из воспоминаний // Голос минувшего. 1923. № 2.

¹²⁶ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора Департамента МИД. СПб., 2008. С. 255.

А. А. Касатов

Жесты и письменное слово в баронии Грама середины XIV в. (по материалам НИА СПбИИ РАН)

В Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН хранится лист пергамента, некогда приобретенный выдающимся российским ученым и коллекционером академиком Н. П. Лихачевым, на котором помещены сразу два документа (грамоты), составленные от лица одного нотариуса с разницей в один день (9 и 10 апреля соответственно) 1366 г., которыми зафиксировано установление связи сеньор–вассал между благородными людьми (*nobiles homines*) согласно принятым правилам, служившим оформлению того, что традиционно принято называть «феодальными отношениями».

Обе грамоты описывают почти исключительно французские реалии, а именно установление вассально-сеньориальных отношений между французскими землевладельцами. Суть дела не меняет то обстоятельство, что территория исторической провинции (сенешальства) Керси с центром в Кагоре, в пределах которой и лежали их владения, отошла по миру в Бретиньи от 8 мая 1360 г. английской короне¹. Верховным сюзереном, а может быть, и сеньором некоторых лиц, названных в документах, был Эдуард Черный принц (1330–1376), старший сына Эдуарда III (1312–1377).

Нам неизвестно в точности, у кого Н. П. Лихачев приобрел этот кусок пергамента, поскольку круг его корреспондентов был весьма обширен². В ряде слу-

чаев существенным, а иногда единственным подспорьем в деле установления происхождения документов оказываются обложки, которыми снабжены некоторые из них, и прежде всего наклеенные на эти обложки аннотации, нередко представляющие собой вырезки из аукционных или торговых каталогов³. В нашем распоряжении есть только аннотация, которая представляет собой вырезку из каталога, в чем нас убеждает и № 10523, являющийся номером лота, под которым этот документ проходил на каком-то аукционе.

Обращение к каталогам антикварных домов Шараве, у которых Н. П. Лихачев приобретал многие документы, не дало результатов. А вот знакомство с документами, приобретенными Н. П. Лихачевым у братьев Саффруа (*Saffroy frères*) позволяет предположить, что наш документ был куплен как раз у этого антикварного дома⁴. Они также имеют наклейки со сходно оформленным компактным текстом и указанием цены во франках (наш документ был оценен в 6 франков).

Пергаменный лист, содержащий рассматриваемые документы, имеет размеры 280 × 360 мм; сами документы, будучи оформлены южнофранцузским нотариусом, не несут на себе следов печати, не имеют прорезей, через которые могли бы быть протянуты пергаменная ленточка или шелковые нити, с помощью которых в ту пору привешивалась печать. Личный знак нотариуса помещен в конце каждого документа. Лист некогда был сложен в четыре раза по вертикали и один раз по горизонтали. В одном месте, как раз на вертикальном сгибе, документ протерт и разорван, еще в одном мы находим две небольшие дырочки, еще один дефект листа, который к тому же сверху был чем-то залит или запачкан. То, что к тексту обращались, должно быть, архивисты последующих веков, видно по некоторым подчеркиваниям. Судя по цвету чернил, нельзя исключить того, что они были сделаны еще в средневековье, а смысл их, как представляется, состоял в выделении наиболее важных мест текста, т.е. указаний на действующих лиц, отдельные имена и названия мест, просто понятия, смысл которых читатель грамоты пытался себе уяснить, когда, например, он сталкивался с общим указанием на какие-либо правоотношения, представить которые конкретно можно было, лишь внимательно изучив содержание документа. Обратная (дорсальная) сторона пергамента содержит крайне мало помет.

«Французские акты XI–XIII вв. из собрания Н. П. Лихачева: к вопросу о формировании коллекции», прочитанном на конференции «Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа», приуроченной к проведению выставки «Звучат лишь письмена»: к 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева 15–17 мая 2012 г., а потом и в статье: Чиркова А. В. Французские акты XI–XIII вв. из собрания Н. П. Лихачева: к вопросу о формировании коллекции // Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа: Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXI. СПб., 2014. С. 122–135.

³ Климанов Л. Г. Н. П. Лихачев-коллекционер и его связи: антиквары, коллекционеры, ученые (по различным источникам) // Звучат лишь письмена. СПб., 2012. С. 565.

⁴ НИА СПбИИ РАН. Колл. 9. Картон 342. Д. 13. Выражаю признательность сотруднице Научно-исторического архива СПбИИ РАН Е. И. Носовой за помощь в идентификации коллекционерского дома.

¹ *Moisant J.* Le prince Noir en Aquitaine 1355–56–1362–1370. Paris, 1894. P. 77, 81.

² СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 82, 84, 87, 30, 246; НИА СПбИИ РАН. Колл. 55. Вопрос формирования коллекции был обстоятельно освещен сначала в докладе А. В. Чирковой

Текст обоих документов (грамот) написан характерным для французских документов XIV в. канцелярским курсивом⁵.

Обе грамоты близки по содержанию и были составлены в пользу одного и того же человека, сеньора Грама, Жана д'Эгрефёй, который был, очевидно, наиболее заинтересован в документальном подтверждении принесенного ему оммажа и был даже инициатором в деле составления документа, что и объясняет их появление на одном листе пергамента.

Барония Грама, сформировавшаяся к середине X в., была не самым последним феодальным владением в Тулузском графстве, а бароны Грама были арьервассалами французских королей. Весьма обширная барония Грама включала в себя шателенства Грама (Gramat), Каренак (Carenac), Лубрессак (Loubressac), Айнак (Aynac), Мренак-Лантур (Maughnac-Lentour), Лавернь (Lavergne) и др. Названные шателенства лежали в границах целого ряда церковных приходов епархии Кагор, в частности шателенство Каренак располагалось на территории прихода Менаг (Maunagues). Многие из перечисленных топонимов упомянуты в двух исследуемых грамотах.

Грамоты интересны по двум причинам: как отражение практики нотариального свидетельства, которая утвердилась в Южной Франции уже к середине XIII в.; и как отражение такого древнего явления, восходящего к франкским, если не к еще более отдаленным временам, пусть и поздно фиксируемого посредством специальной терминологии (*hominium* и *homo*), как оммаж, сопровождавшийся целой серией специальных жестов.

Отсутствие печатей объясняется тем фактом, что именно нотариусы придавали законную силу составляемым ими документам. Сначала они ставили знак (*signum*), а позже стали подписывать документы, причем каждый имел свою форму подписи. В документе нотариус назван «публичным», а упомянутое в нашем документе определение «*clericus*» почти наверняка свидетельствует о его принадлежности к духовенству. Имя нотариуса написано нечетко, возможно, не обошлось и без сокращений. Точно можно сказать, что его звали Раймунд. Откуда он происходил — остается только гадать, но право заверять документы своей подписью он мог получить от консулов Грама, ведь институт консулата возник здесь еще в 1224 г.

Что касается общей исторической ситуации, описанной в документах, то известно, что еще 7 января 1365 г. отец главного героя наших грамот, Адемар, принес оммаж за баронию Грама, но почти сразу же передал ее своему, как сказано в одном из документов, «эмансипированному», т.е. признанному самостоятельным, сыну Жану. В феврале 1365 г. Жан д'Эгрефёй женится на Анне де Террид, дочери Бертрана, сеньора баронии Грама. С большой долей вероятности установлено, что начало нового года в этот период отсчитывалось от праздника Благовещения в Лангедоке и особенно в Руэрге, и Керси, приходившегося

⁵ НИА СПб ИИ РАН. Колл. 18. Картон 381. Д. 6.

на 25 марта. Можно сказать, что между событиями, описанными в грамотах, и самим актом передачи имущества (апрель 1366 г.) прошли считанные месяцы. Произошедшая смена владельцев и потребовала повторной процедуры оммажа со стороны вассалов⁶.

Документ сообщает всем, кто его «увидит» или «услышит», что в год 1366, в четверг (*die Jovis*), в девятый день месяца апреля около Грама в диоцезе Кагора перед лицом нотариуса Раймунда и свидетелей, поименно названных в конце документа, собрались представители местного дворянства. Далее в грамоте содержится описание круга лиц, отношения между которыми она и была призвана оформить. Сказано, что перед лицом знатного и могущественного (*comit nobili et potenti*) Жана д'Эгрефёй явился Раймунд де Верноль. При этом оба они именовались *domicellus*, по всей видимости, в значении молодой господин, что и понятно, учитывая, что названный Раймунд действовал с согласия и по воле отца, тоже Раймунда, а Жан д'Эгрефёй совсем недавно женился. Раймунд-младший представлял одновременно свою жену, добровольно и по ее поручению, вместо нее и от ее имени, Жанну Ангулемскую (*Ingolisma*). Он признал за себя и свою жену тот факт, что он держит в настоящий момент, а предшественники самой Жанны держали ранее от предшественников сеньора Грама перечисленные дальше в грамоте владения. Раймунд перенимал на себя те обязательства, которые выполняли предшественники Жанны как землевладельцы.

Статус имущества, которое держал от Жана д'Эгрефёй названный Раймунд, было определено как «свободный и почетный феодал» (*feudum francum et honoratum*). Имущество с таким статусом было распространено как раз на территории Юга, и юридически такие свободные феодалы занимали промежуточное положение между собственно феодалами и аллодами, а выражение *feudum honoratum* появляется в документах XII в. (например в 1185)⁷. Однако в отличие от аллода «свободный феодал» вовсе не являлся имуществом, независимым от какого бы то ни было сеньора, его обладатель — вассал, он приносил оммаж и клятву верности. Такой свободный феодал подчинялся правилу наследования по мужской линии и правилу примогенитуры, общему для системы феодалов. Ф.Л. Гансхоф отмечает, что свободный феодал в Лангедоке уже к концу XII в. был четко очерченным институтом, предполагая лишь клятву верности да право сеньора воспользоваться замком, если таковой имелся в границах феодала⁸.

⁶ См. *Giry A.* Manuel de diplomatique. Paris, 1925. P. 107; Garrigues Damien Les styles du commencement de l'année dans le Midi. L'emploi de l'année pisane en pays toulousain et Languedoc // *Annales du Midi: revue archéologique, historique et philologique de la France méridionale* Année 1941. Vol. 53. N 211. P. 239.

⁷ *Chénon É.* Étude sur l'histoire des alleux en France: avec une carte des pays allodiaux. Paris, 1888. Vol. 1. P. 88–89; *Ourliac P.* La féodalité et son histoire // *Revue historique de droit français et étranger.* 1975. 73e année. P. 14; *Fourquin G.* Seigneurie et féodalité. Paris, 1970. P. 128.

⁸ *Ganshof F.L.* Feudalism. Reprint of the 3rd ed. New York, 1996. P. 119.

Любопытен сам по себе факт письменной фиксации процедуры оммажа, свидетельствующий о постепенном слиянии двух практик, порожденных разными историческими условиями. В документе красноречиво описана процедура принесения оммажа Раймундом новому сеньору, Жану д'Эгрефёй: преклонив колени (*flexis genibus*), сбросив капюшон (*amoto sarcio*), протянув сложенные руки, которые охватили (хотя точнее перевести «похлопали») руки сеньора (*manibus junctis et manibus dicti nobilis domini de Gramato conplosis*), — он принес оммаж и клятву верности, скрепив его отдельно клятвой на Священном Писании (*ad sacra dei evangelia juramentum*). При этом они оба поклялись, один — быть верным и добрым вассалом, второй — защищать его. После сказанного последовали «поцелуй мира» и акт инвеституры (*cum pacis osculo investivit*). Приведенную фразу можно было бы понимать как совершение акта инвеституры путем поцелуя, что совершенно чуждо классическому оммажу, где эти процедуры были разведены. Однако нам представляется более верным просто механическое соединение двух актов, как таковое, тоже знаковое и редко встречающееся явление. Далее, по просьбе уже Бертрана де Террид, Раймунд, нотариус, составил документ в более совершенной форме (*meliore forma*) и передал его барону де Террид. По всей видимости, речь шла о каком-то другом документе.

Следующая грамота содержит текст, весьма близкий по содержанию только что рассмотренному, только в качестве действующего лица назван некто Бертран де Туела. Он, как и Раймунд, предстал перед Жаном д'Эгрефёй, но обряд оммажа здесь представлен иначе. Бертран, в отличие от Раймунда, не склонил колени, а остался стоять, в то время как его сеньор — сидеть (*stando pedibus et dicto nobili sedendo*). Можно объяснить это тем, что Бертран в отличие от Раймунда, названного *domicellus*, т.е. молодой господин, а то и просто оруженосец, был рыцарем (*miles*), то есть лицом более высокого статуса. Имевшая место процедура также была осуществлена при посредничестве прево Бертрана де Террид, Геральда.

Как и в первом случае, последовала процедура отказа и освобождения (*quitavit et liberavit*) Бертрана от оммажа и клятвы верности прежнему сеньору Грама Бертрану де Террид, после чего он торжественно обещал за себя и наследников держать имущество, чье местоположение было подробно описано и располагалось в границах современного департамента Лот, на праве свободного и почетного феода от Жана д'Эгрефёй. Названный Бертран, обнажив голову (*amoto sarcio*), принес оммаж и поклялся на Священном Писании быть вассалом Жана и хранить ему верность (*esse debere vassallus... fecit omathgium et fidelitatis ad sancta dei evangelia juramentum*). В свою очередь Жан брал на себя обязательства обращаться с Бертраном так, как «должен добрый и верный господин поступать со своим вассалом» (*que bonus et fidelis dominus facit et facere debet et tenetur suo fideli vassalo*). После чего последовал всё тот же поцелуй мира и акт инвеституры (*cum osculo pacis investivit*). Отметим, что в документе никак не выражен жест сложенных и вложенных друг в друга рук и вообще ни-

как не упомянуто, были ли они как-либо задействованы. По просьбе обеих сторон нотариус Раймунд составил два экземпляра — по одному для каждой из сторон (*duo consimilia instrumenta*, но текст в этом месте читается плохо), указав при этом, что так ему положено по должности. Скорее всего, одним из этих экземпляров и был наш лист пергамента, в то время как другой экземпляр должен был получить Бертран.

В обеих грамотах хорошо представлен весь цикл составления документа, который был совершен нотариусом. Он составлялся для каждой из них, после чего следовала проверка (*inquisivi*), затем вносилась соответствующая запись в регистр, потом готовился «чистовой» (переписанный набело) отпуск (*recipi, notavi, grossavi*), с тем чтобы документ приобрел общественно признанную форму (*in... formam publicam*), после чего ставился именной знак (*signoque meo solito signavi*). Завершая второй документ, нотариус особо оговорил, что настоящая грамота (имелись в виду оба текста) остается сеньору Грама (*hoc est instrumentum domini de Gramato*), названному Жану д'Эгрефёй.

Списки свидетелей обоих документов несколько отличаются, причем в первом случае он был более подробным, что, возможно, объясняется более сложной ситуацией, а именно: вассал не просто приносил оммаж новому сеньору, но и женился на женщине, державшей отчуждаемые владения от этого сеньора, что автоматически расширяло круг заинтересованных лиц. Обращение к инвентарям этой баронии показывает, что подобного рода оммажи Жану д'Эгрефёй приносили и другие держатели. Так, некто Вильгельм де Валет и Арман де Грама (должно быть, местный уроженец) оба были держателями названного Жана, но только первый принес оммаж в следующем — 1367 г.⁹ О времени принесения оммажа вторым нам ничего неизвестно.

Подводя итог, можно утверждать, что наш документ, являясь, бесспорно, оригиналом, проливает дополнительный свет на практику позднего оммажа, где наряду с традиционными военной и имущественной составляющей важное место занимает идея мира и защиты. Тем более что в условиях Столетней войны последнее было совершенно нелишним. Одновременно мы в очередной раз сталкиваемся с укоренившейся традицией письменной фиксации таких отношений, равно как получаем свидетельство активности нотариата и обстоятельств работы нотариуса в Южной Франции XIV в., не говоря уже о том, что сам по себе документ несет индивидуальность составившего его нотариуса Раймунда, что выразилось в двух каллиграфически выполненных подписях.

References

- Chénon É.* Étude sur l'histoire des alleux en France: avec une carte des pays allodiaux. Paris, 1888. Vol. 1.
Chirkova A. V. Francuzskie aktî XI–XIII vv, iz sobraniâ N. P. Lihačeva: k voprosu o formirovanii kolekcii // Nasledie Nikolaâ Petrovicha Lichačeva: interpretaciâ teksta i obraza. Trudî Gosudarstvennogo Ermitaža. T. LXXI. SPb., 2014. S. 122–135.

⁹ Inventaire sommaire des archives départementales antérieures à 1790: Lot: Table générale des série A à H. 2 vols. Cahors, 1938. Tome 1. Serie F. P. 143.

Fourquin G. Seigneurie et féodalité. Paris, 1970.

Ganshof F.L. Feudalism. Reprint of the 3rd ed. New York, 1996.

Garrigues D. Les styles du commencement de l'année dans le Midi. L'emploi de l'année pisane en pays toulousain et Languedoc // *Annales du Midi: revue archéologique, historique et philologique de la France méridionale* Année 1941. Vol. 53. N 211. P. 237–270.

Giry A. Manuel de diplomatique. Paris, 1925.

Inventaire sommaire des archives départementales antérieures à 1790: Lot: Table générale des série A à H. 2 vols. Cahors, 1938. Tome 1. Serie F.

Klimanov L.G. Lihačev — kollekcijoner i ego svyazi: antikvari, kollekcijoneri, učenîe (po različnîm istočnikam) // *Zvuchat lich' pismena*. SPb., 2012. S. 565–594.

Moisant J. Le prince Noir en Aquitaine 1355–56–1362–1370. Paris, 1894.

Ourliac P. La féodalité et son histoire // *Revue historique de droit français et étranger*. 1975. 73e année.

Список литературы

Chénon É. Étude sur l'histoire des alleux en France: avec une carte des pays allodiaux. Paris, 1888. Vol. 1.

Fourquin G. Seigneurie et féodalité. Paris, 1970.

Ganshof F.L. Feudalism. Reprint of the 3rd ed. New York. 1996. P. 119.

Garrigues D. Les styles du commencement de l'année dans le Midi. L'emploi de l'année pisane en pays toulousain et Languedoc // *Annales du Midi: revue archéologique, historique et philologique de la France méridionale* Année 1941. Vol. 53. N 211. P. 237–270.

Giry A. Manuel de diplomatique. Paris, 1925.

Inventaire sommaire des archives départementales antérieures à 1790: Lot: Table générale des série A à H. 2 vols. Cahors, 1938. Tome 1. Serie F.

Moisant J. Le prince Noir en Aquitaine 1355–56–1362–1370. Paris, 1894.

Ourliac P. La féodalité et son histoire // *Revue historique de droit français et étranger*. 1975. 73e année.

Klimanov L.G. Н. П. Лихачев-коллекционер и его связи: антиквары, коллекционеры, ученые (по различным источникам) // *Звучат лишь письма*. СПб., 2012. С. 565.

Чиркова А.В. Французские акты XI–XIII вв. из собрания Н.П. Лихачева: к вопросу о формировании коллекции // *Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. Труды Государственного Эрмитажа*. Т. LXXI. СПб., 2014. С. 122–135.

Н. Н. Наумов

«Книга императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке: автор и проблема жанра

«Книга императора Сигизмунда», составленная на средневерхненемецком языке в 1437–1440 гг., — источник много цитируемый, но слабоизученный. Начиная со времени первой, впоследствии подвергнутой серьезной критике публикации 1728 г.¹, исследователи ссылаются на него, когда пишут об известном короле и императоре первой половины XV в. Немецкие историки XIX в. тщательно разобрали все рукописи, дали оценку мере пристрастности автора и предприняли критическое издание памятника². Тем не менее по многим вопросам они не пришли к единому мнению: по-разному определялась мера близости тех или иных рукописей к утраченному оригиналу; оценка источника колебалась от «писанины» недостойного доверия проходимца (О. Лоренц³) до «народной книги», в которой «впервые было рассказано немецкому народу о судьбе одного из его собственных правителей» (Т. фон Керн⁴); к критическому изданию, осуществленному В. Альтманном, предъявили претензии уже через год после его появления⁵. В конце 1980-х гг.

¹ Eberhardi Windeckii Mogunt. Historia vitae Imp. Sigismundi vernacula // *Scriptores rerum Germanicarum, praecipue Saxoniarum...* Ex sua bibliotheca aliisque edidit Io. Burchardus Menkenius. T. 1. Lipsiae, 1728. Col. 1073–1288.

² Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigismunds / Hrsg. von W. Altmann. Berlin, 1893.

³ *Lorenz O.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte des 13. Jhs. Bd. 2. Berlin, 1888. S. 300.

⁴ *Kern Th. von.* Eberhard Windek, der Geschichtsschreiber König Sigismunds // *Zeitschrift für deutsche Kulturgeschichte*. Neue Folge [2. Serie]. Jg. 4. 1875. S. 350.

⁵ *Wyss A.* Eberhard Windeck und sein Sigismundbuch // *Centralblatt für Bibliothekswesen*. Jg. 11, Heft 10–11. 1894. S. 477.

интерес к этому источнику, несколько поуогасший в середине XX в., вновь возродился, причину чего можно видеть в современной привлекательности фигуры Сигизмунда Люксембургского. Этот правитель-космополит, говоривший на шести языках и правивший несколькими государствами — Венгерским королевством, Священной Римской империей и Чешским королевством — полностью отвечал духу европоцентристских устремлений интеллектуалов стран Центральной Европы. За последние два десятилетия не только состоялось несколько конференций, посвященных Сигизмунду, но и был опубликован венгерский перевод «Книги императора Сигизмунда»⁶. В настоящее время готовится новое издание в серии MGH⁷. Но до сих пор сколь-либо полный разбор источника — как в отношении внешней, так и внутренней критики его — не был предпринят в зарубежной историографии. Он остается актуальным и для отечественной науки, знакомой с «Книгой» по существу лишь благодаря краткому параграфу из труда М. А. Бойцова⁸.

Настоящая статья призвана частично восполнить этот пробел и рассмотреть судьбу и характер Эберхарда Виндеке — автора «Книги» — в обоюдной связи с природой и направленностью его произведения. Разделы «Личность автора» и «Проблема жанра», а также итоговое заключение посвящены следующим вопросам: какие черты характеризуют мировоззрение этого человека и как они отразились в его труде? Какова жанровая принадлежность источника и чем она обусловлена? Можно ли различить в судьбе и взглядах Виндеке следы той эпохи, в которой он жил? Данные вопросы относятся к внутренней критике источника и требуют непосредственного обращения к его тексту, но не к рукописной традиции. Ссылка на рукописи дается там, где они позволяют судить о сущности самого текста, либо его восприятию современниками и потомками (например в вопросе о заглавии источника). Ссылки на «Книгу» приводятся по изданию Альтманна, содержащему 473 с., с последовательным указанием капитула, параграфа и страницы по образцу [I, § 1, S. 1].

Личность автора

Неприязнь к патрициату. Автор «Книги императора Сигизмунда» представляется читателю как «Эберхард Виндеке, бюргер из Майнца» [I, § 2, S. 1].

⁶ Eberhard Windecke emlékirata Zsigmond királyról és koráról / Fordította, sajátó alá rendezte és a bevezető tanulmányt írta Skorka Renáta. Budapest, 2008.

⁷ Schneider J. Das illustrierte «Buch von Kaiser Sigmund» des Eberhard Windeck // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. Jg. 61, 2005. S. 172.

⁸ Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 204–209.

Городские книги начала XIV в. называют его род в числе патрицианских, «древних» родов этой корпорации⁹, чьей привилегией было заседать в городском совете. Однако ко времени жизни автора (ок. 1380 — ок. 1440) социально-политическое и материальное положение его семьи ухудшилось: Эберхард уже не имеет места в совете и жалуется читателю, что «со своими братьями и сестрами был ужасно беден»¹⁰ [ССХХII, § 237, S. 199]. С городским патрициатом у него не сложились отношения: «древних» он неоднократно характеризует в «Книге» как людей, чья «страшная заносчивость, ненависть и своеволие»¹¹ [СССXLV, § 459ц, S. 440], чье «злое правление»¹² [СССXLIV, § 417, S. 388] привели к тому, что община города погрязла в долгах. В одном месте он будто бы намекает, что сам достоин места в совете: «Если бы господин, или же город взял в свой совет благочестивых, порядочных, мудрых и добродетельных господ и людей, которые могли бы служить и имели бы любовь к Богу и чести, тогда и Господь полюбил бы нас и тогда и всем нам было бы лучше»¹³ [СLII, § 155, S. 133]. Этому вполне соответствует реальное поведение Эберхарда, известное по документам¹⁴: когда в 1428 г. община разогнала совет «древних», Виндеке поддержал ее и был выбран членом новосозданного Совета Десяти.

В статье о политических конфликтах в Майнце того времени современный исследователь Кристоф Брикс утверждает, что Эберхард представляет собой «тип патриция, чувствующего себя ущемленным»¹⁵. По факту род Виндеке вполне мог оставаться патрицианским (при том, что был лишен ряда полагающихся ему привилегий), однако убеждения автора, сквозящие во всей «Книге», имеют мало общего с этосом «древних». Для Эберхарда быть советником должен в первую очередь тот, кто обладает соответствующими умениями и качествами, т.е. заслуживает этого сам по себе, а не ввиду своего наследного первенства в числе граждан, своего «древнего» происхождения, культ которого был особенно силен в таком городе, как Майнц¹⁶. Более того, в 1430-х гг. Виндеке дистанцируется от всей городской корпорации, власть в которой вернулась

⁹ Ioannis G. Chr. De patriciorum veterum Moguntinensium familiis, discrimine, juribus, contentionibus, fatis Commentariolum // Scriptorum historiae Moguntinensi cum maxime inseruentium T. 9. Cum indicibus locupletissimis curante G. Chr. Ioannis. Francofurti-ad-Moennum, 1727. P. 457.

¹⁰ «...ich mit minen gewistern gar arm was».

¹¹ «...ir grosser ubermüt und haß und eigener wille».

¹² «...ir böse regement».

¹³ «...wanne ein herre oder stat nemen in iren rat frome sittlich wise tugenthaft herren und lüte, die das gewarten kunnen, got und ere lieb hetten, so hette uns got ouch lieb und ging uns allen dester baß».

¹⁴ Hegel C. Verfassungsgeschichte von Mainz im Mittelalter. Leipzig, 1882. S. 77.

¹⁵ Brix Cr. Die politischen Konflikten in der Heimatstadt Johannes Gutenbergs, 1411–1444: Überlegungen zu den Patreien und ihren Zielen // Gutenberg-Jahrbuch. Hrsg. von St. Füssel. Jg. 85. Mainz, 2010. S. 103.

¹⁶ Hegel C. Op. cit. S. 64–67.

к старому совету, и жалуется на «враждебность и другие провинности, которыми, к сожалению, запятнали себя бюргеры и жители Майнца», добавляя при этом, что его «жизнь и имущество находятся под угрозой»¹⁷. В «Книге» он с горечью замечает, что «некогда славный город Майнц совершенно погублен»¹⁸ [CCLXVIII, § 317, S. 276].

Итак, корпоративный дух в Эберхарде слаб или во всяком случае переживает сильный кризис. Тем не менее коллективизм не совсем чужд его характеру: в психологии Эберхарда, подробно расписывающего в «Книге» свои благодеяния ближним и друзьям, ощущается клановое сознание. Цель жизни Виндеке видит в достижении «высокого места и почета как самому себе, так и всем своим ближним»¹⁹ [I, § 2, S. 2]. Подобную клановость можно отнести к общим чертам тогдашнего патрициата в немецких и итальянских землях XIV–XV вв., в чём можно убедиться на примере многочисленных патрицианских семейных хроник. Углублению этой черты способствовала неудовлетворенность отдельных семей своим политическим статусом и политические амбиции непривилегированных городских общин. Претензии Виндеке на влияние в семье и городе столь наглядны, что один из ранних исследователей Сигизмунда, Карл фон Фихард, даже отнес труд Эберхарда к вышеупомянутому жанру семейной хроники²⁰.

В поисках жизненного успеха. Биография Виндеке, восстановление раннего периода которой возможно лишь на основе «Книги», т.е. собственных слов Эберхарда, выдает в нём человека любознательного, предприимчивого и несколько склонного к авантюрам. По его собственным словам, он захотел, будучи отроком, «уйти из дома без ведома отца»²¹ [V, § 8, S. 6], что удалось со второго раза. Дождавшись окончания осенней ярмарки в Майнце, он покинул город и, посетив Эрфурт, Бамберг, Вюрцбург и Франкфурт-на-Майне — где также могли произойти примечательные мероприятия, вроде торговых ярмарок, — возвратился домой. В середине 1390-х гг. он сопровождает «некоего влиятельного купца», направлявшегося в Прагу; в 1400–1402 — уже герцога Штефана Ингольштадтского на пути в Париж [V, § 9, S. 7]. В 1403–1406 он участвует в торговых операциях под началом Лоренца Гроланда, купца из Нюрнберга [VI, § 12, S. 8]. Согласно документу, датированному 18 октября 1409 г.²², Виндеке —

¹⁷ Письмо Эберхарда Виндеке к герцогу Вильгельму Баварскому от 9 мая 1432. Опубликовано: Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / Hrsg. von W. Altmann. Berlin, 1893. S. 490–492. Цитата: «...fyentschaft und schulde wegen, damit die burger und bysesßer zu Meincz leyder beladen sint, dardurch ich libes und gudes nit sicher were».

¹⁸ «...vast und sere verdorben was».

¹⁹ «...und mag er im selber und allen den sinen fürbas gehelfen zu eren und fromen».

²⁰ Fichard J. C. von. Eberhard Windeck, der Biograph König Siegmunds // Frankfurtisches Archiv für ältere deutsche Literatur und Geschichte. Bd. 3. Frankfurt am Main, 1815. S. 324.

²¹ «...one sines vater wissen».

²² Долговая расписка Эберхарда Виндеке и его жены Элшпет, данная Йоригу Кунцельману, бюргеру из Динкольбюхеля. Переста опубли. в: Zsigmondkori oklevéltár / Összeállította Mályusz E. 2. köt. Budapest, 1956. № 7137.

бюргер Пресбурга (*венг.* Пожонь, *совр.* Братислава — немецкоязычный город на западе тогдашнего Венгерского королевства), женатый на местной гражданке — берет в долг сукно, обязуется выплатить к ближайшему празднику Сретения Господня (2 февраля 1410) 315 «новых хороших венгерских флоринов» и ручается всем своим движимым и недвижимым имуществом, «находящимся в Венгерском королевстве или где-либо еще»²³. Однако торговля сукном не задалась: в 1414 г. Эберхарду и его жене уже приходилось ручаться «всем, что у них есть, будь то лошадь, вол или что-либо другое»²⁴. Возможно, Виндеке увидел шанс исправить свое неблагоприятное материальное положение и избавиться от долгов перед Йоригом Кунцельманом, влиятельным патрицием²⁵, решившись на авантюру. В это время местный городской совет обвинил в казнокрадстве судью Ульриха Раухенвартера, который был знаком или даже дружен с Эберхардом: его подпись стоит на всех известных залоговых документах, касающихся Виндеке. Согласно местному документу 1428 г.²⁶, Эберхард совместно с Раухенвартером пытался настроить общину города против городского совета, но был арестован. Освободиться из-под ареста он смог лишь благодаря тому, что трое других граждан Пресбурга согласились внести за него залог и поручиться за то, что он явится на судебное разбирательство. Но Виндеке предпочел исчезнуть из города навсегда, покинув обремененную долгами жену.

Причастность к пространству власти. Характер Эберхарда Виндеке определил его дальнейшую судьбу. Из-за своей неуживчивости и жизненных обстоятельств он не смог обрести опору в корпорациях городского типа, консервативных структурах, где происхождение человека и накопленное материальное богатство играло основополагающую роль. Выбиться в люди было возможно только там, где больше ценились личные качества: при дворе господина или правителя — структуре политической и более подвижной²⁷. Сеньоры нуждались в храбрых, предприимчивых и верных людях, тем более выходящих из ку-

²³ «...lekötik in dem lannde ze Ungern vágy bárhol másutt levő minden ingó és ingatlan vagyonukat».

²⁴ Долговая расписка Эберхарда Виндеке и его жены Элшпет, данная 17 апреля 1414 г. вышеупомянутому Йоригу Кунцельману. Переста опубли. в: Zsigmondkori oklevéltár / Összeállította Mályusz E. es Borsa I. 4. köt. Budapest, 1997. № 463. Цитата: «...lekötik mindenüket, légyen az ló, ökör, vágy bármí más».

²⁵ О нём см. статью П.Скорки: *Skorka R.* Pozostalost Joriga Kuntzelmana — alébo náhodný subeh udalosti v Bratislave v 15. storocí // Stredoveké mesto ako miesto stretutí a komunikacie / Pod red. Jana Lukački a Martina Stefanika. Bratislava, 2010. S. 109–115.

²⁶ Ганс Буер, городской судья Пресбурга, сообщает по запросу Петера цум Юнгена о беспорядках, некогда поднятых в Пресбурге Эберхардом Виндеке совместно с Ульрихом Раухенвартером. Опубли. в: Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / Hrsg. von W. Altmann. Berlin, 1893. S. 480–482.

²⁷ Здесь применима концепция «долгой протяженности» Фернана Броделя (*la longue durée*): политические, социальные и экономические процессы совершаются с разной скоростью. В связи с этим двор как структура более политическая, чем социальная, обладает большей «подвижностью», чем городская корпорация (за исключением городов-государств), в том числе при нём наблюдается более интенсивная сменяемость состава.

печеской среды, которым можно было давать финансовые поручения. Потерпевший фиаско в Пресбурге и лишенный средств к существованию Виндеке отправляется ко двору Сигизмунда Люксембургского, короля Венгрии и германского короля [VIII, § 16, S. 11].

Службой²⁸ Эберхарда, которая известна в большей части по замечаниям самого Виндеке, сделанным в «Книге», стало выполнение низших обязанностей не только при дворе правителя, но и иных господ. Узнав в 1415 г., что король прибыл в Констанц для организации вселенского собора, Виндеке прибыл туда [LXX, § 64, S. 59]. Сигизмунд, нуждавшийся в деньгах, отправил его к городским корпорациям Майнца, Вормса и Шпейера с предложением взять в залог некоторые имперские лены²⁹ [LXXXV, § 98, S. 86]. В следующем году Сигизмунд отправился в Англию для переговоров с Генрихом V. Эберхард вновь сопровождал его, выполняя сходные обязанности: просил для него деньги в долг у жителей Женева [LXXI, § 71, S. 64] и от его имени закладывал и выкупал подаренные Генрихом драгоценности [LXXIX, § 91, S. 80; LXXX, § 93, S. 81–82]. В 1420 г. Виндеке сопровождал короля в первом крестовом походе против гуситов [CLX, § 169, S. 144]. Давать советы королю не относилось к его правам/обязанностям. Тем не менее, будучи спрошен Его Величеством, он выразил свое мнение по поводу фаворитизма между герцогом Гейдельбергским и маркграфом Баденским [CCXVI, § 229, S. 194]. Известно также, что некоторое время он исполнял поручения влиятельных имперских курфюрстов — Фридриха Бранденбургского и Конрада Майнцского³⁰. Не сохранилось свидетельств того, что Эберхард занимал какую-либо придворную должность. Судя по тому, как он обозначен в королевских пожалованиях — «наш слуга и любимый верный человек»³¹ — он относился к числу фамильяриев короля³². Личная зависимость

²⁸ Подробнее см.: *Наумов Н.Н.* Эберхард Виндеке как социальное явление (эл. ресурс) // Ломоносов: Материалы XXII Международного молодежного научного форума. Москва, МГУ им. Ломоносова, 13–17 апреля 2015 г. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/7085/uid65340_report.pdf (дата обращения: 15.02.2016).

²⁹ Оппенхайм, Кайзерслаутерн, Одернхайм (*совр.* Одернхайм-на-Глане), Винтернхайм (*совр.* Кляйн-Винтернхайм) и Ингельхайм (*совр.* Ингельхайм-на-Рейне).

³⁰ Фридрих Бранденбургский в 1414 г. назначил его мюльмейстером — начальником мельницы в Берлине [IX, § 17, S. 12], Конрад Майнцский в начале 1420-х гг. дал ему поручение добиться того, чтобы Сигизмунд сохранил за его родственником Арнольдом из Экмунда герцогство Гельдерн [CXII, § 194, S. 170].

³¹ Пожалование (*feuda*) Эберхарду Виндеке луга у Гинсхайма; уступка (*consensus*) Эберхарду части ренты с таможи в Майнце. Оубл. в: *Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / Hrsg. von W. Altmann.* Berlin, 1893. S. 473–475. Цитата: «...unser diener und lieber getruer».

³² На приведенной цитате нельзя строить предположения о степени близости Виндеке к государю. Обращение *lieber getruer* («любезный верный») является устойчивым формальным выражением, употребляется повсюду в актах и письмах средневековья и начала Нового времени в отношении любого ранга служащего (т.е. связанного с господином присягой, дававшей при принятии на службу). Формула происходит из языка ленных

от короля «бедного челядина»³³ — так уничижительно Виндеке называет сам себя в тексте [CXII, § 195, S. 171] — вызывала сомнения в политической беспристрастности автора «Книги».

В непосредственном сопутствии Сигизмунду Виндеке провел значительную часть своей жизни (1414–1425 гг.), периодически появляясь при его дворе и в дальнейшем. В 1425 г. король вознаграждал его верность пожалованием части ренты с таможи в Майнце, за что Эберхард в «Книге» не раз благодарит Сигизмунда. Неудивительно, что в 1437 г. в возрасте около 60 лет Виндеке — глубокий старик по тогдашним меркам — обращаясь к неким молодым людям, приводит себя в пример и желает внушить им идеал верной службы господам: «И служи я долгие при моем милостивом сеньоре, господине Сигизмунде, римском императоре, я помогал бы впредь моим друзьям, будь то по духовным или светским делам; ниже в рассказе вы обнаружите, как обо мне позаботился мой милостивый господин своей буллой о майнцской таможе»³⁴ [I, § 2, S. 2]. Он видит в этом редкую возможность для бюргера выбиться в люди, приобретя доход, надел или даже рыцарский статус. Виндеке не сумел достичь последнего и с завистью пишет о тех незнатных, кого Сигизмунд возвел до высших достоинств: Пипо Шпано³⁵ — по Виндеке, сын флорентийского сапожника — был «сделан господином» в Венгрии [CXXII, § 142, S. 120], Каспар Шлик — «сын бюргера в Немецких землях» — стал по милости правителя «имперским бароном и римским канцлером» [CCCXL, § 410, S. 379]. Ближайшие потомки современника и личного врага Эберхарда — Петера цум Юнгена, майнцкого патриция и прежнего владельца ренты с городской таможи — приобрели дворянство при Фридрихе III. Видно, что наиболее инициативные представители немецкого бюргерства, в том числе Эберхард Виндеке составляли, по выражению Петера Морава, «группу потенциальных приближенных короля»³⁶ — один из немногих инструментов прямого осуществления его власти.

Отношение к Сигизмунду и мера достоверности. Прямым следствием включенности Эберхарда в пространство власти является его пристрастность.

актов, латинский эквивалент: *fidelis dilectus noster* (*Прим. ред.* «*Петербургского исторического журнала*»).

³³ «...armer geselle».

³⁴ «...und solte ich lenger bi mime gnedigen herren her Sigmunt Romschen keiser sin gewesen, ich solte minen frunden fürbasser geholfen haben, es were in geistlichen oder weltlichen sachen; also ir wol hernoch vindent in einer legende, wie min gnediger herre mich versorget mit siner bulle uf dem zolle zu Menz».

³⁵ Филиппо Сколари, выходец из Флоренции, ставший бароном Венгерского королевства. Прозвище «Шпано» происходит от венгерского титула «ишпан». Сколари занимал должности ишпана соляной казны (1401–1426) и ишпана Темеша, Арада, Чанада и других комитатов (1404–1426). Подробнее: *Wenzel G. Ozorai Pipo.* Magyar történelmi jellemtársa Zsigmond király korából. Pest, 1863.

³⁶ *Moraw P.* Personenforschung und deutsches Königtum // *Zeitschrift für historische Forschung.* Jg. 2. 1975. S. 13–14.

«Бедный челядин», обязанный своим успехом милости правителя, не внушал доверия О. Лоренцу, полагававшему, что Эберхард, близкий к Сигизмунду и канцлеру Каспару Шлику, «сделал всё, чтобы скрыть правду»³⁷, т.е. намеренно изображал своего патрона в лучшем свете, чем «это было на самом деле». Действительно, Виндеке не раз восхищается своим господином, благодарит и даже молится за него. Однако в «Книге» встречаются и сцены, где Сигизмунд — если оценивать его с современной точки зрения — поступает жестоко: гневается, приказывает искалечить [XXVII, § 42, S. 25] или прибегает к хитрости [LIX, § 63, S. 54]. Надо учитывать, что в глазах Виндеке подобные поступки, видимо, не были чем-то зазорным; возможно, он даже видел в них проявление силы и непредсказуемости королевской власти, действующей в своем полном праве. Он именуется такую власть средневерхненемецким термином *gewalt*, близким по значению к лат. *auctoritas*, и означающим «полноту власти, преодолевающую любое сопротивление»³⁸.

Однако и такого властелина, как Сигизмунд, Виндеке иногда осмеливается упрекнуть. Виндеке ставил королю и его советникам в вину «упущения» (*sumnisse*) в борьбе с гуситами, из-за которых те захватили Куттенбург (Кутну Гору. — *Н. Н.*) и другие города и замки, «разрушили их и убили несчетное множество христиан»³⁹ [CXVIII, § 139, S. 117–118]. Виндеке жил в эпоху, когда традиционные устои мира пошатнулись: католический мир был расколот Великой Схизмой, чешские подданные предали гуситской ереси и восстали против Сигизмунда — своего «естественного господина»⁴⁰ [CVI, § 134, S. 114], по выражению автора; имперские князья конфликтовали друг с другом. Эти три темы Эберхард воспринимал очень остро. Последствием двоепапства при Бонифации IX и Бенедикте XIII он называет «разброд, войну, пожар и ужасные ереси» [IV, § 7, S. 5]; гуситы, по его мнению, «причинили столько боли и страданий немецкому христианскому народу (в данном случае имеются в виду немцы, проживавшие в Чешском королевстве. — *Н. Н.*), что было бы неудивительно, чтобы тот разуверился в божьей милости и больше не верил ни слову из уст чеха или морава»⁴¹ [CXXII, § 143, S. 120]. На этом фоне Виндеке наблюдает и раскол внутри имперской правящей элиты, между Сигизмундом и князьями, не желавшими прибыть к нему на совет [CVI, § 122, S. 105]. Потребность в единстве воспринималась Эберхардом тем острее, что Сигизмунд терпел неудачи в войне, и иногда прорывалась наружу в виде упреков правителю, чаще — в жалобах на князей, будто бы не желающих содействовать общему делу.

³⁷ Lorenz O. Op. cit. Bd. 2. S. 294.

³⁸ Grimm J. W. Deutsches Wörterbuch. Bd. 12. Leipzig, 1854–1961. Sp. 4939.

³⁹ «...und verderbeten und doteten die ketzer und die Hussen der fromen Cristen unseglichen vil».

⁴⁰ «...iorem natürlichen herren».

⁴¹ «...und stalten also grosses jomer und leit do an dem Dutschen cristlichen volg, das nit wonder were, das das volg an got verzaget were und daz man keinen Behemschen oder Merherschen zungen niemer mere houlte wurde».

Данный ознакомительный пассаж, посвященный жизни и мировоззрению Виндеке, сколь бы кратким он ни был, позволяет сделать следующие выводы. Автор был человеком деятельным, в том числе участником двух городских конфликтов того времени. Его сведения о внутренней борьбе в Майнце следует воспринимать скорее как пристрастное мнение одной из сторон, чем как свидетельство отстраненного очевидца. Происходя из семьи, не относившейся к элите общегосударственного масштаба, и располагая низким придворным статусом, он смотрел на двор и политическую действительность будто бы снизу, а не изнутри. Это означает, что принятие политических решений и действительный смысл предпринимаемых шагов, равно как понимание элементов политического церемониала могли от него ускользать. К своему благодетелю — Сигизмунду — он определенно оставался равнодушен. Тем не менее, в его эмоциональных реакциях присутствует подобие внутренней логики, требующей от ответственных лиц — правителя и князей — стремления к разрешению тогдашних общехристианских, а также общеимперских вызовов. Невозможно утверждать, что двор правителя, предпринявшего пять походов против мятежных гуситов, не ощущал атмосферы кризиса и необходимости перемен. Несмотря на сложности, обусловленные чертами Виндеке как автора, именно благодаря ему мы можем понять глубинную суть политических процессов, происходивших в державе этого короля и императора.

Проблема жанра

Обратимся теперь к самому произведению Эберхарда Виндеке. «Книга императора Сигизмунда» вызвала у своих исследователей ряд затруднений: до сих пор неясна мера близости сохранившихся рукописей к утраченному оригиналу, дискуссионны мотивы написания, не определены личности возможных заказчиков. Даже на вопрос, в каком жанре исполнено это произведение, К. фон Фихард, В. Альтманн и современный исследователь П. Йоханек отвечают по-разному, подчеркивая одни и затушевывая другие его стороны⁴². Более того, неизвестно, как сам Виндеке озаглавил свой труд и озаглавил ли вообще. Первые листы существующих рукописей XV–XVI вв., предшествующие оглавлению, либо не сохранились⁴³, либо имеют названия, внесенные

⁴² Фихард видел в источнике одну из семейных хроник того времени, Альтманн — всемирную хронику, Йоханек — биографию Сигизмунда. Fichard J. C. von. Eberhard Windeck, der Biograph König Siegmunds // Frankfurtsches Archiv für ältere deutsche Literatur und Geschichte. Bd. 3. Frankfurt am Main, 1815. S. 324; Altmann W. Einleitung // Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / Hrsg. von W. Altmann. Berlin, 1893. S. VII–VIII; Johaneck P. Eberhard Windecke und Kaiser Sigmund // Sigmund von Luxemburg. Ein Kaiser in Europa / Hrsg. von M. Pauly und F. Reinert. Mainz am Rhein, 2006. S. 145.

⁴³ Ганноверскую рукопись (H) из Библиотеки земли Нижняя Саксония А. Висс и А. Райффершайд называют списком с оригинала, однако небрежным, сделанным в начале XVI в.

в XVI в. рукой библиотекаря⁴⁴. Поэтому установление жанровой принадлежности «Книги императора Сигизмунда» остается актуальной задачей; необходимо также прояснить, почему устоялось именно такое название и что за ним скрывается.

Само словосочетание «das keiser Sigismundus-büch», употребленное в конце источника («Здесь кончается книга императора Сигизмунда» [CCCLXIX, § 463, S. 449]) наталкивает на мысль, что «Книга» имеет жанр биографии. В пользу этого говорят и обстоятельства ее написания, которые Эберхард обозначил в начале: там сказано, что Виндеке «по большой просьбе со стороны князей и господ»⁴⁵ продиктовал своему слуге Генриху из Нюрнберга «дословно всё, что совершил наш господин император Сигизмунд за свою жизнь своими разумными деяниями и речами»⁴⁶ [I, § 1, S. 1]. Таким образом, автор получил, говоря нынешними словами, политический заказ на создание биографии только что почившего в 1437 г. императора.

Какого рода биографию составил Эберхард? Архивисты и эрудиты XVI–XVIII вв., интересовавшиеся этим трудом, обозначали его по-латыни как *Vita Sigismundi imperatoris*, т.е. видели в «Книге» жизнеописание императора Сигизмунда⁴⁷. Вполне вероятно, что употребленные во вступлении слова «жизнь», «деяния» и «речи» побудили их, знакомых с античностью, видеть в Виндеке подражателя Светонию, обратившегося к жанру римской классической *vita*, возродившейся в эпоху Ренессанса. Иоганн Буркхард Менке, первый публикатор Виндеке, убежден в достоверности и непредвзятости Эберхарда, «посколь-

Г. Хэртель, составивший ее описание, не привел никакого заглавия, указав, что отсутствуют первые шесть листов. *Härtel H. Handschriften der Nieder-sächsischen Landesbibliothek Hannover / Beschreibungen von H. Härtel und F. Ekowski. Wiesbaden, 1982. S. 215.*

⁴⁴ Рукопись № 2913 из Австрийской национальной библиотеки, известная как вторая венская рукопись (V2), была составлена в 1456 г. Согласно описанию Менхардта, имеет латинскую помету XVI в., сделанную рукой Блозия — Луи де Блуа (1506–1566), аббата Эно: *Vita Sigismundi Rom. Imperatoris*. На защитном листе — немецкая помета, также XVI в.: *Keiser Szigmonds Puech. Menhardt H. Verzeichnis der altdeutschen literarischen Handschriften der österreichischen Nationalbibliothek. Bd. 1. Berlin, 1960. S. 615.*

⁴⁵ «...von grosser bete von fursten und herren».

⁴⁶ «...alles, das unser herre der keiser Sigmondus mit sime libe und mit sinen vernünftlichen werken und Worten... vollebrot hett».

⁴⁷ К такому обозначению прибегли, по моим сведениям, четыре тогдашних ученых мужа: Луи де Блуа (Блозий), бенедиктинец, аббат Эно, Германн фон дер Хардт, издатель «Дел Констанцкого собора», Готфрид Лейбниц, находившийся в переписке с Хардтом, и Иоганн Буркхардт Менке, первый издатель Виндеке. *Menhardt H. Op. cit. S. 615–616; Hardt, H. von der. Eberhardi Windeck, Caesaris Sigismundi ministri perchari, vita et historia Imperatoris Sigismundi // Rerum universalis concilii Constantiensis tomus 5. De praeclaro apparatu et incorporabili pompa magni hujus concilii. Frankfurt et Lipsiae, 1699; Leibnitz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. 1. Reihe. Bd. 12. Berlin, 1989. № 166. S. 237; Eberhardi Windeckii Mogunt. Historia vitae Imp. Sigismundi vernacula // Scriptorum rerum Germanicarum, praecipue Saxoniarum... Ex sua bibliotheca aliisque edidit Io. Burchardus Menkenius. T. 1. Lipsiae, 1728. Col. 1073–1288.*

ку тот описал то, при чём сам присутствовал»⁴⁸. Однако «Книга» лишена того оценочного подхода, который принимает у Светония, Тацита и гуманистов форму внешней беспристрастности. Эберхард — человек, зависимый от Сигизмунда, его «бедный челядин». Естественно, что он пристрастен к своему патрону, не имеет никакого желания это скрывать и ни за что бы не дерзнул судить своего господина. Наоборот, он стремится воспеть его.

Причины субъективности источника можно увидеть не только в характере и судьбе автора, уже известных читателю, но и в обстоятельствах написания: как сообщает сам Эберхард в начале «Книги», он написал свой труд «по большой просьбе со стороны князей и господ»⁴⁹ [I, § 1, S. 1]. Скорее всего, эти «князья и господа» обратились к Виндеке с просьбой уже после смерти Сигизмунда в 1437 г. Этот государь правил очень долго: 50 лет в Венгрии, 26 — в Империи, 17 — в Чехии. Вполне можно предположить, что его смерть в 1437 г. повлекла за собой резкое и неожиданное изменение привычной жизни его окружения. Голос Виндеке, создавшего памятник этому королю, исходит от лица любящих этого правителя людей: дела Сигизмунда (избавление христиан от Схизмы, Чехии — от еретиков-гуситов, защита Венгрии от турок) определенно вызывали тогда у многих восхищение, вопреки стереотипу, сложившемуся впоследствии в национальных историографиях. Эберхард желал написать именно такого рода «книгу», земной дом короля, а не классическую *vita*, в которой может встречаться одобрение, но никак не преклонение и любовь. Эней Сильвий Пикколомини, итальянский гуманист и будущий папа Пий II, составил подобную посмертную «*Vita Sigismundi imperatoris*»⁵⁰ — произведение с выверенной светониевой структурой, в котором препарированы все физические и духовные особенности почившего цезаря, но отсутствует хоть какое-либо пожелание ему мирного упокоения. Виндеке же, пусть не умеет сложить что-либо на латыни, но местами, в том числе и во вступлении, прибавляет «dem got gnedig sey» — «помилуй его Бог».

Однако жанр «Книги» не исчерпывается чертами биографии. Стоит заметить, что полная фраза, в которой Виндеке определил свой труд, звучит так: «Здесь кончается книга императора Сигизмунда и то, что отчасти произошло в его время»⁵¹ [CCCLXIX, § 463, S. 449]. Примерно две трети «Книги» повествуют о Сигизмунде и об истории управлявшихся им государств, образуя некоторое единство; но в оставшейся трети говорится о вещах самого разного

⁴⁸ *Mencke J. B. Praefatio // Scriptorum rerum Germanicarum, praecipue Saxoniarum... Ex sua bibliotheca aliisque edidit Io. Burchardus Menkenius. T. 1. Lipsiae, 1728. s.p.*

⁴⁹ «...von grosser bete von fursten und herren».

⁵⁰ *Aeneae Sylvii vita Sigismundi imperatoris // Palacký F. Literarische Reise nach Italien im Jahre 1837 zur Aufsuchung von Quellen der böhmischen und mährischen Geschichte. Prag, 1838. S. 109–114.*

⁵¹ «Nü hatte das keiser Sigismundus-büch und was bi sinem leben eines teils gescheen ist ein ende».

рода, не вполне вписывающихся в законченное произведение. Ориентировочно их можно разделить на три группы: 1) описания событий Столетней войны, а также история Жанны д'Арк, занимающая 15 страниц в издании Альтманна [CCLIX, § 295, S. 245 — CCLXII, § 310, S. 260]; 2) тексты религиозного характера: отрывок из некоего жизнеописания Св. Иеронима, пророчества Св. Хильдегарды, жившей в XII в., современного Эберхарду священника Зигевалла [CCCXV, § 390, S. 350 — CCCXXVII, § 393, S. 361]; 3) рассказы о мелких происшествиях, которые сам автор видел или слышал⁵². Надо подчеркнуть, что повествование в «Книге» крайне неструктурировано: есть примеры, когда не только отдельные капитулы никак не связаны друг с другом в отношении своего предмета, но и внутри некоторых из них иногда одна тема резко сменяется другой.

Йозеф Ашбах и Вильгельм Альтманн, одни из первых исследователей Виндеке, точно определили весь труд как «Denkwürdigkeiten» ('достопамятные события'); Альтманн же, указав также на отрывочность и всевропейский охват повествования, усмотрел близость «Книги» к средневековым всемирным хроникам⁵³. Сейчас против этой дефиниции активно возражает Петер Йоханек, который считает, что это изобретенное учеными слово подменяет обозначение, данное самим автором («Книга императора Сигизмунда»)⁵⁴. На мой взгляд, Виндеке действительно замыслил создать биографию, но в итоге создал нечто среднее между биографическим и общеисторическим произведением: он был не ученым мужем, способным сконцентрироваться на предмете своего повествования, а стариком-обывателем, которого обуревало желание поведать другим обо всём, что он узнал за свою жизнь и что счел достопамятным.

Кроме того, в «Книге» говорится также и о жизни самого автора. Причем Эберхард не просто ограничился тем, что представился читателю; он анализирует свою судьбу, благодарит Сигизмунда, который наделил его «значительным наследственным кормлением»⁵⁵ (частью ренты с таможни в Майнце) [ССХХII, § 237, S. 199], и не раз высказывает свое мнение о том, что происходило и происходит, что резко контрастирует со смиренной анонимностью средневековых хронистов. Не только Сигизмунд, но и сам автор вписан в контекст времени. Пока затруднительно сказать, какого рода автобиографию представляет «Книга», сомнительно, что ее можно отнести к числу ренессансных, как утверждает

⁵² Для примера приведу рубрики некоторых капитулов — «Здесь в Дюнкирхене, находящемся во Фландрии, был выловлен кит, давший 120 тонн жира» [XCI, S. 89] (далее говорится, что автор самолично его измерил), или же «Как некто по имени Хенне фон Дуннен направился к епископу Майнцскому, поехал через болото и утонул вместе с лошадей» [ССХХV, S. 203].

⁵³ *Aschbach J.* Geschichte Kaiser Sigmunds. Bd. 4. Hamburg, 1845. S. 453; *Altmann W.* Einleitung // Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / Hrsg. von W. Altmann. Berlin, 1893. S. VII.

⁵⁴ *Johanek P.* Eberhard Windecke und Kaiser Sigismund // Sigismund von Luxemburg. Ein Kaiser in Europa / Hrsg. von M. Pauly und F. Reinert. Mainz am Rhein, 2006. S. 145.

⁵⁵ «...grosser erberer narung».

Р. Скорка⁵⁶. К культуре Ренессанса ее приближает то, что Виндеке, как и, к примеру, Джованни Конверсини, стремится навязать читателю свой образец, убедить в своей добродетельности и правдолюбии. Эберхард нередко напрямую поучает, например, во вступлении: «И я, Эберхарт Виндеке, по приказанию моего милостивого господина Сигизмунда, римского императора, присутствовал при описанных ниже событиях и видел много чудных вещей. Я бы хотел, чтобы всякий проделал такой же путь в чужих странах, каковой проделал я: тогда, вероятно, больше поверят тому, что я написал о его (Сигизмунда. — *Н.Н.*) речах и деяниях»⁵⁷ [I, § 2, S. 2]. Но в то время как простолудин-Виндеке похваляется напрямую, ренессансные автобиографы прибегают к разного рода намекам и иносказанию, чтобы понравиться читателю. Несходство видно также в том, что искреннее желание восхвалить своего патрона в авторе столь же сильно, как и пристрастие навязывать свою точку зрения и свой образец поведения: при всем этом нельзя отказать Эберхарду в скромности, доходящей до самоуничижения, когда тот восхваляет щедрость Сигизмунда.

Итак, «Книга» совмещает три жанра и может быть охарактеризована как биография с чертами автобиографии и всемирной хроники. Примечательно, что в общеисторическом плане этот источник стоит на перепутье между Средними веками и Новым временем: в нём представлены как черты, свойственные средневековым всемирным хроникам (отрывочное общеисторическое изложение), так и те, которые в Центральной Европе получают свое развитие только в эпоху раннего Нового времени (жанр воспоминаний и дневников, в которых автор открыто выражает собственное мнение и не стесняется говорить о себе). Далее будет рассмотрен процесс написания «Книги», что поможет охарактеризовать ее устный характер — конкретную причину ее жанровой дисперсии и фрагментарности.

Как создавалась «Книга»? Сложность жанра обусловлена не только особенностями характера и жизненного пути самого автора, но и тем, каким образом составлялось это произведение. Уже Менке заметил во вступлении оборот⁵⁸, свидетельствующий, что автор «писал не своей рукой» (*han lossen schriben*) — Виндеке диктовал своему слуге, Генриху Нюрнбергскому [I, § 1, S. 1], всё, что «смог удержать в памяти»⁵⁹ [CCCLVII, § 440, S. 413–414]. При прочтении всего текста бросается в глаза, что повествование временами нестройно, местами

⁵⁶ *Skorka R.* Egy középkori emlékirat kutatási lehetőségei // *Diszciplínák határain innen és túl.* Szerk. Balogh M. Budapest, 2007. S. 455.

⁵⁷ «...und bin ich ouch Eberhart Windecke bi disen geschichten, was harnoch geschriben stot, gewesen von geheiß mins gnedigen herren Sigmundus des Romschen keisers und habe ouch manig wunderlich ding gesehen, das ich wölte, das alle menglich solten einen solchen weg und strossen faren in fromden landen, als ich geton habe: so möchte man mir deste baß glauben, was ich von disen worten und werken geschriben han»

⁵⁸ *Mencke J.B.* Praefatio // *Scriptores rerum germanicarum, praecipue Saxoniarum...* Ex sua bibliotheca aliisque edidit Io. Burchardus Menkenius. T. 1. Lipsiae, 1728. s.p.

⁵⁹ «...gedechtlichen gehalten hab».

противоречиво и неточно. Нестройна организация отдельных капитулов — например, в гл. 247 рассказ о конфликте между ландграфом Гессенским и архиепископом Майнцским неожиданно прерывается фразой: «...всё же пусть мне Всемогущий Господь даст это, и позволит насладиться этим и даст еще многое»⁶⁰ [CCXLVII, § 279, S. 233]. Гораздо ярче устный характер книги Виндеке виден в постоянных повторениях: чуть ли не каждую главу сопровождают конструкции «как ты уже прочел в книге прежде» или «как ты еще узнаешь из книги далее», после которых идет описание или упоминание тех или иных событий. Повторяются также мнения, принадлежащие самому Эберхарду, причем часто они различаются. Например, вину духовного сословия в бедах своего времени Виндеке представляет в соседних главах в тонах, довольно сильно разнящихся: «Вот так вело себя духовенство у христиан: всюду было слышно про зло и войну, и кто всё это учинял? Епископ, пробст, преподобный декан, священник. <...> такой срам покрыл чуть ли не всю землю»⁶¹ [CCLIII, § 287, S. 238–239]; «Зло терзало Немецкие и прочие земли, помилуй Господь Небесный. И оно появилось большей частью из-за духовных князей, поскольку они не занимались духовными делами, были слишком жадными и считали себя правыми во всём, было ли это так в действительности, или не было»⁶² [CCLIV, § 289, S. 241–242]. В первой фразе видно радикальное осуждение («всюду», «кто всё это учинял?», «срам»), во второй мягкость оговорки («большой частью», «поскольку», «было ли это так в действительности»). Как мне представляется, Виндеке после своей первой речи почувствовал, что произнес чересчур жесткое обвинение и предпочел смягчить тон во время второй. Повторяемость и переосмысление некоторых событий и оценок характерны для текста, озвученного и записанного. В одной из рукописей сохранилось соответствующее замечание ее переписчика: «Тогда эта книга была составлена устно и письменно»⁶³. Таким образом, этот труд вполне может быть отнесен к разряду устных рассказов.

Назидательный характер повествования. Декламирующий человек обычно стремится произвести впечатление на слушателя: собственно, задачей такой дисциплины, как античная риторика, и было обучить политическую эли-

⁶⁰ «...doch welle mir der almechtige got das verlihen und mich ouch das lossen geleben und maniges me».

⁶¹ «...also stunde es in der cristenheit mit der pfaffheit: wo man etwas böses horte oder krieg, wer düt das? der bischof, der dumprobt der herlich dechen der pfaff».

⁶² «...also ubel und böse stunt es in Dútschen und ouch andern landen, es möchte wol got in dem himelrich herbarmet han. und das entstunde daz meiste teil alles von den geistlichen fursten, wanne sie hetten kein geistliches wesen an in und worent zü gritig und wollent allwegen recht han, es were oder were nit».

⁶³ Eberhardi Windeckii Mogunt. Historia vitae Imp. Sigismundi vernacula // Scriptorum rerum Germanicarum, praecipue Saxoniarum... Ex sua bibliotheca aliisque edidit Io. Burchardus Menkenius. T. 1. Lipsiae, 1728. Col. 1176. Скорее всего, это рукопись из Готы (G), легшая в основу публикации Менке. Цитата: «...do diz buch zusammen gelesen wart und geschriben».

ту античных городов-государств добиваться принятия своих проектов на народных собраниях и отстаивать свои права в суде. Если между Цицероном и Виндеке было какое-либо сходство, то оно заключалось в умении словом убеждать людей. Эберхард практиковался в этом, с разным успехом провоцируя общины городов Пресбург и Майнц на свержение патрицианских советов, убеждая купцов и кредиторов в своей добропорядочности; по собственному замечанию, единожды он даже осмелился спорить с Сигизмундом и переубедил его, хоть и был обруган.

Во время создания книги (1437–1440) Эберхард был уже немолод — по его собственному замечанию, в 1437 г. ему было 55 лет. Очевидно, к старости у него возникло желание преподать урок молодому поколению. Виндеке же не только приобрел за прожитое время житейскую мудрость, но и повидал, по его собственным словам, «множество удивительных вещей»⁶⁴ и пожелал изложить их в книге. Во вступлении он даже высказывает опасение, что «в кое-что здесь, может показаться, невозможно поверить»⁶⁵. Встречаются фразы, которые демонстрируют, что ему не терпится рассказать про все эти «вещи» и крайне хочется, чтобы слушатель/читатель поверил в то, что написано (например: «...мне думается вот так; если же я думаю неверно, то пусть Господь меня простит, я же умру, думая так»⁶⁶ [CCCVII, § 372, S. 341]; «...я верю всем сердцем, что такое Господь более не оставит безнаказанным»⁶⁷ [CCCXIV, § 389, S. 350]). Интересно, что иногда Виндеке говорит «ты должен слушать» / «ты услышишь» вместо «ты прочтешь»: тогда он словно рассказывает историю, а не диктует текст. Вполне вероятно, что свою книгу Виндеке предназначал для прочтения вслух. Как Виндеке в присутствии писца, Генриха Нюрнбергского, «составлял устно» свой труд из воспоминаний, точно так же он мог рассказывать некоторые случаи, стоившие того, чтобы их «услышать и отметить» перед большим скоплением народа⁶⁸, и воспринимал себя при этом как оратора-наставника.

Какие вопросы историк может задать этому источнику, имеющему столь необычную природу и сложное происхождение? На какие ответы он может рассчитывать? Датировать события на его основе, черпать из него фактическую информацию практически невозможно: ученые жаловались, что автор не следил

⁶⁴ «...manig wunderlich ding».

⁶⁵ «...das ettelich stück sin ungloublichen».

⁶⁶ «...also mich beduchte; duchte mich aber unrecht, so verzihe es mir got, doch sturbe ich in dem glauben».

⁶⁷ «...und ich glaub ganz in mim herz, daz iz der almechtig got nimer ungestrafet laß».

⁶⁸ Определенно не всё написанное в «Книге» подлежало огласке: в тексте встречается критика духовенства и майнцского совета, которую Виндеке не мог беспрепятственно озвучить; остальное же, особенно проповеди добродетельной жизни, вполне могли встретить одобрение во всём городе.

за порядком и правильностью хронологии (Ашбах, Лоренц), и высказывали подозрение, что спорно существование некоторых из описанных им «вещей» (Альтманн). Даже реконструкция его биографии была бы связана с большими трудностями, если бы не существовало документов, позволяющих говорить о перипетиях его жизни с относительной уверенностью. Ценность этого источника в другом: в нём отчетливо чувствуется личность автора, неординарная, не вписывающаяся в господствующее представление о средневековых людях как о безмолвствующем большинстве. Автор и его труд в этом отношении — явление новой эпохи, и «Книга» дает нам взгляд живого человека на Сигизмунда Люксембургского, очевидца и участника жизни при его дворе, позволяет рассматривать этот институт как политический и культурный феномен.

Предпринятое источниковедческое исследование показало, что было бы заблуждением видеть в характере автора и его труде влияние Ренессанса. Виндеке излагает свои мысли с лаконичной косноязычностью, местами искренне скромно или простодушно горд, воля Господа имеет для него ключевое влияние на исход событий. Но в нём, немецком бюргере и королевском слуге, виден тот индивидуализм купца и придворного, который близок к образу мыслей итальянского купца XIV в. Марко Датини из Прато. «Человек — опасная штука, но я больше полагаюсь на людей этого мира, чем на Бога, и этот мир хорошо платит мне за это»⁶⁹, — говорит Марко; «...всякий юноша не должен прозябать в своей стране: он должен искать своей службой господ (как делал я Эберхарт Виндек), и вот тогда все единодушно отдадут ему честь и хвалу и он сможет добыть высокое место и почет как себе самому, так и всем своим ближним, как добыл я для всех моих»⁷⁰ [I, § 2, S. 2], — вторит ему Виндеке, который в итоге стал состоятелен и имел собственных слуг, которым диктовал свой труд. В обоих высказываниях проглядывает самоуважение и целеустремленность, а также принцип действия «На Бога надейся, а сам не плошай». Корень этого можно видеть в превращении городских занятий (особенно в Италии, в меньшей степени в Германии) в самостоятельные и жизнеспособные отрасли, становлении предпринимательства в прямом смысле слова. Однако этим сходство исчерпывается: у Датини невозможно найти то гнетущее ощущение церковного и политического кризиса, мистическое восприятие Добра и Зла, какое есть у Эберхарда Виндеке — свидетеля Великой Схизмы, мятежа чешских подданных против его покровителя, ссор и распрей внутри Империи. Эти двое предприимчивых людей оказались в совершенно разных исторических условиях и культурных кругах. Тем не менее,

⁶⁹ Цит. по: *Рутенбург В.И.* Италия и Европа накануне раннего Нового времени. М., 1974. С. 201.

⁷⁰ «...ouch sol ein ieglich man, der jung ist nit verliben in sinem lande: er sol die herren süchen mit sinem dienste (also ich Eberhart Windecke geton han), so würt im doch sin ere und lob gepriset von aller gemenlich, und mag er im selber und allen den sinen fürbaß gehelfen zu eren und fromen, also ich ouch allen den minen geton habe».

в каждом из них, хоть и в разной степени, можно различить ростки человека новой эпохи, в суждениях и действиях которого постепенно утверждается рациональное мышление.

References

- Aeneae Sylvii vita Sigismundi imperatoris // Palacký F. Literarische Reise nach Italien im Jahre 1837 zur Aufsuchung von Quellen der böhmischen und mährischen Geschichte. Prag, 1838. S. 109–114.
- Aschbach J.* Geschichte Kaiser Sigmunds. Bd. 4. Hamburg, 1845.
- Boitsov M.* Velichie i smirenje. Ocherki politicheskogo simvolizma v srednevekovoj Evrope. M., 2009.
- Brix Cr.* Die politischen Konflikten in der Heimatstadt Johannes Gutenbergs, 1411–1444: Überlegungen zu den Patreien und ihren Zielen // Gutenberg-Jahrbuch. Hrsg. von St. Füssel. Jg. 85. Mainz, 2010. S. 95–111.
- Eberhardi Windeckii Mogunt. Historia vitae Imp. Sigismundi vernacula // Scriptorum rerum Germanicarum, praecipue Saxoniarum... Ex sua bibliotheca aliisque edidit Io. Burchardus Menkenius. T. 1. Lipsiae, 1728. Col. 1073–1288.
- Eberhard Windecke emlékirata Zsigmond királyról és koráról / Fordította, saját alá rendezte és a bevezető tanulmányt írta Skorka Renáta. Budapest, 2008.
- Eberhard Windeckes Denwürdigkeiten zum Zeitalter Kaiser Sigmunds / Hrsg. von W. Altmann. Berlin, 1893.
- Fichard J. C. von.* Eberhard Windeck, der Biograph König Siegmunds // Frankfurtisches Archiv für ältere deutsche Literatur und Geschichte. Bd. 3. Frankfurt am Main, 1815. S. 324–381.
- Grimm J. W.* Deutsches Wörterbuch. Bd. 12. Leipzig, 1854–1961.
- Hardt H. von der.* Eberhardi Windeck, Caesaris Sigismundi ministri perchari, vita et historia Imperatoris Sigismundi // Rerum universalis concilii Constantiensis tomus 5. De praeclaro apparatu et incorporabili pompa magni hujus concilii. Frankfurti et Lipsiae, 1699. P. 6–7.
- Härtel H.* Handschriften der Nieder-sächsischen Landesbibliothek Hannover / Beschreibungen von H. Härtel und F. Ekowski. Wiesbaden, 1982.
- Ioannis G. Chr.* De patriciorum veterum Moguntinensium familis, discrimine, juribus, contentionibus, fatis Commentariolum // Scriptorum historiae Moguntinensi cum maxime inservientium T. 9. Cum indicibus locupletissimis curante G. Chr. Ioannis. Francofurti-ad-Moenium, 1727. P. 449–464.
- Johanek P.* Eberhard Windecke und Kaiser Sigmund // Sigismund von Luxemburg. Ein Kaiser in Europa / Hrsg. von M. Pauly und F. Reinert. Mainz am Rhein, 2006. S. 143–155.
- Kern Th. von.* Eberhard Windek, der Geschichtsschreiber König Sigismunds // Zeitschrift für deutsche Kulturgeschichte. Neue Folge [2. Serie]. Jg. 4. 1875. S. 349–362.
- Leibnitz G. W.* Sämtliche Schriften und Briefe. 1. Reihe. Bd. 12. Berlin, 1989.
- Lorenz O.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte des 13. Jhs. Bd. 2. Berlin, 1888.
- Menhardt H.* Verzeichnis der altdeutschen literarischen Handschriften der österreichischen Nationalbibliothek. Bd. 1. Berlin, 1960.
- Moraw P.* Personenforschung und deutsches Königtum // Zeitschrift für historische Forschung. Jg. 2. 1975. S. 7–16.
- Naumov N.N.* Eberhard Windecke kak sotsial'noe iavlenie // Lomonosov: Materialy XXII Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma. Moskva, MGU im. Lomonosova, 13–17 aprel'a 2015 goda (elektronnyi resurs). URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/7085/uid65340_report.pdf (data obrashchenia: 15.02.2016).
- Rutenburg V.* Italia i Evropa nakanune rannego Novogo vremeni. M., 1974.
- Schneider J.* Das illustrierte «Buch von Kaiser Sigmund» des Eberhard Windeck // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. Jg. 61. 2005. S. 169–180.
- Skorka R.* Egy középkori emlékirat kutatási lehetőségei // Diszciplínák határain innen és túl. Szerk. Balogh M. Budapest, 2007. 447–462. old.
- Skorka R.* Pozostalost Joriga Kuntzelmana — alébo náhodný subeh udalosti v Bratislave v 15. storocí // Stredoveké mesto ako miesto stretutí a komunikácie / Pod red. Jana Lukački a Martina Stefanika. Bratislava, 2010. S. 109–115.
- Wenzel G.* Ozorai Pipó. Magyar történelmi jellemrajz Zsigmond király korából. Pest, 1863.
- Wyss A.* Eberhard Windeck und sein Sigmundbuch // Centralblatt für Bibliothekswesen. Jg. 11, Heft 10–11. 1894. S. 433–483.
- Zsigmondkori oklevéltár / Összeállította Mályusz E. és Borsa I. 2., 4. köt. Budapest, 1956–1997.

Список литературы

- Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.
- Наумов Н.Н. Эберхард Виндеке как социальное явление (эл. ресурс) // Ломоносов: Материалы XXII Международного молодежного научного форума. Москва, МГУ им. Ломоносова, 13–17 апреля 2015 г. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/7085/uid65340_report.pdf (дата обращения: 15.02.2016).
- Рутенбург В.И. Италия и Европа накануне Нового времени. М., 1974.
- Aeneae Sylvii vita Sigismundi imperatoris // Palacký F. Literarische Reise nach Italien im Jahre 1837 zur Aufsuchung von Quellen der böhmischen und mährischen Geschichte. Prag, 1838. S. 109–114.
- Aschbach J. Geschichte Kaiser Sigmonds. Bd. 4. Hamburg, 1845.
- Brix Cr. Die politischen Konflikte in der Heimatstadt Johannes Gutenbergs, 1411–1444: Überlegungen zu den Patreien und ihren Zielen // Gutenberg-Jahrbuch. Hrsg. von St. Füssel. Jg. 85. Mainz, 2010. S. 95–111.
- Eberhardi Windeckii Mogunt. Historia vitae Imp. Sigismundi vernacula // Scriptorum rerum Germanicarum, praecipue Saxoniarum... Ex sua bibliotheca aliisque edidit Io. Burchardus Menkenius. T. 1. Lipsiae, 1728. Col. 1073–1288.
- Eberhard Windecke emlékirata Zsigmond királyról és koráról / Fordította, saját alá rendezte és a bevezető tanulmányt írta Skorka Renáta. Budapest, 2008.
- Eberhart Windeckes Denwürdigkeiten zum Zeitalter Kaiser Sigmonds / Hrsg. von W. Altmann. Berlin, 1893.
- Fichard J.C. von. Eberhard Windeck, der Biograph König Siegmunds // Frankfurtisches Archiv für ältere deutsche Literatur und Geschichte. Bd. 3. Frankfurt am Main, 1815. S. 324–381.
- Grimm J.W. Deutsches Wörterbuch. Bd. 12. Leipzig, 1854–1961.
- Hardt H. von der. Eberhardi Windeck, Caesaris Sigismundi ministri perchari, vita et historia Imperatoris Sigismundi // Rerum universalis concilii Constantiensis tomus 5. De praeclaro apparatu et incorporabili pompa magni huius concilii. Frankofurti et Lipsiae, 1699. P. 6–7.
- Härtel H. Handschriften der Nieder-sächsischen Landesbibliothek Hannover / Beschreibungen von H. Härtel und F. Ekowski. Wiesbaden, 1982.
- Ioannis G. Chr. De patriciorum veterum Moguntinensium familis, discrimine, iuribus, contentione, factis Commentariolum // Scriptorum historiae Moguntinensium cum maxime inservientium T. 9. Cum indicibus locupletissimis curante G. Chr. Ioannis. Francofurti ad-Moenium, 1727. P. 449–464.
- Johanek P. Eberhard Windecke und Kaiser Sigmund // Sigismund von Luxemburg. Ein Kaiser in Europa / Hrsg. von M. Pauly und F. Reinert. Mainz am Rhein, 2006. S. 143–155.
- Kern Th. von. Eberhard Windeck, der Geschichtsschreiber König Sigismunds // Zeitschrift für deutsche Kulturgeschichte. Neue Folge [2. Serie]. Jg. 4. 1875. S. 349–362.
- Leibnitz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. 1. Reihe. Bd. 12. Berlin, 1989.
- Lorenz O. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte des 13. Jhs. Bd. 2. Berlin, 1888.
- Menhardt H. Verzeichnis der altdeutschen literarischen Handschriften der österreichischen Nationalbibliothek. Bd. 1. Berlin, 1960.
- Moraw P. Personenforschung und deutsches Königtum // Zeitschrift für historische Forschung. Jg. 2. 1975. S. 7–16.
- Schneider J. Das illustrierte «Buch von Kaiser Sigmund» des Eberhard Windeck // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. Jg. 61. 2005. S. 169–180.
- Skorka R. Egy középkori emlékirat kutatási lehetőségei // Diszciplínák határain innen és túl. Szerk. Balogh M. Budapest, 2007. 447–462. old.
- Skorka R. Pozostalost Joriga Kuntzelmana — alébo náhodný subeh udalosti v Bratislave v 15. storoci // Stredoveké mesto ako miesto stretnutí a komunikácie / Pod red. Jana Lukački a Martina Stefanika. Bratislava, 2010. S. 109–115.
- Wenzel G. Ozorai Pipo. Magyar történelmi jellemtársa Zsigmond király korából. Pest, 1863.
- Wyss A. Eberhard Windeck und sein Sigismundbuch // Centralblatt für Bibliothekswesen. Jg. 11, Heft 10–11. 1894. S. 433–483.
- Zsigmondkori oklevéltár / Összeállította Mályusz E. és Borsa I. 2., 4. köt. Budapest, 1956–1997.

В. Е. Кукушкин

У истоков канадского православия:
украинская иммиграция конца XIX —
начала XX в. и возникновение первых
православных приходов в западной Канаде

В конце XIX в. западная Канада стала одним из главных направлений заокеанской иммиграции украинского крестьянства с территорий Австро-Венгерской империи, прежде всего Галиции и Буковины. Первые украинские поселения в Канаде возникли на относительно компактной территории размером около 2,5 тыс. кв. км, расположенной примерно в 100–150 км к северо-востоку от современного г. Эдмонта (в то время эти земли в административном отношении были частью Северо-Западных территорий, а в 1905 г. вошли в состав вновь созданной провинции Альберта). По приблизительным оценкам, к 1900 г. здесь проживало около 6 тыс. галичан и буковинцев, занимавшихся фермерством. Небольшая колония украинских поселенцев возникла также южнее Эдмонта.

В религиозном отношении украинские иммигранты в Канаде делились на православных и греко-католиков (униатов). Практически все выходцы из Буковины исповедовали православие, тогда как большинство галичан принадлежали к Греко-католической церкви, учрежденной Брестской унией 1596 г., которая провозгласила верховенство Папы Римского над восточно-христианским населением Речи Посполитой. К концу XIX в. Греко-католическая церковь в Галиции наряду с местной украинской интеллигенцией стала важнейшим проводником украинского национального самосознания

в Австрийской монархии. Тем не менее в ряде восточных районов Галиции, откуда также шла иммиграция в Канаду, существовали православные приходы и были достаточно распространены русофильские настроения. С развитием массовой украинской иммиграции в Канаду украинско-канадские общины стали полем ожесточенной борьбы между Греко-католической и Русской православной церквями за души и умы поселенцев. Каждая из церквей рассматривала другую в качестве непримиримого соперника и стремилась утвердить свое влияние на территориях компактного проживания украинских иммигрантов.

До сегодняшнего дня ранний этап деятельности Русской православной церкви (РПЦ) в Канаде не получил научной разработки ни в российской, ни в зарубежной историографии. Затрагивающие эту тему работы в основном исчерпываются общими трудами по истории украинцев в Канаде и США¹, мемуаристикой² и нарративными историописаниями отдельных епархий и приходов, написанными в характерно апологетическом стиле³. В данной статье предпринята попытка частично восполнить этот пробел, осветив проникновение РПЦ в западную Канаду в контексте развития украинской иммиграции, а также сопровождавшее этот процесс соперничество с Греко-католической церковью. Значительная часть исследования основана на архивных материалах Североамериканской епархии РПЦ, оригиналы которых хранятся в Библиотеке Конгресса США⁴.

На начальном этапе соперничества с Греко-католической церковью за украинских поселенцев в Канаде РПЦ имела определенные преимущества. Еще в 1794 г. на о. Кодиак (Аляска) была создана Русская православная миссия, которой позднее был предоставлен статус самостоятельной епархии с центром в Сан-Франциско. РПЦ в Америке получала ежегодную финансовую субсидию от русского императорского правительства и в отличие от Греко-католической церкви имела возможность выплачивать содержание приходским священникам, а иногда и оказывать материальную помощь приходам. Начавшаяся в 1880-х гг.

¹ См. напр. *Martynowych O.* Ukrainians in Canada: The Formative Years, 1891–1924. Edmonton: CIUS Press, 1991; *Yuzyk P.* «The Expansion of the Russian Orthodox Church among the Ukrainians in North America to 1918» // *Studia Ucrainica*. 1984. Vol. 2. P. 213–223. История возникновения православных приходов в городах центральной и восточной Канады освещена в: *Kukushkin V.* From Peasants to Labourers: Ukrainian and Belarusian Immigration from the Russian Empire to Canada. Montreal–Kingston: McGill–Queen’s University Press, 2007. P. 138–162.

² См. напр. *Божик П.* Церковь українців в Канаді. Вінніпег, 1927.

³ *Orthodox America, 1794–1976: Development of the Orthodox Church in America* / Ed. by C. Tarasar. Syosset, NY: Orthodox Church in America, Dept. of History and Archives, 1975; *Patriarchal Parishes of the Russian Orthodox Church in Canada*. Edmonton: Russian Orthodox Church History Book Committee, 1988; *A Century of Faith: St Barbara’s Russian Orthodox Cathedral, Edmonton, Alberta, 1902–2002*. Edmonton: St Barbara’s Russian Orthodox Cathedral Book Committee, 2002.

⁴ Опись этих материалов см. в: *The Alaskan Russian Church Archives: Records of the Russian Orthodox Greek Catholic Church of North America – Diocese of Alaska*. Washington: Library of Congress, Manuscript Division, 1984 (http://library.alaska.gov/hist/hist_docs/docs/asl_%20BX497_A4A47_1984.pdf).

иммиграция закарпатских русинов⁵ в северо-восточные районы США создала основу для значительного расширения миссионерской деятельности РПЦ на американском континенте в течение следующей четверти века. В результате массового перехода русинов из униатства в православие на северо-востоке США возникли десятки православных приходов и братств⁶. Отражая изменения в географическом распределении православного населения Америки, в 1905 г. епископская кафедра была переведена из Сан-Франциско в Нью-Йорк.

По сравнению с США славянская иммиграция в Канаду началась позднее и имела иную географию и динамику. Во-первых, как уже отмечалось, основными территориями исхода в Канаду стали Галиция и Буковина, а не Закарпатье, где украинское национальное движение было слабым и где в духовно-культурном отношении значительная часть населения продолжала считать себя частью единой «Руси». Во-вторых, если подавляющее большинство русинов в США селились в городах и пополняли ряды американского рабочего класса, то иммиграция галичан и буковинцев в Канаду до второго десятилетия XX в. носила почти исключительно фермерский характер благодаря наличию в западной Канаде огромного массива свободных земель. Рассредоточение относительно небольшого числа украинских поселенцев на огромных территориях канадских прерий (к тому же при рудиментарном транспортном сообщении) создавало значительные трудности для деятельности РПЦ в этой части континента.

Сведения о появлении первых православных миссионеров в западной Канаде достаточно отрывочны. Известно, что в 1896 – начале 1897 г. (спустя примерно пять лет после приезда первых украинских иммигрантов) группа фермеров-галичан, проживавших в районе поселений Эдна и Стар к северо-востоку от Эдмонтона, обратилась с прошениями о присылке священника сразу к двум церковным иерархам – львовскому греко-католическому митрополиту Сильвестру (Сембратовичу) и главе РПЦ в Северной Америке епископу Николаю (Зиорову). По одной из версий, обращение к епископу Николаю было отправлено уже после того, как письма митрополиту Сильвестру во Львов не принесли результата⁷. Однако в любом случае факт обращения греко-

⁵ Термин «русини» традиционно употреблялся в отношении восточнославянского населения Закарпатья, хотя он часто использовался и для обозначения всех восточных славян, проживавших на территории Австро-Венгрии.

⁶ В отсутствие собственной церковной организации в Северной Америке греко-католические приходы в США и Канаде находились под попечением местных римско-католических епископов. Непонимание Римско-католической церковью обрядовых особенностей греко-католичества и национальных обычаев украинских иммигрантов часто приводило к конфликтам и являлось одной из движущих сил обращения греко-католиков в православие в США и Канаде. См. подробнее: *Dyrud K.* The Struggle for the Rusyn Soul: The Politics of Religion and Culture in Eastern Europe and in America, 1890 – World War I. Philadelphia: Balch Institute for Ethnic Studies, 1992; *Хайруллина П. А.* Русская Православная Церковь в США: поиск путей модернизации и деятельность святителя Тихона (Беллавина) (Последняя треть XIX – начало XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004.

⁷ Американский православный вестник. 1897. Т. 1, № 11 (1–13 февраля). С. 212–213.

католиков к православному иерарху с подобной просьбой весьма примечателен и свидетельствует о том, что идеологические и доктринальные различия между двумя ветвями восточного христианства стояли для украинских поселенцев в Канаде на втором плане перед потребностью в духовном попечении и отправлении обрядов. Более того, можно с высокой долей вероятности предположить, что малообразованное в своем большинстве крестьянское население Галиции вообще было слабо осведомлено об этих различиях, тем более что в обрядовом отношении униатство мало отличалось от православия. Служба в обеих церквях в то время велась на церковнославянском языке (переход на использование украинского языка в греко-католических приходах Северной Америки произошел уже во втором десятилетии XX в.).

Оригиналы первых писем украинских поселенцев к епископу Николаю не сохранились, но общее представление об их содержании можно получить из воспоминаний Федора Немирского, одного из инициаторов прошений, пользовавшегося большим авторитетом среди соотечественников-галичан. Согласно этому источнику, в своих обращениях поселенцы выражали готовность вступить в православие и перейти на попечение Русской православной миссии в Америке. Обращения галичан дошли до владыки Николая, который пообещал в ближайшем будущем прислать в Канаду православных миссионеров⁸.

Свое обещание епископ сдержал, и уже в июле 1897 г. о. Дмитрий Камнев и о. диакон Владимир Александров из православного прихода в Сиэтле прибыли в украинские поселения в районе Эдна-Стар с миссионерским визитом. В воскресенье 18 июля они отслужили первую в истории Канады православную службу. Поскольку большинство поселенцев еще жили во временных хижинах из глины и дерна (типичном обиталище первых украинских иммигрантов в Канаде), подходящего помещения для богослужения найти не удалось, и его пришлось проводить на открытом воздухе рядом с наспех сооруженным деревянным крестом. В подробном отчете о поездке, напечатанном в «Американском православном вестнике» — органе североамериканской епархии РПЦ, о. Дмитрий сообщил, что на службе присутствовало около 600 поселенцев, которые единогласно решили перейти под попечение Русской православной миссии в Америке. Собравшиеся избрали приходской совет из 10 членов, главной задачей которого стала постройка церкви и дома для священника⁹.

Неделю спустя миссионеры посетили украинские фермы в Рэббит-Хилл к югу от Эдмонта (ныне — один из жилых районов города), где, по словам о. Дмитрия, им удалось обратить в православие еще 93 поселенцев. Местные жители вскоре также образовали приходской совет и обратились к местным властям с просьбой о выделении участка земли под церковь, строительство которой должно было начаться весной 1898 г.¹⁰

⁸ Цит. по: A Century of Faith: St Barbara's Russian Orthodox Cathedral. P. 6.

⁹ Американский православный вестник. 1897. Т. 2, № 1 (1–13 сентября). С. 26–29.

¹⁰ Alaskan Russian Church Archives (далее — ARCA), Edmonton Correspondence file, reel 321,

Есть основания полагать, что в своем стремлении продемонстрировать епархиальному начальству успех канадской миссии о. Дмитрий несколько преувеличил число присутствовавших на службах украинских поселенцев, равно как и количество принявших православие униатов. Федор Немирский, на ферме которого проводилась служба 18 июля, в своих мемуарах пишет о 380 присутствовавших. По другим источникам, на момент совершения службы во всем районе Эдна-Стар проживало не более 120 украинских семей¹¹. Кроме того, лояльность некоторых из новообращенных по отношению к РПЦ оказалась шаткой. В 1897–1898 гг., почти одновременно с приездом православных священников, в местных украинских поселениях стали появляться и первые греко-католические миссионеры из США. Под влиянием этих визитов часть принявших православную веру поселенцев вернулась в греко-католичество. В некоторых украинских поселениях в Альберте возникла ситуация, когда каждый приезд православного или греко-католического священника сопровождался внутриобщинной междоусобицей, в результате которой часть поселенцев меняла свою церковную принадлежность (иные переходили из православия в униатство и обратно по несколько раз).

В 1898–1900 гг. о. Дмитрий и о. Владимир совершили еще три миссионерские поездки в Канаду (в последний раз о. Владимир, уже будучи рукоположен в священники, приехал один). Во время второго приезда, состоявшегося в июне 1898 г., произошло знаменательное для истории канадского православия событие: о. Дмитрий совершил церемонию освящения фундамента первого в Канаде православного храма — Свято-Троицкой церкви в Лаймстоун-Лейке¹². В том же году местные жители официально обратились к властям о переименовании поселения в Восток (Wostok) в честь восточнохристианской веры¹³.

За время поездок о. Дмитрия и о. Владимира в западную Канаду география их миссионерской деятельности постепенно расширялась: так, в 1899 г. они впервые посетили поселения буковинских иммигрантов в районе селения Виктория (примерно 10 км от Востока). В своих отчетах о. Дмитрий отмечал стойкую приверженность буковинцев православной вере, отличавшую их от галичан¹⁴.

письмо от 25 янв. 1898 г.

¹¹ A Century of Faith: St Barbara's Russian Orthodox Cathedral. P. 7; Svoboda, 21 October 1897.

¹² Камнев Д., Александров В. Поездка в Канаду // Американский православный вестник. 1898. Т. 2, № 21 (1–13 июня). С. 607, 612.

¹³ Административный пункт с таким названием до сих пор существует на карте провинции Альберта, однако в настоящее время представляет собой всего лишь несколько старых зданий и является скорее «поселком-призраком», как и ряд других мест поселения первых украинских иммигрантов.

¹⁴ Камнев Д., Александров В. Поездка в Сев.-Западную Канаду // Американский православный вестник. 1899. Т. 3, № 16 (15–27 августа). С. 441. Еще в 1898 г. местные буковинцы просили черновицкого православного митрополита Аркадия Чуперкевича прислать священника из Буковины, однако им было рекомендовано обратиться к услугам Русской православной миссии в Америке. Подробнее см.: З нового краю: листи українських емігрантів з Канади / Під ред. О. І. Сича. Едмонтон, 1991. С. 17–18, 49–50.

По собственным подсчетам миссионеров, за время, проведенное в Канаде в 1897–1900 гг., им удалось обратить в православную веру около 1,5 тыс. галичан, живших в окрестностях Эдмонта¹⁵. Как уже отмечалось выше, к этим цифрам стоит относиться с долей скептицизма. И всё же, особенно учитывая скромные возможности о. Дмитрия и о. Владимира, их деятельность в западной Канаде нужно признать успешной. Во многом благодаря их усилиям были заложены основы для распространения влияния РПЦ среди украинских иммигрантов и превращения ее в силу, с которой приходилось считаться конкурентам.

Вместе с тем среди руководства североамериканской епархией РПЦ, включая только что назначенного на свой пост епископа Тихона (Белавина), росло понимание того, что в условиях стремительного роста украинской иммиграции в западную Канаду сохранить здесь влияние православия без создания постоянной миссии будет трудно, если вообще возможно. О назначении постоянного священника неоднократно просили и сами украинские поселенцы. Одно из таких прошений «от руссинов, проживающих в Северо-Западной территории в Канаде, в местностях Lime-Stone Lake, Beaver Creek и RabbitHills [sic]», датированное 17 июня 1898 г., было адресовано в Святейший Синод в Петербурге и содержало 25 подписей членов церковных комитетов нескольких православных общин. В послании излагалась история приезда галичан в Канаду и принятия ими православной веры, а также упоминалось об усилиях униатов и «иезуитов» (так поселенцы обычно называли все римско-католическое духовенство) распространить свое влияние среди выходцев из Галиции и Буковины. Заканчивалось письмо просьбой «прислать нам православный причт церковный (из малороссов), дабы мы могли найти тихое пристанище душам нашим в недрах Святой Православной церкви, а не блуждали бы по распутиям иезуитским, не имея своего Православного пастыря»¹⁶.

Прошения достигли своей цели, и 5 августа 1900 г. епископ Тихон назначил тридцатидевятилетнего о. Якова Корчинского, служившего в одном из аляскинских приходов, главой канадской православной миссии в западной Канаде с центром в Востоке¹⁷. Предполагалось, что о. Яков приступит к своим обязанностям уже 1 сентября 1900 г., но ему удалось прибыть в Эдмонтон только к концу ноября. Сопровождали о. Якова матушка Варвара и 20-летний псаломщик Иван Сорока¹⁸.

К приезду о. Якова дом, где должен был проживать священник, еще не был закончен, поэтому приехавшим пришлось временно разместиться в доме уже

¹⁵ Подсчитано по отчетам в: Американский православный вестник. 1899. Т. 3, № 16 (15–27 августа). С. 442; 1900. Т. 4, № 18 (14–28 сентября). С. 366.

¹⁶ ARCA, Edmonton, Cases, Uniate Congregation, Catholic Influence, 1898, reel 321, И. Гальков, Ф. Рудык, И. Лакуста, Ф. Немирский и др. — Святейшему Синоду, 5 июня 1898.

¹⁷ Американский православный вестник. 1900. Т. 4, № 16 (15–28 августа). С. 335.

¹⁸ ARCA, Tikhon Bellavin's Papers, reel 361, Корчинский — Тихону, 1 дек. 1900. См. также The Edmonton Bulletin. 1900. 26 November.

упоминавшегося Федора Немирского. Когда в феврале следующего года постройка дома для священника была завершена, он некоторое время служил также и местом проведения служб, пока прихожане достраивали здание заложеной в июне 1898 г. Свято-Троицкой церкви.

Сделав Восток своей «опорной базой», миссионеры старались навещать каждое православное поселение в Альберте хотя бы раз в месяц, чтобы провести там службу и совершить обряды. В условиях географической разбросанности украинских поселений, плохого состояния дорог и суровой зимы это было весьма нелегкой задачей. Первые две недели каждого месяца о. Яков и Иван Сорока обычно проводили в Востоке, затем в течение недели объезжали галицкие и буковинские поселения к северо-востоку от Эдмонта и, наконец, последнюю неделю месяца старались проводить в Рэббит-Хилл, требовавшем постоянного внимания из-за повышенной активности там сторонников унии. На следующий месяц цикл повторялся. Регулярность поездок уменьшалась лишь весной, когда фермеры были заняты посевной, а дороги становились труднопроходимыми из-за распутицы.

Обращение галичан греко-католического вероисповедания в православие оставалось одной из важнейших задач миссии. В своем отчете епископу Тихону о. Яков сообщал, что за февраль–октябрь 1901 г. ему удалось обратить в православие около 280 униатов. Большинство последних принадлежали к Крестовоздвиженской греко-католической церкви в Эдна-Стар, где к тому времени разгорелся серьезный конфликт между священником о. Иваном Заклинским и частью прихожан. Недовольные обвиняли о. Ивана в слишком тесных отношениях с местным римско-католическим епископом Э. Легалем и опасались «латинизации» прихода (т.е. насаждения римско-католических обрядов). Попытка священника сместить часть членов приходского совета со своих постов привела к открытому расколу, в результате которого большая часть прихожан обратилась к о. Якову Корчинскому с просьбой принять их под покровительство православной церкви¹⁹. Сторонники о. Ивана, однако, также не собирались складывать оружие. Конфликт достиг своего пика на Пасху, 18 апреля 1901 г., когда оба священника, поддерживаемые своими фракциями, попытались провести в Крестовоздвиженской церкви пасхальную службу. В результате возникшей потасовки в дело пришлось вмешаться полиции, которая опечатала церковное здание до выяснения обстоятельств дела²⁰.

Следуя инструкциям епископа Тихона — проявлять осмотрительность, когда дело касалось перехода имущества униатских приходов под попечительство РПЦ, о. Яков счел за лучшее не настаивать на немедленном вступлении во владение Крестовоздвиженской церковью, доверив решение спора канадским судам. Дело о праве собственности на приходскую недвижимость тянулось долгие

¹⁹ ARCA, Edmonton Correspondence, reel 321, Корчинский — Тихону, 25 января 1901 г.

²⁰ Stobie M. Pope and Czar on the North Saskatchewan // The Beaver. 1989. April–May. P. 7.

шесть лет, достигнув высшей судебной инстанции Британской империи — Тайного совета в Лондоне, решением которого от 3 декабря 1907 г. собственность была присуждена Русской православной миссии²¹.

Из-за часто случавшихся в украинских приходах размежеваний по признаку религиозной принадлежности судебные тяжбы между греко-католическими и православными приходами за право собственности на церковную недвижимость вскоре стали обычным явлением для западной Канады начала XX в. В 1915 г. подобный спор случился, к примеру, в г. Чипмэн, также закончившись в пользу православной фракции²². В других случаях победа оказывалась на стороне греко-католиков.

К 1902 г. количество поселенцев, находившихся на попечении Русской православной миссии в Канаде, достигло примерно 3 тыс., включая около 2 тыс. буковинцев, 700 галичан, а также небольшое количество румынских семей, проживавших к северо-востоку от Эдмонта. В апреле 1901 г. при Свято-Троицкой церкви была открыта небольшая приходская школа, в которой преподавали сам о. Яков и псаломщик И. Сорока. Год спустя здесь училось уже более 20 детей местных украинских фермеров. Прихожанами было также создано церковное братство имени св. Тихона Задонского, занимавшееся оказанием помощи попавшим в беду членам общины²³.

Одной из главных проблем, с которой пришлось столкнуться как о. Якову, так и его преемникам, было финансирование строительства новых православных храмов. В отличие от стран исхода, иммигрантам в Северной Америке приходилось строить и обставлять церковные здания почти целиком на собственные средства. Галичане и буковинцы делали что могли: так, в Востоке прихожане собрали 80 долларов на покупку четырех колоколов для церковной звонницы — по тем временам немалая сумма, равнявшаяся двухмесячному заработку промышленного рабочего. Однако даже по достижении поселенцами определенного уровня благосостояния финансирование постройки церковного здания полностью за счет общины было весьма трудным делом²⁴. В 1900–1901 гг. украинскими приходами было отправлено несколько прошений епископу Тихону об оказании материальной помощи в постройке храмов. Просьбы были услышаны: к августу 1902 г., согласно приводимым о. Яковом данным, общая сумма выделенной канадской православной миссии финансовой помощи

²¹ The Law Reports. House of Lords and Judicial Committee of the Privy Council, 1908, Zacklinski and others vs. Polushie and others. P. 65–81.

²² Русский голос. 1915. 27 декабря; 1916. 3 июля.

²³ ARCA, Wostok Correspondence, 1899–1904, reel 321, Корчинский — Тихону, 5 июня 1901 г.; Скибинский — Тихону, «Отчет о состоянии Северо-Западной Канадской миссии за 1902 год» от 31 января 1903 г.; Tikhon Bellavin's Papers, reel 361, телеграмма Корчинского Тихону, 26 августа 1901 г.; Wostok Parish Records, Cumulative, reel 322, Parish Register, 1902–1905.

²⁴ ARCA, Wostok Correspondence, 1899–1904, reel 321, Корчинский — Тихону, 5 июня 1901 г.

составила 700 долл. Из них 600 долл. было потрачено на востокский приход и 100 долл. — на постройку Свято-Николаевского храма в селении Буковина. В следующем году 150 долл. было отправлено приходам в Рэббит-Хилле и Бивер-Крике. Но даже несмотря на материальную поддержку епархии, канадские приходы почти постоянно находились на грани банкротства. О. Якову порой приходилось одалживать приходскому совету собственные средства, а то и покупать за свой счет свечи и церковную утварь²⁵.

Свидетельством растущего внимания епархиального руководства к канадским приходам стал визит епископа Тихона в Канаду в августе–сентябре 1901 г. Владыка провел службы в Рэббит-Хилле и Востоке, где при большом стечении народа (включая многих окрестных униатов, привлеченных приездом православного епископа) торжественно освятил здание Свято-Троицкой церкви. Во время пребывания епископа в украинских приходах им были освящены также недавно достроенные Свято-Николаевская церковь в Буковине и Церковь Пресвятой Богородицы в Бивер-Крике. Примечательно, что визит русского православного иерарха вызвал интерес не только со стороны местного православного населения, но и канадской общественности. Так, во время своего нахождения в Эдмонтоне владыка Тихон встретился с членом палаты общин от Северо-Западных территорий Фрэнком Оливером (впоследствии министром внутренних дел в правительстве У. Лорье), проявлявшим живой интерес к деятельности русской православной миссии. Визит русского епископа не остался незамеченным и местной прессой²⁶.

С самого начала своей деятельности на посту главы канадской миссии о. Яков обратил пристальное внимание на Эдмонтон, где православные жители оставались без духовного попечения. Хотя в начале XX в. в городе проживало менее 3 тыс. человек, с ростом иммиграции на Северо-Западные территории и в условиях начавшегося экономического бума его роль как одного из торгово-финансовых центров западной Канады быстро возрастала. Постоянное украинское население Эдмонта было небольшим и не превышало 200–300 человек (включая работавших домашней прислужкой буковинских девушек), однако летом оно значительно увеличивалось за счет сезонных рабочих с близлежащих ферм. О. Яков считал абсолютно необходимой постройку хотя бы «небольшой часовенки» в Эдмонтоне, о чём писал уже в первом своем отчете епископу Тихону в декабре 1900 г.²⁷

Тогда же о. Яков начал проводить «вечерние собрания» для православных жителей Эдмонта, на которых присутствующие сочетали молитвы

²⁵ Там же, Корчинский — Тихону, 6 марта, 20 апреля, 22 июня и 6 июля 1901 г.; Скибинский — Тихону, «Отчет о состоянии Северо-Западной Канадской миссии за 1902 год» от 31 января 1903 г.

²⁶ Подробный отчет о поездке еп. Тихона см. в: Американский православный вестник. 1901. Т. 5, № 18 (15–28 сентября). С. 383–388; 1901. № 19 (1–14 октября). С. 403–407; см. также The Edmonton Bulletin. 1901. 13 September.

²⁷ ARCA, Tikhon Bellavin's Papers, reel 361, Корчинский — Тихону, 1 декабря 1900 г.

с духовными беседами и изучением Закона Божьего. Вскоре для проведения этих встреч был снят небольшой кирпичный дом, служивший также молитвенным залом, вечерней школой и местом временного проживания о. Якова и псаломщика Ивана во время их приездов в Эдмонтон²⁸. Попытки священника получить материальную поддержку от епархиального начальства на устройство прихода в городе не увенчались успехом: епископ Тихон, судя по всему, считал более важным расширение деятельности миссии в сельских районах, где количество православного населения было гораздо большим²⁹. Тогда о. Яков решил действовать самостоятельно. Взяв ипотечный займ, он купил участок земли в центре Эдмонта с двухэтажным деревянным домом с верандой, в котором была устроена часовня. 18 мая 1902 г. о. Яков освятил приобретенное здание именем св. Варвары, заложив тем самым основу первого православного прихода Эдмонта. Сослужил на церемонии освящения только что приехавший в Эдмонтон о. Михаил Скибинский, которому предстояло заменить о. Якова на посту главы канадской миссии³⁰.

О. Михаил Скибинский был выходцем из г. Холм (Хелм) Люблинской губернии. По окончании Холмской духовной семинарии он какое-то время служил псаломщиком и учителем церковно-приходских школ в польских губерниях, а с 1898 г. — на Аляске. В апреле 1902 г. двадцатишестилетний о. Михаил был рукоположен в священники и назначен главой православной миссии в Канаде. В июне 1902 г. он прибыл в Восток вместе с матушкой Анастасией и двумя детьми³¹. О. Михаил оставался главой канадской миссии до июня 1906 г., когда был назначен на вновь учрежденный пост благочинного канадских православных приходов с резиденцией в Виннипеге.

За время пребывания о. Михаила во главе миссии количество православных церквей в северо-восточной Альберте увеличилось с четырех до девяти: новые храмы открылись в селениях Рэббит-Хилл, Шандро, Эндрю, Бивер-Крик (Мандер) и Киселив, началось строительство румынской православной церкви в Боянах³². Пять вновь построенных церквей были лично освящены епископом Тихоном во время его второй и последней поездки в Канаду в августе 1904 г.³³ После упадка, последовавшего за отъездом о. Якова Корчинского, возродился эдмон-

²⁸ The Edmonton Bulletin. 1901. 10 January; ARCA, Edmonton Correspondence, reel 321, Корчинский — Тихону, 4 февраля 1901 г.

²⁹ ARCA, Edmonton Correspondence, reel 321, Корчинский — Тихону, 4 февраля 1901 г.

³⁰ The Edmonton Bulletin. 1902. 19 May; A Century of Faith: St Barbara's Russian Orthodox Cathedral. P. 13–14. Современный русский православный собор св. Варвары, относящийся к зарубежным приходам Московской патриархии, находится на том же месте, где располагалась основанная о. Яковым часовня.

³¹ ARCA, Tikhon Bellavin's Papers, reel 361, Скибинский — Тихону, 24 мая 1902 г.

³² Американский православный вестник. 1906. Т. 10, № 2 (15–28 января). С. 38.

³³ Там же. 1904. Т. 8, № 16 (15–28 августа). С. 311–314; № 18 (14–28 сентября). С. 353–355; № 20 (1–14 октября). С. 370–372.

тонский приход. В декабре 1908 г. новый благочинный канадских приходов игумен Арсений Чаговцов торжественно освятил здание нового храма Св. Варвары и перевел туда из Востока центр русской православной миссии в Альберте³⁴.

Стоит отметить, что создание приходов в западной Канаде проходило при отсутствии единого подхода к юридическому оформлению прав собственности на церковные земли и строения. В некоторых приходах (например в селении Буковина) всё недвижимое имущество, включая кладбищенскую землю, было записано на имя членов приходского совета, тогда как в других (например в Востоке и Скарго) — на имя главы Русской православной епархии в Северной Америке. Земельные участки под эдмонтонской часовней св. Варвары и церковью в Мандере поначалу принадлежали лично о. Якову Корчинскому и лишь позже были переданы им в епархиальную собственность. Ситуация кардинально не изменилась и после того, как в мае 1903 г. Русская православная церковь на Северо-Западных территориях получила статус частной корпорации, который позволял ей владеть и совершать сделки с недвижимостью на правах юридического лица³⁵. Возможно, епархиальное начальство не хотело вступать в трения с приходскими советами, которые неизбежно возникли бы в случае попыток переписать имущество на имя русского епископа. Скорее же всего, у него просто не было времени и средств заниматься решением имущественных вопросов в далекой Канаде.

К середине 1900-х гг. становилось очевидным, что одному священнику было уже не под силу обслуживать растущее количество приходов, тем более в условиях продолжавшегося соперничества с Греко-католической церковью, которая с 1902 г. увеличила присутствие в западной Канаде в результате приезда из Галиции миссионеров-монахов из ордена василиан. В своем донесении епископу Тихону о состоянии дел в миссии на август 1903 г. о. Михаил сообщал, что местных православных галичан очень угнетает невозможность иметь регулярные службы: «Видя, что униаты имеют достаточно священников и имеют возможность присутствовать на церковных богослужениях каждое воскресенье, каждый праздник, а они лишены этого, так как православные миссионеры служат в известном месте только раз в месяц, а иногда и в два месяца <...> они падают духом, теряют веру в божественную силу Православия, и тревожные вопросы их о том, будет ли здесь когда-либо больше священников <...> всё чаще приходится слышать причту...»³⁶

Однако найти священнослужителей для канадских приходов было непросто. Дело было не только в общей нехватке приходского духовенства в Северо-американской епархии, но и в том, что многие пастыри не слишком-то стремились отправиться в затерянные в канадских прериях украинские селения.

³⁴ ARCA, Wostok Parish Records, Cumulative, reel 322, Parish Register, 1907; The Edmonton Bulletin. 1908. 8 July; A Century of Faith. P. 21.

³⁵ ARCA, Wostok Parish Records, Cumulative, reel 322, Parish Register, 1907.

³⁶ ARCA, Tikhon Bellavin's Papers, reel 361, Скибинский — Тихону, 16 августа 1903 г.

Большинство предпочитало суровому канадскому быту службу в благополучных приходах США, где был мягче климат и имелись все блага цивилизации. Почти все священники, назначавшиеся во вновь образованные канадские приходы, были недавно рукоположены в сан и не обладали опытом руководства приходами и умением находить общий язык с приходскими советами, что в Северной Америке являлось залогом успешного служения. Кроме того, выделявшегося епархией скромного жалования порой не хватало даже на проживание. На пожертвования же прихожан рассчитывать было трудно — те сами часто едва сводили концы с концами.

Показательной в этом отношении была история о. Григория Вархоля — выходца из Закарпатья, окончившего православную семинарию в Миннеаполисе и сразу же по рукоположении в марте 1906 г. направленного в самый проблемный на то время в Канаде Рэббит-Хилльский приход. Первоначально приезд постоянного священника был встречен прихожанами с энтузиазмом. Новоизбранный приходской совет во главе с самым состоятельным в округе фермером Федором Фуром занялся обсуждением вопроса об окончательном завершении стройки церкви, тянувшейся почти восемь лет. Но проблемы не заставили себя ждать. Двадцатидолларового месячного жалования молодого миссионера не хватало даже на оплату жилья, а от двенадцати семей, составлявших его крошечный приход, помощи ожидать не приходилось. К тому же о. Григорию так и не удалось заручиться доверием местных галичан — вероятно, отчасти по причине своего закарпатского диалекта, звучавшего столь непривычно, что его стали подозревать в том, что он является «поляком или немцем». После неоднократных прошений о. Григория о переводе он был в ноябре 1906 г. назначен в один из приходов американского Юга³⁷.

О. Александру Антониеву, назначенному в буковинские и румынские поселения в районе Шандро и Боян, повезло больше. До своего назначения в Канаду он служил дьяком в одном из приходов Кишиневской епархии, владел буковинским наречием и мог понимать разговорный румынский. Вероятно, именно это в значительной степени помогло ему завоевать уважение канадских прихожан. В отличие от большей части канадского православного духовенства о. Александр не получал от епархии жалования и находился на полном содержании своих приходов³⁸.

Приведенные примеры иллюстрируют важный аспект истории североамериканского православия — значимость этнолингвистического фактора во взаимоотношениях духовенства и паствы. Большинство иммигрантов хотело видеть в своих приходах священников из «старого края» и часто встречало «чужаков» с настороженностью. Зная об этом, руководство РПЦ старалось назначать в се-

³⁷ ARCA, Tikhon Bellavin's Papers, reel 361, Вархоль — Тихону, 21 июля / 3 августа 1906 г.; Скибинский — Тихону, 24 мая и 15 июня 1906 г.; Американский православный вестник. 1906. Т. 10, № 21 (1–14 ноября). С. 430.

³⁸ Американский православный вестник. 1906. Т. 10, № 8 (1–14 апреля). С. 142.

вероамериканские приходы духовенство из западных губерний Российской империи, в большей или меньшей степени знакомое с обычаями и диалектами русинов, галичан, буковинцев и белорусов, составлявших большинство прихожан в США и Канаде. По мере того как среди канадских галичан и буковинцев силами местной украинской интеллигенции крепло чувство принадлежности к единой украинской нации, часть из них стала с растущим недоверием относиться к «московским» священнослужителям, не говорившим на «малороссийском наречии» и не знавшим национальных обычаев своих прихожан. В августе 1904 г. о. Михаил Скибинский писал епископу Тихону, что местные буковинцы «мечтают о «незалежных от Синода» священниках, а Святейший Синод представляют себе в виде страшилища, готового всех их отдать <...> под власть «московского» царя...»³⁹ С началом Первой мировой войны темпы «украинизации» выходцев из Галиции и Буковины еще более усилились, что в итоге привело к расколу канадского православия по этническому признаку и формированию в 1918 г. независимой Украинской православной церкви Канады⁴⁰.

Подводя итоги, отметим, что к середине первого десятилетия XX в. РПЦ удалось добиться заметных успехов среди украинских иммигрантов западной Канады, чему способствовали как подвижнические усилия первых миссионеров, так и слабость главного конкурента РПЦ — Греко-католической церкви, не имевшей столь давних корней и собственной церковной администрации в Северной Америке. Количество прихожан на обслуживаемой восточной миссией территории продолжало расти как за счет новых иммигрантов православного вероисповедания, так и за счет перехода в православие части униатов и к 1905 г. достигло более 4800 человек. Действовало свыше десятка церквей и часовен (хотя некоторые из них находились в стадии перманентной достройки). Увеличение числа приходов в Альберте, а также в соседних Саскачеване и Манитобе сделало возможным выделение их в 1906 г. в самостоятельное благочиние с центром сначала в Виннипеге, а затем в Эдмонтоне.

Однако в первые годы существования Русской православной миссии в Канаде обозначились и ее главные проблемы — нехватка опытного духовенства, знающего язык и обычаи канадских прихожан, шаткость финансового положения приходов и усиливавшаяся конкуренция со стороны других церквей (включая протестантов). В последующие годы эти проблемы не только не разрешились, но стали еще острее. Более того, к ним добавилась еще одна — рост национального самосознания среди иммигрантов православного вероисповедания, и прежде всего — подъем украинского национального движения, отвергавшего концепцию «единой и неделимой Руси», на которой основывалась официальная доктрина РПЦ.

³⁹ ARCA, Tikhon Bellavin's Papers, reel 361, Скибинский — Тихону, 16 августа 1903 г.

⁴⁰ Plokhyy S. The Crisis of «Holy Rus': The Russian Orthodox Mission and the Establishment of the Ukrainian Orthodox Church of Canada // Religion and Nation in Modern Ukraine / Ed. by S. Plokhyy, F. E. Sysyn. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2003. P. 40–57.

References

- A Century of Faith: St Barbara's Russian Orthodox Cathedral, Edmonton, Alberta, 1902–2002. Edmonton: St Barbara's Russian Orthodox Cathedral Book Committee, 2002.
- Bozhyk P.* Tserkov ukrainsiv v Kanadi. Winnipeg, 1927. (in Ukrainian).
- Dyrud K.* The Struggle for the Rusyn Soul: The Politics of Religion and Culture in Eastern Europe and in America, 1890 – World War I. Philadelphia: Balch Institute for Ethnic Studies, 1992.
- Khairullina P.A.* Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v SShA: poisk putei modernizatsii i deiatel'nost' sviatitelia Tikhona (Bellavina) (posledniaia tret' XIX — nachalo XX v.). Dis. ... kand. ist. nauk. Cheliabinsk, 2004. (in Russian).
- Kukushkin V.* From Peasants to Labourers: Ukrainian and Belarusian Immigration from the Russian Empire to Canada. Montreal–Kingston: McGill–Queen's University Press, 2007.
- Martynowych O.* Ukrainians in Canada: The Formative Years, 1891–1924. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 1991.
- Orthodox America, 1794–1976: Development of the Orthodox Church in America / Ed. by C. Tarasar. Syosset, NY: Orthodox Church in America, Dept. of History and Archives, 1975.
- Patriarchal Parishes of the Russian Orthodox Church in Canada. Edmonton: Russian Orthodox Church History Book Committee, 1988.
- Ploky S.* The Crisis of «Holy Rus'»: The Russian Orthodox Mission and the Establishment of the Ukrainian Orthodox Church of Canada // Religion and Nation in Modern Ukraine / Ed. by S. Ploky, F. E. Sysyn. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2003. P. 40–57.
- Stobie M.* Pope and Czar on the North Saskatchewan // The Beaver. 1989. April–May.
- The Alaskan Russian Church Archives: Records of the Russian Orthodox Greek Catholic Church of North America – Diocese of Alaska. Washington: Library of Congress, Manuscript Division, 1984. URL: http://library.alaska.gov/hist/hist_docs/docs/asl_%20BX497_A4A47_1984.pdf (accessed 20.09.2015).
- Yuzyk P.* The Expansion of the Russian Orthodox Church among the Ukrainians in North America to 1918 // Studia Ucrainica. 1984. Vol. 2. P. 213–223.
- Z novoho kraiu: lysty ukrains'kykh emigrantiv z Kanadi / Pid red. O. I. Sycha Edmonton: Kanads'kyi instytut ukrains'kykh studii, 1991. (in Ukrainian).

Список литературы

- A Century of Faith: St Barbara's Russian Orthodox Cathedral, Edmonton, Alberta, 1902–2002. Edmonton: St Barbara's Russian Orthodox Cathedral Book Committee, 2002.
- Dyrud K.* The Struggle for the «Rusyn Soul»: The Politics of Religion and Culture in Eastern Europe and in America, 1890 – World War I. Philadelphia: Balch Institute for Ethnic Studies, 1992.
- Kukushkin V.* From Peasants to Labourers: Ukrainian and Belarusian Immigration from the Russian Empire to Canada. Montreal–Kingston: McGill–Queen's University Press, 2007.
- Martynowych O.* Ukrainians in Canada: The Formative Years, 1891–1924. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 1991.
- Orthodox America, 1794–1976: Development of the Orthodox Church in America / Ed. by C. Tarasar. Syosset, NY: Orthodox Church in America, Dept. of History and Archives, 1975.
- Patriarchal Parishes of the Russian Orthodox Church in Canada. Edmonton: Russian Orthodox Church History Book Committee, 1988.
- Ploky S.* The Crisis of «Holy Rus'»: The Russian Orthodox Mission and the Establishment of the Ukrainian Orthodox Church of Canada // Religion and Nation in Modern Ukraine / Ed. by S. Ploky, F. E. Sysyn. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2003. P. 40–57.
- Stobie M.* Pope and Czar on the North Saskatchewan // The Beaver. 1989. April–May.
- The Alaskan Russian Church Archives: Records of the Russian Orthodox Greek Catholic Church of North America – Diocese of Alaska. Washington: Library of Congress, Manuscript Division, 1984. URL: http://library.alaska.gov/hist/hist_docs/docs/asl_%20BX497_A4A47_1984.pdf (accessed 20.09.2015).
- Yuzyk P.* The Expansion of the Russian Orthodox Church among the Ukrainians in North America to 1918 // Studia Ucrainica. 1984. N 2. P. 213–223.
- Божик П.* Церковь українців в Канаді. Вінніпег, 1927.
- З нового краю: листи українських емігрантів з Канади / Під ред. О. І. Сича. Едмонтон: Канадський інститут українських студій, 1991.
- Хайрулліна П. А.* Русская Православная Церковь в США: поиск путей модернизации и деятельность святителя Тихона (Беллавина) (Последняя треть XIX — начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004.

Ю. Н. Беспятых

Еще раз о грамотности А. Д. Меншикова

Не имея намерения продолжать бесплодный для обоих участников спор на вынесенную в заголовок статьи тему, обозначаю здесь лишь его библиографическое отражение¹. Более, нежели Н. И. Павленко, осведомленные и свободные в суждениях читатели рассудят, кто же из полемистов столь самоотверженно сражается с пресловутыми ветряными мельницами. Уже вне дискуссии предлагаю не вошедшие в мои статьи и книгу наблюдения о том, какие тексты, кому и при каких обстоятельствах зачитывал вслух светлейший князь.

Он в разное время многократно оглашал в тех или иных ведомствах именные указы Петра I, затем Екатерины I². (Годы везде показываю полужирным шрифтом, месяц и день курсивом.)

¹ *Беспятых Ю. Н.* «...По письмам собственных наших рук...» // Югра: Региональный журнал. 2004. № 8. С. 81–86; № 9. С. 71–75; *Павленко Н. И.* Был ли А. Д. Меншиков грамотным? // Жизнь Югры. 2005. 8 февраля. № 9 (9540). С. 5; *Беспятых Ю. Н.* А. Д. Меншиков был грамотен! // Там же. 18 марта. № 19 (9550). С. 5; *Беспятых Ю. Н.* Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. СПб., 2005; изд. 2-е, доп. СПб., 2008; *Павленко Н. И.* Был ли А. Д. Меншиков грамотным? // Наука и жизнь. 2005; № 3. С. 69–75; *Беспятых Ю. Н.* Как ваше слово отзовется?: О рецензии Н. И. Павленко (Наука и жизнь. 2005. № 3. С. 69–75) на мою книгу «Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. СПб., 2005» // Меншиковские чтения — 2006: Материалы чтений. СПб., 2006. С. 105–124; *Беспятых Ю. Н.* О терминах «дворяне» и «шляхта» в России при Петре I: (К полемике по поводу грамотности и происхождения А. Д. Меншикова) // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2 (06). С. 263–284.

² Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее: ПСЗ). СПб., 1830. Т. IV. **1705 г.**, *февраля 5*. № 2027. Именной, объявленный князем Меншиковым. — Об освобождении казаков от сборов, принадлежащих Ингерманландской канцелярии. С. 287; **1706 г.**, *марта 12*. № 2086. Именной, объявленный князем Меншиковым копорскому коменданту [Я. Н.] Римскому-Корсакову. С. 343–344 (опечатки в пагинации — с. «443» и в порядковом номере документа — «2067»); **1707 г.**, *генваря 17*. № 2135.

Возможно, я что-то пропустил; примем также во внимание, что ПСЗ, во-первых, далеко не полностью охватывает соответствующую (известную ныне) официальную документацию. Так, в нем отсутствует документ, начинающийся словами: «Февраля 7 дня нынешняго 1722 года в канцелярии Сената генерал-фельтмаршал светлейший князь Александр Данилович Меншиков объявил его императорского величества писанные собственною рукою указы и оные подлинные при объявлении взял к себе, а для действия в Сенате оставил копии.

Именный, объявленный князем Меншиковым. — Об определении [Я. Н.] Римскаго-Корсакова в Ингерманландскую губернию земским судьей, и при оном статьи о порядке управления сею губерниєю. С. 364–366; *марта 17*. № 2142. Именный, объявленный князем Меншиковым. — О сбирании с московских и с городских церквей с попов и диаконов, по числу приходских дворов, драгунских лошадей. С. 375; **1711 г.**, *февраля 19*. № 2320. Именный, объявленный князем Меншиковым боярину [Т. Н.] Стрешневу. — О совокуплении всех ингерманландских канцелярий в одну и о учреждении той канцелярии на Потешном дворе. С. 403; Т. V. **1718 г.**, *июля 2*. № 3215. Именный, объявленный князем Меншиковым. — О нехождении никому с сентября месяца на канбусах и на лодьях и о неделании оных вновь. С. 579–580; Т. VI. **1720 г.**, *октября 29*. № 3669. Именный, объявленный князем Меншиковым. — О принятии вместо написанных в Сибирской губернии рекрут в солдатскую службу наемщиков, кроме шляхетства. С. 252; **1721 г.**, *января 28*. № 3721. Именный, объявленный Сенату князем Меншиковым. — О назначении при Сенате, доколе не будет выбран государственной фискал, по одному из штаб-офицеров гвардии с переменою помесечно и о должности оных. С. 348; *июля 25*. № 3807. Именный, объявленный Военной коллегии князем Меншиковым. — Об отобрании свидетельства у всех полковых офицеров о непорядочных поступках офицера, за которые подлежит он изключению из службы. С. 410; **1722 г.**, *февраля 12*. № 3907. Именный, объявленный князем Меншиковым Сенату. — Об отдаче соборных церковных уставов и ризницы из Патриаршаго дома в Синод и об отдаче серебряных вещей на денежные дворы весом. С. 511; *мая 7*. № 3994. Именный, объявленный Военной коллегии князем Меншиковым. — О расположении на однодворцов особаго денежнаго сбора на ландмилицию. С. 671; Т. VII. **1723 г.**, *января 7*. № 4137. Именный, объявленный Военной коллегии князем Меншиковым. — О предосторожности в случае нападения татар на границы российския. С. 1–2; *января 7*. № 4138. Именный, объявленный Военной коллегии князем Меншиковым. — О сборе с однодворцев вместо ландмилиции гусар и о сформировании из них полков. С. 2; *июля 10*. № 4264. Именный, объявленный князем Меншиковым. — О квартировании приезжающим в Санктпетербург на новопостроенных постоялых дворах и о недержании санктпетербургским жителям в своих домах постояльцев. С. 90; **1726 г.**, *апреля 26*. № 4874. Именный, объявленный Военной коллегии князем Меншиковым. — О учреждении в Москве Мундирной конторы. С. 646; *мая 21*. № 4888. Именный, объявленный князем Меншиковым. — О имени в Санктпетербурге на кровлях и под кровлями домов кадок с водою с нужными орудиями для предосторожности от пожарных случаев и о нетоплении в летнее сухое время изб и бань. С. 652; *мая 27*. № 4890. Именный, объявленный князем Меншиковым Верховному тайному совету. — О делании рублевиков, полтинников, полуполтинников, гривенников и алтынников по поданным пробам от мастеров. С. 653; *августа 4*. № 4944. Именный, объявленный князем Меншиковым. — О бритии бород и хождении в немецком платье санктпетербургским обывателям. С. 684; **1727 г.**, *января 3*. № 4997. Именный, объявленный Военной коллегии князем Меншиковым. — О неупотреблении драгун и солдат в какия-либо собственные работы под опасением воинскаго суда. С. 727.

А в них написано: <...>³.

Кроме того, составители ПСЗ не всегда учитывают содержащиеся в документах сведения о том, кто оглашал ту или иную бумагу в том или ином ведомстве или учреждении. Так, указ Екатерины I Алексеевны от 3 декабря 1725 г. показан в этом издании как «Именный, объявленный из Военной коллегии»⁴. Между тем в несколько более поздней тематической подборке документов за 1715–1733 гг. отмечено: «Тот именной указ в Военной коллегии объявил и подписал Меншиков»⁵ (как ее президент).

Н. В. и Е. А. Калязины первыми обратили внимание на известие французского консула при петербургском дворе Анри де Лави (де ла Ви, Ла Ви, ЛаВи), в связи с делом царевича Алексея Петровича сообщившего об А. Д. Меншикове в Париж Гийому Дюбуа, архиепископу и тайному советнику по внешней политике⁶ при регенте герцоге Филиппе Орлеанском: «Он читал публично второй манифест царя, заключающий в себе подробности преступлений князей, княгинь, сановников и др. лиц <...>⁷.

Между тем француз не только предложил еще одно из теперь уже весьма многочисленных надежных свидетельств тому, что светлейший князь умел читать, но и озадачил словами о содержании обнародованного им документа, поскольку таковой в науке неизвестен.

³ О постройке разных судов и об отправлении Гавриила [Авдеевича] Меншикова для осмотра судостроительных работ; 1722 г., февраля 7 // Бумаги императора Петра I / Изданы А. [Ф.] Бычковым. СПб., 1873. № СССXXXIX. С. 452–453. — Том переиздан в том же наборе в кн.: Сборник императорского Русского исторического общества (далее: Сб. РИО). СПб., 1873. Т. 11. — Нумерация документов и пагинация совпадают. — Полный текст документа помещен в кн.: Беспятых Ю. Н. Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. Изд. 2-е. СПб., 2008. С. 25–26.

⁴ ПСЗ. Т. VII. **1725 г.**, *декабря 3*. № 4806. Именный, объявленный из Военной коллегии. — О повышении генералов и полковников при отставке следующим чином. С. 553.

⁵ Экстракт из указов об отставке штаб- и обер-офицеров // Северная война: Документы 1705–1708 гг. (Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1892. Вып. I / [Составил] Д. Ф. Масловский). № 311. С. 233. — Последняя дата в «Экстракте»: 17 мая 1733 г. (Там же. С. 235; весь документ: с. 232–235).

⁶ Вскоре, в августе 1718 г., он станет государственным секретарем (т.е. министром иностранных дел), кардиналом (1721) и в августе 1722, почти ровно за год до кончины, возглавит французское правительство.

⁷ Калязина Н. В., Калязин Е. А. Александр Меншиков — строитель России. Ч. 1: Александр Меншиков. СПб., 2005. С. 79. — Курсив авторов книги. Цитата верна (стилистика особенности перевода не искажают важного здесь для нас смысла), см.: [А.] де Лави (ла Ви, ЛаВи) — [тайному советнику по внешней политике при регенте герцоге Филиппе Орлеанском] [Г.] Дюбуа 23 марта (3 апреля) 1718 г. // Донесения французских посланников и поверенных в делах при русском дворе и отчеты о пребывании русских послов, посланников и дипломатических агентов во Франции с 1681 по 1718 г. / Параллельные тексты на французском и русском языках // Сб. РИО. 1881. Т. 34. № 112. С. 331. — Оригинальный текст: «Il a lu en public un deuxième Manifeste du Czar, qui contient le detail des crimes des princes, princesses, grands seigneurs et autres, qu'ils ont commis <...>» (Там же).

Памятуя ничем не подкрепленные, однако сколь отважные, столь и обязывающие заявления моего оппонента, прозвучавшие в контексте нашей весьма своеобразной полемики, нельзя не разобраться, что же за текст здесь имелся в виду, с тем чтобы предъявить читателям очередной действенный (пусть и уже излишний) аргумент в пользу грамотности А.Д. Меншикова.

Первый царский манифест (от 3 февраля 1718 г.) по печально знаменитому делу царевича Алексея Петровича возник в ходе масштабного розыска в Суздале, Москве и Петербурге и содержит обоснование причин, вынудивших монарха отказать старшему сыну в праве на престолонаследие⁸. Второй (от 5 марта) — о первой жене монарха Евдокии (Авдотье) Федоровне Лопухиной (в монашестве Елена), в 1698 г. сосланной им в монастырь, — на 16 страницах был напечатан в марте и июне дважды в Петербурге (опубликован Н.Г. Устряловым⁹ и в том же году М.И. Семевским — по «рукописи петровских времен»¹⁰) и в Москве, т.е. всего было три тиража¹¹. Полное название документа: «Манифест, или Объявление, которое чтено в столовой палате при освященном соборе и его Царского Пресветлага Величества при Министрах и прочих духовного и гражданского чина людех. Лета 1718. Марта в 5 день» (см. примеч. 11). — Приведено также (без слова «Пресветлага») в кн.: *Устрялов Н.Г. История...* Т. 6. Приложения. № 160. С. 477.

В ПСЗ документ отсутствует, и Н.Г. Устрялов объяснил, почему: «Именным указом от 26 июля 1727 года все манифесты по делам Розыскной канцелярии велено отобрать и ни под каким видом в частных домах не держать и не читать»¹². Да, Петр II Алексеевич повелел изъять этот и некоторые другие

⁸ 1718 г., февраля 3. Манифест. — Об отрешении от наследия его царского величества перво-рожденного сына, царевича Алексея Петровича // ПСЗ. Т. V. № 3151. С. 534–539; то же: Манифест о лишении царевича Алексея престола, 3 февраля 1718 года // *Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого*. СПб., 1859. Т. 6. Приложения. № 143. С. 438–446.

⁹ Манифест 5 марта 1718 года о бывшей царице Евдокии // *Устрялов Н.Г. История...* Т. 6. Приложения. № 160. С. 477–487.

¹⁰ *Семевский М.И.* Авдотья Федоровна Лопухина. М., 1859 (отд. отт. из: *Русский вестник*. 1859. № 10). С. 22, примеч. (1). — Текст манифеста на с. 22–38.

¹¹ *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. II: Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 годов. № 384. С. 414 (с опиской либо опечаткой в годе: «1717»); *Бычков А.Ф.* Каталог хранящимся в императорской Публичной библиотеке изданиям, напечатанным гражданским шрифтом при Петре Великом. СПб., 1867. № 92. С. 154; *Битовт Ю.Ю.* Редкие русские книги и летучие издания XVIII века: С библиографическими примечаниями, указанием степени редкости и ценами антикваров на них, с приложением списка календарям XVIII века, слывающим за редкие у некоторых антикваров, но имеющимся до сих пор в продаже. М., 1905. № 222. С. 46–47; *Гаврилов А.В.* Очерк истории Санкт-Петербургской синодальной типографии. Вып. 1: 1711–1839. СПб., 1911. С. 55; *Быкова Т.А., Гуревич М.М.* Описание изданий гражданской печати: 1708 — январь 1725 г. М.; Л., 1955. № 290–292. С. 230, 232–233; *Быкова Т.А., Гуревич М.М., Козинцева Р.И.* Описание изданий, напечатанных при Петре I: Сводный каталог: Дополнения и приложения. Л., 1972. № 71 (291). С. 29.

¹² *Устрялов Н.Г. История...* Т. 6. Приложения. № 160. С. 477, примеч. 205.

важные документы из всех государственных учреждений, церквей и монастырей, а частным лицам — сдать под угрозой судебного преследования. Указ сопровожден «росписью» подлежавшего изъятию: «1. Февраля 3 дня 1718 году о наследствии. 2. Того ж году июня 25 дня объявление блаженной памяти о государе царевиче¹³ и другой, по делу Глебова и епископа Досифея. 3. Устав о наследствии престола Российского, февраля 5 дня 1722 году¹⁴. Также и протчие, ежели к тем делам явятся приличные»¹⁵.

Но документ «по делу Глебова и епископа Досифея» — об уличенном в любовной связи с опальной царицей гвардии майоре С.Б. Глебова и о Досифее, епископе Ростовском и Ярославском, обвиненном в государственной измене (оба были казнены в Москве на Красной площади 15–16 и 17 марта соответственно), — это и есть манифест о бабушке отрока-императора Евдокии Федоровне. Офицер и духовный иерарх (уже как «розстрига Демид») стали основными помимо нее самой фигурантами этого текста. В указе он намеренно глухо, неким эвфимизмом, наименован, помещен за более поздним документом (от 25 июня 1718 г.) и в отличие от других не пронумерован. (Спустя четыре года императрица Анна Иоанновна восстановила в правах документы под № 1 и 3 цитированной росписи¹⁶.)

Итак, теперь мы знаем, что 23 марта светлейший князь огласил именно этот манифест. Француз же просто-напросто толком не разобрал смысл зачитанного Александром Даниловичем текста¹⁷, в котором речь лишь вскользь идет

¹³ Объявление розыскного дела и суда, по указу его царского величества на царевича Алексея Петровича в Санктпетербурхе отправленного, и по указу его величества в печать для известия [в]сенародного сего июня в 25 день 1718 выданое. — 63 с. — Н.Г. Устрялов опубликовал приговор суда, состоявшегося 24 июня (История... Т. 6. Приложения. № 184. С. 529–536).

¹⁴ 1722 г., февраля 5. Устав. — О наследии престола // ПСЗ. Т. VI. № 3893. С. 496–497.

¹⁵ 1727 г., июля 26. О объявлении манифестов 1718 году и тому подобнаго // Указы блаженной и вечнодостоинныя памяти великой государыни императрицы Екатерины Алексеевны и государя императора Петра Второго, состоявшиеся с 1725 января с 28 числа по 1730 год: Напечатаны по указу всепресветлейшей, державнейшей великой государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийской. В Санктпетербурге при Императорской Академии наук четвертым тиснением 1780 года. С. 290–291; то же: Именный, состоявшийся в Верховном Тайном совете. — Об отобрании манифестов, выданных из бывшей Розыскной канцелярии // ПСЗ. Т. VII. № 5131. С. 831–832. — Позднее опубликовано также: Протокол Верховного тайного совета. Об отобрании манифестов, выданных из бывшей Розыскной канцелярии; 1727 г., июля 26 // Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета 1726–1730 / Изданы под редакцию Н.Ф. Дубровина. Т. IV: (Июль–декабрь 1727 г.) (Сб. РИО. 1889. Т. 69). № 91. С. 173–174.

¹⁶ 1731 г., декабря 17. Манифест. — Об учинении присяги в верности наследнику Всероссийского престола, который от Ея императорского величества будет назначен // ПСЗ. СПб., 1830. Т. VIII. № 5909. С. 601–603.

¹⁷ Ф.-Д. Лиштенау, назвавшая консула «полиглотом», продолжила: «<...> он даже немного выучился русскому <...>». — «<...> er lernte sogar ein bisschen russisch <...> (нем.)» (*Liechtenhan F.-D. Henry La Vie, Spion, Konsul und Verehrer Peters des Grossen.* — [Анри

о «титулованном дворянстве, вельможах, сановниках», он о самой царице-инокине, ее монастырском (шире — церковном) и мирском окружении. Иностраный дипломатический корпус, всегда внимательно следивший за крупными внутривосточными событиями в стране пребывания, к делу царевича относился с интересом тем более напряженным, коль скоро речь шла о наследовании российского трона после Петра I¹⁸.

Помимо петербургских известно еще одно, напечатанное, «вероятно, <...> в Москве», издание манифеста, которое «отличается только набором и правописанием»; Ю. Ю. Битовт определил известные ему петербургское и московское издания как «величайшую редкость»¹⁹. Согласно П. П. Пекарскому, «Из дела синод. архива (1722 г., № 18) видно, что оно напечатано в числе 1940 экз. <...> и экземпляр продавался по 4 алтына»²⁰.

Ла Ви — шпион, консул и почитатель Петра Великого (нем.) // *Quaestio Rossica*. 2015. № 1. S. 62). Курсив мой.

¹⁸ См., напр., о том же деле: «Этот и следующий параграфы суть краткие извлечения из очень редкой рукописи (может быть, той самой, о которой говорит Вебер, если меня не обманывает память, и которой он тщетно искал). Она содержит в себе протоколы суздальского следствия и копии с писем царицы и епископа. Обер-камергер Берхгольц, вывезший ее из России, согласился дать мне ее на несколько дней» (*Бассевич* (собственно: Бассевиц — Bassewitz) Г. Ф. Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого / Пер. с франц. И. Ф. Аммона // *Юность державы* / Сост., послесл., им. указ., глоссарий В. П. Наумова. М., 2000. С. 365, примеч.*). — Оригинальное название: *Bassewitz H. F. Eclaircissements sur plusieurs faits relatifs au regne de Pierre le Grand, extraits en l'an 1761 a la requisition d'un savant des papiers du feu comte Henningue Frederic de Bassewitz, conseiller prive de L. M. Imperiales Romaine et Rusienne, chevalier de St. Andre* // *Magazin für die neue Historie und Geographie, angeleget von D. Anton Friderich Büsching...* Halle, 1775. Neunter Theil. S. 317, Fussnote*. — [Разъяснения относительно некоторых событий, происшедших в правление Петра Великого, в 1761 году по запросу одного ученого извлеченные из бумаг покойного графа Хеннинга Фридриха Бассевица, тайного советника и [х] императорских [величеств] римского и российского, кавалера [ордена] Св. Андрея (*франц.*)]. — Петр II произвел немца в тайные советники (Протокол Верховного тайного совета от 18 июля 1727 г.: О пожаловании в тайные советники министра герцога Голштинского с приведением его к присяге на верность // Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета: 1726–1730 гг. / Изданы под редакцией Н. Ф. Дубровина. Т. IV: (Июль–декабрь 1727 г.) // *Сб. РИО*. 1889. Т. 69. № 60. С. 105). Император подписал указ 21 июля (Там же). — Римскими называли австрийских монархов, именовавшихся императорами Священной Римской империи германской нации. — Герцог Гольштейн-Готторпский Карл Фридрих, с 1721 г. живший в Петербурге, 21 мая 1725 женился на Анне, старшей дочери Петра I и Екатерины Алексеевны. Герцогская чета со свитой покинула город на Неве, направляясь в свою столицу Киль, 25 июля 1727 г. (Журнальная записка от 25 июля 1727 г. // Там же. № 85. С. 167), накануне издания этого указа, и вывезла бумаги, назавтра ставшие крамольными. — Сообщающий о Евдокии Федоровне первый из упомянутых «параграфов» см. на с. 365–366 русского издания.

¹⁹ *Битовт Ю. Ю.* Редкие русские книги... № 223. С. 47.

²⁰ *Пекарский П. П.* Наука и литература в России... Т. II. № 384. С. 415. — Опечатка в труде Ю. Ю. Битовта: «1490» экз. (Редкие русские книги... № 223. С. 47); см. также: *Бычков А. Ф.* Каталог... № 92а. С. 154–155. — «Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1879. Т. II. Ч. 1: (1722 г.)»

Учтем здесь начало уже отчасти цитированного выше устряловского примечания об обсуждаемом документе: «С печатного, ныне очень редкого. Экземпляр его есть в Тайном государственном архиве в Вене»²¹.

П. П. Пекарский отметил, что «из Манифеста сделаны заимствования в сочинении Вебера *Das veränderte Rußland*, I, 243–251<...>»²². Назван

предсказуемо не учитывает этого манифеста ни под № 18 («прежний»), ни под № 74 и 75 («настоящие») (см.: Таблица, показывающая прежние и настоящие номера дел за 1722 год // Там же. Паг. 3-я. С. 129), поскольку он не был реабилитирован.

²¹ *Устрялов Н. Г.* История... Т. 6. Приложения. № 160. С. 477, примеч. 205. — Историк, будучи в 1845 г. в Вене, благодаря содействию российского посланника графа П. И. Медемы смог посещать недоступный тогда исследователям Тайный государственный архив, основанный в 1749 г. и открытый для исторических исследований в 1858-м как Династический, дворцовый и государственный архив. Николай Герасимович «допущен был к бумагам времени Петра Великого <...> и увидел сокровище неопценное <...>. Но главное, что поразило меня, это множество документов о царевиче Алексее, совершенно дотоле неизвестных; собственноручные письма его по-русски и по-немецки, рассказы Шенборна (австрийского канцлера графа Ф. К. Шёнборна. — Ю. Б.) о приезде его в Вену и удалении в Неаполь, доклады министров цесарю с собственноручными резолюциями Карла VI и проч. Я принялся за работу: ходил в архив ежедневно в 8 часов утра <...> Работы в архиве было много; я не знал, как быть. К счастью, попался мне молодой чиновник архива Фидлер, очень любознательный, знавший по-славянски; он взялся мне помогать, переписывал для меня буква в букву письма царевича, рассказ графа Шенборна; изъявил намерение отыскать переписчика для бумаг Плейера, Гохгольцера, журнала приезда Петра в Вену в 1698 году и других. Всё это он исполнил за ничтожную плату и впоследствии прислал переписанные бумаги в огромном фолианте в С.-Петербург. Услуга с его стороны незабвенная!» (*Устрялов Н. Г.* Воспоминания о моей жизни // *Древняя и новая Россия: Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник*. 1880. [Т.] XVII. № 8. С. 634; см. об этом также: *Веркеенко Г. П., Казакова О. Ю.* «Любознательный и честный труженик» Николай Герасимович Устрялов: (1805–1870 гг.). Орел, 2005. С. 155–156). — Оттон Антон Плейер (Pleyer) в ранге резидента был австрийским дипломатическим представителем при русском дворе в 1692–1718 гг. (с перерывами); Николаус Себастьян Гохгольцер (Hochholzer) — секретарем австрийского посольства в Петербурге в 1721–1741 гг. (с 28 июля 1722 до 21 декабря 1725 г. был также временным поверенным в делах).

²² *Пекарский П. П.* Наука и литература в России... Т. II. № 384. С. 415. — Имеется в виду труд: [*Weber F. Ch.*] *Das veränderte Rußland, in welchem die jetzige Verfassung des geist- und weltlichen Regiment, der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser, wahre Zustand der russischen Finanzen, die geöffneten Berk-Werk, die eingeführte Academien, Künste, Manufacturen, ergangene Verordnungen, Geschäfte mit denen asiatischen Nachbahren und Vassalen; nebst der allerneueste Nachricht von diesen Völkern, die Begebenheiten des Tzarewizen, und was sich sonst merkwürdiges in Rußland zugetragen, nebst verschiedenen andern bisher unbekandten Nachrichten in einem biss 1720. gehenden Journal vorgestellt werden mit einer accuraten Land-Cardte und Kupfferstichen versehen.* — [Преображенная Россия, в которой будут представлены теперешнее устройство духовного и мирского правления, военные штаты на суше и на воде, истинное состояние русских финансов, открытые рудники, учрежденные академии, художества, мануфактуры, обнаруженные повеления, торговля с азиатскими семедями и вассалами; также новейшее известие об этих народах, происшествия с царевичем и о том, что еще примечательного случилось в России, а также разные другие доселе неизвестные сведения в веденном до 1720 года журнале, снабженном точной ландкартой и гравюрами (*нем.*)]. Franckfurth, 1721. S. 243–251. — В неполном русском переводе: *Вебер Ф. Х.* Записки о Петре Великом и его царствовании

брауншвейг-люнебургский (или, по столице курфюршества, ганноверский) дипломат Фридрих Христиан Вебер, в ранге секретаря миссии, затем резидента живший на берегах Невы (с перерывами) в марте 1714 — сентябре 1719 г.²³ Однако упомянутые историком заимствования ограничились письмом Досифея к царевне Марии Алексеевне²⁴. Ф. Х. Вебер поместил также в немецком переводе допрос уже бывшего епископа относительно содержания письма²⁵, но без пространного последнего абзаца, да и по форме этот текст отличается от опубликованного Н. Г. Устряловым²⁶.

Между тем Ф. Х. Вебер, по-видимому, располагал экземпляром обсуждаемого манифеста. Это следует из немецкого оригинала «Преображенной России», но не из русского перевода (повсеместно, впрочем, неисправного). В переводе: «<...> обнародовано объявление, в котором обнаруживалось преступление суздальских виновных из писем и словесных признаний; но письма эти у меня все пропали, кроме того, которое епископ Досифей, запутавши многих своими вымышленными видениями, собственноручно писал к сводной сестре его царского величества царевне Марьи (так в тексте. — Ю. Б.) Алексеевне, каковое письмо найдено было в покоях царевны и заключало в себе следующее»²⁷.

В оригинале (показываю только интересную нам здесь первую часть цитаты): «Es wurde damals eine Schrift publiciret, worin das Verbrechen der Susdahlischen Gefangenen durch aufgefangene Briefe und mündliche Bekänntnisse deduciret wurde, es sind mir aber dieselben verlohren gängen <...>». Во втором случае нет слов «письма» и «все»: «Тогда было опубликовано объявление, в котором преступление суздальских арестантов доказано по их обнаруженным (или: перехваченным. — Ю. Б.) письмам и устным признаниям, но они у меня потерялись»²⁸. Дипломат, допуская очевидную языковую (стилистическую) неловкость, спустя три года после этих событий ведет речь, пожалуй, о разрозненных листах второго, шестнадцатистраничного мартовского манифеста (Schrift), а не о письмах (Briefe).

брауншвейгского резидента Вебера / Пер. с нем. П. П. Барсова // Русский архив: Историко-литературный сборник. 1872. Вып. 7/8. Стб. 1444–1445.

²³ Курфюрст Брауншвейг-Люнебургский Георг Людвиг в 1714 г. стал английским королем под именем Георга I, и Ф. Х. Вебер представлял при русском дворе также интересы британской короны.

²⁴ [Weber F. Ch.] Das veränderte Rußland... [Theil I.] S. 244–246.

²⁵ Ibid. S. 246–251.

²⁶ Сравн.: Устрялов Н. Г. История... Т. 6. Приложения. № 160. С. 483–484 (письмо), 485–487 (допрос).

²⁷ Вебер Ф. Х. Записки... Стб. 1445–1446. — В изданном русском переводе оно опущено; публикатор в примечании сообщил: «Письмо это, равно как и пояснительные ответы при допросе Досифея на темные места в нем, напечатаны в приложениях к VI-му тому Устрялова Истории Петра Великого, почему мы здесь их и не приводим» (Там же. Стб. 1446, примеч. *).

²⁸ [Weber F. Ch.] Das veränderte Rußland... [Theil I.] S. 243.

Стараниями аккредитованных при царском дворе дипломатов несколько экземпляров ушло за ее пределы и затем отложилось в архивных фондах. Вот и А. де Лави завершил свое цитированное мною выше сообщение словами: «<...> я постараюсь получить один экземпляр этого документа для пересылки его Вашему преосвященству»²⁹.

Последние слова проясняют смысл упомянутой выше французом (см. примеч. 7) публичности оглашения; второй же (от 5 марта), еще более пространный манифест светлейший князь прочел, как значится в заголовке документа, в кремлевской «Столовой палате при освященном соборе и его царского пресветлага величества при министрах и прочих духовного и гражданского чина людех».

На территории России все тиражи манифеста (петербургские и московский)³⁰ властями были, как видно, вполне успешно изъяты и уничтожены. Однако В. Н. Козляков, написавший несравненно более полную и достоверную, нежели у всех его предшественников вместе взятых, историю жизни царицы-инокини,

²⁹ «<...> je ferai en sorte d'en avoir un exemplaire pour l'envoyer à Votre Grandeur» ([А.] де Лави — [тайному советнику по внешней политике при регенте герцоге Филиппе Орлеанском и архиепископу] [Г.] Дюбуа 23 марта (3 апреля) 1718 г. // Сб. РИО. Т. 34. № 112. С. 331). — Так, по поводу первого манифеста (от 3 февраля) консул написал в Париж: «Честь имею переслать при сем вашему преосвященству копию с манифеста, который Его царское величество намеревается обнародовать. В нём изложены причины, по которым Государь лишает своего старшего сына наследования престола, назначив вместо него меньшего сына своего Петра Петровича наследником русского престола. Этот важный документ был прочитан 26-го февраля ст[арого] ст[иля] в соборе, построенном посреди обширной площади, которая была покрыта жителями города, толпами стремившимися в собор, куда они были приглашены накануне барабанным боем» ([А.] де Лави — [тайному советнику по внешней политике при регенте герцоге Филиппе Орлеанском] [Г.] Дюбуа 28 февраля (11 марта) 1718 г. // Там же. № 108. С. 322).

³⁰ По А. В. Гаврилову, в Петербурге манифест был дважды опубликован общим тиражом 1940 экз. (Гаврилов А. В. Очерк... С. 55). В Приложении I к этому труду, содержащем перечень всех изданий Санкт-Петербургской синодальной типографии с 1714-го по 1726 г., под изучаемым здесь годом нет сведений об издании 5 марта, только под 24 марта показано: «<...> манифестов же других о бывшей царице 900» экз., затем под 16 июня: «манифестов о бывшей царице 1040» (С 1714 года, как начался книжная продажа, разными званиями книг и протчего и грьдорованных листов в выходе из печати было по цене порознь по годом, а имянно // Там же. Приложение I. С. XXIII, XXIV). — Между тем в документе, содержащем «ведомости» синодальных типографий обеих столиц с указанием тиражей, в с.-петербургской было напечатано «манифестов по делу Глебова и епископа Досифея 1955», из них 15 ушло в Сенат, 1 в Походную канцелярию А. Д. Меншикова, 1407 продавались в типографской лавке и 532 составляли наличный остаток. Не был ли 5 марта напечатан предварительный маленький, в 15 экз., тираж, не нашедший отражения в цитированных «ведомостях» и предназначенный для последующей правки? Московская типография выпустила манифест тиражом 4800 экз.; в графе «расход» показано 2791, а в остатке пребывало 2009 экз. (По высочайшим указам из Верховного тайного совета: <...> б) от [17] 28-го, июля 1, — об изъятии из употребления означенной книги и манифестов, выданных бывшею Розыскою канцеляриею // Описание документов и дел... Т. VII: (1727 г.). СПб., 1885. № 125/4. 29 июля / 8 августа. Стб. 147–148).

обнаружил в Российском государственном архиве древних актов (Москва) чрезвычайно содержательный документ, значимость которого выходит далеко за пределы заявленной исследователем темы. Вячеслав Николаевич разыскал рукописный проект манифеста от 5 марта, собственноручно и тщательно правленный Петром I, и подробно показал, как царь, исходя из собственных представлений о государственной целесообразности, вменил опальной супруге в том числе несуществующие вины, отягчающие судьбы людей из ее окружения³¹.

Собственно, свою сегодняшнюю задачу я видел не в том, чтобы проследить судьбу обсуждаемого манифеста, некогда зачитанного А. Д. Меншиковым. Вышеизложенное на эту тему — лишь способ показать очевидное всем (кроме, разумеется, Н. И. Павленко): всякое утверждение с необходимостью требует надежного обоснования.

В заключение все-таки существенно усложню задачу для А. Д. Меншиковачитателя, воздержавшись от каких бы то ни было дальнейших комментариев на тему его грамотности. Он публично же огласит нам текст, написанный высоким слогом и обладающий выраженными грамматическими и лексическими особенностями, присущими церковнославянскому языку. Миряне на нем никогда не говорили и не писали.

10 октября 1717 г. Петр возвратился в Петербург из своего второго продолжительного заграничного путешествия. К торжественной встрече столица была готова: царя приветствовали пребывавший в ней иностранный дипломатический корпус, петербургская знать, множество народа. К прибытию отсутствовавшего более полутора лет государя будущий архиепископ Псковский и Великолукский Феофан Прокопович велением светлейшего князя написал три приветственные речи: от почти двухлетнего царевича Петра Петровича, от дочерей венценосной четы Анны и Елизаветы, встречавших отца в испанских одеждах, и от всего народа. Вторую речь произнесла старшая царевна — девятилетняя Анна Петровна, третью сам Феофан; первую же, за крошку царевича, дождавшегося отца в Зимнем дворце «на маленькой исландской лошади»³², зачитал А. Д. Меншиков³³. Ниже помещаю это приветствие (по второму изданию), соблюдая современную нам пунктуацию, однако (пусть и не вполне согласно принятым в археографии правилам) сохраняя в торжественном тексте прописные буквы.

³¹ Козляков В. Н. Царица Евдокия, или Плач по Московскому царству. М., 2014. С. 180–188.

³² [А.] де Лави — [тайному советнику по внешней политике при регенте герцоге Филиппе Орлеанском и архиепископу] [Г.] Дюбуа 10 (21) октября 1717 г. // Сб. РИО. Т. 34. № 86. С. 255.

³³ Морозов П. О. 1) Феофан Прокопович как писатель // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. Ч. ССІХ. Неоф. Отд. II. С. 269; 2) Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880. С. 183; см. также: Пекарский П. П. Наука и литература в России... Т. II. № 347. С. 385–386. — Речь, как и две другие, была опубликована 30 сентября, еще до приезда царя.

РЕЧЬ,
кото́рою
ДЕРЖАВНЕЙШАГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
ПЕТРА ПЕРВАГО,

по долгом странствовании в царствующий свой Санктпетербург возвратившагося, Сын его Величества благороднейший Государь Царевич и великий Князь Петр Петрович, двоелетный младенец, аки своими усты приветствует.

Октября 21 дня 1717 года.

Усретая Величество твое, Пресветлейший Родителю, жалуюся на натуру мою яко не поспешившую устроить мне органы телесныя, ими же бых возгласил тебе душевное усердие. Играет сыновняя любовь на приход отеческий, но радость орудия своего не имеет, есть в сердц[e] избыток, но не глаголют уста. О скудости твоя, возрасте мой! Како недоволен еси к зтоликому веселию во время всенароднаго к Царю своему приветствия? Первый аз в желании, последний в слове обретаюся. Но не противно буди тебе, превожделенный гостю, яко чуждаго заимствуя гласа, чий-либо язык есть, но мой истый дух, мое искреннее сердце приветствует тебе. К чему бо желал бых моя свойственныя речи, разве бо должае не видети лица твоего. И так, мнится ми, большее пребых время в разлучении твоём, нежели в житии моем, изшед бо от утробы матерния, едва мало что на порфирином лоне твоём покоихся, ощутих себе лишена толикаго блаженства: сиесть проникшу цвету, удалися солнце и по краткой весне найде зима долгая. Дважды видех летнюю на земли и воздухе премену, а мне непременно было стужительное время. В палате гласилася точию титла Царская, в доме точию имя родителское; самага же Царя и родителя видети далеких стран щастие было. Но таковыя нужды наша вина есть общее всего государства добро. Сие тебе есть и паче тебе самага, и паче нас, крови твоя, дражайшее. Сие тебе велит нерадети о тебе, сие тебе понуждает оставляти нас. Добре се, и тако подобает. Согласует в сем тебе и мое сердце яко своему кореню отрасль, единым и темжде духом движимое, и уже поощряет вскочити в следы твоя, аще бы немощь возраста не воспящала. Но благо пришел еси, долго мне, долго всему отечеству ожидаанный Отче. Ибо которая вина отъемлет тебе от нас, таяжде и возвращает, едина всенародная польза. И собственную мою приходом твоим обретаю корысть. К самым бо стопам твоим припадая, ощущаю в себе растение духа, кольми паче на лоно родительское возносимый. Зде от умиленных лобзаний твоих пию любовь к роду нашему толикую, яко и имя Российское сладко мне; тесными же объятиями связуемый, слышу в себе распространяющееся сердце, и ревнительный некий жар сквозь мене всего проходящий: не то ли военный глаголемый огонь, которым славят тебе быти страшна врагом отечества нашего? Благословен Господь Бог, сподобивый мене толикаго родителя. О дабы скоро прелетели отроческия лета мои! Еже бы возмощи мне за тобою и с тобою печи путь твой, родителю державнейший! Лобызаю ныне

скипетр твой яко верный подданный, паче же хотел бых прославить его службою моею. Но понеже прекланяеши мне оный и в наследное приятие, обручаю его перстнем, сиесть узом сердечным объемолю. Но в твоих еще руках держи сей, всероссийский Монархо! Держи сей победительною десницею, дондеже и моя подражанием дел твоих силна и крепка в державе явится, дондеже малаго Петра твоего покажет Бог достойна вторым по тебе нарецися Петром; тебе же, позднейшим преклоненна веком, позовет к лучшему наследию Царь славы Христос.

Печатано (*первым тиснением*) в Санктпетербур[р]гской типографии сентября 30 дня 1717 года³⁴.

References

Lavi (la Vi, LaVi, La Vi) [A.] de — [tajnomu sovetniku po vneshnej politike pri regente gercoge Filipe Orleanskom i arhiepiskopu] [G.] Djubua 10 (21) oktjabrja 1717 g. // Donesenija francuzskih poslanikov i poverennyh v delah pri russkom dvore i otchety o prebyvanii russkih poslov, poslanikov i diplomaticeskikh agentov vo Francii s 1681 po 1718 g. / Parallel'nye teksty na francuzskom i russkom jazykah // Sb. RIO. 1881. T. 34. № 86. S. 254–257.

Lavi [A.] de — [tajnomu sovetniku po vneshnej politike pri regente gercoge Filipe Orleanskom i arhiepiskopu] [G.] Djubua 28 fevralja (11 marta) 1718 g. // Tam zhe. № 108. S. 322–323.

Lavi [A.] de — [tajnomu sovetniku po vneshnej politike pri regente gercoge Filipe Orleanskom i arhiepiskopu] [G.] Djubua 23 marta (3 aprilja) 1718 g. // Tam zhe. № 112. S. 330–332.

Manifest 5 marta 1718 goda o byvshej carice Evdokii // Ustrjalov N. G. Istorija... T. 6. Prilozhenija. № 160. S. 477–487.

Manifest. — Ob otreshenii ot nasledija ego carskogo velichestva pervorozhdennago syna, carevicha Alekseja Petrovicha; 1718 g., fevralja 3 // PSZ. SPb., 1830. T. V. № 3151. S. 534–539; to zhe: Manifest o lishenii carevicha Alekseja prestola, 3 fevralja 1718 goda // Ustrjalov N. G. Istorija carstvovanija Petra Velikogo. SPb., 1859. T. 6. Prilozhenija. № 143. S. 438–446.

O objavlenii manifestov 1718 godu i tomu podobnago; 1727 g., ijulja 26 // Ukazy blazhennyja i vechnodostojnyja pamjati velikoj gosudaryni imperatricy Ekateriny Aleksievny i gosudarja imperatora Petra Vtorago, sostojavshiesja s 1725 genvarja s 28 chisla po 1730 god: Napechatany po ukazu vsepresvetlejshej, derzhavnejshej velikoj gosudaryni imperatricy Elisavety Petrovny, samoderzhicy vsrossijskoj. V Sanktpeterburge pri Imperatorskoj Akademii nauk chetvertym tiseniem 1780 goda. S. 290–291; to zhe: Imennyj, sostojavshijsja v Verhovnom Tajnom sovete. — Ob otobranii manifestov, vydannyh iz byvshej Rozysknoj kanceljarii // PSZ. 1830. T. VII. № 5131. S. 831–832; to zhe: Protokol Verhovnogo tajnogo sojeta. Ob otobranii manifestov, vydannyh iz byvshej Rozysknoj kanceljarii; 1727 g., ijulja 26 // Protokoly, zhurnaly i ukazy Verhovnogo tajnogo sojeta... T. IV: (Ijul'–dekabr' 1727 g.). № 91. S. 173–174.

O postrojke raznyh sudov i ob otpravlenii Gavriila [Avdeevicha] Menshikova dlja osmotra sudostroitel'nyh rabot; 1722 g., fevralja 7 // Bumagi imperatora Petra I / Izdany A. [F.] Bychkovym. SPb., 1873. № CCCXXXIX. C. 452–453. — Tom pereizdan v tom zhe nabore kak kn.: Sb. RIO. 1873. T. 11.

Ob'javlenie rozysknogo dela i suda, po ukazu ego carskago velichestva na carevicha Alekseja Petrovicha v Sanktpeterburge otpravlennago, i po ukazu ego velichestva v pechat' dlja izvestija [v] senarodnago sego ijunja v 25 den' 1718 vydanoe.

Po vysochajshim ukazam iz Verhovnogo tajnogo sojeta: <...> b) ot [17] 28-go, ijulja 1, — ob izjatii iz upotreblenija oznachennoj knigi i manifestov, vydannyh byvsheju Rozysknoju kanceljarieju; 1734 g., ijulja 29 / avgusta 8 // Opisanie dokumentov i del, hranjashihhsja v Arhive Svjatejshago Pravitel'stvujushhago Sinoda. SPb., 1885. T. VII: (1727 g.). № 125/4. Stb. 143–148.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda. SPb., 1830. T. IV–VIII.

³⁴ Феофана Прокоповича, архиепископа Великого Новаграда и Великих Лук, Святейшаго Правительствующаго Синода вице-президента, а потом первенствующаго члена, Слова и речи поучительныя, похвальныя и поздравительныя, собранныя и некоторыя вторым тиснением, а другия вновь напечатанныя. Ч. I. В Санктпетербурге при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе 1760 года. С. 167–170.

Protokol Verhovnogo tajnogo sojeta ot 18 ijulja 1727 g.: O pozhalovanii v tajnye sovetniki ministra gercoga Golshtinskogo s privedeniem ego k prisjage na vernost' 18 ijulja 1727 g. // Protokoly, zhurnaly i ukazy Verhovnogo tajnogo sojeta... T. IV: (Ijul'–dekabr' 1727 g.). № 60. S. 105.

C 1714 goda, kak nachalas knizhnaja prodazha, raznymi zvanijami knig i protchogo i grydorovannyh listov v vyhode iz pechati bylo po cene porozn' po godom, a imjanno // *Gavrilov A. V.* Ocherk istorii Sankt-Peterburgskoj sinodal'noj tipografii. Vyp. I: 1711–1839. SPb., 1911. Prilozhenie I. S. I–XLI.

Feofana Prokopovicha, arhiepiskopa Velikago Novagrada i Velikih Luk, Svjatejshago Pravitel'stvujushhago Sinoda viceprezidenta, a potom pervenstvujushhago chlena, Slova i rechi pouchitel'nyja, pohval'nyja i pozdravitel'nyja, sobrannyja i nekotoryja vtorym tiseniem, a drugija vnov' napechatannyja. Ch. I. V Sanktpeterburge pri Suhoputnom shljahetnom kadetskom korpuse 1760 goda. S. 167–170.

Ekstrakt iz ukazov ob otstavke shtab- i ober-oficerov // Severnaja vojna: Dokumenty 1705–1708 gg.: Sbornik voenno-istoricheskikh materialov. SPb., 1892. Vyp. I / [Sostavil] D. F. Maslovskij. № 311. S. 232–235.

Zhurnal'naja zapiska; 1727 g., ijulja 25 // Protokoly, zhurnaly i ukazy Verhovnogo tajnogo sojeta: 1726–1730 gg. / Izdany pod redakcieju N. F. Dubrovina. T. IV: (Ijul'–dekabr' 1727 g.) (Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva (dalee: Sb. RIO). 1889. T. 69.) № 85. S. 167–168.

Bassewitz H. F. Eclaircissemens sur plusieurs faits relatifs au regne de Pierre le Grand, extraits en l'an 1761 a la requisition d'un savant des papiers du feu comte Henningue Frederic de Bassewitz, conseiller prive de L. M. Imperiales Romaine et Rusienne, chevalier de St. Andre // Magazin für die neue Historie und Geographie, angeleget von D. Anton Friderich Büsching <...>. — [Razjasnenija odnositel'no nekotoryh sobytij, proissshedshih v pravlenie Petra Velikogo, v 1761 godu po zaprosu odnogo uchenogo izvlechennye iz bumag pokojnogo grafa Henninga Fridriha Bassevica, tajnogo sovetnika i[h] imperatorskih v[elichestv] rimskogo i rossijskogo, kavatera [ordena] Sv. Andreja (franc.)]. Halle, 1775. Neunter Theil. S. 281–380. — Russkij perevod: *Bassevich G. F.* Zapiski, sluzhashhie k pojasneniju nekotoryh sobytij iz vremeni carstvovanija Petra Velikogo / Per. s franc. I. F. Ammona // Junost' derzhavy / Sost., poslel., im. ukaz., glossarij V. P. Naumova. M., 2000. S. 325–436.

[*Weber F. Ch.*] Das veränderte Rußland, in welchem die ietzige Verfassung des geist- und weltlichen Regiment, der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser, wahre Zustand der russischen Finanzen, die geöffneten Berkwerk, die eingeführte Academien, Künste, Manufacturen, ergangene Verordnungen, Geschäfte mit denen asiatischen Nachbahren und Vassalen; nebst der allerneueste Nachricht von diesen Völkern, die Begebenheiten des Tzarewizen, und was sich sonst merkwürdiges in Rußland zugetragen, nebst verschiedenen andern bisher unbekandten Nachrichten in einem biss 1720. gehenden Journal vorgestellt werden mit einer accuraten Land-Carte und Kupferstichen versehen. — [Preobrazhennaja Rossija, v kotoroj budut predstavleny tepereshnee ustrojstvo duhovnogo i mirskogo pravlenija, voennye shtaty na sushe i na vode, istinnoe sostojanie russkih finansov, otkrytye rudniki, uchrezhdennye akademii, hudozhestva, manufaktury, obnarodovannye poveljenja, trgovlja s aziatskimi sosedjami i vassalami; takzhe nainovejshee izvestie ob jetih narodah, proisshestvija s carevichem i o tom, chto eshhe primechatel'nogo sluchilos' v Rossii, a takzhe raznye drugie dosele neizvestnye svedenija v vedennom do 1720 goda zhurnale, snabzhenno tochnoj landkartoj i gravjurami (nem.)]. Franckfurth, 1721. — Nepolnyj russkij perevod: *Weber F. H.* Zapiski o Petre Velikom i ego carstvovanii braunshvejgskogo rezidenta Vebra / Per. s nem. P. P. Barsova // Russkij arhiv: Istoriko-literaturnyj sbornik. 1872. Vyp. 7/8. Stb. 1334–1457.

Bespyatyh Ju. N. Aleksandr Danilovich Menshikov: Mify i real'nost'. SPb., 2005; izd. 2-e, dop.: SPb., 2008.

Bespyatyh Ju. N. A. D. Menshikov byl gramoten! // Zhizn' Jugry: Regional'nyj zhurnal. 2005. 18 marta. № 19 (9550). S. 5.

Bespyatyh Ju. N. Kak vashe slovo otzovetsja?: O recenzii N. I. Pavlenko (Nauka i zhizn». 2005. № 3) na moju knigu «Aleksandr Danilovich Menshikov: Mify i real'nost'. SPb., 2005» // Menshikovskie chtenija—2006: Materialy chtenij. SPb., 2006. S. 105–124.

Bespyatyh Ju. N. O terminah «dvorjane» i «shljahta» v Rossii pri Petre I: (K polemike po povodu gramotnosti i proishozhdenija A. D. Menshikova) // Peterburgskij istoricheskij zhurnal. 2015. № 2 (06). S. 263–284.

Bespyatyh Ju. N. «...Po pismam sobstvennyh nashih ruk...» // Jugra: Regional'nyj zhurnal. 2004. № 8. S. 81–86; № 9. S. 71–75.

Bitovt Ju. Ju. Redkie russkie knigi i letuchie izdanija XVIII veka: S bibliograficheskimi primechanijami, ukazaniem stepeni redkosti i cenami antikvarov na nih, s prilozheniem spiska kalendarjam XVIII veka, slyvshim za redkie u nekotoryh antikvarov, no imejushhimsja do sih por v prodazhe. M., 1905. № 222. S. 46–47.

Vykova T. A., Gurevich M. M. Opisanie izdanij grazhdanskoj pechati: 1708 — janvar' 1725 g. M.; L., 1955. № 290–292. S. 230, 232–233.

Vykova T. A., Gurevich M. M., Kozinceva R. I. Opisanie izdanij, napechatannyh pri Petre I: Svodnyj katalog: Dopolnenija i prilozhenija. L., 1972. № 71 (291). S. 29.

- Bychkov A.F.* Katalog hranjashhimsja v imperatorskoj Publichnoj biblioteke izdanijam, napечатannym grazhdanskim shriftom pri Petre Velikom. SPb., 1867. № 92. S. 154.
- Gavrilov A.V.* Oчерк istorii Sankt-Peterburgskoj sinodal'noj tipografii. Vyp. 1: 1711–1839. SPb., 1911.
- Kaljagina N.V., Kaljazin E.A.* Aleksandr Menšikov – stroitel' Rossii. Ch. 1: Aleksandr Menšikov. SPb., 2005.
- Kozljakov V.N.* Carica Evdokija, ili Plach po Moskovskomu carstvu. M., 2014.
- Morozov P.O.* Feofan Prokopovich kak pisatel' // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1880. Ch. CCIX. Neof. Otd. II. S. 107–148.
- Morozov P.O.* Feofan Prokopovich kak pisatel'. SPb., 1880.
- Pavlenko N.I.* Byl li A. D. Menšikov gramotnym? // Zhizn' Jugry. 2005. 8 fevralja. № 9 (9540). S. 5.
- Pavlenko N.I.* Byl li A. D. Menšikov gramotnym? // Nauka i zhizn'. 2005. № 3. S. 69–75.
- Pekarskij P.P.* Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. SPb., 1862. T. II: Opisanie slavjano-russkikh knig i tipografij 1698–1725 godov. № 384. S. 414.
- Semevskij M.I.* Avdot'ja Fedorovna Lopuhina. M., 1859 (otdel'nyj ottisk iz: Russkij vestnik. 1859. № 10). — Tekst manifesta ot 5 marta 1718 g. na s. 22–38.
- Ustrjalov N.G.* Vospominanija o moej zhizni // Drevnjaja i novaja Rossija: Istoricheskij illjustrirannyj ezhemesjachnyj sbornik. 1880. [T.] XVII. № 8. S. 603–682.
- Verkeenko G.P., Kazakova O.Ju.* «Ljuboznatel'nyj i chestnyj truzhenik» Nikolaj Gerasimovich Ustrjalov: (1805–1870 gg.). Orel, 2005.
- Liechtenhan F.-D.* Henry La Vie, Spion, Consul und Verehrer Peters des Grossen. — [Anri La Vi — shpion, konsul i pochitateľ Petra Velikogo (nem.)] // Quaestio Rossica. 2015. № 1. S. 59–70.

Список источников и литературы

- Журнальная записка; 1727 г., июля 25 // Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета: 1726–1730 гг. / Изданы под редакцией Н. Ф. Дубровина. Т. IV: (Июль–декабрь 1727 г.) (Сборник императорского Русского исторического общества (далее: Сб. РИО). 1889. Т. 69.) № 85. С. 167–168.
- Лауи (ла Ви, ЛаВи, Ла Ви) [А.] де* — [тайному советнику по внешней политике при регенте герцоге Филиппе Орлеанском и архиепископу] [Г.] Дюбуа 10 (21) октября 1717 г. // Донесения французских посланников и поверенных в делах при русском дворе и отчеты о пребывании русских послов, посланников и дипломатических агентов во Франции с 1681 по 1718 г. / Параллельные тексты на французском и русском языках // Сб. РИО. 1881. Т. 34. № 86. С. 254–257.
- Лауи [А.] де* — [тайному советнику по внешней политике при регенте герцоге Филиппе Орлеанском и архиепископу] [Г.] Дюбуа 28 февраля (11 марта) 1718 г. // Там же. № 108. С. 322–323.
- Лауи [А.] де* — [тайному советнику по внешней политике при регенте герцоге Филиппе Орлеанском и архиепископу] [Г.] Дюбуа 23 марта (3 апреля) 1718 г. // Там же. № 112. С. 330–332.
- Манифест 5 марта 1718 года о бывшей царице Евдокии // *Устрялов Н.Г.* История... Т. 6. Приложения. № 160. С. 477–487.
- Манифест. — Об отрешении от наследия его царского величества перворожденного сына, царевича Алексея Петровича; 1718 г., февраля 3 // ПСЗ. СПб., 1830. Т. V. № 3151. С. 534–539; то же: Манифест о лишении царевича Алексея престола, 3 февраля 1718 года // *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. Приложения. № 143. С. 438–446.
- О объявлении манифестов 1718 году и тому подобнаго; 1727 г., июля 26 // Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти великой государыни императрицы Екатерины Алексиевны и государя императора Петра Второго, состоявшиеся с 1725 генваря с 28 числа по 1730 год: Напечатаны по указу всепресветлейшей, державнейшей великой государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы все-российской. В Санктпетербурге при Императорской Академии наук четвертым тиснением 1780 года. С. 290–291; то же: Именной, состоявшийся в Верховном Тайном совете. — Об отобрании манифестов, выданных из бывшей Розысской канцелярии // ПСЗ. 1830. Т. VII. № 5131. С. 831–832; то же: Протокол Верховного тайного совета. Об отобрании манифестов, выданных из бывшей Розысской канцелярии; 1727 г., июля 26 // Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета... Т. IV: (Июль–декабрь 1727 г.). № 91. С. 173–174.
- О постройке разных судов и об отправлении Гавриила [Авдеевича] Меншикова для осмотра судостроительных работ; 1722 г., февраля 7 // Бумаги императора Петра I / Изданы А. [Ф.] Бычковым. СПб., 1873. № СССXXXIX. С. 452–453. — Том переиздан в том же наборе как кн.: Сб. РИО. 1873. Т. 11.

Объявление розысского дела и суда, по указу его царского величества на царевича Алексея Петровича в Санктпитебургх отправленного, и по указу его величества в печать для известия [в]сенароднаго сего июня в 25 день 1718 выдано.

По высочайшим указам из Верховнаго тайнаго совета: <...> б) от [17] 28-го, июля 1, — об изъятии из употребления означенной книги и манифестов, выданных бывшею Розысскою канцеляриею; 1734 г., июля 29 / августа 8 // Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. СПб., 1885. Т. VII: (1727 г.). № 125/4. Стб. 143–148.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. IV–VIII.

Протокол Верховнаго тайнаго совета от 18 июля 1727 г.: О пожаловании в тайные советники министра герцога Голштинского с приведением его к присяге на верность 18 июля 1727 г. // Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совета... Т. IV: (Июль–декабрь 1727 г.). № 60. С. 105.

С 1714 года, как началас книжная продажа, разными званиями книг и проточого и грьдированных листов в выходе из печати было по цене порознь по годома, а имянно // *Гаврилов А.В.* Очерк истории Санкт-Петербургской синодальной типографии. Вып. I: 1711–1839. СПб., 1911. Приложение I. С. I–XLI.

Феофана Прокоповича, архиепископа Великаго Новаграда и Великих Лук, Святейшаго Правительствующаго Синода вице-президента, а потом первенствующаго члена, Слова и речи поучительныя, похвальныя и поздравительныя, собранныя и некоторыя *вторым тиснением*, а другия вновь напечатанныя. Ч. I. В Санктпетербурге при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе 1760 года. С. 167–170.

Экстракт из указов об отставке штаб- и обер-офицеров // Северная война: Документы 1705–1708 гг.: Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1892. Вып. I / [Составил] Д. Ф. Масловский. № 311. С. 232–235.

Bassewitz H.F. Eclaircissemens sur plusieurs faits relatifs au regne de Pierre le Grand, extraits en l'an 1761 a la requisition d'un savant des papiers du feu comte Henningue Frederic de Bassewitz, conseiller prive de L. M. Imperiales Romaine et Rusienne, chevalier de St. Andre // Magazin für die neue Historie und Geographie, angeleget von D. Anton Friderich Büsching <...>. — [Разъяснения относительно некоторых событий, происшедших в правление Петра Великого, в 1761 году по запросу одного ученого извлеченные из бумаг покойного графа Хеннинга Фридриха Бассевица, тайного советника и [х] императорских в[еличеств] римского и российского, кавалера [ордена] Св. Андрея (*франц.*)]. Halle, 1775. Neunter Theil. S. 281–380. — Русский перевод: *Бассевич Г.Ф.* Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого / Пер. с франц. И. Ф. Аммона // Юность державы / Сост., послесл., им. указ., глоссарий В. П. Наумова. М., 2000. С. 325–436.

[*Weber F. Ch.*] Das veränderte Rußland, in welchem die ietzige Verfassung des geist- und weltlichen Regiment, der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser, wahre Zustand der russischen Finantzen, die geöffneten Berk-Werk, die eingeführte Academien, Künste, Manufacturen, ergangene Verordnungen, Geschäfte mit denen asiatischen Nachbahren und Vassalen; nebst der allerneueste Nachricht von diesen Völkern, die Begebenheiten des Tzarewizen, und was sich sonst merkwürdiges in Rußland zugetragen, nebst verschiedenen andern bisher unbekandten Nachrichten in einem biss 1720. gehenden Journal vorgestellt werden mit einer accuraten Land-Carte und Kupferstichen versehen. — [Преображенная Россия, в которой будут представлены теперешнее устройство духовного и мирского правления, военные штаты на суше и на воде, истинное состояние русских финансов, открытые рудники, учрежденные академии, художества, мануфактуры, обнародованные повеления, торговля с азиатскими соседями и вассалами; также новейшее известие об этих народах, происшествия с царевичем и о том, что еще примечательного случилось в России, а также разные другие доселе неизвестные сведения в веденном до 1720 года журнале, снабженном точной ландкартой и гравюрами (*нем.*)]. Franckfurth, 1721. — Неполный русский перевод: *Вебер Ф.Х.* Записки о Петре Великом и его царствовании брауншвейгского резидента Вебера / Пер. с нем. П. П. Барсова // Русский архив: Историко-литературный сборник. 1872. Вып. 7/8. Стб. 1334–1457.

Беспятых Ю.Н. Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. СПб., 2005; изд. 2-е, доп.: СПб., 2008.

Беспятых Ю.Н. А.Д. Меншиков был грамотен! // Жизнь Югры: Региональный журнал. 2005. 18 марта. № 19 (9550). С. 5.

Беспятых Ю.Н. Как ваше слово отзовется?: О рецензии Н. И. Павленко (Наука и жизнь. 2005. № 3) на мою книгу «Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. СПб., 2005» // Меншиковские чтения — 2006: Материалы чтений. СПб., 2006. С. 105–124.

Беспятых Ю.Н. О терминах «дворяне» и «шляхта» в России при Петре I: (К полемике по поводу грамотности и происхождения А.Д. Меншикова) // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2 (06). С. 263–284.

Беспятых Ю.Н. «...По письмам собственных наших рук...» // Югра: Региональный журнал. 2004. № 8. С. 81–86; № 9. С. 71–75.

Битовт Ю.Ю. Редкие русские книги и летучие издания XVIII века: С библиографическими примечаниями, указанием степени редкости и ценами антикваров на них, с приложением списка календарям XVIII века, слывающим за редкие у некоторых антикваров, но имеющимся до сих пор в продаже. М., 1905. № 222. С. 46–47.

Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий гражданской печати: 1708 — январь 1725 г. М.; Л., 1955. № 290–292. С. 230, 232–233.

Быкова Т.А., Гуревич М.М., Козинцева Р.И. Описание изданий, напечатанных при Петре I: Сводный каталог: Дополнения и приложения. Л., 1972. № 71 (291). С. 29.

Бычков А.Ф. Каталог хранящихся в императорской Публичной библиотеке изданиям, напечатанным гражданским шрифтом при Петре Великом. СПб., 1867. № 92. С. 154.

Веркеенко Г.П., Казакова О.Ю. «Любознательный и честный труженик» Николай Герасимович Устрялов: (1805–1870 гг.). Орел, 2005.

Гаврилов А.В. Очерк истории Санкт-Петербургской синодальной типографии. Вып. 1: 1711–1839. СПб., 1911.

Калязина Н.В., Калязин Е.А. Александр Меншиков — строитель России. Ч. 1: Александр Меншиков. СПб., 2005.

Козляков В.Н. Царица Евдокия, или Плач по Московскому царству. М., 2014.

Морозов П.О. Феофан Прокопович как писатель // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. Ч. ССІХ. Неф. Отд. II. С. 107–148.

Морозов П.О. Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880.

Павленко Н.И. Был ли А.Д. Меншиков грамотным? // Жизнь Югры. 2005. 8 февраля. № 9 (9540). С. 5.

Павленко Н.И. Был ли А.Д. Меншиков грамотным? // Наука и жизнь. 2005. № 3. С. 69–75.

Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. II: Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 годов. № 384. С. 414.

Семевский М.И. Авдотья Федоровна Лопухина. М., 1859 (отдельный оттиск из: Русский вестник. 1859. № 10). — Текст манифеста от 5 марта 1718 г. на с. 22–38.

Устрялов Н.Г. Воспоминания о моей жизни // Древняя и новая Россия: Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник. 1880. [Т.] XVII. № 8. С. 603–682.

Liechtenhan F. — D. Henry La Vie, Spion, Konsul und Verehrer Peters des Grossen. — [Анри Ла Ви — шпион, консул и почитатель Петра Великого (нем.)] // Quaestio Rossica. 2015. № 1. S. 59–70.

М. М. Сафонов

«Молодая Екатерина» в отечественной историографии¹

«Да, человек смертен, — говорит на Патриарших прудах герой знаменитого романа М. А. Булгакова, — но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус! И вообще не может сказать, что он будет делать в сегодняшний вечер».

Утром 5 ноября 1796 г. Екатерина II пила кофе, а вечером того рокового дня она уже корчилась в предсмертной агонии на сафьяновом матрасе на полу собственной опочивальни. С императрицей случился апоплексический удар. В 21 ч. 45 м. 6 ноября ее не стало².

Почти четверть века она работала над своими автобиографическими записками. Они должны были увековечить образ Екатерины в памяти потомков.

Внезапная кончина сорвала этот замысел. Точнее говоря, не позволила осуществиться его так, как задумала императрица. И не потому что неожиданная кончина помешала окончить многолетний труд. Просто апоплексия, сразившая Екатерину в то ноябрьское утро, не позволила императрице подготовиться к смерти. А ведь Екатерина собиралась жить по крайней мере до восьмидесяти лет³. Она была уверена, что у нее еще есть время. Если бы государыня хотела остаться в памяти потомков такой, какой она описала себя в «Записках», она была должна, точнее обязана, уничтожить черновики и подготовительные

¹ Доклад, прочитанный в 2004 г. на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета на конференции «Мавродинские чтения 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки». К 280-летию Санкт-Петербургского государственного университета и 70-летию исторического факультета.

² См. подробно: Сафонов М. М. Завещание Екатерины II. СПб., 2002. С. 7–9.

³ Дневник А. В. Храповицкого. СПб., 1901. С. 231.

материалы. Сама того не желая, она оставила ценнейший материал для опровержения того, что в конце концов написала о себе. Однако, как это ни кажется странным, никто из историков в полной мере такой возможностью не воспользовался.

Екатерина создала две редакции «Записок». И они очень существенно отличаются друг от друга. Первая редакция относится к началу 1770-х гг., т.е. написана женщиной, которой шел пятый десяток⁴. Работа над второй редакцией протекала в середине 1790-х гг., когда Екатерине шел седьмой десяток⁵.

Обе редакции «Записок», и 1770-х, и 1790-х гг. столь сильно разнятся друг от друга, что может даже создаться впечатление, будто бы они написаны разными людьми. В них созданы два совершенно разных образа автора мемуаров, т.е. Екатерины. И это само по себе важнейший предмет, требующий объяснения.

В первой редакции своих «Записок» Екатерина II старается создать образ довольно непосредственной девушки, очень живой и энергичной, а главное, от политики бесконечно далекой. Она не борется ни за престол, ни за власть, совершенно чужда каким-либо интригам, заговорам, тайным козням. Само провидение предназначило ей корону, она же верила в свое предназначение, но ничего не делала, чтобы овладеть скипетром⁶. Это очень чистое и политически совершенно девственное создание. Она почти еще совсем ребенок. Недаром врач уверял, что у семнадцатилетней Екатерины голова шестилетнего ребенка, так как «головные кости еще не срослись»⁷. Соответственно и она ведет себя как ребенок: любит прыгать, скакать, обожает жмурки, возню, всевозможные ребяческие проказы и детские игры. Естественно, она увлекается танцами, нарядами, драгоценностями⁸.

Почти постоянно она подвергается беспричинным притеснениям, обидам⁹. Императрице и людям, которых она уполномочила наблюдать за невесткой, претит ее веселый и общительный характер. Она раздражает их своей живостью. Стареющую императрицу раздражает красота молодости. Ревность ее вызывают и туалеты великой княгини¹⁰. Императрица недовольна тем, что невестка тратит много денег на туалеты и постоянно находится в долгах. Но раздражение это вовсе неоправданно, ибо происхождение этих долгов вполне естественно и не может вызвать нареканий. Тем не менее Екатерина всё время подвергается незаслуженным унижениям и оскорблениям. Вплоть до того, что, увидев на ней новое красивое платье, ее бранят за отсутствие детей, тогда как виноват в этом только ее муж, физическое развитие которого не позволяло ему

⁴ Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 1–194.

⁵ Там же. С. 201–461

⁶ Там же. С. 10, 12.

⁷ Там же. С. 96.

⁸ Там же. С. 1, 13, 14, 19, 29, 37, 38, 41, 42, 49, 50, 56, 61, 62, 68, 70, 73, 74, 80, 115, 116, 139.

⁹ Там же. С. 102, 107, 108.

¹⁰ Там же. С. 115, 116, 139, 162.

стать отцом ранее двадцатипятилетнего возраста. Вследствие этих второстепенных причин режим содержания Екатерины постоянно ужесточается. Однако она не может найти этому разумного объяснения, кроме прихоти, капризов и самодурства. Когда ее совершенно беспричинно бранят, она никогда не знает, за что именно и в чём она провинилась на этот раз.

Совсем иной предстает Екатерина во второй редакции своих «Записок». От былого образа непосредственного ребенка не осталось и следа. Это кристально чистое в нравственном отношении существо с мужским умом и характером, и в то же время с очаровательной женской внешностью, «благородный рыцарь», единственными жизненными побуждениями которого всегда были «самая строгая честность и добрая воля»¹¹. Разумеется, здесь уже нет ни прыжков, ни возни, ни детских проказ, ни ребяческих забав. Это вполне взрослый человек, «философ в пятнадцать лет», развитый не по годам. Образ резвящегося инфанта «уступлен» мужу, но его ребяческая непосредственность совсем иного рода, чем ранее была у автора. Она граничит с инфантилизмом. То, что ранее подавалось как проявление живой детской непосредственности Екатерины, теперь представляется как плод замедленного умственного и физического развития ее мужа, который не может зачать ребенка просто потому, что еще психологически не стал взрослым мужчиной¹². Этот «отрицательный» инфантилизм служит великолепным фоном, на котором теперь уже интеллектуализм Екатерины проявляется еще ярче. Она умна не по годам. Во всем демонстрирует умственное превосходство и интеллектуальную силу рано развившейся девушки.

Разумеется, новый образ «умной» Екатерины требовал и соответствующих интересов. Ее не увлекают ни балы, ни украшения, ни наряды. Ее интересы не в мишуре придворной жизни, они — совсем в другой интеллектуальной области: она прилежно изучает русский язык, читает книги, любит умные беседы. При этом она чрезвычайно набожна, искренне религиозна. Ее считают «прилежным ребенком». И действительно, она еще больше, чем в первой редакции, чужда политике. Она ни на что не претендует и во всем сообразуется с волей императрицы, делает, что ей прикажут. Даже в тех эпизодах, где ранее вопреки замыслу автора нет-нет, да и проскользнет интерес к политическим делам, теперь малейшие следы этого тщательно вытравлены. Если в первой редакции ребячливая и непосредственная Екатерина вопреки своим склонностям всё же оказывается втянута в политическую борьбу — во время опасной болезни императрицы у великой княгини, хохотушки и попрыгуньи, — появляется, однако, план спасения себя и своего супруга¹³, то во второй редакции «умная» и искренне набожная жена инфантильного Петра, полу-мальчика, полу-мужчины, даже и не думает ни о чем подобном.

¹¹ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 444, 445.

¹² Там же. С. 203, 204, 206, 207, 210, 213–215, 218, 219, 225, 227, 228, 230, 231, 233, 234, 236, 238, 240–241, 252, 260–262, 286, 292, 295, 297, 298, 300.

¹³ Там же. С. 145, 146.

Она, как и ранее, подвергается несправедливым притеснениям. То ее обвиняют в том, что она не любит мужа (но как его можно любить?), то совершенно безосновательно подозревают в амурах с камер-лакеем. Ее унижают совершенно незаслуженно. Но конфликты с Елизаветой и ее окружением происходят на другой почве. Недалекую и ограниченную императрицу с замашками настоящего самодура раздражает интеллект невестки. Ее бранят за то, что она считает себя слишком умной.

Теперь причина постоянного недовольства Елизаветы и надзирающих за Екатериной лиц не в излишней живости и веселости малого двора. Их беспокоит, что «умная» невестка всё время тратит деньги. Императрицу беспокоят долги Екатерины, молодой и богато одетой. Но она вынуждена тратиться на наряды, не по душевной склонности, а потому что придворный этикет требует, чтобы жена наследника была богато одета, а это вводит ее в долги. Елизавету раздражают и долги, и наряды невестки, а главное, умственное превосходство великой княгини. Поэтому из окружения Екатерины постоянно один за другим удаляются преданные ей лица, но не потому, что они любят веселье, как это было раньше. Теперь их удаляют исключительно за то, что они преданы Екатерине¹⁴.

Сходство образов Екатерины в обеих редакциях лишь в том, что она абсолютно чужда политики. Какой же из этих двух образов более соответствует действительности? Никакой! Подлинная Екатерина — это та женщина, которая создала эти два образа, столь непохожих друг на друга¹⁵. Зачем же она это сделала? Затем, чтобы скрыть от потомства свой подлинный облик. Чтобы читатель никогда не узнал правды о том, как она боролась за трон. Она пробовала сделать это разными путями. Обе редакции отражают две попытки конструирования этой исторической неправды. Усилия мемуаристики не пропали даром. Облик, слепленный в последней редакции, отпечатался в сознании потомства. В 1859 г. Герцен обнародовал текст последней редакции и как бы осыпал своим авторитетом образ Екатерины, ей самой представленный. С тех пор именно этот образ вошел в литературу¹⁶. В. А. Бильбасов, автор наиболее обстоятельной биографии Екатерины до ее воцарения, и поныне остающейся самым полным собранием фактического материала, сделал этот облик почти что каноническим¹⁷. Хотя историк и отмечал определенную тенденциозность «Записок» и «заведомую неправду»¹⁸, он тем не менее перенес в свой труд едва ли не все основные положения и самохарактеристики Екатерины из этого

¹⁴ См. подробнее: Сафонов М. М. «Записки» Екатерины II о себе и Романовых // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 76–81.

¹⁵ См. подробнее: Сафонов М. М. Ангальт-Цербстская девственница // Технология власти. Нестор. № 7. СПб., 2005. С. 213–242.

¹⁶ Записки императрицы Екатерины II. Лондон, 1859: Репринтное воспроизведение. М., 1990. С. 1–254.

¹⁷ Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. Берлин, 1900. Т. I. С. 1–474.

¹⁸ Там же. Т. XII. Ч. II. С. 339, 340.

текста. И хотя в литературе того времени уже появились сведения о существовании текста первой редакции мемуаров, представлявшей совсем иной образ великой княгини, биограф считал их недостоверными и полностью пренебрегал ими. Все последующие исследователи в общем-то шли по пути, проложенному В. А. Бильбасовым. Академическая публикация первой редакции «Записок», осуществленная А. Н. Пыпиным¹⁹, равно как и других подготовительных материалов ко всем редакциям, поставила много вопросов²⁰, но не изменила образ Екатерины, нарисованный ею самой в заключительной редакции. Он лишь слегка подправлялся, уточнялся, углублялся на основе данных из других редакций, но в основе своей оставался неизменным. В советское время «Записками» Екатерины II как историческим памятником никто не занимался, даже с целью пропагандистского разоблачения. Да это было и невозможно²¹.

Во время перестройки и в постперестроечные годы на рубеже XX и XXI вв. в России появился целый ряд не критических сочинений о Екатерине II, в которых в той или иной степени рассматривался вопрос о ее «Записках»²². Эти сочинения носили поверхностный характер²³ и отличались откровенно

¹⁹ Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1907. Т. XII. С. 1–495.

²⁰ Корнилович О. Е. Записки императрицы Екатерины II: Внешний анализ текста. Томск, 1912. С. 10–29.

²¹ В советский и перестроечный периоды «Записки» Екатерины II вызывали интерес только в связи с тем фактом, что они были опубликованы А. И. Герценом и рассматривались как факт его борьбы с самодержавием (см. подробнее: Эйдельман Н. Я. Мемуары Екатерины II // Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С. 154–180; Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Записки императрицы Екатерины II. Лондон, 1859: Репринтное воспроизведение. М., 1990; Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Справочный том к запискам Е. Р. Дашковой, Екатерины II и И. В. Лопухина. М., 1992. С. 155–194).

²² Анисимов Е. В. 1) «Записки» Екатерины II: силогизмы и реальность // Записки императрицы Екатерины II: Репринтное воспроизведение издания 1859 г. М., 1990. С. 3–24; 2) Женщины на российском престоле. СПб., 2002. С. 208–312; Михайлов О. Н. Екатерина II — императрица, писательница, мемуарист // Москва. 1990. № 4. С. 199–207; Каменский А. Б. 1) «Под сенью Екатерины...» СПб., 1992. С. 15–57; 2) Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997. С. 8–55; Павленко Н. И. Екатерина Великая. М., 1999. С. 5–27; Рахматуллин М. А. Непоколебимая Екатерина // Отечественная история. 1996. № 6. С. 19–47.

²³ Едва ли писатель О. Н. Михайлов, выступивший в роли историка, заслуживает серьезного критического разбора. Что же касается историка Е. В. Анисимова, то его сочинения о Екатерине II не могут не вызвать недоуменного вопроса: «В каком, собственно, жанре написаны эти работы?». А. Н. Радищева, автора одного из самых сильных стихотворений XVIII в. «Оснадцатое столетие», Е. В. Анисимов снисходительно назвал «посредственным писателем» (Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. С. 395). Но при этом, совершенно в духе времени, разумеется перестроечного, обнаружил незаурядные «литературные способности» у Екатерины II (Анисимов Е. В. «Записки» Екатерины II: силогизмы и реальность. С. 11). Однако его собственные рассуждения о пьесах Екатерины абсурдны. Чего, например, стоит такая фраза Е. В. Анисимова: «В своих комедиях Екатерина II с помощью оглуления подразумеваемых ею противников стремилась укрепить

панегирическим духом. И хотя по большей части они были написаны профессиональными учеными, эти труды больше напоминали научно-популярные

престиж власти, показать никчемность надутых Спесовых, брюзжащих Ворчалкиных, пропойных Некопейкиных — всех, кто недоволен действиями режима» (Там же. С. 10). Если принять во внимание, что в образе госпожи Ворчалкиной Екатерина изобразила самоё себя, то возникает недоуменный вопрос, кто кого «оглуляет» и с кем боролась императрица-писатель? Создается впечатление, что исследователь в глаза не видел комедии, о которой рассуждает. Иначе прожектор Некопейкин не превратился бы в пропойцу, ибо его отношения с алкоголем в пьесе никак не затронуты. В фамилии же Некопейкин заключена авторская издевка над тем, что он создает проекты, как заработать много денег, однако сам сидит без гроша. Да и образ его таков, что этот персонаж скорее стал бы сочинять проект по борьбе с зеленым змием, нежели сам притронулся к спиртному. Другой пример. Касаясь щекотливейшего вопроса о происхождении Павла I, Е. В. Анисимов обращается к хорошо известному документу «Чистосердечная исповедь» Екатерины II (Записки императрицы Екатерины Второй. С. 713) и приводит цитату: «Марья Чоглокова, видя, что через девять месяцев обстоятельства остались те же, каковы были до свадьбы, и быв от покойной государыни часто бранена, что не старается их переменить, не нашла иного к тому иного способа, как обеим сторонам сделать предложение, чтобы выбрали по своей воле из тех, кои она на мысли имела...» Екатерина выбрала Сергея Салтыкова. Однако он, комментирует Е. В. Анисимов, «появился в поле зрения великой княгини не сразу после девяти месяцев ее супружества, как может показаться нам из «Чистосердечной исповеди», а несколько лет спустя после назначения Чоглоковой... в 1752 г.» (Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. С. 304–305). Девять месяцев и девять лет, конечно, далеко не одно и то же, тем более что, когда речь идет о происхождении ребенка, хронология событий далеко не второстепенная вещь. При том что комментатору вовсе не нужно было пускаться в «исследовательские» изыскания, чтобы внести ясность в этот вопрос. Было бы достаточно просто внимательно прочитать «Чистосердечную исповедь». Ведь в ней в действительности речь идет вовсе не о девяти месяцах, а о девяти годах. По словам Е. В. Анисимова, цитируемый отрывок близок к первому варианту «Записок» (Там же. С. 304). На самом же деле проследживается текстуальная близость этого отрывка с их заключительной редакцией. Но и там речь идет о событиях, имевших место семь лет спустя после свадьбы (Записки императрицы Екатерины Второй. С. 338). И это тоже имеет значение для решения «щекотливейшего вопроса». Еще раз хочется задать вопросом, кто же кого «оглуляет»? Невиннейшей оговоркой выглядит фраза Е. В. Анисимова о том, что Екатерина рассказывала Н. П. Румянцевой, как обхаживала влиятельных старушек, чтобы завоевать общественное мнение (Анисимов Е. В. «Записки» Екатерины II: силлогизмы и реальность. С. 19). Можно лишь удивляться, как Н. П. Румянцев под пером ученого превратился в женщину (Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 126–129). Видимо, статс-дама М. А. Румянцева, исполнявшая обязанности обер-гофмейстерины при великой княгине, и будущий канцлер Н. П. Румянцев в воображении автора слились в одно лицо. Не менее значительно выглядит и то, что директор Академии наук Е. Р. Дашкова превратилась в президента (Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. С. 395), а дата приезда Д. Дидро в Петербург указана с ошибкой на два года: 1775 г. (Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. С. 364). Ошибка не просто в хронологии. Дидро появился в Петербурге в момент бракосочетания наследника Павла, когда благодаря женитьбе цесаревич становился совершеннолетним и его матери, занимавшей престол вместо несовершеннолетнего сына, очень важно было устами французского философа убедить просвещенную Европу в том, что она достойна это делать и при совершеннолетнем великом князе. Произвольно «передвинув» приезд издателя Энциклопедии на два года, Е. В. Анисимов как бы расписался в том, что он плохо понимает то, о чем пишет.

сочинения, преследующие цель восстановить репутацию Екатерины II, незаслуженно опороченную в советское время. При этом их главным «союзником» в борьбе за «реабилитацию» самодержицы стал В. А. Бильбасов, написавший хвалебную биографию царицы на основании, как уже отмечалось, второй редакции «Записок». Употребляя выражение А. М. Скабичевского, можно назвать биографические сочинения о Екатерине этой поры «скороспелыми борзописаниями». Тем не менее они чрезвычайно интересны с точки зрения того, какими зигзагами развивалась отечественная историография в переломные моменты истории нашей страны, действуя по принципу колебания маятника.

Для всех этих перестроечных и постперестроечных работ характерна удивительная для критического научного исследования почти слепая вера в достоверность мемуаров Екатерины как исторического источника и в абсолютную искренность их автора. Трудно читать без улыбки панегирическое восклицание М. А. Рахматуллина: «А кто из ее преемников на троне оставил после себя мемуары, подобные ее бесценным “Запискам”, написанным легким пером и с предельной откровенностью».²⁴ Замечу, не просто с «откровенностью», а именно «с предельной откровенностью». С этим наблюдением может соперничать лишь заключение другого московского специалиста А. Б. Каменского: «Мемуары Екатерины — это... исповедь, написанная с той мерой искренности, какая вообще была возможна для державного автора»²⁵. Стоит ли удивляться тому, что все эти постсоветские авторы просто-напросто переписали мемуары Екатерины в их последней редакции, сопроводив текст автора по сути дела «адвокатскими» комментариями.

Во многом это объясняется тем, что такая манера вообще-то характерна для «скороспелого борзописания», т. е. полного пренебрежения предшествующей историографией, незнания тех работ, в которых достоверность воспоминаний Екатерины ставилась под определенное сомнение. Например, у Е. В. Анисимова есть ссылка на работу О. Е. Корнилович, однако и ссылка дана фиктивная, и фамилия автора указана неверно: «Коялович»²⁶. По всей видимости, Е. В. Анисимов никогда не видел той работы, на которую ссылался. В противном случае она заставила бы его задуматься о многом²⁷.

²⁴ Рахматуллин М. А. Непоколебимая Екатерина. С. 25.

²⁵ Каменский А. Б. «Под сенью Екатерины...». С. 35. О «необычной искренности» «Записок» императрицы писал Н. Я. Эйдельман (Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Справочный том к запискам Е. Р. Дашковой, Екатерины II и И. В. Лопухина. С. 172).

²⁶ Коялович О. Записки Екатерины II // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. Июнь. В действительности же: Корнилович О. Е. Записки Екатерины II: Внешний анализ текста // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 37. С. 37–74.

²⁷ О. Е. Корнилович сопоставила одни и те же эпизоды, изложенные в каждой редакции (там, где это можно сделать), и выявила очень существенные различия в их трактовке. Она отметила тенденциозность автора «Записок» в передаче фактов, но подчеркнула, что Екатерина делала это настолько мастерски, что, если бы не было прежних рукописей,

Все вышеперечисленные авторы убеждены, что до середины 1750-х гг. Екатерина занималась выполнением своего плана, который возник у нее сразу же по приезде в Россию: 1) нравиться великому князю; 2) нравиться императрице; 3) нравиться народу²⁸. Все современные биографы приняли утверждение императрицы, направляющее исследователей по ложному пути, за чистую монету. Они не сумели понять, что мемуаристка не раскрывает свою политическую лабораторию, а как раз наоборот, старается ее скрыть.

А. Б. Каменский отмечал, что Екатерина писала эти слова «весьма откровенно, самонадеянно и цинично»²⁹. По его мнению, «этот отрывок на редкость информативен». Екатерина как бы распахивает дверь в «лабораторию своего превращения в политика, своего успеха в жизни». По словам автора, отрывок «откровенно циничен». Императрица смело «выставляет напоказ свой цинизм». Историк простодушно уверен в том, что Екатерина описала свой «механизм достижения успеха». Естественно, вслед за своим державным поводырем все постсоветские авторы утверждали, что Екатерина до середины 1750-х гг. политикой не занималась, но безрассудное поведение мужа заставило ее для спасения себя, детей и отечества включиться в политическую борьбу. А. Б. Каменский писал о том, что Екатерина, «наблюдая за управлением Елизаветы Петровны, пришла к убеждению: окажись власть в ее руках, она бы лучше знала, что и как делать, а результаты ее правления были бы гораздо более основательны». Удивительно, как автор не осознает, что если великая княгиня политикой не занималась, то и не могла прийти к этому выводу, потому что такого рода сравнение и есть действие политическое.

Удивительно ли, что в работах современных отечественных биографов императрицы Екатерина представлена именно такой, какой она описала себя в последней редакции «Записок». Никто из них не усомнился в достоверности этого образа. Он лишь слегка корректировался, а точнее сказать, «дополнялся» данными из первой редакции.

Е. В. Анисимов, сопоставляя обе редакции «Записок», впрочем, весьма поверхностно, пытается определить, в какой из них тот или иной эпизод изложен более достоверно. Так, например, в 1745 г. в Петербурге произошла встреча

никто не заподозрил бы императрицу в неискренности. Исследовательница считала наиболее искренней редакцию, созданную в начале 1770-х гг. Самой тенденциозной О. Е. Корнилович считала последнюю редакцию, обнародованную Герценом. Исследовательница верно подметила, что в последней редакции автор старался максимально удалить все свидетельства своего участия в политической жизни и интригах того времени. Все эти соображения привели О. Е. Корнилович к важному выводу: надо пользоваться «Записками» Екатерины с большой осторожностью. Она бросила В. А. Бильбасову серьезный упрек в том, что он не придерживался этого правила и пользовался герценовской публикацией, не подозревая о ее недостоверности (*Корнилович О. Е.* Записки Екатерины II: Внешний анализ текста. Томск, 1912. С. 11, 20, 27–29).

²⁸ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 58.

²⁹ *Каменский А. Б.* «Под сенью Екатерины...» С. 31.

Екатерины и брата шведского министра иностранных дел Г.-Ю. Гюлленборга (в сочинении Н. И. Павленко он почему-то назван Гюлленбердом³⁰), с которым она была знакома еще в Гамбурге. В первой редакции этот эпизод изложен так, что швед был поражен тем, как светская жизнь испортила ум и душу великой княгини, и посоветовал заняться серьезным чтением. Но Екатерина, взяв книгу в руки, вскоре отбросила ее, и снова окунулась в омут придворных развлечений³¹. Однако во второй редакции «философ в пятнадцать лет» дал слово заняться серьезным чтением и его сдержал³². По этому поводу Е. В. Анисимов глубокомысленно заметил, что ранняя редакция «более отражает истину»³³. К сожалению, от автора ускользнула суть. Образ непосредственного ребенка предполагал, что он предпочтет развлечения книгам. А вот имидж развитой не по годам девушки требовал того, чтобы вместо танцев и нарядов она стала бы серьезно изучать политические трактаты. Очевидно, Е. В. Анисимов не понимает сути, отчего эти сопоставления лишены смысла. Различно излагая один и тот же эпизод в обеих редакциях, Екатерина совершенно произвольно трактует его в зависимости от того, какой именно образ она создает. Поэтому речь не может идти о том, какая трактовка более достоверна, а какая — менее. То же следует сказать об увлечении Екатерины верховой ездой и охотой. «Став великой княгиней, Екатерина впервые занялась верховой ездой и сразу же достигла замечательных успехов», — пишет Е. В. Анисимов. Действительно, упоминание об этом есть во второй редакции³⁴. Но в первой утверждается, что впервые Екатерина села на коня еще в 1743 г. в Вареле, «и с той минуты это упражнение стало <...> господствующей страстью» для нее³⁵. «Екатерина самозабвенно любила охоту», — утверждает Е. В. Анисимов³⁶, не обращая внимания на то, что та же Екатерина во второй редакции писала: «По правде сказать, я была очень равнодушна к охоте...»³⁷. Самый замечательный здесь оборот — «по правде сказать». Так и написаны обе редакции «Записок», и серьезный исследователь не может и не должен пройти мимо этого.

Желая «дополнить» заключительную редакцию, современные биографы переносят в свои биографии отдельные эпизоды, описанные в ранней редакции. Но с точки зрения академической это совершенно недопустимо. Если в случае с верховой ездой и страстью к охоте попытка подобного «симбиоза» тотчас же вскрыла бы абсурдность такого методологического приема, в других же эпизодах, где «несовместимость» текстов не бросается сразу в глаза, научная

³⁰ *Павленко Н. И.* Екатерина Великая. С. 18.

³¹ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 61–62.

³² Там же. С. 223–224.

³³ *Анисимов Е. В.* Женщины на российском престоле. С. 23.

³⁴ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 233.

³⁵ Там же. С. 24.

³⁶ *Анисимов Е. В.* Женщины на российском престоле. С. 304.

³⁷ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 307.

абсурдность такого соединения не настолько очевидна. Поэтому современные авторы, стремясь представить читателю «полнокровную» биографию своей героини, как правило, этого не замечают. Так получается, что «философ в 15 лет» танцует до упаду, увлекается нарядами и драгоценностями.

Особенно выразительно это выглядит в работах Е. В. Анисимова. Образ «философа», нарисованный во второй редакции, он «дополняет» живыми деталями, почерпнутыми из первой редакции. Прежде всего это относится к любви «молодой Екатерины» к танцам и нарядам. «Я так любила танцевать», — цитирует он первую редакцию³⁸. «Теперь можно было танцевать до упаду, одеваться во всё, что захочешь, часами делать прически, которые нравятся». «Екатерина любила наряжаться, и примечательно, что, вспоминая в своих мемуарах далекое-далекое прошлое, она с поразительными подробностями описывает фасон и цвет своих «победоносных» платьев, а также нарядов Елизаветы и других дам»³⁹. Тут же встречается описание ребяческих забав великой княгини. Однако если бы Е. В. Анисимов заглянул во вторую редакцию мемуаров своей героини, он нашел бы там совсем иное описание ее времяпрепровождения в этот период. Три-четыре раза в день она ходила к матери, «остальное время употребляла, чтобы изучать русский язык, играть на клавесине да покупать книги, так что в пятнадцать лет я жила одиноко в моей комнате и была довольно прилежна для своего возраста», — пишет мемуаристка⁴⁰, перо которой начертало в первой редакции: «...игра и туалет наполняли день... мне было 15 лет, наряды не могут не нравиться в этом возрасте»⁴¹.

Если бы Анисимов ознакомился с работой О. Е. Корнилович, то он прочитал бы, что «Екатерина не без задней мысли так много говорит о своих нарядах, прическах и развлечениях: мол, “где уж тут за балами да маскарадами политикой заниматься”. Всё это делалось для того, чтобы доказать, что Екатерина против своей воли была буквально вынуждена вступить на путь политической борьбы и спасти государство, сына и собственную жизнь»⁴².

К сожалению, Е. В. Анисимов не осознал того важного обстоятельства, что мастерство Екатерины как мемуариста в том и заключалось, что она создавала свой текст так, чтобы читатель был убежден: это написано женщиной, которую интересуют прежде «женские радости», а не политика. Заключительная же редакция создана человеком, который развился из «философа в 15 лет», и, конечно же, ничего не говорит ни о фасонах, ни о покроях «победоносных» платьев. Его интересуют совсем иные, «умные» вещи. Хотя понятно, что «философом» Екатерина не была никогда, ни в пятнадцать лет, ни в шестьдесят семь.

³⁸ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 56.

³⁹ Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. С. 290.

⁴⁰ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 223.

⁴¹ Там же. С. 61.

⁴² Корнилович О. Е. Записки Екатерины II: Внешний анализ текста. Томск, 1912. С. 27.

Так же по-исследовательски «простодушно» выглядит и А. Б. Каменский, когда пытается разъяснить наивным читателям, что напрасно императрица Елизавета бранила Екатерину за расточительство. «Надо сказать, что сумма, ассигнованная Елизаветой на содержание Екатерины, была не так уж мала — 30 тысяч рублей в год, однако великой княгине этих денег не хватало. Во-первых, ее мать, покидая Россию, оставила ей около 60 тысяч рублей долгов. Во-вторых, придворная жизнь того времени была очень дорогой. И не потому только, что великой княгине согласно правилам хорошего тона полагалось появляться на официальных мероприятиях (?! — М. С.) в дорогих нарядах, но и потому, что она была принуждена постоянно делать дорогие подарки всем окружающим. Это также входило в правила поведения, причем чем выше было положение дарителя, тем дороже должны были быть его дары. В елизаветинское время на подарки смотрели прежде всего с точки зрения их стоимости, эстетическая ценность дорогой табакерки, украшений и прочего волновала одариваемых значительно меньше».

Очень тонкое наблюдение московского эксперта. Или вот что еще пишет московский историк относительно подарков, которыми в действительности Екатерина «нейтрализовала» соглядатаев императрицы и расплачивалась с собственными. Елизавета Петровна нередко ругала великую княгиню за расточительство, и Екатерина, конечно же, не была экономна: она любила хорошо одеваться, покупать драгоценности, а дорогие подарки, которые она раздаривала, вполне соответствовали избранной ею тактике поведения, т. е. задаче нравиться всем. «Поэтому она всё время была в долгах»⁴³.

К сожалению, ни Е. В. Анисимов, ни А. Б. Каменский, я уже не говорю об М. А. Рахматуллине и Н. И. Павленко, не поняли природы конфликта Елизаветы и Екатерины. Это особенно непрослительно первому из них, автору нескольких книг о дочери Петра Великого, в которых почти дословно воспроизведены едва ли не все негативные характеристики Елизаветы из екатерининских мемуаров. Загипнотизированные мнимой откровенностью биографы поверили, что Екатерину притесняли совершенно безосновательно. А. Б. Каменский, следуя едва ли не во всё «подсказкам» автора «Записок», отмечал, что «для стареющей Елизаветы, уделявшей большое внимание своей внешности и очень страдавшей от постепенного исчезновения красоты, расцветавшая молодая княгиня становилась невыгодным фоном и превращалась в объект постоянной зависти и раздражения»⁴⁴. Историк, как и его собратьям по перу, невдомек, что описывая свои «победоносные» платья, вызывающие ревность стареющей императрицы, мемуаристка мастерски старалась внушить своим читателям, что именно из-за них и только из-за них ее, молодую и наивную девочку, преследовала капризная, утрачивающая свою былую красоту царица. Это был удачный

⁴³ Каменский А. Б. «Под сенью Екатерины...». С. 48–49.

⁴⁴ Там же. С. 36.

прием мемуаристики, с помощью которого ей удавалось утаить истину. Биографы периода перестройки, как зачарованные, повторяли за ней.

«На императрицу было мудрено угодить, ее капризам не было конца», она бранила Екатерину без всякой причины, писал Е. В. Анисимов⁴⁵. Обладай писатель хоть малой толикой исследовательской интуиции, он не смог бы не почувствовать, что эта вздорная женщина помимо капризов имела серьезные основания подозрительно относиться к невестке. Мемуаристка очень ловко сумела внушить мысль о том, что интриговала не она, а другие лица против нее. «Екатерина поняла, — пишет Е. В. Анисимов, — что за блеском двора Елизаветы скрываются грозные интриги»⁴⁶. Очень тонкое замечание! Екатерину «окружали интриги, неискренность, подозрительность, ревность», — вторит ему А. Б. Каменский⁴⁷, следуя едва ли не всем «подсказкам» мемуаристики и несколько не уступая предыдущему автору в исследовательской пронизательности.

Мысль о том, что интриги могли исходить от самой Екатерины, тенью промелькнула у Н. И. Павленко. Анализируя инструкции, данные А. П. Бестужевым обер-гофмейстерине М. С. Чоглоковой относительно великокняжеского двора, Н. И. Павленко обмолвился (скорее по наитию) о том, что канцлер увидел в великой княгине активную натуру, склонную к интригам⁴⁸. Однако сам историк таковую в своей героине рассмотреть не сумел. Обычно инструкцию А. П. Бестужева в той ее части, где речь идет о Петре, трактуют так, что она свидетельствует: образ полунинфантного мужа Екатерины, нарисованный в ее «Записках», полностью подтверждается запретительными статьями, ибо запрещения — результат поступков наследника⁴⁹. Авторы рассуждают о том, насколько образ Петра, представленный в «Записках», соответствует действительности. Однако им не приходит в голову задаться вопросом, соответствует ли действительности образ самой Екатерины, рисуемый ее мемуарами, и как он соотносится с тем, который встает со страниц инструкции Бестужева⁵⁰, ибо этот документ в той же степени зеркально отражает свойства великой княгини, как и ее мужа. Постановка этого вопроса заставила бы писателей и историков очень серьезно задуматься. Но жанр, в котором работали названные авторы, видимо, этого не предполагал. Им надо было успеть заполнить открывшуюся с наступлением перестройки нишу.

Еще одна отличительная черта перестроечных и постперестроечных биографий «молодой Екатерины» заключается в том, что биографы-панегиристы

⁴⁵ Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. С. 300–301.

⁴⁶ Там же. С. 300.

⁴⁷ Каменский А. Б. «Под сенью Екатерины...». С. 44.

⁴⁸ Павленко Н. И. Екатерина Великая. С. 24.

⁴⁹ Там же. С. 23; Анисимов Е. В. «Записки» Екатерины II: силлогизмы и реальность. С. 14.

⁵⁰ Инструкции для лиц, назначенных состоять при великой княгине Екатерине Алексеевне и великом князе Петре Федоровиче, сочиненные графом А. П. Бестужевым // Архив князя Воронцова. Т. II. М., 1871. С. 98–111.

наряду со своей реабилитируемой героиней беспрестанно хвалили друг друга, как будто они связаны одной общей целью, некоей круговой порукой. А. Б. Каменский не без лести писал о том «удовольствии», которое ожидает читателя при чтении статьи Е. В. Анисимова⁵¹. Невольно возникает вопрос, что московский автор понимает под словом «удовольствие» и как он умудряется его получать при чтении текстов подобного рода. Трудно испытать «удовольствие», если только в устах А. Б. Каменского это слово не заключает в себе обратного смысла, и при чтении опуса М. А. Рахматуллина. Он настолько ослеплен величием своей героини, что напрочь лишился критического чутья и вопреки своему желанию оказался в ряду панегиристов, современников Екатерины. Но ими зачастую двигали собственные интересы. М. А. Рахматуллин, надо думать, заблуждается искренне и бескорыстно.

Известно, что Потемкин как-то уверял английского дипломата, что если он хочет чего-либо добиться от Екатерины, надо беспрестанно ей льстить. Но только статс-секретарю императрицы А. А. Безбородко пришло в голову составить «реестр достопамятных и общественных событий» за первые 17 лет царствования Екатерины II. В этом реестре перечислялось количество учрежденных губерний, построенных городов, заключенных договоров, одержанных побед, изданных законов. Затем всё суммировалось и подводился итог: «492». Конечно, только Безбородко мог догадаться складывать аршин с фунтом. В душе он, наверное, потешался над своей выдумкой, но желаемого достиг⁵². Едва ли «фактотум» императрицы мог предполагать, что в XX в. у него появится последователь, и не придворный льстец, а профессиональный историк, критически мыслящая личность. Прочитав «реестр», М. А. Рахматуллин совершенно серьезно продолжил его: «К этому надо прибавить, что Екатерина отвоевала у Польши и Турции земли с населением... армия... усилена до... сумма государственных доходов с... поднялась на... то есть увеличилась более чем вчетверо» и т. д.⁵³ Стоит ли удивляться тому, что в сочинении современного панегириста почетное место заняла цитата из «Записок» Екатерины, где она называет себя «честным и благородным рыцарем», единственной движущей силой которого всегда была «самая строгая честность и добрая воля»⁵⁴. Как тонко подметил М. А. Рахматуллин: «Вообще, судя по многочисленным свидетельствам современников, складывается впечатление, что Екатерина II по своим природным качествам была открытым, душевным человеком»⁵⁵.

В этой связи уместно будет привести несколько цитат из переписки «открытого, душевного человека» с английским дипломатом Г. Вильямсом. В ней идет

⁵¹ Каменский А. Б. «Под сенью Екатерины...». С. 20.

⁵² Сафонов М. М. Завещание Екатерины II. С. 131–132.

⁵³ Рахматуллин М. А. Непокоримая Екатерина. С. 24–25.

⁵⁴ Там же. С. 34.

⁵⁵ Там же. С. 39.

речь о больной императрице Елизавете. Екатерина пишет: «Чье-то здоровье более расшаталось, чем когда-либо: вода поднялась в нижнюю часть живота». Вильямс отвечал: «У кого вода поднялась так, тот уже человек обреченный». Екатерина: «Говорят, что на следующей неделе двор возвращается за город, но маловероятно, чтобы тот, кто неделю тому назад едва мог, от отдышки, дойти из своей комнаты до церкви, был бы в состоянии тащиться в деревню по такой погоде». Вильямс был цинично откровенен: «Мои самые большие надежды основаны на великом событии, которое свершится скоро, несмотря на дьявола, колдовство и колдуний». Екатерина: «Чье-то здоровье всё хромает», «императрица не может подняться по лестнице, не задыхаясь... утомление в день именин вызвало страшные боли в животе вместе с прежними страданиями». Так выражалась Екатерина, не чувствуя всего неприличия подобного тона. С каждым новым письмом злорадство возрастает: «Императрица вчера не выходила, так как она не может зашнуроваться вследствие разных болей». «Одышка ее удвоилась; боли в нижней части тела в соединении с болезнью, о которой вы знаете, заставляют опасаться рака; ноги опухли; водянка несомненна; третьего дня она так кашляла, что вчера не встала». Ювелиру Бернади Екатерина поручила передать канцлеру А. П. Бестужеву, что у Елизаветы накануне были какие-то судороги, ночью ей пускали кровь. Это второй припадок за три дня. Екатерина подтверждает канцлеру, что, когда она будет на месте императрицы, то придаст другой оборот некоторым делам. Далее сообщается, что Елизавета впала в беспамятство, ничего не видела. Пальцы рук судорожно сжались. Руки и ноги похолодели, в чувство привело только кровоупускание. На следующий день у Елизаветы три головокружения или обморока, она не узнавала окружающих, волновалась, плакала. Говорила, что боится ослепнуть. «Мой хирург, человек знающий и умный, уверен, что с ней будет апоплексический удар». Вильямс считал болезнь смертельной. Екатерина получила сведения о здоровье императрицы из ее ближайшего окружения. От него Екатерина узнала, что у Елизаветы «матка поражена», о чём она сообщила Вильямсу не без удовольствия. «Императрице лучше, но несомненно, что мозг ее поражен; у нее голова слабее всего, хотя она очень слаба». Лейб-медик сказал женщине, которая ухаживала за Елизаветой, но тайно сотрудничала с Екатериной: «Потерпите, недолго еще вам ее выносить; она не может жить»⁵⁶.

Как справедливо заметил Н. Д. Чечулин, выражения Екатерины по адресу больной страдающей женщины крайне неприличны⁵⁷. Но это — подлинный язык «честного и благородного рыцаря». «Ох, эта колода! Она просто выводит нас из терпения. Умерла бы она поскорее!» Это — его же слова. Елизавете же

⁵⁶ Correspondence de Catherine Alexciowna, grande dushesse de Russie et de Sir Charles H. Williams, ambassadeur d'Angleterre. 1756–1757 // Чтения общества истории и древностей российских. 1909. Кн. II. С. 206, 211, 212, 217; Чечулин Н. Д. Екатерина II в борьбе за престол по новым материалам. Л., 1924. С. 92–96.

⁵⁷ Там же. С. 95.

Екатерина писала: «Нет ни того часа, чтобы я Бога на коленях не просила о продолжении бесценного здоровья вашего императорского величества, да и быть иначе не может, покамест я жива»⁵⁸.

Характерно, что Н. И. Павленко, добросовестно переписавший «Записки» Екатерины, точнее, их последнюю редакцию, дал очень высокую оценку сочинению М. А. Рахматуллина. Он особо отметил его работу среди трудов, которые «выделяются научными достоинствами»⁵⁹. Как писал «посредственный писатель» А. Н. Радищев, «всяк пляшет, да не как скоморох».

Резюмируя, следует сказать, что Екатерина — женщина, буквально с первого шага на русскую землю включившаяся в борьбу за обладание тронном, истратившая 657 тыс. руб. (при ежегодном жаловании 30 тыс.) на нейтрализацию соглядатаев, наблюдавших за ней, на оплату осведомителей, сообщавших ей о каждом шаге императрицы, на подкуп нужных ей людей с помощью богатых подарков и имевшая на своей стороне военную силу и подробный план действий на случай внезапной смерти Елизаветы, готовая принести в жертву своим политическим интересам и семейную жизнь и даже радость материнства⁶⁰ — оказалась не по зубам современным биографам.

Одно утешает: среди них не было ни одного выпускника истфака СПбГУ, потому что это заведение 70 лет готовит в своих стенах специалистов, которые до сих пор ставили во главу угла критическое отношение к историческому источнику.

References

- Anisimov E. V. «Zapiski» Ekateriny II: sillogizmy i real'nost' // «Zapiski» impetratrycy Ekateriny II. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1859. M., 1990. S. 3–24.
 Anisimov E. V. Genschiny na rossijskom prestole. M., 2002.
 Arhiv knjazja Voroncova. T. II. M., 1871.
 Bil'basov V. A. Istorija Ekateriny Vtoroj. Berlin, 1900. T. I.
 Bil'basov V. A. Istorija Ekateriny Vtoroj. Berlin, 1900. T. XII. Ch. II.
 Chechulin N. D. Ekaterina II v bor'be za prestol. L., 1924.
 Dnevnik A. V. Hrapovitskogo. SPb., 1901.
 Grech N. I. Zapiski o moej gizni. M.; L., 1930.
 Jeidel'man N. Ja. Memuary Ekateriny II // Iz potaennoj istorii Rossii XVIII–XIX vekov. M., 1993. S. 154–180.
 Kamenskij A. B. «Pod sen'u Ekateriny...» M., 1992.
 Kamenskij A. B. Gizn' i sud'ba imperatrycy Ekateriny Velikoj. M., 1997.
 Kornilovich O. E. «Zapiski» imperatrycy Ekateriny II: Vneshnij analiz teksta // Gurnal Ministerstva narodnogo prosveschenia. 1912. № 37. S. 34–74.
 Kornilovich O. E. «Zapiski» imperatrycy Ekateriny II: Vneshnij analiz teksta. Tomsk, 1912.
 Mihajlov O. N. Ekaterina II — imperatrica, pisatel'nica, memuarist // Moskva. 1990. № 4. S. 199–207.
 Pavlenko N. I. Ekaterina II Velikaja. M., 1999.
 Rahmatullin M. A. Nepokolebimaia Ekaterina // Otechestvennaja istoria. 1996. № 6. S. 19–47.
 Rossia XVIII stoletija v izdaniyah Vol'noj russkoj tipografii A. I. Gercena i N. P. Ogareva. M., 1990. S. 155–194.
 Safonov M. M. «Zapiski...» Ekateriny II o sebe i Romanovyh // Vestnik arhivista. 2013. № 3. S. 72–87.

⁵⁸ Там же. С. 25.

⁵⁹ Павленко Н. И. Екатерина Великая. М., 1999. С. 9–10.

⁶⁰ Сафонов М. М. Большой двор против Малого // Российский императорский двор и Европа. Диалоги культур. Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVI. СПб., 2007. С. 100.

- Safonov M. M.* Angal't-Cerbstskaja devstvennica // *Tehnologia vlasti*. Nestor. № 7. SPb., 2005. S. 193–227.
- Safonov M. M.* Bol'shoj dvor protiv Malogo // *Rossijskij imperatorskij dvor i Evropa*. Dialogi kul'tur. Trudy Gosudarstvennogo Jermitaga. T. XXXVI. SPb., 2007. S. 95–101.
- Safonov M. M.* Zaveschanie Ekateriny II. SPb., 2012.
- Sochinenja imperatricy Ekateriny II. SPb., 1907. T. XII.
- Spravochnyi tom k zapiskam E. R. Dashkovej, Ekateriny II, I. V. Lopuhina. M., 1992.
- «Zapiski» imperatricy Ekateriny II. London, 1859. Reprintnoe vosproizvedenie. M., 1990.
- «Zapiski» imperatricy Ekateriny II. M., 1989.

Список литературы

- Анисимов Е. В.* «Записки» Екатерины II: силлогизмы и реальность // Записки императрицы Екатерины II. Репринтное воспроизведение издания 1859. М., 1990. С. 3–24.
- Анисимов Е. В.* Женщины на российском престоле. СПб., 2002.
- Архив князя Воронцова. М., 1871. Т. II.
- Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй. Берлин, 1900. Т. I.
- Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй. Ч. II. Берлин, 1900. Т. XII.
- Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930.
- Дневник А. В. Храповицкого. СПб., 1901.
- Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989.
- Записки императрицы Екатерины II. Лондон, 1859. Репринтное воспроизведение. М., 1990.
- Каменский А. Б.* «Под сенью Екатерины...» СПб., 1992.
- Каменский А. Б.* Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997.
- Корнилович О. Е.* Записки императрицы Екатерины II: Внешний анализ текста // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 37. С. 34–74.
- Михайлов О. Н.* Екатерина II — императрица, писательница, мемуарист // Москва. 1990. № 4. С. 34–74.
- Павленко Н. И.* Екатерина Великая. М., 1999.
- Рахматуллин М. А.* Непокоримая Екатерина // Отечественная история. 1996. № 6. С. 19–47.
- Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. М., 1990. С. 155–194.
- Справочный том к запискам Е. Р. Дашковой, Екатерины II и И. В. Лопухина. М., 1992.
- Сафонов М. М.* Ангальт-Цербстская девственница // *Tehnologia vlasti*. Nestor. № 7. СПб., 2005. С. 193–227.
- Сафонов М. М.* Большой двор против Малого // *Rossijskij imperatorskij dvor i Evropa*. Dialogi kul'tur. Trudy Gosudarstvennogo Ermitaja. T. XXXVI. СПб., 2007. С. 95–101.
- Сафонов М. М.* Завещание Екатерины II. СПб., 2002.
- Сафонов М. М.* «Записки» Екатерины II о себе и Романовых // *Вестник архивиста*. 2013. № 3. С. 72–87.
- Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1907. Т. XII.
- Чечулин Н. Д.* Екатерина II в борьбе за престол по новым материалам. Л., 1924.
- Эйдельман Н. Я.* Мемуары Екатерины II // Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С. 154–180.
- Correspondence de Catherine Alexciwna, grande dushesse de Russie et de Sir Charles H. Williams, ambassadeur d'Angleterre. 1756–1757 // Чтения общества истории и древностей российских. 1909. Кн. II. С. 1–330.

Р. А. Хазиев

Александр I в судьбе России: англоязычная историография 1990–2000-х гг.

Александр I, одна из наиболее известных и вместе с тем загадочно-мистических венценосных особ Российской империи, не обделен вниманием писателей, поэтов, кинематографистов, искусствоведов и, конечно, ученых. При всём разнообразии опубликованных научных трудов безусловным лидером в исследовании феномена правления Александра I является российская научная школа. Именно отечественные исследователи реализовали в конце XX — начале XXI в. целый ряд трудоемких и уникальных по своей научной значимости проектов¹.

¹ См.: *Чернов К. С.* 1) Забытая конституция «Государственная Уставная Грамота Российской Империи». М., 2007; 2) Политическая программа Александра I, 1801–1812 гг. // Вопросы истории. 2015. № 3. С. 28–49; *Любезников О. А., Скрудлов А. Ю.* Тайная полиция в Российской империи в 1805–1807 гг.: пути реформирования и преобразовательные инициативы // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 16–30; *Демкин А. В.* «Дней Александровых прекрасное начало...» Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг. М., 2012; *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012; *Высочков Л. В.* 1) «Дней Александровых прекрасное начало...»: Внутренняя и внешняя политика Александра I (1801–1811). СПб., 2006; 2) «Аракчеевское десятилетие»: Внутренняя и внешняя политика России в 1815–1825 гг. СПб., 2011; *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009; *Ружницкая И. В.* Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.). М., 2009; *Коришнова Н. В.* 1) «Либеральная диктатура» Александра I: Реформы в России в первой четверти XIX века. М., 2002; 2) Проекты реформ в России (вторая половина XVIII — первая четверть XIX в.). Челябинск, 2009; *Шульгин В. Н.* Русский свободный консерватизм первой половины XIX века. СПб., 2009; *Шепелев Л. Е.* Аппарат власти в России: Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007; *Андреева Т. В.* 1) Александр I: 1825 год // 14 декабря 1825 г. Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб., 1997. Вып. 1. С. 63–85; 2) Александр I // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. Т. II. Девятнадцатый век.

Нашей задачей не является анализ трудов соотечественников, но без опоры на национальную историографию не представляется возможным объективно проанализировать наработки англоязычных авторов, обратившихся к личности и эпохе Александра I. При этом не должно создаваться впечатления завуалированной историографической предвзятости к англоязычным работам по заявленной теме, которые вовсе не воспринимаются как производные от изысканий российских ученых.

К англоязычному научному сообществу мы относим авторов, труды которых в первом издании вышли на английском языке. В этой связи из анализа сознательно исключаются весомые с научной точки зрения исследования, популярные историко-художественные публикации об Александре I, переведенные на английский язык² и с различных языков на русский³, а также русскоязычные ремейки англоязычных версий историко-детективного характера⁴ и подобная им печатная продукция, растиражированная на английском языке.

Было бы опрометчиво утверждать, что в фокусе нашего внимания оказались все интересующие нас по заявленным критериям англоязычные издания. Производя выборку выявленных работ по принципу *de visu*, мы сосредоточились в итоге лишь на тех, которые вносят, на наш взгляд, весомый научный вклад в сложившуюся российскую историографическую школу или утверждают некие псевдоисторические истины. Возможно, в таком подходе в определенной степени проявился личностный субъективизм. Тем не менее задаваемый историографический посыл вполне прагматичен — выяснить, какое новое слово сказали англоязычные коллеги за последние 25 лет о царе — предтече «пан-европеизма», о царе — европейском победителе, о царе-«обновленце», о «сфинксе, не разгаданном до гроба».

Профессор Мариан Камилль Дзевановский, завершив после окончания Второй мировой войны карьеру польского дипломата в Вашингтоне и осев в США,

Кн. 1: А–В. СПб., 2003. С. 51–63; Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002; Орлик О. В. Государственные люди России первой половины XIX века: Пути и судьбы. М., 2000; Сахаров А. Н. Александр I. М., 1998; Цамутали А. Н. Начало кризиса империи. Самодержавие Александра I и Николая I. Гл. 2: Проекты реформ после войны 1812–1813 гг. // Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 231–251; Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон. М., 1994; и др.

² *Rey Mar.-P.* Alexander I: the tsar who defeated Napoleon. DeKalb, 2012; *Paleologue M.* The enigmatic czar: the life of Alexander I of Russia. Whitefish, 2013; и др.

³ *Рэй М.-П.* 1) Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год. М., 2015; 2) Александр I. М., 2013; *Валлишевский К.* Александр I. Т. 1–3. СПб., 2011; *Бараньска А.* Федор Кузьмич — сибирская жизнь после смерти императора Александра I. История, легенды // Российско-польский исторический альманах. Ставрополь–Волгоград, 2012. Вып. VI. С. 19–34; *Труайя А.* 1) Александр I, или Северный сфинкс. М., 1997; 2) Александр I. М., 2008; *Дженкинс М.* Аракчеев. Реформатор-реакционер. М., 2004; *Хартли Д. М.* Александр I. Ростов н/Д., 1998; *Валлоттон А.* Александр I. М., [1991]; и др.

⁴ См.: *Трубецкой А.* Александр I. М., 2003; *Troubetzkoy A.* Imperial legend: the mysterious disappearance of Tzar Alexander I. N. Y., 2002.

нашел новое призвание в истории. Не имея с 1983 г. полной учебной нагрузки в университете Висконсин–Милуоки, он всецело погрузился в научно-исследовательскую работу и в 1990 г. представил на суд читателей монографию «Александр I: таинственный царь России»⁵. Трудно сказать, что подвигло ученого, преимущественно занимавшегося политической историей России XX в., обратиться к неординарной личности, правившей Россией в первой четверти XIX в.

Сюжетная канва книги, что, впрочем, демонстративно обозначено в ее названии, сводится к раскрытию секрета, ставшего известным автору. Такой прием из почти дежурного арсенала зарубежного руссиеведения преследует очевидную коммерческую цель — подогреть интерес к изданию для его последующей выгодной реализации. Учитывая, что отдельные российские авторы цитируют Мариана Дзевановского, небезынтересно узнать, насколько иностранцу удалось «постичь» таинственного российского царя.

По большому счету, биографическая книга-хроника Мариана Дзевановского — это броско написанное издание для легкого чтения. Автор не только выступил активным проповедником конспирологической легенды о «житии» бывшего монарха под «прикрытием» старца Федора Кузьмича, но и начинает свою работу слухами и пикантными подробностями о личной жизни государя. Александр I предстает даже этаким замаскированным Калигулой XIX в., не чураящимся и кровосмешения. Научное звание и длительное время занимаемая автором престижная и уважаемая в глазах общественного мнения должность профессора-педагога, видимо, должны были априори уверить неискушенного массового читателя в правоте приводимых в книге «новаторских» изысков.

К данной работе не подходит определение «несерьезная» и поэтому не требующая внимания. За всей кажущейся несуразностью построений скрывается облеченная в развлекательное повествование достаточно каверзная идея. Она призвана на примере личности, «верховодившей» государством в 1801–1825 гг., ненавязчиво, без откровенного использования жесткой лексики культурологически торпедировать Россию. Фактически рисуется страна, сущностью которой, воплощенной в людях, рождаемых и формируемых в «неприглядной» с позиции западного мира социокультурной среде, является непредсказуемость, экзальтированность и игра по нецивилизованным правилам. Повествование подводит к главному выводу: «Каков поп, таков и приход». Следовательно, в державе под названием Россия утвердились культурные правила, несовместимые с тем, чтобы государство претендовало на цивилизаторскую миссию вообще и в частности на миссию освободителя Европы от наполеоновской узурпаторской гегемонии.

Александр Мартин, профессор колледжа литературы и искусств частного католического университета Нотр-Дам американского штата Индиана, в 1997 г. выпустил довольно оригинальную работу «Романтики, реформаторы,

⁵ *Dziewanowski M. K.* Alexander I: Russia's mysterious tsar. N. Y., 1990.

реакционеры: русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I»⁶. Автором при написании семи глав монографии широко использовались российские архивные материалы, а также разнообразные англо- и русскоязычные вторичные источники.

Основной замысел Александра Мартина сводился к постижению степени утверждения и распространения консерватизма времен Александра I в триедином пространстве — политике, культуре и мыслеформах сановных вельмож. За бросающимися в глаза рекламнo-интригующими названиями отдельных глав («Полубоги Твери» и «беседа любителей русского слова», «Война за Отечество»: война народная?», «Мнемонический мир Священного союза»)⁷ скрывается, однако, серьезный научный труд, посвященный интеллектуальной истории России первой четверти XIX в.

С автором можно полемизировать относительно степени «погружения» Александра I в мистицизм под действием собственного психологического настроения, среды обитания, внутривполитических процессов и под давлением на его сознание иноземного нашествия; можно задаваться вопросом о прочности личностно-интеллектуальной связки Александр I — А. С. Стурдза или большей инициативности последнего в формировании идеологии Священного союза.

Александр Мартин, делясь своими рассуждениями, побуждает пристальнее присмотреться к известным, но подаваемым в необычной трактовке событиям. К ним можно отнести: 1) определение степени «испуганного» реагирования российских верхов на угрозу французского революционного эгалитаризма и выработку противоядия в виде укоренения консервативной национальной идентичности; 2) взрыхление интеллектуальной почвы А. С. Шишковым (единым в трех ипостасях — писатель, госдеятель и адмирал), его целенаправленным эксплуатированием «церковнославянской русскости», призванной обеспечить произрастание консерватизма «вширь и вглубь»; 3) феномен «рупора» в исполнении великой княгини Екатерины Павловны, транслирующей идеи Н. М. Карамзина и его идеологических сподвижников. В целом Александру Мартину не откажешь в новаторском восприятии целого ряда исторических событий, в которых прямо или опосредованно виден «след» Александра I, что подвигает если не соглашаться с вводами автора, то уважать его высокопрофессиональное видение изучаемых событий.

Продолжив изучение интеллектуальной истории России XVIII–XIX вв., Александр Мартин в 2013 г. опубликовал монографию «Просвещенный мегаполис: построение имперской Москвы, 1762–1855», в которой уделил достаточно внимания Александру I⁸. Автор рассмотрел русского царя в рамках

⁶ *Martin A.* Romantics, reformers, reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I. DeKalb, 1997.

⁷ *Ibid.* P. 91–168.

⁸ *Martin A.* Enlightened metropolis: Constructing imperial Moscow, 1762–1855. Oxford, 2013. P. 90, 107, 111, 113, 119, 125–126, 145–146, 161, 182–184, 188, 209–210, 212, 214, 226 и др.

парадигмы «монарх и древняя столица». В этом контексте ученый коснулся таких тем, как «сердце России» и Наполеон, управление городом, московская столбовая аристократия, горожане и их петиции, увековечение имени царя в Москве, деятельность Московского университета и целого ряда других. Все эти исторические зарисовки актуализируют наши знания, так как исследуются Александром Мартином в ракурсе, который позволяет выделить именно деловые качества монарха в роли высшего управленца империей и сакральным для россиян городом.

Михаил Клименко, американский ученый, имеющий российские корни, в 2002 г. написал работу «Царь Александр I: портрет самодержца»⁹. Автор в девяти главах книги активно использует стиль исторической иллюстрации событий, реально и «возможно» происходивших в жизни Александра I от его рождения до земного заката. Данное повествование, являясь логическим продолжением публикации «Записки Александра I, императора России»¹⁰, в лучшем случае может послужить пособием для тех, кто заинтересован в освоении англоязычной терминологии, обозначающей исторические события первой четверти XIX в. в России.

Профессора Джанет Хартли, главу департамента международной истории Лондонской школы экономических и политических исследований, по праву можно назвать приверженцем изучения истории России XVII–XIX вв., которой она преимущественно и посвятила свою научную карьеру. В 1994 г., после выхода ее монографии под лаконичным названием «Александр I»¹¹ (переведенной на русский язык) автор обращается к персоне «царя-победителя»¹², фактически освободившего Европу от Наполеона.

Правомерно задаться вопросом, а что является на сегодняшний день актуальным в публикации Джанет Хартли, уже давшей характеристику Александру I как правителю и человеку непростой судьбы. Прежде всего это искусство ненарочитого столкновения мнений историков о личных качествах Александра I, искусство подмечать характерологические черты императорской особы, на которые ранее не обращали внимания. Джанет Хартли умело наводит читателя на одну принципиально важную мысль: Александр I — это царь-тайна, который жил отчасти в фантазийно-надуманном мире. Автор, фрагментарно высвечивая поступки и действия Александра I в его жизненной повседневности, конечно, не доходит до уровня психоэмоциональной реконструкции личности монарха. По большому счету Джанет Хартли такую задачу перед собой и не ставила. Наибольшую практическую ценность представляет то, что автор дает возможность пытливому читателю самостоятельно осознать, что

⁹ *Klimenko M.* Tsar Alexander I: Portrait of an Autocrat. N. J., 2002.

¹⁰ *Klimenko M.* The notes of Alexander I, the Emperor of Russia. N. Y., 1989.

¹¹ *Hartley J.* Alexander I. L.; N. Y., 1994; *Хартли Д. М.* Александр I. Ростов н/Д, 1998.

¹² *Hartley J.* Russia, 1762–1825: Military power, the state, and the people. Westport, 2008. P. 7, 9, 11, 29, 77, 101, 104–105, 128, 130, 174, 184, 200–202, 205, 214–215 и др.

Александр I — не депрессивная личность-маятник, а сильный духом человек. «Монарх-щеголь» не смог бы увеличить территорию России больше, чем его предшественники, и укрепить российское влияние в Европе.

Другой представитель Лондонской школы экономических и политических исследований — профессор Доминик Ливен — в тринадцати главах своего исследования¹³ (введение выделено в первый, а заключение — в пятнадцатый разделы), увидевшего свет в 2010 г., представил необычную трактовку истории противостояния России и наполеоновской Франции. Одно из ключевых слов работы — «подлинная», использованное в ее заглавии («Россия против Наполеона: подлинная история кампаний войны и мира»¹⁴), символизирует и некую претензию на истину в личном понимании автора.

Автор, называя себя «старомодным историком»¹⁵, выбрал, однако, неклассический путь. Научная дерзновенность Доминика Ливена проявилась в том, что он решил исторически реабилитировать Россию, чья военная кампания в разгроме Наполеона недооценена, а то и принижена (складывается такое впечатление) даже монументальным Л. Н. Толстым в своем феноменальном труде «Война и мир»¹⁶.

«Рассерженный» английский исследователь против нетленного писателя — это не только рассчитанный пиар, но в большей степени повод разобраться в «неправдивой», с точки зрения автора, истории. Под неправдивостью подразумевается недооценка западными исследователями «военных усилий» России (в рамках антифранцузской коалиции) в сокрушении Наполеона и традиционное затушевывание русскоязычной историографией роли венценосной особы в «торжестве российского оружия» в угоду антинаполеоновскому движению масс в народной войне.

Автор, вызвав огонь на себя в доказывании свой «истины», оперирует редко использованными материалами, извлеченными из РГВИА, и значительным

¹³ *Lieven D.* Russia against Napoleon: the true story of the campaigns of War and peace. N. Y., 2010.

¹⁴ Специалист отдела истории Центра социальных научно-информационных исследований ИНИОН РАН М. М. Минц сделала реферативный обзор монографии Д. Ливена, значительная часть которого состоит из перевода оригинального текста. См.: *Минц М. М.* [Россия против Наполеона: подлинная история кампаний войны и мира] Реферат // Отечественная война 1812 года в современной историографии: Сборник обзоров и рефератов. М., 2012. С. 15–30.

¹⁵ *Lieven D.* Russia against Napoleon: the true story of the campaigns of War and peace. N. Y., 2010. P. 3.

¹⁶ Свообразным ответом на труд Доминика Ливена явилась монография Джейна Бонаса, в которой последний, не полемизируя со своим английским коллегой, показывает, как два титана (Л. Н. Толстой и Томас Харди) посредством гения слова развенчивают «полководческое искусство» Наполеона. Следовательно, оба национальных литературных символа возвышают боевое умение выходцев из своих стран, посрамивших французов на поле боя. См.: *Bowman J.* War, the hero and the will: Hardy, Tolstoy and the Napoleonic wars. Brighton, Chicago, 2015.

числом источников личного происхождения (частная переписка, мемуары, дневники участников обеих сторон военного противостояния). Написанная Домиником Ливеном книга впечатляет сюжетом и вездливим изучением состояния российской армии: мер по улучшению ее обороноспособности; военно-политической стратификации армейского корпуса; поведения и поступков огромного числа разных по характеру людей, наглядно подтверждающих подлинность единения государя, элиты и народа.

Но одним из важных персонажей в монографии является Александр I. Доминик Ливен правомерно видит Александра I великой и всемирно-исторической личностью своего времени, человеком стойким, щедрым духом, национально терпимым, плюралистическим, обладавшим предвидением возможного хода событий, наделенным недюжинным военно-стратегическим, дипломатическим, государственным умом, не боявшимся в критические моменты брать на себя всю полноту ответственности за судьбу страны¹⁷.

И Джанет Хартли, и Доминик Ливен, не задаваясь вопросом, кем был Александр I («продуктом» Запада, России или симбиозом первого и второго), признают историческую заслугу России в установлении миропорядка в постнаполеоновской Европе, что не совсем характерно для англосаксонской историографии. Мастерство данных авторов проявилось в том, что они продемонстрировали понимание сложно устроенной культурной парадигмы огромной державы первой четверти XIX в. Оба ученых явно не придерживаются бытующей в зарубежном руссеедении концепции принижения роли крепостнической России, «функционировавшей вне европейского ценностно-культурного формата», в восстановлении европейского мира и континентальной безопасности.

Александр Микаберидзе (выходец из Грузии), доцент департамента истории и социальных наук университета штата Луизиана в Шривпорте, наряду с переводами на английский язык мемуаров, дневников и записок участников войны с Наполеоном¹⁸, издал несколько книг, посвященных военным баталиям русской армии с французами. Автор, помимо увековечения памяти доблестных русских офицеров (храбрецов-героев в бою и любителей кутежей в частной жизни)¹⁹, рисует мужественный образ Александра I, который вопреки давлению окружения сделал правильный выбор, талантливо подобрал своих полководцев, освободивших Россию и Европу от «корсиканского чудовища»²⁰.

¹⁷ *Lieven D.* Russia against Napoleon: the true story of the campaigns of War and peace. N. Y., 2010. P. 241.

¹⁸ В частности, А. Микаберидзе перевел на английский язык мемуары генерала А. П. Ермолова. См.: *Ermolov A. P.* The czar's general: the memoirs of a Russian general in the Napoleonic Wars. Welwyn Garden City, 2005.

¹⁹ *Mikaberidze A.* The Russian officer corps in the Revolutionary and Napoleonic Wars: 1792–1815. Staplehurst; N.Y., 2005.

²⁰ *Mikaberidze A.* The Burning of Moscow: Napoleon's trial by fire 1812. Barnsley, 2014. P. 1–2, 4–5, 28–32, 35, 41 и др.

За последние годы в англоязычной историографии было опубликовано немало книг, хронологически охватывающих период 1801–1825 гг. Однако «русский царь», правивший в это сложное время, — лишь эпизодически упоминаемая фигура в канве различных военно-исторических событий²¹. Тем не менее разделы в книгах, небольшие вставки, упоминания, словно разрозненные кусочки, собираемые в одну мозаику, позволяют составить образ Александра I, к которому авторы выказывают неоднозначное отношение как к политику и главе огромной империи.

Личность Александра I и история России его эпохи, открывшей шлюзы для «модернизации Европы», постоянно привлекает внимание англоязычных авторов, публикующихся в журналах. Оперативно реагируя на «историографические новинки», они доносят до заинтересованных читателей свои текущие наработки. В журнальных публикациях, разнообразных по глубине и тематике исследования (вплоть до выковыивания меча для Александра I из метеоритного железа, подтолкнувшего изучение метеоритов²²), рассматривается судьбоносное для России и Европы время 1801–1825 гг. Исследователи используют различные методологические приемы, воссоздают интеллектуальную, социальную, экономическую, мультикультурную, внутри- и внешнеполитическую, дипломатическую и т.д. реконструкцию России 1801–1825 гг. Одним из ключевых звеньев практически всех построений является «разгаданно-таинственный» гранд-царь Европы Александр I²³.

Заданный редакцией сборника объем статьи не позволяет даже бегло проанализировать все заслуживающие внимания англоязычные издания, в кото-

²¹ *Kuehn J.* Napoleonic warfare: the operational art of the great campaigns. Santa Barbara; Praeger, 2015; *Talty S.* The illustrious dead: the terrifying story of how typhus killed Napoleon's greatest army. N.Y., 2009; *Adams M.* Napoleon and Russia. L., N.Y., 2006; *Connelly O.* The wars of the French Revolution and Napoleon, 1792–1815. L.; N. Y., 2006; *Tosi A.* Waiting for Pushkin: Russian fiction in the reign of Alexander I (1801–1825). Amsterdam; N. Y., 2006; *Riasanovsky N.* Russian identities: a historical survey. Oxford; N. Y., 2005; *Zamoyski A.* 1812: Napoleon's fatal march on Moscow. L., 2004; *Chapman T.* Imperial Russia, 1801–1905. L.; N. Y., 2001; *Austin P.* 1812: the march on Moscow. L., 1993; *Riehn R.* 1812: Napoleon's Russian campaign. N. Y., 1990; и др.

²² *Henderson P.* James Sowerby: meteorites and his meteoritic sword made for the Emperor of Russia, Alexander I, in 1814 // Notes and Records of the Royal Society of London. 2013. N 4 (Vol. 67). P. 387–401.

²³ *Cross A.* English — a serious challenge to French in the reign of Alexander I? // The Russian Review. 2015. N 1. (Vol. 74). P. 57–68; *O'Meara P.* Timotheus von Bock: prisoner of Alexander I // The Slavonic and East European Review. 2012. N 1. (Vol. 90). P. 98–123; *Hiroo N.* The Monroe Doctrine and Russia: American views of czar Alexander I and their influence upon early Russian-American relations // Diplomatic history. 2007. N 3. (Vol. 31). P. 439–463; *McCaffray S.* Confronting serfdom in the age of revolution: projects for serf reform in the time of Alexander I // The Russian Review. 2005. N 1. (Vol. 64). P. 1–21; *Delfiner H.* Alexander I, the Holy Alliance and Clemens Metternich: a reappraisal // East European Quarterly. 2003. N 2. (Vol. 37). P. 127–150; *Hartley J.* «It is the festival of the crown and sceptres»: the diplomatic, commercial and domestic significance of the visit of Alexander I to England in 1814 // The Slavonic and East European Review. 1995. N 2. (Vol. 73). P. 246–268; и др.

рых «презентованы» Александр I и Россия его времени. Переходя к обобщающим выводам, важно отметить, что большинство англоязычных авторов для написания работ привлекают значительное число разнообразных опубликованных источников, активно вводят в научный оборот документальные массивы, извлеченные из российских архивов. Однако в зарубежном руссеедении, изучающем Россию 1801–1825 г., наблюдается преимущественное использование пяти групп зарубежных (нерусскоязычных) историографических источников: индивидуальных и коллективных монографий, научных статей, диссертаций, трудов энциклопедического характера и рецензий.

В сложившейся практике отчетливо видно абстрагирование от русскоязычных историографических источников. В данном случае речь не идет о синдроме историографической уязвленности или затаенном научном сожалении по поводу непопадания представителей многогранной российской научной школы в зарубежные индексы цитирования, что, конечно, репутативно и немаловажно. Справедливо спросить самих себя, а насколько мы своевременно используем и полемично реагируем на труды наших зарубежных коллег, пишущих о России 1801–1825 гг. Этот вопрос поднят не случайно. Во многом и от российских исследователей зависит, стоит ли оставаться безучастным или интенсифицировать процесс историографического самообогащения. Иначе так и будет наблюдаться тенденция историографической дивергенции, т.е. не расхождения во мнении, а дистанционного существования двух научных миров, изучающих Россию внутри и извне, но эпизодически контактирующих друг с другом.

Сдерживающим фактором своевременного введения российскими учеными в научный оборот трудов зарубежных коллег, специализирующихся по XIX в., является то, что английский язык *массово* не распространен даже среди молодого поколения отечественных историков, проводящих исследования в глобализованном мире. Замедленное реагирование российских ученых на резонансные труды своих англоязычных коллег невольно породило в их среде научную замкнутость. Прежде всего она проявляется в том, что зарубежные руссееды при рецензировании книг своих коллег в большей степени руководствуются принципом их описательно-комплементарного анализа²⁴ и, как правило, не критикуют, а «журят», используя нейтральные выражения. Выводы традиционно ограничиваются штампами о прорывном характере опубликованного

²⁴ См.: *Kenneth M.J.* [Lieven D. Russia against Napoleon: the true story of the campaigns of War and peace. N.Y., 2010] // Naval War College Review. 2011. N 2. (Vol. 64). P. 155; *Ledonne J.* [Hartley J. Russia, 1762–1825: military power, the state, and the people. Westport, 2008] // The American Historical Review. 2008. N 5. (Vol. 113). P. 1626; *Westwood J.N.* [Taylor B. Politics and the Russian army: civil-military relations, 1689–2000. N. Y., 2003] // The Slavonic and East European Review. 2005. N 1. (Vol. 83). P. 136–138; *Aston M.* [Romantics, reformers, reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I. DeKalb, 1997] // Canadian Slavonic Papers. 1999. N 3/4. (Vol. 41). P. 474–478; *Hartley J.* [Klimenko M. The notes of Alexander I, the Emperor of Russia. N. Y., 1989] // The Slavonic and East European Review. 1993. N 4. (Vol. 71). P. 757–759; и др.

труда и его практической пользе для науки, ученых, студентов и т.д. Утвердившийся среди зарубежных русистов негласный корпоративный этикет взаимной научной поддержки соблюдается незыблемо.

Обозначенный выше вопрос напрямую связан и с другой немаловажной темой — степенью научно-практической значимости и методологической ценности для отечественной историографии трудов англоязычных русистов, изучающих эпоху Александра I. На первый взгляд, наши коллеги не довольствуются базовыми принципами исследования (историзма, историко-системного изучения, целостности, сравнительно-исторического, историко-генетического, проблемно-хронологического и других методов), классифицированными И.Д. Ковальченко²⁵. Никто не оспаривает право научно-методологического выбора. Кажется, давно кануло в лету время конфронтационного историографического соперничества между советскими и западными интеллектуалами. Но всё же тонко транслируется «первенство» и ментальное «преимущество» тех, кто «всегда был свободен» в проведении любого научного исследования и никогда не был инфицирован вирусом марксизма-ленинизма.

При случае под удобный «приговор» — наследники табуированного марксизма-ленинизма — можно подвести историков, помывших определить цивилизационную миссию, выполненную Россией эпохи Александра I по сохранению в Европе гражданского миропорядка и освобождению ее от французского нацтоталитаризма и гегемонизма. За такие умозаключения о европейско-ориентированном прогрессировании России при Александре I, которая допускала «обреченное существование» в рабстве колоссального числа «подневольно-закабаленных подданных», исследователей автоматически можно отнести к «национал-патриотической» школе, «неконкурентной» утвердившемуся в мировой практике междисциплинарному подходу.

Нередко зарубежные русисты буквально начинают свои труды, словно в соревновании, симбиозом методологий социального, экономического, характерологического, гендерного, конфессионального, культурологического и целого ряда других видов анализа. Порой трудно понять, что за этим стоит: демонстрация научно-утонченной виртуозности, элитарность или жесткий прагматизм — прогнозируемая сенсационность. Многое зависит от того, насколько у автора хватает чувства научной меры, чтобы даже эпизодически не рисовать *воображительно-приблизительную* Россию эпохи Александра I, иначе говоря, не впасть в откровенный а la Russe, который бессознательно ставит под сомнение практическую значимость проведенного исследования.

Порой, прорвавшись сквозь «огонь и воду» методологических изысков, в частности, измерения чуть ли не в проекции 3D социального, рационального, иррационального и прочего, применяемых при изучении Александрийской эпохи, обнаруживаешь поразительные по глубине анализа и выводам золотые

²⁵ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003.

историографические россыпи. Но, оставляя без внимания явную околонучную беллетристику, важно брать на вооружение реальные научные достижения англоязычных специалистов по переломному российскому периоду 1801–1825 гг. и активно ими пользоваться, чтобы совместно способствовать развитию общего дела — постижению истины, невзирая на границы, научные школы, используемые методологии и принципы исследования.

References

- Adams M. Napoleon and Russia. L.; N. Y.: Hambledon Continuum, 2006.
- Andreyeva T. V. Aleksandr I // Tri veka Sankt-Peterburga: Entsiklopediya: V 3 t. T. II: Devyatnadtsatyy vek. Kn. 1: A–V. SPb.: Filol. f-t SPbGU, 2003. S. 51–63.
- Andreyeva T. V. Aleksandr I: 1825 god // 14 dekabrya 1825 g. Istochniki. Issledovaniya. Istoriografiya. Bibliografiya. SPb.: Nestor, 1997. Vyp. 1. S. 63–85.
- Andreyeva T. V. Taynyye obshchestva v Rossii v pervoy treti XIX v.: Pravitel'stvennaya politika i obshchestvennoye mneniye. SPb.: Liki Rossii, 2009.
- Aston M. Book Review [Martin A. Romantics, reformers, reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander] // Canadian Slavonic Papers. 1999. N 3/4. (Vol. 41). P. 474–478.
- Austin P. 1812: the march on Moscow. L.: Greenhill Books; Philadelphia: Stackpole Books, 1993.
- Baran'ska A. Fedor Kuz'mich — sibirskaya zhizn' posle smerti imperatora Aleksandra I. Istoriya, legendy // Rossiysko-pol'skiy istoricheskiy al'manakh. Stavropol'–Volgograd: Izd-vo SGU, 2012. Vyp. VI. S. 19–34.
- Bownas J. War, the hero and the will: Hardy, Tolstoy and the Napoleonic wars. Brighton; Chicago, IL: Sussex Academic Press, 2015.
- Chapman T. Imperial Russia, 1801–1905. L.; N.Y.: Routledge, 2001.
- Chernov K. S. Politicheskaya programma Aleksandra I, 1801–1812 gg. // Voprosy istorii. 2015. № 3. S. 28–49.
- Chernov K. S. Zabytaya konstitutsiya «Gosudarstvennaya Ustavnaya Gramota Rossiyskoy Imperii». M.: In-t biznesa i politiki, 2007.
- Connelly O. The wars of the French Revolution and Napoleon, 1792–1815. L.; N. Y.: Routledge, 2006.
- Cross A. English — a serious challenge to French in the reign of Alexander I? // The Russian Review. 2015. N 1. (Vol. 74). P. 57–68.
- Delfiner H. Alexander I, the holy alliance and Clemens Metternich: a reappraisal // East European Quarterly. 2003. N 2. (Vol. 37). P. 127–150.
- Demkin A. V. «Dney Aleksandrovykh prekrasnoye nachalo...». Vnutrennyaya politika Aleksandra I v 1801–1805 gg. M.: Kuchkovo pole, 2012.
- Dzhenkins M. Arakcheyev. Reformator-reaktsioner. M.: Tsentrpoligraf, 2004.
- Dziewanowski M. K. Alexander I: Russia's mysterious tsar. N. Y.: Hippocrene Books, 1990.
- Ermolov A. P. The czar's general: the memoirs of a Russian general in the Napoleonic Wars / Transl. and ed. by A. Mikaberidze. Welwyn Garden City, AL, UK: Ravenhall Books, 2005.
- Hartley J. «It is the festival of the crown and sceptres»: The diplomatic, commercial and domestic significance of the visit of Alexander I to England in 1814 // The Slavonic and East European Review. 1995. N 2. (Vol. 73). P. 246–268.
- Hartley J. Alexander I. L.; N. Y.: Longman, 1994.
- Hartley J. Book Review [Klimenko M. The notes of Alexander I, the Emperor of Russia. N. Y., 1989] // The Slavonic and East European Review. 1993. N 4. (Vol. 71). P. 757–759.
- Hartley J. Russia, 1762–1825: military power, the state, and the people. Westport, Conn.: Praeger, 2008.
- Henderson P. James Sowerby: meteorites and his meteoritic sword made for the Emperor of Russia, Alexander I, in 1814 // Notes and records of the Royal Society of London. 2013. N 4 (Vol. 67). P. 387–401.
- Hiroo N. The Monroe doctrine and Russia: American views of Czar Alexander I and their influence upon early Russian-American relations // Diplomatic history. 2007. N 3. (Vol. 31). P. 439–463.
- Kenneth M. J. Book Review [Lieven D. Russia against Napoleon: the true story of the campaigns of War and peace. N. Y., 2010] // Naval War College Review. 2011. N 2. (Vol. 64). P. 155.
- Khartli D. M. Aleksandr I. Rostov n/D.: Feniks, 1998.
- Klimenko M. The notes of Alexander I, the Emperor of Russia. N. Y.: P. Lang, 1989.
- Klimenko M. Tsar Alexander I: portrait of an autocrat. N. J.: Hermitage Publishers, 2002.

- Korshunova N. V.* «Liberal'naya diktatura» Aleksandra I: Reformy v Rossii v pervoy chetverti XIX veka. M.: MGOU, 2002.
- Korshunova N. V.* Projekty reform v Rossii (vtoraya polovina XVIII — pervaya chetvert' XIX v.). Chelyabinsk: PIRS, 2009.
- Koval'chenko I. D.* Metody istoricheskogo issledovaniya. M.: Nauka, 2003.
- Kuehn J.* Napoleonic warfare: the operational art of the great campaigns. Santa Barbara, California: Praeger, LLC, 2015.
- Ledonne J.* Book Review [*Hartley J.* Russia, 1762–1825: military power, the state, and the people. Westport, 2008] // The American Historical Review. 2008. N 5. (Vol. 113). P. 1626.
- Lieven D.* Russia against Napoleon: the true story of the campaigns of War and peace. N. Y.: Viking, 2010.
- Lyubeznikov O. A., Skrydlov A. Yu.* Taynaya politiya v Rossiyskoy imperii v 1805–1807 gg.: puti reformirovaniya i preobrazovatel'nyye initsiativy // Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal. 2015. № 1. S. 16–30.
- Martin A.* Enlightened metropolis: constructing imperial Moscow, 1762–1855. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Martin A.* Romantics, reformers, reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 1997.
- McCaffray S.* Confronting serfdom in the age of revolution: projects for serf reform in the time of Alexander I // The Russian Review. 2005. N 1. (Vol. 64). P. 1–21.
- Mikaberidze A.* The Burning of Moscow: Napoleon's Trial by Fire 1812. Barnsley: Pen and Sword Military, 2014.
- Mikaberidze A.* The Russian officer corps in the Revolutionary and Napoleonic Wars: 1792–1815. Staplehurst: Spellmount; N. Y.: Savas Beatie, 2005.
- Mints M. M.* Referat [Rossiya protiv Napoleona: podlinnaya istoriya kampaniy voyny i mira] // Otechestvennaya voyna 1812 goda v sovremennoy istoriografii: Sbornik obzorov i referatov / Otv. red. O. V. Bol'shakova. M.: INION RAN, 2012. S. 15–30.
- O'Meara P.* Timotheus von Bock: prisoner of Alexander I // The Slavonic and East European Review. 2012. N 1. (Vol. 90). P. 98–123.
- Orlik O. V.* Gosudarstvennyye lyudi Rossii pervoy poloviny XIX veka: Puti i sud'by. M.: Izd. In-ta rossiyskoy istorii RAN, 2000.
- Paleologue M.* The enigmatic czar: the life of Alexander I of Russia. Whitefish, Mont.: Kessinger Pub., 2013.
- Pisar'kova L. F.* Gosudarstvennoye upravleniye Rossii v pervoy chetverti XIX v.: zamysly, projekty, voploshcheniye. M.: Novyy khronograf, 2012.
- Rey M. P.* Aleksandr I. M.: ROSSPEN, 2013.
- Rey M. P.* Strashnaya tragediya. Novyy vzglyad na 1812 god. M.: ROSSPEN, 2015.
- Rey Mar.-P.* Alexander I: the tsar who defeated Napoleon. DeKalb, IL: NIU Press, 2012.
- Riasanovsky N.* Russian identities: a historical survey. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2005.
- Riehn R.* 1812: Napoleon's Russian campaign. N. Y.: McGraw-Hill, 1990.
- Ruzhitskaya I. V.* Prosveshchennaya byurokратиya (1800–1860-e gg.). M.: Izd. In-ta rossiyskoy istorii RAN, 2009.
- Sakharov A. N.* Aleksandr I. M.: Nauka, 1998.
- Shepelev L. Ye.* Apparat vlasti v Rossii: Epokha Aleksandra I i Nikolaya I. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2007.
- Shul'gin V. N.* Russkiy svobodnyy konservativizm pervoy poloviny XIX veka. SPb.: Nestor, 2009.
- Talty S.* The illustrious dead: the terrifying story of how typhus killed Napoleon's greatest army. N. Y.: Crown Publishers, 2009.
- Taylor B.* Politics and the Russian army: civil-military relations, 1689–2000. N. Y.: Cambridge University Press, 2003.
- Tosi A.* Waiting for Pushkin: Russian fiction in the reign of Alexander I (1801–1825). Amsterdam; N. Y.: Rodopi, 2006.
- Troitskiy N. A.* Aleksandr I i Napoleon. M.: Vysshaya shkola, 1994.
- Troubetzkoy A.* Imperial legend: the mysterious disappearance of Tzar Alexander I. N. Y.: Arcade Pub.: Distributed by AOL Time Warner Book Group, 2002.
- Truayya A.* Aleksandr I, ili Severnyy sfinks. M.: Molodaya gvardiya, 1997.
- Truayya A.* Aleksandr I. M.: Eksmo, 2008.
- Trubetskoy A.* Aleksandr I. M.: Eksmo, 2003.

- Tsamutali A. N.* Nachalo krizisa imperii. Samoderzhaviye Aleksandra I i Nikolaya I. Gl. 2: Projekty reform posle voyny 1812–1813 gg. // Vlast' i reformy: Ot samoderzhavnoy k sovetskoy Rossii. SPb.: Dmitriy Bulanin, 1996. S. 231–251.
- Valishevskiy K.* Aleksandr I. Istoriya tsarstvovaniya. T. 1: Russkaya Bastiliya i gryadushchaya revolyutsiya 1801–1812. SPb.: Vita Nova, 2011; T. 2: Otechestvennaya voyna i naslediyе Napoleona, 1812–1816. SPb.: Vita Nova, 2011; T. 3: Neudachi tsarstvovaniya i pervyy natisk revolyutsii, 1818–1825. SPb.: Vita Nova, 2011.
- Vallotton A.* Aleksandr I. M.: Progress, [1991].
- Vyskochkov L. V.* «Arakcheyevskoye desyatilietiye»: Vnutrennyaya i vneshnyaya politika Rossii v 1815–1825 gg. SPb.: b.i., 2011.
- Vyskochkov L. V.* «Dney Aleksandrovykh prekrasnoye nachalo...»: Vnutrennyaya i vneshnyaya politika Aleksandra I (1801–1811). SPb.: Izd-vo SPbGU, 2006.
- Westwood J. N.* Book Review [*Taylor B.* Politics and the Russian army: civil-military relations, 1689–2000. N. Y., 2003] // The Slavonic and East European Review. 2005. N 1. (Vol. 83). P. 136–138.
- Zamoyski A.* 1812: Napoleon's fatal march on Moscow. L.: HarperCollins, 2004.
- Zhukovskaya T. N.* Pravitel'stvo i obshchestvo pri Aleksandre I. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavodsk. gos. un-ta, 2002.

Список литературы

- Андреева Т. В.* Александр I // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. Т. II: Девятнадцатый век. Кн. 1: А–В. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2003. С. 51–63.
- Андреева Т. В.* Александр I: 1825 год // 14 декабря 1825 г. Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб.: Нестор, 1997. Вып. 1. С. 63–85.
- Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009.
- Бараньска А.* Федор Кузьмич — сибирская жизнь после смерти императора Александра I. История, легенды // Российско-польский исторический альманах. Ставрополь–Волгоград: Изд-во СГУ, 2012. Вып. VI. С. 19–34.
- Валишевский К.* Александр I. История царствования. Т. 1: Русская Бастилия и грядущая революция 1801–1812. СПб.: Вита Нова, 2011; Т. 2: Отечественная война и наследие Napoleona, 1812–1816. СПб.: Вита Нова, 2011; Т. 3: Неудачи царствования и первый натиск революции, 1818–1825. СПб.: Вита Нова, 2011.
- Валлоттон А.* Александр I. М.: Прогресс, [1991].
- Высочков Л. В.* «Аракчеевское десятилетие»: Внутренняя и внешняя политика России в 1815–1825 гг. СПб.: б.н., 2011.
- Высочков Л. В.* «Дней Александровых прекрасное начало...»: Внутренняя и внешняя политика Александра I (1801–1811). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
- Демкин А. В.* «Дней Александровых прекрасное начало...». Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг. М.: Кучково поле, 2012.
- Дженкинс М.* Аракчев. Реформатор-реакционер. М.: Центрполиграф, 2004.
- Жуковская Т. Н.* Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. гос. ун-та, 2002.
- Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003.
- Коршунова Н. В.* «Либеральная диктатура» Александра I: Реформы в России в первой четверти XIX века. М.: МГОУ, 2002.
- Коршунова Н. В.* Проекты реформ в России (вторая половина XVIII — первая четверть XIX в.). Челябинск: ПИРС, 2009.
- Любезников О. А., Скрьдлов А. Ю.* Тайная полиция в Российской империи в 1805–1807 гг.: пути реформирования и преобразовательные инициативы // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 16–30.
- Милиц М. М.* Реферат [Россия против Napoleona: подлинная история кампаний войны и мира] // Отечественная война 1812 года в современной историографии: Сборник обзоров и рефератов / Оtv. ред. О. В. Большакова. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 15–30.
- Орлик О. В.* Государственные люди России первой половины XIX века: Пути и судьбы. М.: Изд. Ин-та российской истории РАН, 2000.
- Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012.

- Ружицкая И. В.* Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.). М.: Изд. Ин-та российской истории РАН, 2009.
- Рэй М. П.* Александр I. М.: РОССПЭН, 2013.
- Рэй М. П.* Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год. М.: РОССПЭН, 2015.
- Сахаров А. Н.* Александр I. М.: Наука, 1998.
- Троицкий Н. А.* Александр I и Наполеон. М.: Высшая школа, 1994.
- Труайя А.* Александр I, или Северный сфинкс. М.: Молодая гвардия, 1997.
- Труайя А.* Александр I. М.: Эксмо, 2008.
- Трубецкой А.* Александр I. М.: Эксмо, 2003.
- Хартли Д. М.* Александр I. Ростов н/Д.: Феникс, 1998.
- Цамутали А. Н.* Начало кризиса империи. Самодержавие Александра I и Николая I. Гл. 2: Проекты реформ после войны 1812–1813 гг. // Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 231–251.
- Чернов К. С.* Забытая конституция «Государственная Уставная Грамота Российской Империи». М.: Ин-т бизнеса и политики, 2007.
- Чернов К. С.* Политическая программа Александра I, 1801–1812 гг. // Вопросы истории. 2015. № 3. С. 28–49.
- Шепелев Л. Е.* Аппарат власти в России: Эпоха Александра I и Николая I. СПб.: Искусство-СПб, 2007.
- Шульгин В. Н.* Русский свободный консерватизм первой половины XIX века. СПб.: Нестор, 2009.
- Adams M.* Napoleon and Russia. L.; N. Y.: Hambledon Continuum, 2006.
- Aston M.* Book Review [Martin A. Romantics, reformers, reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander] // Canadian Slavonic Papers. 1999. N 3/4. (Vol. 41). P. 474–478.
- Austin P.* 1812: the march on Moscow. L.: Greenhill Books; Philadelphia: Stackpole Books, 1993.
- Bownas J.* War, the hero and the will: Hardy, Tolstoy and the Napoleonic wars. Brighton; Chicago, IL: Sussex Academic Press, 2015.
- Chapman T.* Imperial Russia, 1801–1905. L.; N. Y.: Routledge, 2001.
- Connelly O.* The wars of the French Revolution and Napoleon, 1792–1815. L.; N. Y.: Routledge, 2006.
- Cross A.* English — a serious challenge to French in the reign of Alexander I? // The Russian Review. 2015. N 1. (Vol. 74). P. 57–68.
- Delfiner H.* Alexander I, the holy alliance and Clemens Metternich: a reappraisal // East European Quarterly. 2003. N 2. (Vol. 37). P. 127–150.
- Dziekanowski M. K.* Alexander I: Russia's mysterious tsar. N. Y.: Hippocrene Books, 1990.
- Ermolov A. P.* The czar's general: the memoirs of a Russian general in the Napoleonic Wars / Transl. and ed. by A. Mikaberidze. Welwyn Garden City, AL, UK: Ravenhall Books, 2005.
- Hartley J.* «It is the festival of the crown and sceptres»: The diplomatic, commercial and domestic significance of the visit of Alexander I to England in 1814 // The Slavonic and East European Review. 1995. N 2. (Vol. 73). P. 246–268.
- Hartley J.* Alexander I. L.; N. Y.: Longman, 1994.
- Hartley J.* Book Review [Klimenko M. The notes of Alexander I, the Emperor of Russia. N. Y., 1989] // The Slavonic and East European Review. 1993. N 4. (Vol. 71). P. 757–759.
- Hartley J.* Russia, 1762–1825: military power, the state, and the people. Westport, Conn.: Praeger, 2008.
- Henderson P.* James Sowerby: meteorites and his meteoritic sword made for the Emperor of Russia, Alexander I, in 1814 // Notes and records of the Royal Society of London. 2013. N 4 (Vol. 67). P. 387–401.
- Hiroo N.* The Monroe doctrine and Russia: American views of Czar Alexander I and their influence upon early Russian-American relations // Diplomatic history. 2007. N 3. (Vol. 31). P. 439–463.
- Kenneth M. J.* Book Review [Lieven D. Russia against Napoleon: the true story of the campaigns of War and peace. N. Y., 2010] // Naval War College Review. 2011. N 2. (Vol. 64). P. 155.
- Klimenko M.* The notes of Alexander I, the Emperor of Russia. N. Y.: P. Lang, 1989.
- Klimenko M.* Tsar Alexander I: portrait of an autocrat. N. J.: Hermitage Publishers, 2002.
- Kuehn J.* Napoleonic warfare: the operational art of the great campaigns. Santa Barbara, California: Praeger, LLC, 2015.
- Ledonne J.* Book Review [Hartley J. Russia, 1762–1825: military power, the state, and the people. Westport, 2008] // The American Historical Review. 2008. N 5. (Vol. 113). P. 1626.
- Lieven D.* Russia against Napoleon: the true story of the campaigns of War and peace. N. Y.: Viking, 2010.

- Martin A.* Enlightened metropolis: constructing imperial Moscow, 1762–1855. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Martin A.* Romantics, reformers, reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 1997.
- McCaffray S.* Confronting serfdom in the age of revolution: projects for serf reform in the time of Alexander I // The Russian Review. 2005. N 1. (Vol. 64). P. 1–21.
- Mikaberidze A.* The Burning of Moscow: Napoleon's Trial by Fire 1812. Barnsley: Pen and Sword Military, 2014.
- Mikaberidze A.* The Russian officer corps in the Revolutionary and Napoleonic Wars: 1792–1815. Staplehurst: Spellmount; N. Y.: Savas Beatie, 2005.
- O'Meara P.* Timotheus von Bock: prisoner of Alexander I // The Slavonic and East European Review. 2012. N 1. (Vol. 90). P. 98–123.
- Paleologue M.* The enigmatic czar: the life of Alexander I of Russia. Whitefish, Mont.: Kessinger Pub., 2013.
- Rey Mar.-P.* Alexander I: the tsar who defeated Napoleon. DeKalb, IL: NIU Press, 2012.
- Riasanovsky N.* Russian identities: a historical survey. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2005.
- Riehn R.* 1812: Napoleon's Russian campaign. N. Y.: McGraw-Hill, 1990.
- Talty S.* The illustrious dead: the terrifying story of how typhus killed Napoleon's greatest army. N. Y.: Crown Publishers, 2009.
- Taylor B.* Politics and the Russian army: civil-military relations, 1689–2000. N. Y.: Cambridge University Press, 2003.
- Tosi A.* Waiting for Pushkin: Russian fiction in the reign of Alexander I (1801–1825). Amsterdam; N. Y.: Rodopi, 2006.
- Troubetzkoy A.* Imperial legend: the mysterious disappearance of Tzar Alexander I. N. Y.: Arcade Pub.: Distributed by AOL Time Warner Book Group, 2002.
- Westwood J. N.* Book Review [Taylor B. Politics and the Russian army: civil-military relations, 1689–2000. N. Y., 2003] // The Slavonic and East European Review. 2005. N 1. (Vol. 83). P. 136–138.
- Zamoyski A.* 1812: Napoleon's fatal march on Moscow. L.: HarperCollins, 2004.

Б. Б. Дубенцов

«Неудавшийся юбиляр»: Десятилетие манифеста 17 октября 1905 г. в освещении русской печати

Одним из важнейших событий в политической истории России начала XX в. было издание манифеста 17 октября 1905 г., декларировавшего переход от абсолютизма к конституционной монархии. Сторонники реформистского пути развития страны, которых принято называть «либералами» и «либеральной оппозицией», в противоположность революционерам, горячо приветствовали манифест и придавали ему судьбоносное значение. После окончания Первой российской революции умеренно прогрессивная пресса, следуя традиции отмечать политически значимые даты, год за годом упоминала о 17 октября¹. В 1915 г. наступало десятилетие манифеста, а значит, и его первый юбилей².

¹ Проявление внимания реформистских кругов и выражавшей их мнения прессы к годовщинам 17 октября в период между 1907 и 1915 гг. служило, как можно полагать, одним из тактических приемов, использовавшихся с целью напомнить власти и обществу о необходимости следовать курсом реформ, и могло бы стать предметом специального исследования. В канун шестой годовщины манифеста С. Ю. Витте напечатал в газете «Речь» письмо, в котором заявлял, что «сохранился лишь труп 17-го октября». Письмо «усиленно» комментировалось печатью (см. Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред., автор предисл. В. В. Шелохаев; сост. и автор коммент. и предисл. К. А. Соловьев. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 166–167; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 349–352; *Сагинадзе Э. О.* Образы отставного сановника: С. Ю. Витте и общественное мнение: 1906–1915 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. С. 105–114).

² На издание «номера «Юридического вестника», посвященного десятилетию манифеста», и на одну из помещенных в нем статей указал в своем разделе коллективного труда

К середине октября 1915 г. социально-политическая обстановка в стране определялась, с одной стороны, тем, что попытки умеренно-прогрессивной общественности на фоне военных поражений добиться от царизма создания правительства, готового сотрудничать с ней, окончились полной неудачей. Последовавший еще 3 сентября роспуск Государственной Думы означал, что «кризис кончился. Он разрешился в пользу правых... Еще одна возможность для сделки между русской буржуазией и царем была упущена»³. С другой стороны, на сентябрьском съезде Всероссийского союза городов в речах его председателя М. В. Челнокова и других ораторов было заявлено о невозможности для союза оставаться «далеко от политической деятельности» и указано на обусловленность проведения насущных реформ требованиями войны⁴. Готовые поддерживать правительство общественные силы, включая консервативную буржуазию и поместное дворянство, объединившиеся в Прогрессивный блок, оказались в оппозиции к предпринятому Николаем II повороту вправо, открыто признав «неспособность царизма справиться с его важнейшими функциями»⁵ и считая необходимым добиваться смягчения курса. Но как это сделать, оставалось неясным. Возникали планы выдвинуть «в качестве главного орудия борьбы» прессу. «Уныние всё больше охватывало деятелей либеральной оппозиции»⁶. Сентябрьская волна стачечного движения, нараставшего с августа 1915 г.⁷, в октябре–ноябре сменилась сокращением общего количества стачек и числа забастовщиков, хотя «полицейские документы назвали настроение петроградских рабочих в тот период “повышенным”»⁸. Вместе с тем мнение о том, что поворот правящих верхов вправо приблизит революцию, было широко распространено в буржуазно-интеллигентских кругах⁹.

«Власть и реформы» член-корреспондент РАН Р. Ш. Ганелин (см. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибри, 2006. С. 460). Данная статья предназначена дать обзор мнений о юбилее манифеста, опубликованных на страницах ведущих органов российской прессы в 1915 г.

³ *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л.: Наука, 1977. С. 175.

⁴ Известия Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам. 1915. № 19. 15 ноября. С. 8–9, 26.

⁵ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л.: Наука, 1984. С. 575 (далее — Кризис самодержавия).

⁶ *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие. С. 182–183.

⁷ См. Кризис самодержавия. С. 550–551, 573.

⁸ *Лаврин В. А.* Возникновение революционной ситуации в России в годы Первой мировой войны. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 206.

⁹ На съезде городского союза М. В. Челноков говорил: «Только глухой не слышит, и только слепой не видит того, что происходит теперь. Мы все чувствуем и знаем, что положение России с каждым днем становится напряженнее, что если не будут исправлены ошибки, если не будут приняты немедленно меры, то наша родина может стать на край гибели». См. Известия Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам. 1915. № 19. 15 ноября. С. 9. Еще более определенно высказался в частной беседе А. И. Гучков: «...Россию даже после победоносной войны ожидает революция». Цит. по: *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие. С. 183–184.

Как можно полагать, периодические издания, издававшиеся революционными партиями как в России, так и за границей¹⁰, предпочли в большинстве своем обойти молчанием десятилетнюю годовщину манифеста 17 октября. Для выходящих в России газет и журналов далеко не последней причиной молчания могли быть опасения цензурных преследований¹¹. Исключением стала самарская газета «Наш голос», «претендовавшая на роль общероссийского меньшевистского органа»¹². В ней 17 октября была помещена передовая статья А. Гриневича (К. С. Шехтера)¹³ «Неразрешенная задача». Судьбу основных положений манифеста автор обрисовывал в самых мрачных тонах: «Обещанное было разъяснено и фактически сведено на нет». После начала мировой войны «на деле были отменены последние остатки народных свобод и народных прав». Но, подчеркивал А. Гриневич, война показала, как и в 1905 г., что «неограниченная бюрократия неспособна не только создать терпимые порядки внутри страны, но и обеспечить ее внешнюю безопасность». Снова встал вопрос о власти, о ее переходе «в руки передовых слоев общества». Поняв это, «буржуазия организовалась», тогда как рабочий класс «еще ничего не сделал для своего сплочения и выступления на арену общественной борьбы в качестве организованной силы». От этого «зависит осуществление тех целей, которые жизнь выдвигала десять лет назад и которые более настоятельно выдвигаются в десятую годовщину манифеста 17-го октября»¹⁴.

Через день газета вернулась к той же теме, поместив еще одну передовую статью под заглавием «Прежде и теперь (1905–1915 гг.)». Ее автор, В. Левицкий (В. О. Цедербаум)¹⁵, объяснял неудачу попыток разрешить «задачу политического раскрепощения страны» тем, что в 1905 г. у буржуазии, к которой только и должна была перейти власть, еще не выработалось «достаточно организованных сил, могущих встать у кормила правления». Не обнаружив их в себе, буржуазия «повернулась спиной к пролетариату» и перешла в пра-

¹⁰ По мнению С. В. Тютюкина, Г. В. Плеханов «к 10-летию царского манифеста 17 октября 1905 г. <...> приурочил публикацию статьи “Две линии революции” в эсеро-меньшевистском журнале «Призыв», выходящем в Париже. См.: Непролетарские партии в России: Уроки истории / Отв. ред. Л. М. Спирин. М.: Мысль, 1984. С. 191. Но в самой статье ни о манифесте, ни о его юбилее нет ни слова.

¹¹ В декабре 1915 г. редакция большевистского журнала «Вопросы страхования» отмечала: «Последовательному демократическому органу, каким является наш журнал, приходится поневоле обходить молчанием самое важное, об остальном говорить урывками, инсказаниями» (см. Вопросы страхования. 1915. № 11. 23 декабря. С. 2. От редакции).

¹² Непролетарские партии в России: Уроки истории / Отв. ред. Л. М. Спирин. М.: Мысль, 1984. С. 197.

¹³ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. / Подг. Ю. Ф. Масанов; ред. Б. П. Козьмин. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты; Т. I, 1956; Т. II, 1957; Т. III, 1958; Т. IV, 1960. Т. I. С. 305 (далее — Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов).

¹⁴ Гриневич А. Неразрешенная задача // Наш голос [Самара]. 1915. 17 октября.

¹⁵ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. Т. II. С. 114.

вительственный лагерь, готовая «склонить выю перед правительством бюрократическим». Удалось добиться установления «немногочисленных зачатков конституции» — появились «худое народное представительство», ограниченные свободы. Но и этого, подчеркивал автор, оказалось достаточно для улучшения организации русской демократии. Общественную ситуацию 1915 г. В. Левицкий характеризовал как полностью противоположную той, что была в 1905 г. По его мнению, «увеличение роли и значения буржуазии в... движении» дает «большие надежды» на его положительный результат. Пролетариат в разворачивающейся борьбе не выступит гегемоном, но он способен оказать «очень большое влияние на ход событий»; передовые слои русского пролетариата усвоили, что он «не должен забывать о необходимости поддерживать всякое движение, исходящее от буржуазии и направленное против их общего врага»¹⁶.

Издания общедемократического направления, допускавшие критику в адрес «умеренной оппозиции», тоже отказались от публикации статей, посвященных юбилею. Полностью его проигнорировал «Еженедельный журнал». Журнал «Русские записки», продолжатель «Русского богатства», ограничился упоминанием манифеста в ноябрьской книжке, в статье А. Борисова, посвященной сопоставлению программной статьи, опубликованной в газете «Утро России», с содержанием манифеста. Вывод состоял в том, что программа партии прогрессистов скромнее манифеста: «В общем счете авторы декларации прикарманили чуть ли не весь манифест и заменили его более или менее двусмысленными словами»¹⁷. «Современный мир», журнал, близкий меньшевикам-оборонцам¹⁸, вместо статей на юбилейную тему поместил сатирическое стихотворение Демьяна Бедного, героем которого представал бюрократ-куплетист, признававший необходимость реформ, но предлагавший под разными предлогами «погодить». Завершалось стихотворение следующими строчками:

Куплетист (пусть он с талантом)
Нас избитым «вариантом»
В изумленье не поверг.
Знаем: если ждать упорно,
И упорно, и покорно,
То получим всё, бесспорно...
«После дождичка в четверг»¹⁹.

¹⁶ Левицкий В. Прежде и теперь (1905–1915 гг.) // Наш голос [Самара]. 1915. 20 октября.

¹⁷ Борисов А. Вопросы тыла // Русские записки. 1915. № 11. С. 245 (вторая пагинация).

¹⁸ Махонина С. Я. Русская легальная журналистика XX в. (1905 — февраль 1917) (опыт системного исследования) // Из истории русской журналистики начала XX века / Под ред. Б. И. Есина. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 20.

¹⁹ Бедный Д. Куплетисты // Современный мир. 1915. № 10. С. 209 (вторая пагинация).

Еженедельник «Русская будущность», начавший выходить с 21 августа 1915 г., еще в редакционной статье первого своего номера напомнил о манифесте: «Кровавая японская война привела к 17-му октября 1905 г., причем, однако, обещанные свободы далеко не были осуществлены. Было создано одно только народное представительство». Вслед за этим выражалась вера в то, что «теперь за свои миллионные жертвы кровью русский народ возьмет заслуженное им право свободно жить»²⁰. Через два месяца юбилею манифеста была уже посвящена вся редакционная статья. Она открывалась восторженной оценкой акта 17 октября и порожденных им ожиданий: «Перевал был пройден, великие принципы нового, свободного строя провозглашены всенародно, удовлетворены многолетние чаяния лучших русских людей — и впереди занималась яркая заря светлого будущего...» Отмечая сходство обстоятельств, разделенных прошедшим десятилетием, еженедельник с разочарованием описывал проведение юбилея, которое после отказа Прогрессивного блока «от публичных выступлений» свелось к панихиде по С. Ю. Витте, собравшей его немногих родственников и друзей, и к банкету в клубе общественных деятелей, который прошел «без малейшего подъема, без светлых штрихов, без яркого настроения». «Участники банкета разошлись, унося в душе чувство как бы конфуза или даже обиды за неудавшегося юбилея». Преобладание такого настроения порождалось не только тем, «что когда-то провозглашенные лозунги и принципы повисли в воздухе и отнюдь не были претворены в дело», его должны были вызвать еще и «такие прелести общественно-политической жизни, о которых раньше и помина не было»²¹. Но не было разбужено «чувство естественного негодования, <...> был конфуз». Его происхождение объяснялось расколом общества, проявившего равнодушное отношение к разгону I и II Государственных Дум, к изданию акта 3 июня 1907 г. «А следствием этого акта явился однобокий, уродливый состав третьедумских депутатов, который целые пять лет всячески старался доказать свою готовность ко всяким компромиссам, <...> который пугался при случайном упоминании о манифесте и его принципах». Обществу предъявлялось обвинение в том, что ему «до полной зрелости <...> еще далеко», Думе ставились в укор «обывательское молчание до посыпавшихся на нас <...> ударов на фронте» и отказ поддержать «формулу прогрессистов об ответственном министерстве», которая, по мнению еженедельника, «диктовалась уже населением страны». Всё это и выставлялось причинами «конфуза в юбилейный день»²².

В том же номере «Русской будущности» вслед за редакционной статьей шла статья под заглавием «Юбилей манифеста 17 октября 1905 года». Ее автор (предположительно Т. В. Поздняков), скрывшийся под псевдонимом «Оптимист»²³, задавался вопросом: «Что же дал нам, в конце концов, манифест

²⁰ Русская будущность. 1915. № 1. 21 августа. С. 3.

²¹ О том же говорилось и в стихотворении Д. Бедного: «Было плохо, стало хуже».

²² Русская будущность. 1915. № 10. 23 октября. С. 1–3.

²³ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. Т. II. С. 299.

17 октября, десятилетний юбилей которого послужил поводом к переоценке существующего политического положения?» Признавая, что «дал он нам неизмеримо меньше, чем мог и должен был дать», «Оптимист» возлагал за это вину единственно на «правящую бюрократию». Именно ею сохраняется деление на «мы» и «они», «по-прежнему малейшая попытка народного представительства оказать практическое воздействие на наше внутреннее неустройство оценивается как стремление к «захвату власти»». Между тем Дума «ярко подтвердила своей высокопатриотической деятельностью, что «захват власти» отнюдь не составляет ее идеала». По убеждению «Оптимиста», «десятилетний юбилей манифеста 17 октября должен пробудить <...> твердую веру в грядущее, непременно лучшее будущее», поскольку «сила и значение общества постепенно растут. <...> Мы идем вперед, и этим всё сказано»²⁴.

В номере газеты «Петроградский курьер» за 17 октября вся третья полоса была отведена под материалы, посвященные юбилею манифеста. Этот юбилей в редакционной статье был назван «юбилеем раскрепощения Русского государства и общества», который, однако, не смог «вызвать огромный гражданский энтузиазм». «Правительство делает вид, что 17 октября ничего не случилось»; земства и городские думы не проводили чрезвычайных сессий; политические партии не могли «создать граждан в общественные собрания, даже если бы и пожелали», юбилей встречали «в отсутствие народного представительства». (Попутно газета не преминула отметить, что Государственная Дума 3 июня «не есть народное представительство».) «Спустя десять лет после октябрьского манифеста, — констатировал «Петроградский курьер», — правительство и страна представляют собою два старых лагеря», причем один из них — правительство, «отходит» от другого, а именно от Государственной Думы, «от мнений страны». «Но десять лет не прошли даром» — существует Государственная Дума как центр общественного мнения, удалось подойти «вплотную <...> к тем самым «незыблемым началам» гражданской свободы, которые десять лет тому назад прозвучали как декларация». По заключению газеты, «рост политического сознания народа наглядно виден из того, что <...> нация поставила ребром вопрос о власти, облеченной доверием страны». Вторая редакционная статья в «Петроградском курьере» называлась «Десятилетие свободы слова» и была посвящена положению печати «в конституционную эпоху». Указывая на узость тех границ, в которые правительство втиснуло прессу, газета вместе с тем признавала и наличие завоеваний в этой сфере, относительно которых заявлялось: «Мы исполнены сознания, что добытое нами не отнять уже никому и никогда без риска полного паралича государственности». Статья, озаглавленная «На заре свободы» и подписанная «Ник. Н-въ», содержала описание событий, приведших к изданию манифеста, и завершалась горьким признанием: «17 октября 1915 года мы стоим всё перед теми же вопросами», что и десять лет назад. Но за эти «всеми каких-то десять лет» «как далеко ушла вперед, шагнула в смысле

²⁴ Русская будущность. 1915. № 10. 23 октября. С. 3–4.

политического самосознания Россия!» — восклицал автор. Статья «Старого журналиста», четвертая в «Петроградском курьере», была искромсана цензурой до полной потери связности и содержательности²⁵.

18 октября «Петроградский курьер» опубликовал отчет о банкете в клубе общественных деятелей, кратко изложив содержание прозвучавших там речей и упомянув о разгоревшемся споре между депутатом Думы М. А. Карауловым и членом Государственного совета В. И. Гурко. Караулов заявил, что «акт 17-го октября совершенно не проводился в жизнь», а его оппонент обвинил в этом общество, которое «в лице кружковщины и партий немало препятствовало» его осуществлению²⁶. 20 октября газета снова обратилась к теме манифеста. На этот раз редакционная статья «Десятилетие “манифеста 17-го октября”» вышла с цензурными изъятиями, которые не могли смягчить ее категорический тон. Демонстративно в заглавии статьи и в ее тексте слова «манифест 17-го октября» ставились в кавычки, в чём можно видеть недвусмысленный намек на его условность. Да и впрямую говорилось, что положения манифеста остались неосуществленными. Поэтому, иронизировала газета, «юбилар чувствует себя чем-то фантазмагорическим». Но «фантазмагория претворяется в реальность» — народ сплотился, в подтверждение чего указывалось на резолюции московских съездов и образование Прогрессивного блока. Из этих событий проистекал оптимистический вывод: «Мы ближе к его (манифеста. — Б.Д.) действительному осуществлению, а эта уверенность смягчает тревогу и позволяет без страха и сомнений смотреть вперед!»²⁷ И только 21 октября «Петроградский курьер» подвел черту юбилейной тематике, поместив статью члена Государственной Думы И. Титова «Неизменная задача». Такой задачей автор называл осуществление царской резолюции «Принять к руководству», положенной на всеподданнейшем докладе С. Ю. Витте, которым сопровождалось издание манифеста. По уверению автора, десятилетняя борьба за исполнение резолюции была «не напрасна», Дума как никогда популярна. Правительственному требованию «Сначала война, потом организация страны и власти» она ответила: «Победа путем устроения жизни»²⁸.

Юбилейные материалы в газете «День»²⁹ размещались, начиная с третьей полосы. Они открывались корреспонденциями, в которых сообщалось об отказе Прогрессивного блока отметить годовщину 17 октября ввиду «несвоевременности» и о сходном решении петроградских рабочих: «...празднование десятилетия свобод отложить на неопределенное время». Вслед за корреспон-

²⁵ Петроградский курьер. 1915. 17 октября.

²⁶ Там же. 18 октября.

²⁷ Там же. 20 октября.

²⁸ Там же. 21 октября.

²⁹ Существует мнение, что газета «День» издавалась на деньги банков. См. Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917). Справочник / Авт.-сост. М. С. Черепанов, Е. М. Фингерит. М.: Госполитиздат, 1957. С. 194.

денциями шел фельетон Номо novus'a (А. Р. Кугеля) «Обыватель, бюрократия и черт». В нём предлагалось согласиться с девизом «факты исчезают, а иллюзии остаются» — «Иллюзии остаются и мерцают через десять лет, как погребальная свечка». Носителем иллюзий выставлялся обыватель, признававшийся жене: «Все факты я прожил. Прожил неприкосновенность личности, прожил свободу союзов, печати и совести... Спустил, промотал... В какой-нибудь месяц, можно сказать. Но иллюзии остаются». И под их воздействием обыватель видит сон: «...в 2015 году он пришел в банкирскую контору и открыто, при всем честном народе, променял пожелтевший и изорванный купон конституционных иллюзий на факт действительности».

Четвертая и пятая полосы были полностью отведены под материалы, связанные с манифестом. Основную их часть составляли отрывки воспоминаний лиц, участвовавших в обсуждениях проектов манифеста и учреждения Государственной Думы, и свидетелей тогдашних событий. В этих публикациях звучали нотки оптимизма по поводу возвышения роли Государственной Думы. Полностью воспроизводились тексты манифеста и всеподданнейшего доклада С. Ю. Витте. Затем под рубрикой «17 октября 1905 г. — 17 октября 1915 г.» шла серия статей о манифесте. Редакционная статья, озаглавленная «Итоги», констатировала отсутствие изменений за прошедшие годы. Мир преобразался, «только у нас, как в царстве теней, нет перемен, старое не стареет, молодое не растет». Риторически вопрошая: «Разве не стоим мы на том же месте, что и десять, и двенадцать лет назад до 17-го октября?», газета указывала на главную переменную в политической жизни — существование «народного представительства», тут же оговариваясь: «Оно тонет в пучинах старых навыков и устарелых притязаний». Но вместе с тем отмечалось, что «дети наши окружены иной, ранее небывалой атмосферой... Да и сами мы изменились, изменились все критерии и масштабы. Поэтому именно велико наше нетерпение. Родилось на Руси гражданство, и оно крепнет». Исходя из этого, «День» предрекал: «Скоро сила, которая десять лет тому назад подготовила и сделала неизбежным перелом 17-го октября, <...> восторжествует над всеми препятствиями». А пока этот момент не настал, «мы подвигаемся черепашьим шагом и отстаем с каждым днем всё больше» от остального мира, сокрушалась газета.

Статья М. А. Рейснера «17 октября и русский государственный строй» была совершенно изуродована цензурой. Лишь один ее фрагмент был сохранен в доступном для понимания виде: как считал автор, издание манифеста свидетельствовало о том, что «на арену русской истории выступает новый гигантский организм. Это, по словам официального документа, “русское общество”»³⁰.

В «Русском слове», газете, выходявшей самыми большими тиражами в те годы и обслуживавшей не только столичного, но и провинциального читателя³¹,

³⁰ День. 1915. 17 октября. С. 3–5.

³¹ См. Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917). С. 18; Махонина С. Я. Русская легальная журналистика XX в. (1905 — февраль 1917). С. 27.

материалы о манифесте были размещены, начиная с первой полосы. В редакционной статье «Две России» «Россия 16 октября — Россия бюрократическая» противопоставлялась «России 17 октября, <...> которую призвал к открытой жизни этот великий день». «Россия 16 октября» обвинялась в провалах военного снабжения, в дороговизне нефти, муки и сахара; зато возвеличивались заслуги «России 17 октября» в деле ухода за ранеными, в обеспечении армии, в деле заботы о беженцах. Если войну 1877–1878 гг. выиграла армия «19 февраля», то «нынешняя война, — подчеркивало “Русское слово”, — ведется народом 17 октября», и многозначительно провозглашало: «И народ 17 октября победит».

На той же первой полосе весь подвал занимал фельетон В. М. Дорошевича «Невыстроенное здание». Манифест, по оценке автора, ничто иное как «план здания», в котором первый этаж — политические свободы, второй этаж — избирательные права, третий — законодательные полномочия Государственной Думы. Фундамент был обозначен во всеподданнейшем докладе С. Ю. Витте: «Единение с разумным большинством общества». Но вопреки этому «десять лет здание не выстроено». Причину этого В. М. Дорошевич видел в том, что поиск «фундамента», предпринимавшийся всеми главами правительства начиная с Витте, оставался безуспешным. Читателю давалось понять, что теперь искать нечего, когда сложился Прогрессивный блок. Более того, статья заканчивалась весьма решительным суждением: «Всё русское общество превратилось в один “блок”, твердый как камень. Вот фундамент для здания 17-го октября 1905 г. Если вы хотите строить».

Вся вторая полоса в юбилейном номере «Русского слова» тоже была заполнена материалами о манифесте. Здесь воспроизводились сам манифест, доклад С. Ю. Витте, обращение П. А. Столыпина к населению Саратовской губернии по поводу манифеста. Следом шла вторая редакционная статья «Через 10 лет». Она указывала на отсутствие обещанных в манифесте «гражданских свобод» и поэтому слова манифеста представлялись «как манящий, скрытый где-то в туманных перспективах грядущего немолчный звон и обет». Сравнение дополнялось стихотворными строками того же смысла:

Благодатное время надежд!
Да! Прошедшим и ты уже стало!
К удовольствию диких невежд
Ты обетов своих не сдержало.

Видя в докладе Витте «политическое завещание 17 октября», редакция «Русского слова» указывала на различие обстоятельств, разделенных юбилейным десятилетием: «Волна народного движения <...> уже сбегала», а обещанные гражданские свободы не стали «действительными». Общество, уверяла газета, сделалось перед лицом войны единодушно как никогда, «и никогда, вместе с тем, оно не чувствовало такой потребности слиться воедино с властью,

стать действительной опорой сильной власти». Но «голос земли», с особым нажимом подчеркивалось далее, остался безответным, «“нарушенное равновесие” почувствовалось еще острее». Редакционная статья, в заключение которой умело вставлялись ключевые фразы из доклада С. Ю. Витте, завершалась повторением исходной мысли: «И как десять лет назад, мы вновь стоим перед закрытой дверью и тщетно ждем того момента, когда “в уровень с одушевляющей благогоразумное большинство общества идеей будут поставлены и внешние формы русской жизни” и “власть перестанет видеть умаление своего престижа” в признании справедливых требований “мыслящего русского общества”... А до тех пор он (день 17 октября. — Б. Д.) останется днем будущего».

Статья М. М. Ковалевского, выдающегося ученого и видного деятеля кадетской партии, была озаглавлена «Нечто о 17 октября и о “блоке”» и отличалась едкой иронией. Напоминалось о провозглашенном в манифесте обещании «солидарного кабинета», о постоянном противостоянии палат в процессе законотворчества. Появление Прогрессивного блока изображалось как «нечто неожиданное». Всерьез отмечая наличие у его программы общественной поддержки, автор деланно ужасался перспективе создания «правительства народного доверия».

Подвал второй полосы занимала пространная статья А. В. Руманова «История манифеста». Излагая обстоятельства подготовки и издания акта 17 октября, автор выделял слова С. Ю. Витте: «Ход развития всех стран, всех народов таков, что другого пути, кроме указанного манифестом 17-го октября, быть не может». Упомянуто было и другое его мнение, якобы высказанное князю О. вместе с просьбой составить проект манифеста: «Набросайте все свободы <...> и чтоб был ответственный кабинет».

На пятой полосе было отведено место краткому сообщению о том, что бюро Прогрессивного блока «в последнем заседании» обсуждало «вопрос, следует ли блоку отметить 10-летний юбилей манифеста 17-го октября. Решено отказать от особых выступлений. Вместе с тем постановлено присутствовать на панихиде по графе С. Ю. Витте»³².

В номере, вышедшем на следующий день, под рубрикой «Десятилетие 17 октября» была помещена заметка «В провинции» весьма краткого содержания: «Как нам сообщают из целого ряда больших городов, десятилетие внешним образом не было отмечено ничем». Вслед за этим шел обзор высказываний органов печати по поводу юбилейной даты. В разделе «Провинциальная печать» отмечалось, что вся статья «17 октября» целиком была вычеркнута цензурой из газеты «Вятская речь», а остальные издания приветствовали юбилейную дату, сходно упоминая о прогрессивных изменениях, произошедших благодаря манифесту, прежде всего о существовании Государственной Думы, и выражая надежды на полное осуществление провозглашенных манифестом начал после войны³³.

³² День. 1915. 17 октября.

³³ Там же. 18 октября.

«Раннее утро», газета видного представителя московской торгово-промышленной буржуазии и одного из лидеров партии прогрессистов П. П. Рябушинского³⁴, на второй полосе разместила подборку материалов о манифесте под шапкой «Десять лет». Здесь же была напечатана фотография С. Ю. Витте в парадном мундире статс-секретаря и дана подпись: «Бывший председатель совета министров, идейный творец манифеста 17 октября 1905 г.». В передовой статье под названием «Семнадцатое октября» отмечалось, что манифест открыл «эру приобщения нашей отчизны к культуре Запада, эпоху обновления русской жизни в том направлении, которое было намечено усилиями прогрессивных кругов русского общества». Находя десятилетний срок достаточным «для того, чтобы можно было добиться существенных результатов», газета категорически утверждала, что их достичь не удалось: «Страна в своем стремлении к возрождению всё еще остается на том же месте, на котором ее застала знаменательная в истории русского прогресса дата», манифест «доселе не претворен в жизнь». Объяснялось это тем, что осуществлять акт 17 октября «было призвано всё то же средостение (читай: бюрократия. — *Б. Д.*), которое не знало и не знает другого идеала, кроме идеала полицейского государства». Борясь за сохранение своей «прежней роли», «противники обновления и сторонники дореформенного строя» в течение десяти лет действовали так, чтобы «ликвидировалась волна народного пробуждения», и обеспечили «господство старого режима со всеми его дореформенными особенностями». По мнению газеты, война заставила «вспомнить о том, как много сил было потрачено впустую», но не изменила ситуацию: всё, что «закреплено манифестом 17 октября <...> давно должно было быть воплощено в незыблемые законы и, тем не менее, ничего этого нет, а жизнь по-прежнему направляется и регулируется ведомственными циркулярами, в которых доброжелательность чередуется с «твердостью», доверие с недоверием. В этом трагедия нашей неустроенности». Занявший подвал той же полосы фельетон Эр. Печерского под названием «Тогда и потом» был проникнут одной мыслью: пока Германия готовилась к войне, российское общество волновал «целый ряд нелепостей» — скандальных разоблачений и судебных дел. После начала войны пришлось платить «за свою инертность, за свое удаление от общественности». Минувшее десятилетие, в заключение подчеркивал автор, «только лишний раз указывает те пути, идя по которым, мы можем выйти из круга азевовщины и мясоедовщины»³⁵.

Следующий номер газеты вышел с подборкой высказываний видных общественных деятелей на тему юбилея. Под заглавием «Итоги десятилетия. 1905–1915 г. (Анкета)» были опубликованы мнения А. Д. Протопопова, Д. И. Шаховского, Ф. А. Головина и П. И. Новгородцева. Они единодушно расценивали издание манифеста как «победу», «перелом», озарение «новым све-

³⁴ Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917). Справочник. С. 154.

³⁵ Раннее утро. 1915. 17 октября.

том» и заявляли о невозможности «возврата к старому». В той или иной форме все участники анкеты сходно с Д. И. Шаховским, прямо заявившим о себе, что он — «большой оптимист», выражали уверенность в скором и неизбежном осуществлении «чаяний народа». И только Ф. А. Головин высказался в том же тоне, какой отличал передовицу «Раннего утра» накануне: «Общество ожидало, но получило крохи обещанного». В том же номере от 18 октября была представлена несколько иная версия состоявшейся на банкете в клубе общественных деятелей полемики. «Раннее утро» сообщало, что М. А. Караулов без обиняков завил: «Нынешний банкет есть поминальная трапеза», а В. И. Гурко, возражая ему, лишь уверял, что «манифест будет вечно жить во славу русского народа»³⁶.

Главный печатный орган партии прогрессистов — «Утро России», посвятил редакционную статью «Десятая годовщина» не столько собственно манифесту, сколько характеристике конституционного строя, который был создан благодаря 17 октября. Этот строй был ничто иное как «хилый младенец», который «от одних <...> отнял слишком много, другим он слишком мало дал». Ему довелось расти «в сгущенной атмосфере явной вражды и тайного недоброжелательства, недоверия и неудовлетворенности». Поздравлять его следовало лишь с тем, «что он вообще-то существует». Залогом того, что будет «народопредставительный строй наконец-то признан и у нас», выставлялось «высокопатриотическое воодушевление народного представительства». Не скрывая разочарования тем, что надежды, порожденные в 1905 г., не оправдались; что Государственная Дума отсутствует «налицо», а «официальные сферы этого «праздника» не признают», орган прогрессистов указывал на полное сходство политических обстоятельств, имевшихся в 1906 и в 1915 гг., в том числе на повторение думского требования «министерства доверия». Состоявшая из чередования уничижительных суждений с оптимистическими редакционная статья в «Утре России» завершалась на высокой ноте: упоминалось галилеевское «*Errug si muove*» и выражалась уверенность, что «конституционная Россия <...> будет неуклонно двигаться вперед», а победа в войне будет и победой «над темными силами старины, властно влекущими страну назад, в прошлый мрак и запустение».

Вслед за редакционной статьей на первой полосе «Утра России» помещалась статья «То, что могло бы быть», принадлежавшую перу Т. Ардова. Ему, как и М. А. Караулову (по версии «Раннего утра»), юбилейная дата представлялась как «черная», «траурная», которой была обозначена «годовщина того, чего не было, и что могло бы быть. Того, что хотело быть!». Вспоминая о восторгах, какими был встречен манифест 17 октября, автор рисовал аллегорическую картину: в 1905 г. Россия была подобна человеку, идущему с завязанными глазами к краю пропасти, но на самом краю Бог дает ему крылья и срывает повязку

³⁶ Раннее утро. 1915. 18 октября. Тема траура прозвучала и в речи Ф. Ф. Кокошкина на юбилее конституционно-демократической партии. По сообщению того же «Раннего утра», он сказал: «Славная память манифеста 17 октября в нашем сознании окутана траурным флером», который, добавил оратор, будет снят после войны. См. «Раннее утро». 1915. 20 октября.

с глаз. Через десять лет всё повторилось, и так же, как тогда, осталось уповать на бога и верить, что «есть надежда. Она не умерла».

Подвал второй полосы «Утро России» отвело подборке свидетельств о событиях десятилетней давности. Среди прочего был приведен диалог, состоявшийся после 17 октября у С. Ю. Витте с одним из министров, ушедших в отставку. На вопрос премьера «почему вы недовольны манифестом?», министр ответил: «У меня нет оснований выражать недовольство, но этот акт напоминает мне колониальный и бакалейный магазин, на котором красуется соответствующая вывеска, а товара в котором нет»³⁷.

В следующем номере газеты была напечатана статья Altus'a (А. П. Алексеевского³⁸) «17-е термидора». Ее основное содержание составили отрывочные воспоминания автора о 17 октября, преисполненные восхищения и радости. Весьма образно оценивалось соотношение манифеста общественным ожиданиям: «Получили больше, чем мечтали, и меньше, чем запрашивали». Алексеевский соглашался с тем, что новый строй подобен недостроенному зданию, но без обиняков заявлял, что счастлив жить в эпоху, когда возводится дворец на смену тюрьме, и укорял скептиков: «Стыдно говорить нам о каких-то разбитых корытах и “недостроенных зданиях”: — Достраивайте!»³⁹

«Биржевые ведомости», имевшие связи с финансовыми кругами Петрограда⁴⁰, открыли юбилейную тему еще 15 октября, поместив статью М. М. Ковалевского «Десятилетие наших представительных порядков». 17 октября на первой полосе под заголовком «Десятилетие октябрьского манифеста» сначала печатались манифест и выдержки из доклада С. Ю. Витте, а затем шла редакционная статья с названием «Безрадостный юбилей». Она содержала обзор важнейших этапов становления конституционной монархии, на основе которого делался вывод о значении манифеста: он «остается доселе лишь манящим лозунгом». Вместе с тем формирование Прогрессивного блока расценивалось как достаточное свидетельство того, что «сознание практической государственно-национальной необходимости последовательно конституционного режима сделало за последние месяцы обширные завоевания среди разнообразных общественных групп», а поэтому газета сочла возможным заявить: «Линия исторического процесса обозначилась уже с неумолимой отчетливостью», явно имея в виду торжество конституционных начал.

Остальные публикации по большей части представляли собой воспоминания о событиях октября 1905 г. В одной из них, принадлежавшей перу штатного фельетониста газеты Лукиана (С. Б. Любошица)⁴¹, попутно отмечалось как само собою разумеющееся: «Вот прошло десять лет, мы вновь стоим перед

³⁷ Утро России. 1915. 17 октября.

³⁸ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. Т. III, С. 305; Т. IV, С. 32.

³⁹ Утро России. 1915. 18 октября.

⁴⁰ Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917). Справочник. С. 9.

⁴¹ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. Т. II. С. 127.

“разбитым корытом”». Но тут же со ссылкой на мировой опыт развития представительных учреждений делалось обнадеживающее заключение: «Мы всё же не теряем веры в светлую будущность России»⁴².

Центральный орган конституционно-демократической партии газета «Речь» отвела всю третью полосу номера за 17 октября материалам о манифесте. Страница зияла цензурными изъятиями. Редакционная статья открывалась словами самого манифеста о том, что он был дарован «для умиротворения государственной жизни». Десять лет, прошедших с момента его издания, — это «десять долгих мучительных лет». Если в октябре 1905 г. было признано необходимым созвать законодательную Думу, то в октябре 1915 г. она оказалась распущенной. Тем не менее, редакция «Речи» настаивала на том, что «делать отсюда заключение о бесплодности движения нельзя», и подкрепляла свое мнение указанием на отмену действовавшего еще в июле запрета упоминать в печати о созыве Думы. Манифест, подчеркивалось в статье, «вырвал почву из-под ног старого режима», а следовательно, неуместны «чувства отчаяния и безнадежности».

Вслед за редакционной статьей шла статья Ф. И. Родичева с названием, состоявшим из двух цифр: «1905–1915». Автор сравнивал 17 октября 1905 с 19 февраля 1861 г., находя сходство между двумя реформами в том, что те, кто их готовил, были от их осуществления устранены. Желая показать значение манифеста, Ф. И. Родичев приглашал читателя представить, насколько сильнее оказалась бы страна в разразившейся войне, если бы «начала» манифеста «в действительности соблюдались», и тут же указывал, что невозможно «даже и помыслить Россию дооктябрьскую перед лицом нынешних роковых событий». Путь, альтернативный осуществлению манифеста, предупреждал Ф. И. Родичев, — «путь гибели». Защищая мысль о насущности реформ в условиях войны, он указывал, что борьбу «за свободу народов <...> нельзя вести в темноте, слепоте и безотчетности. Ее нельзя вести без народа — эту войну народов. Для нее нужно ежечасное свободное усилие всех и каждого. Ее нельзя вести приказом, ибо она требует самопожертвования».

Статья выдающегося историка Н. И. Кареева «Годовщина», не тронутая цензурой, была наполнена рассуждениями о том, что десять лет — слишком малый срок, чтобы оценить событие, которое к тому же понимается по-разному. С учетом этого предлагалось «не поддаваться искушению говорить в минорном тоне». Следовало ценить уже то, что «как-никак, десять лет тому назад мы сдвинулись с мертвой точки и пошли вперед», «в нашей жизни если не произошел, то начался великий сдвиг». Давая понять, что быстрого движения ожидать нельзя, Н. И. Кареев ссылаясь на опыт других народов, которые тоже «сбивались с правильного пути, заходили в тупики». «Цепкое прошлое и их заставляло иногда барахтаться в усилиях вырваться на открывавшийся впереди простор».

⁴² Биржевые ведомости. 1915. 17 октября.

А. И. Шингарев в своей статье, вышедшей без заголовка и с изъятием половины текста, провел яркое сопоставление содержания манифеста и доклада С. Ю. Витте с практической деятельностью министров — поборников реакции. Из этого сопоставления явствовало, что акты 17 октября не только не стали руководящими документами для внутренней политики режима, но и остались ей чужды.

Автор пространной заметки «17 октября», скрывшийся за инициалами «К. Д.» (К. М. Даниленко)⁴³, отмечал, что если «юридическая контроверза», породившая спор русских государствоведов «о юридическом значении манифеста 17 октября», утратила «со временем свою былую политическую остроту», то манифест вполне сохранил «огромное историческое значение» «как памятная дата крутого поворота в судьбах политической эволюции России». Его издание, поставленное в один ряд с предшествовавшими попытками «усвоения русским абсолютизмом отдельных элементов конституционно-правового строя», было представлено как результат «борьбы двух идейно-политических течений», различавшихся своими взглядами «на “правильные”, “здоровые” пути политического развития России — либо ей присущ путь особый, исключительный, либо тот, что есть только ветвь общечеловеческого политического прогресса». «Затянувшийся спор между сторонниками “самобытного” развития русского государственного порядка и сторонниками конституционного прогресса» разрешился в октябре 1905 г. «соотношением реальных сил». Власть «сдала свои принципиальные позиции», и «в манифесте 17 октября России были обещаны основы “правового строя”». Поэтому, подчеркивалось в заключение статьи, 17 октября «останется в русской истории как символ победы прогрессивно-европейского течения русской общественности», и эта дата сравнивалась с памятниками, которые воздвигаются «на полях сражений». Но победа, указывал автор, «оспаривается противной стороной». «Возрождается борьба между “новой” и “старой” Россией», и в этой борьбе 17 октября представляет собой «боевой лозунг».

Последней в серии юбилейных статей, опубликованных кадетской газетой, была статья П. Рысса, озаглавленная «Через десять лет». Подобно Н. И. Карееву, автор требовал согласиться с тем, что 1905 г. дал много — и «видимого, вроде законодательных учреждений», и «чувствуемого» — «влияние прошлого», предлагая не подводить итогов⁴⁴.

В двух последующих номерах «Речи» широко были представлены выдержки из выступлений разных периодических изданий по поводу десятилетия манифеста. В обзоре «За неделю», помещенном в номере от 19 октября, констатировалось: «...юбилей этот прошел весьма бледно».

Редакционная статья в юбилейном номере «Русских ведомостей», служивших как правило рупором правого крыла кадетской партии⁴⁵, открывалась утверждением: «Десять лет тому назад Россия перешла великую грань своей

⁴³ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. Т. II. С. 13.

⁴⁴ Речь. 1915. 17 октября.

⁴⁵ Махонина С. Я. Русская легальная журналистика XX в. (1905 — февраль 1917). С. 25.

исторической жизни». Но, предупреждала газета, нужно сознавать, что «подобно другим народам, отойдя от старого абсолютизма, мы, прежде чем достигнуть действительного конституционного строя, должны будем пройти долгую, не закончившуюся до сих пор полосу мучительной борьбы пережитков прошлого с начатками новой жизни». Соглашаясь, что «слишком радужные надежды» не сбылись, газета твердо заявляла, что «к этому старому берегу мы уже не вернемся». По ее мнению, значение манифеста обусловлено «не одним его содержанием, но и происхождением», поскольку «этот акт явился результатом всенародного политического движения и санкционировал служившие знаменем этого движения лозунги». Произошло «официальное отречение власти от основ старого строя». Краткая характеристика пунктов манифеста завершалась оценкой, не вполне созвучной громким определениям, которыми начиналась статья: «Он заложил в обязывающей власти форме основы будущей русской конституции». Не желая исказить недавнее прошлое, газета отмечала, что даже «основную норму нового государственного права» не только не удалось осуществить в полной мере, но оказалось возможным нарушить, подтверждением чему являлся акт 3 июня 1907 г. Не менее категорично определялась судьба и других положений акта 17 октября: «Из возвещенных манифестом свобод ни одна до сих пор не получила практического осуществления». Исходя из этих признаний очевидного, редакционная статья объявляла манифест и «предметом наших воспоминаний», и «предметом надежд», «программой будущего».

Вслед за редакционной статьей «Русские ведомости» публиковали еще ряд выступлений видных кадетских деятелей. В наиболее пространной статье историка А. А. Кизеветтера был дан исторический очерк событий, предшествовавших его изданию. В нём, как и в редакционной статье, подчеркивалось, что начала манифеста «всё еще не получили полного осуществления», а он сам «есть первое предвещение <...> грядущей эры».

В. А. Маклаков в своей коротенькой заметке «17-е октября 1905 г.» передавал впечатления о той мрачной обстановке, что царил в столице накануне издания манифеста и повторял, но в более жестком тоне, одно из положений, имевшихся в редакционной статье: «Манифест появился не просто как государственный акт, а как белое знамя в разгар битвы, эмблема заключения мира». В известном противоречии с этим автор предъявлял власти упрек в том, что в течение ряда лет ею о манифесте не упоминалось, что «официальные сферы от него отрекаются», несмотря на то что им «предупредительно предоставляли всю честь этого акта, но она сама этой миссии не захотела». Последняя фраза в заметке В. А. Маклакова, явно претендуя на многозначительность, заключала в себе не то фаталистическое смирение, не то скрытую угрозу: «Пусть будет так...».

Ф. И. Родичев в «Русских ведомостях» в основном повторял свои рассуждения, опубликованные и на страницах «Речи». Но завершал их на этот раз возвышенными уверениями о наступлении необратимых последствий, вызванных существованием манифеста: «И все-таки не воскреснет рабство старинных

дней. Новая жизнь началась. Пусть она больная, скорбная, тяжкая, но она не холпская. Мы не побеждены, но обессилены. Пусть мы не знаем чувства безопасности, спокойствия, довольства. Мы страдаем и боремся. <...> Мы имеем свой день и будем его иметь. В жизни народа одно мгновение свободы является залогом будущего; оно состоялось. Оно навсегда стирает чувство безнадежности»⁴⁶.

18 октября «Русские ведомости» поместили еще одну статью, посвященную юбилею. Ее автор, ветеран умеренно-прогрессивной публицистики К. К. Арсеньев, объяснял существование разногласий и споров по поводу манифеста тем, что его «содержанию <...> не было дано соответствующего имени, <...> которое определенно виднеется между его строками». Лишь одно его положение «выражено с полной ясностью» и потому не может быть оспорено — «разделение законодательной власти между монархом и народным представительством». Но и это важнейшее изменение государственного строя не было закреплено введением в законодательство термина «конституция». Такой «дефект», по мнению автора, «не перестает служить орудием подкопа под всё созданное на почве манифеста 17-го октября». Подчеркивая, что издание манифеста явилось лишь «запоздалым введением конституционных порядков», К. К. Арсеньев указывал, что их затянувшееся отсутствие обернулось обострением социального вопроса. В заключение он, как и другие авторы, отмечал обращенность манифеста в будущее: «Манифест 17-го октября соединяет в себе основные черты первой русской конституционной хартии; чтобы стать ею, он должен перейти в жизнь. От развития заложенных в нем начал зависит будущность России»⁴⁷.

В ряду изданий, отметивших юбилей акта 17 октября, были и органы специальной юридической периодики. «Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата, суда», хотя и с недельным запозданием, откликнулся редакционной статьей, озаглавленной «Десятилетие манифеста 17-го октября». Ее открывало утверждение о том, что «дата 17 октября — это дата не юридическая, а политическая», поскольку манифест явился «лишь декларацией новых политических принципов». Их осуществление безо всякого пафоса расценивалось «как ближайшая задача правительства». Обильное цитирование манифеста завершалось выводом о том, что он «открывал для русских юристов эпоху исключительного по размаху юридического творчества». Следовавшие за этим указания на безрезультатность существования Государственной Думы и перечисление фактов отступления от начал 17 октября служили основанием для вывода, что такая эпоха не наступила, более того, «в стране не только продолжал царить старый порядок, но, напротив, положение дел значительно ухудшилось». Об этом свидетельствовали распространение исключительных положений, возрастание губернаторского произвола, министерское воздействие на суд. «Никогда еще власть закона не склоняла так низко своей главы перед властью губернатора и министра». Правительство, как подчеркивалось в статье, «бедное законода-

⁴⁶ Русские ведомости. 1915. 17 октября.

⁴⁷ Арсеньев К. К. 1905–1915 // Русские ведомости. 1915. 18 октября.

тельным творчеством, еще более бедное в области упрочения экономической мощи страны и совсем нищее в области международных успехов», сделало десять лет, прошедших со дня издания манифеста, годами «работы по ликвидации начал», им провозглашенных. В результате «плохая внутренняя политика обусловила наши военные и дипломатические неудачи», породила «дезорганизацию хозяйственной жизни страны». Единственной заслугой манифеста объявлялось то, что он «разбудил в народах России сознание граждан» и только благодаря ему в ходе войны проявилось «великое и героическое». В этом «Вестник права» усматривал залог того, что после войны «началам манифеста 17-го октября приуготовлено блестящее развитие»⁴⁸.

Еженедельник «Право» в редакционной статье «17-е октября» прежде всего указывал на сходство разделенных десятилетием обстоятельств — революции и мировой войны, одинаково отмеченных «неумолимой и неотвратимой стихийностью, оскорбительной для человеческой личности». Как и другие издания, «юридическая газета» признавала, что достигнутого в 1905 г. «мимолетного объединения» не удалось сохранить, его сменила «острая внутренняя вражда». За громким заявлением об отказе от поиска «виноватых» следовал сделанный по легко угадывавшемуся адресу упрек в «десятилетней демонстрации таких колебаний настроений и взглядов, такой податливости, такой впечатлительности». Сопоставление заявлений С. Ю. Витте и А. Н. Хвостова о готовности «опираться на общество» позволяло сделать малоутешительный вывод: «За десятилетие <...> движение совершалось как будто не поступательно, а вращательно». Но «Право» тем не менее расценивало манифест как «новый сильнейший толчок»: «17-е октября создало граждан и открыло саму возможность организации». В реализации этой возможности ведущая роль возлагалась на «народное представительство», сделавшееся «предметом внимания». Всемерно поддерживая лозунг созыва Государственной Думы, «Право» предупреждало о том, что «завтрашний день будет тяжелее и сложнее». При подготовке к нему «важно использовать всё, что должно было дать 17-е октября»⁴⁹.

Вслед за редакционной статьей «Право» поместило статью К. К. Арсеньева «Законность и манифест 17 октября». Она открывалась упоминанием об указе 12 декабря 1904 г. и содержавшемся в нем требовании «принять действительные меры к охранению полной силы закона». По мнению автора, сам тогдашний строй государства исключал осуществление этого требования. К изменению государственного строя было направлено новое правило, вводившееся манифестом. Его «первая часть», «изменяя способ издания законов», признавала участие в нем Государственной Думы, а вторая «намечала основу для контроля над их исполнением». Но в течение десяти лет, прошедших после 17 октября 1905 г., «охранение полной силы закона», по утверждению автора статьи, осуществлено не было. Первая причина состояла в том, что была «не ограничена, а расширена территория

⁴⁸ Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата, суда. 1915. № 43. С. 1185.

⁴⁹ Право. Еженедельная юридическая газета. 1915. № 42. 18 октября. Стб. 2610–2612.

действия положения о чрезвычайной и усиленной охране». Оно было превращено «в заурядное, будничное средство управления». «Экстраординарная охрана» разрушала «отдельные законы о свободах, изданные после 17-го октября». «Другое, длящееся нарушение “полной силы закона”» автор усматривал в сенатских разъяснениях, находя в них «тенденциозность». Каждое из упоминавшихся в статье разъяснений было, по оценке К. К. Арсеньева, «равносильно изданию нового закона». Контроль над исполнением законов с помощью думских запросов не стал эффективным: «К практическим результатам, — писал Арсеньев, — запросы, принятые Думой, приводили крайне редко». Условием, без исполнения которого достичь обещанного еще в 1904 г. обеспечения «полной силы закона» нельзя, выступало «коренное изменение административного строя в центре и на местах». На пути к этому изданием манифеста, подчеркивал в заключение автор, «сделан первый шаг». Допуская, что «возможны остановки», «перерывы движения», он заявлял о невозможности возврата «к изжитому прошлому»⁵⁰.

Заблаговременно готовился встретить годовщину манифеста научный юридический журнал «Юридический вестник». Серия из восьми статей, составившая отдельную рубрику его XI книги за 1915 г. под названием «К десятилетию манифеста 17 октября 1905 года», была специально подготовлена авторами, принадлежавшими к трем поколениям российских юристов⁵¹. Почти все они придерживались строго научного подхода к изучению манифеста как публичного акта, исходившего от монарха. Исключением можно признать лишь статью А. С. Алексеева, выдержанную скорее в публицистической манере и описывавшую политические события, приведшие к изданию манифеста. Именно в этой статье был на первый план поставлен вопрос о том, чем был порожден манифест. А. С. Алексеев в категорической форме утверждал, что это было «не предписание власти, а выражение воли общества»⁵². С тем, что манифест не был «актом самодовлеющей власти», соглашался и В. В. Ивановский, отнеся его к числу западноевропейских «хартий вольностей»⁵³. На основе анализа текста самого манифеста Я. М. Магазинер расценивал его как достижение властью соглашения с обществом, предусматривавшего взаимные обязанности сторон⁵⁴. Но вопрос о социально-политической природе манифеста представлялся важным далеко не всем авторам «Юридического вестника». Большинство предпочло сосредоточиться на выяснении государственно-правового значения акта 17 октября. Дискуссия относи-

⁵⁰ Арсеньев К. К. Законность и манифест 17 октября // Право. Еженедельная юридическая газета. 1915. № 42. 18 октября. Стб. 2613–2615.

⁵¹ Юридический вестник. 1915. Кн. XI.

⁵² Алексеев А. С. Манифест 17 октября 1905 года и политическое движение, его вызвавшее // Юридический вестник. 1915. Кн. XI. С. 42.

⁵³ Ивановский В. В. Политико-культурное значение манифеста 17 октября 1905 года // Юридический вестник. 1915. Кн. XI. С. 43.

⁵⁴ Магазинер Я. М. Юридическое значение манифеста 17 октября 1905 года // Юридический вестник. 1915. Кн. XI. С. 80.

тельно этого в российской юридической науке развернулась задолго до 1915 г. и нашла свое отражение в юбилейных публикациях на страницах авторитетного научного издания. А. С. Алексеев считал, что изданием манифеста завершился «тот период борьбы общества с правительством, который привел к крушению самодержавного строя»⁵⁵, т.е. связывал с ним смену формы правления в России. В. В. Ивановский видел значение манифеста в его влиянии на народное сознание, «в развитии в народе понимания своих прав и чувства законности»⁵⁶. По мнению С. А. Корфа, 17 октября предопределило «необходимое изменение понятия суверенитета» как «юридического принципа, означающего верховенство права»⁵⁷. Н. И. Палиенко отстаивал мнение о том, что «манифест лишь предопределил реформу, но отнес ее осуществление к будущему, а не дал ее основы в настоящем». Содержание манифеста сводилось «прежде всего к директиве правительству». Вместе с тем Н. И. Палиенко указывал, что акт 17 октября «обосновывал <...> правовую норму, обязывающую верховную власть осуществить реформу», причем источник этой нормы состоял «в общем правосознании»⁵⁸. Эти мнения оспаривал Я. М. Магазинер, указывавший, что манифест «уже заключал в себе последующие реформы и легально предопределял их», создав «общие нормы» в качестве «легальной и логической основы нового права»⁵⁹. М. Б. Горенберг был солидарен с Н. И. Палиенко, указывая, что манифест не обладал «материальной силой», а потому и не может считаться законом: «<...> не отменив абсолютизма, он точно сформулировал лишь идею преобразования абсолютного государства в государство конституционное»⁶⁰. Б. А. Кистяковский, чья статья завершала серию и представляла собой попытку обобщить высказанные мнения, призывал не преувеличивать значение разногласий, выявившихся между его коллегами по цеху государствоведов. Они были единодушны «в основной оценке» манифеста: он «делает решительный и принципиальный шаг от абсолютной монархии к конституционному государству, <...> кладет грань между нашим старым и новым государственным строем». К ряду высказанных определений «юридической природы манифеста» Б. А. Кистяковский прибавил свое: по его мнению, «манифест 17-го октября есть провозглашение у нас действующим правом известных естественно-правовых принципов»⁶¹.

⁵⁵ Алексеев А. С. Указ. соч. С. 42.

⁵⁶ Ивановский В. В. Указ. соч. С. 51–52.

⁵⁷ Корф С. А. Понятие Суверенитета (К десятилетию манифеста 17-го октября.) // Юридический вестник. 1915. Кн. XI. С. 56.

⁵⁸ Палиенко Н. И. Правовое значение Манифеста 17 октября 1905 года // Юридический вестник. 1915. Кн. XI. С. 57–61.

⁵⁹ Магазинер Я. М. Указ. соч. С. 67–69.

⁶⁰ Горенберг М. Б. Юридическое значение манифеста 17 октября 1905 года // Юридический вестник. 1915. Кн. XI. С. 83–85.

⁶¹ Кистяковский Б. А. Политическое и юридическое значение манифеста 17 октября 1905 года // Юридический вестник. 1915. Кн. XI. С. 107, 110.

Общность воззрений на манифест умеренно-прогрессивных деятелей юридической науки проявлялась не только в признании его важнейшим актом, открывшим собой реформирование государственного строя России, но и в оценке степени его осуществления. Все авторы «Юридического вестника» с большей или меньшей резкостью констатировали и невыполнение положений манифеста, и отступления от них в законодательстве и законоприменении. Но вместе с тем имело место полное единство авторов в том, что невозможно ни отменить манифест, ни признать недействующими его начала.

Статьи, помещенные на страницах специального научного издания, каким был «Юридический вестник», предназначались для относительно узкого круга подготовленных читателей. Но большинство из них в том же 1915 г. было выпущено в виде отдельных брошюр, которые уже получали куда более широкую читательскую аудиторию и становились частью юбилейной публицистики.

Некоторые специальные издания, посвященные финансам и промышленности, нашли для себя необходимым отозваться на годовщину манифеста. «Финансовая газета», орган петроградских банкиров⁶², в день юбилея вышла с редакционной статьей «Третье сословие как политическая сила». Манифест, говорилось в статье, даровал «русскому народу конституцию». Напоминая, что в 1905 г. «охотно» искали «сходство между обновлением России и великой французской революцией», газета, напротив, указывала на несхожесть законотворчества последней с манифестом: «В одном отношении этот акт не являлся началом новой эры, в одном ярко отличался от 1789 года: по своему значению для нашего третьего сословия». Если французское третье сословие выполнило подготовку революции и «ее провело», то «русская свобода пришла не столько в ответ на экономическую потребность буржуазии, сколько на зов политического идеализма, духовных чаяний народа». В движении за свободу «третье сословие почти не участвовало», не выступало в качестве «политической силы». Оно осталось тем же съезженным, нелюбимым ни правительством, ни интеллигенцией, ни аграриями, тем же дряблым, мало предприимчивым, неорганизованным, каким было до октябрьского манифеста в старой России». Но, отмечалось далее, «объявление свободы в России должно было навеять у нас зародыш капиталистического подъема». «Финансовая газета» разъясняла, что «религия буржуазии — капитализм, а основная догма капитализма — свобода». Капитализм «предполагает свободный рост и оборот всяких денег», он «может развиваться только в атмосфере права», «в собственных интересах большей производительности требует свободы коалиций и для рабочих». Но если Франция после 1789, а Германия после 1848 г. шли «быстро по пути капитализма», то в России «дальше неувидимого, скрытого внутреннего процесса дело не пошло». И только начавшаяся война «раскрепощает нашу промышленность. <...> Одновременно с этим она раскрепощает и весь наш торгово-промышленный класс». Сама война имеет, открыто заявлялось в статье, «империалистический характер»,

⁶² Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917): Справочник. С. 225.

ее «приемы и техника <...> властно призывают к жизни третье сословие». Факты свидетельствовали о том, что «страница новой истории, которую не сумел открыть 1905-й год, начнется в жизни нашего пробуждающегося третьего сословия с 1915-го года»⁶³. Очевидно, что «Финансовая газета» использовала юбилейную дату как повод лишний раз высказаться на излюбленную тему — о необходимости и своевременности усилить политическое влияние промышленной буржуазии. О том же, но уже в чисто практическом ключе, говорилось и в статье юбилейного номера журнала «Промышленность и торговля»⁶⁴. Автор статьи, подписавшийся одной буквой «Ш»⁶⁵, заострял вопрос: «Десятилетняя годовщина великого исторического акта застаёт торгово-промышленный класс России на перепутье». Считая более нетерпимым «отсутствие у торгово-промышленного класса политического влияния, которое хотя бы в слабой степени соответствовало бы государственному значению промышленности», автор предлагал два пути: либо одна из существующих партий выдвинет «надлежащую торгово-промышленную программу», либо «торгово-промышленный класс должен кристаллизироваться в самостоятельную политическую партию»⁶⁶.

«Новое время», виднейший орган официозной печати, близкий партии националистов, в номере от 17 октября поместило две статьи, посвященные юбилейной дате. Редакционная статья под трафаретным названием «Десятилетие манифеста 17 октября» начиналась с признания «дореформенной России» «слабой, неорганизованной внутренне» и не страшной для Германии. Издание манифеста объяснялось безвыходностью положения: «Идти назад было некуда». Его значение определялось словами «велико и всеобъемлюще». Причинами того, что «осуществление провозглашенных им “директив”» было отсрочено, объявлялись «сначала разбушевавшаяся анархия», а затем «ошибки первой Государственной Думы». Доля ответственности возлагалась и на правительство, у которого «искренности в утверждении всех благ гражданской свободы <...> не было с самого начала», зато скоро проявилось устойчивое «пренебрежение к обществу». Это мешало П. А. Столыпину, «искреннейшему стороннику реформ», а его преемники «просто пошли по линии наименьшего сопротивления — против реформаторства вообще». Кадеты тоже оказывались в изображении «Нового времени» виноваты в том, что положения манифеста оставались неосуществленными, — допускали «пресмыкательство перед крайне левыми». Такие сбалансированные рассуждения позволяли сделать вывод: «В области чисто политической таким образом и власть, и население оказались

⁶³ Финансовая газета. 1915. 17 октября.

⁶⁴ Вклейка сообщала читателям, что «настоящий номер выходом в свет запоздал по цензурным условиям».

⁶⁵ Это могли быть И. Д. Галактионов, публиковавшийся в журнале «Наборщик и печатный мир», А. В. Шваров, сотрудник «Биржевых ведомостей», или П. И. Шошин. См. Масаинов И. Ф. Словарь псевдонимов. Т. III. С. 242–244.

⁶⁶ III. Политическое объединение торгово-промышленного класса // Промышленность и торговля. 1915. № 26 (193). 17 октября. С. 448–450.

недостаточно подготовленными к устройству государственной жизни на основах правового конституционного порядка». Общество в лице III Государственной Думы «гораздо скорее, чем бюрократия, дало доказательство своей гражданской зрелости», но несмотря на это, «ко времени, когда началась эта война, манифест 17 октября был уже фактически “ликвидирован” на местах». Сделав столь решительное признание, газета стремилась его смягчить, указывая, что благодаря акту 17 октября достигнуты важные результаты: деятельность представительства «в области практических вопросов», движение страны «по пути экономического преуспевания», а главное — ожидание «развития русской общественности в форме различных обществ». Констатируя, что «под грохот пушек <...> в России идет усвоение начал гражданской жизни Запада, выраженных, впрочем, и у нас в государственном акте, покрытом уже десятилетнею давностью запрета», «Новое время» ставило вопрос: «Почему это считалось ненужным и даже вредным до войны?», но не давало на него ответа, ограничившись предположением относительно того, что «не будь в представлении нашей государственной власти страха перед широким развитием русской общественности, на основе гражданских свобод, может быть, и течение этой войны <...> было бы другим». В соответствии с этим статью завершал призыв «с особенной благодарностью <...> вспомнить о манифесте 17 октября», поскольку «ему мы обязаны тем многим, что Россия может противопоставить сейчас своему сильному противнику».

Вторая статья в «Новом времени» была написана его ведущим автором М. О. Меньшиковым и имела заглавие «В предрассветных сумерках». Проводя сопоставление обстоятельств, имевшихся в 1905 г., с теми, что сложились через десять лет, Меньшиков выставлял на первый план существенное различие: к октябрю 1905 г. война уже закончилась, в октябре 1915 она продолжалась и ее «общие результаты пока неутешительны». Такой оценкой хода военных действий нововременский публицист не ограничился и высказался категорически: «Империя переживает военную катастрофу». Ответственность за это возлагалась не только на правительство, но и «на народное представительство, а через него — на весь народ». Ведь народ «в сущности, всегда заслуживает ту политическую организацию, которую имеет», пояснял свою логику М. О. Меньшиков. Задаваясь вопросом, почему народ не способен иметь лучшую, — он отвечал: «Нам мешали». Роли устроителей помех культурному и политическому развитию страны приписывались Петру I, немцам, подчинившим его своему «внушению», и, наконец, «онемеченной бюрократии». Ими был разрушен «органически-национальный строй нашего государства», сокрушался Меньшиков. Достаточно было, по его словам, сохранить патриаршество, боярство и земский собор, чтобы произошедшее в 1905 г. смогло произойти и в 1805, и даже в 1705 г.

Свои пространные рассуждения в строго славянофильском духе автор завершал характеристикой третьеиюньской Думы, созданной благодаря акту 17 октября. Она, по мнению Меньшикова, «конечно, <...> не то, что мы жажда-

ли десять лет назад. Если бы тогда сложилась решимость взять культурную государственность с теми же требованиями, какие мы предъявляем к автомобилю или аэроплану, т.е. с тем условием, чтобы были введены все усовершенствования в них до последнего дня, — то, конечно, парламент наш дал бы и результаты далеко не те, что он дает теперь. Представьте, что в автомобиле вы требуете непременно устарелой системы, непременно зачаточного мотора, первобытных шин и рессор. Ясно, что на такой машине далеко не уедешь и комфорта от нее ждать напрасно. А наш парламент представляет [собой] именно зачаточный автомобиль, причем всё внимание устремлено на то, чтобы отстоять его зачаточность». Следствием такого состояния российского представительства объявлялась, кроме «крайне замедленного и качественно несовершенного законодательства», неспособность «отвести грозную тучу от своего отечества» — своевременно подготовиться к войне. «Новая постройка явилась слегка лишь измененной копией старых хоромин, и на судьбу России присутствие ее влияет слабо». Заканчивал М. О. Меньшиков свою статью на откровенно минорной ноте: «Если к бюрократии, которая ставит вопросы и не решает их, прибавить парламент, который занимается тем же, то яснее станет настроение, с которым мы вступаем во второе десятилетие парламентской эры. Оно не розовое и не голубое»⁶⁷.

Другой орган националистов — «Киевлянин», издававшийся видным думским деятелем В. В. Шульгиным, в день юбилея поместил на первой странице под рубрикой «Впечатления» статью А. Ежова «17 октября. 1905–1915 г.». Эпиграфом к ней служила знаменитая ремарка из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» — «Народ безмолвствует». В иносказательной форме, пользуясь пышным слогом, автор предупреждал о приближении линии фронта к рубежу «наследия “Красного Солнышка”». Именно здесь «русский богатырь вынул свой меч-кладенец и замахнулся им...». Меч ему в руки вложила «русская народная Дума, созданная потом и кровью народными, как всё в России, призванная *сверху* Царским словом, как призывается всё в России». В статье упоминалось об избрании «народом» дома Романовых, о безмолвии народа при разных исторических обстоятельствах. В заключение подчеркивалось, что «народ безмолвствует и теперь. *Народная Дума* безмолвствует в день своего первого праздника. Но это — великое безмолвие, которым доказывается, что народ этот и его “думы” достойны того, чтобы уста их были всегда отверсты!» Автор выражал уверенность в том, что «народ, выковав свои слова во вражеской крови, <...> по Царскому слову, по Царскому зову, как призывается всё в России, заговорит <...> мирными творческими делами»⁶⁸. Как можно полагать, за напыщенностью и туманностью стиля, во-первых, угадывается возражение тем авторам, которые, подобно В. А. Маклакову или А. С. Алексею, оценивали издание

⁶⁷ Новое время. 1915. 17 октября.

⁶⁸ Киевлянин. 1915. 17 октября.

манифеста как отступление власти перед общественным натиском. Во-вторых, воздавалось должное уступчивости думцев. В-третьих, А. Ежов явно намекал на то, что Думу лучше бы созвать уже после успешного окончания войны.

В тон «Киевлянину» отозвался о юбилее журнал «Наборщик и печатный мир». Уже после 17 октября он поместил редакционную статью под названием «Светлая пора». В ней с удовлетворением отмечалось, что «Россия тихо, скромно отпраздновала десятилетие обновления государственного и общественного порядка». «Великие слова» — положения манифеста о провозглашении свобод, законодательных правах Думы, о ее участии в надзоре за закономерностью действий исполнительной власти, цитировались и дополнялись оговоркой: «10 лет — слишком мало времени, чтоб подводить итоги сделанному для блага России». В статье подчеркивалось, что «принимая во внимание географические и политические условия России, ее почти безграмотное население, а также “давление” на наш государственный строй свирепых соседей — немцев, <...> нельзя строго говорить, как это сделали некоторые русские органы печати, якобы о безрезультатности Высочайшего манифеста 17-го октября. Результаты есть и огромные. Для примера возьмем хотя бы открытую критику деятельности министров, начальников различных государственных учреждений и проч., — критику, за которую в прежнее время сажали в тюрьму и крепость, а также ссылали в места отдаленные». Щедро платя дань антинемецкой пропаганде, журнал проявлял радужный оптимизм: «С окончанием войны наступит светлая пора, и никакая сила не остановит нашу великую родину на пути ее просветительного и освободительного движения в смысле манифеста 17-го октября 1905 г.»⁶⁹.

Крайне правые издания демонстративно отказались публиковать в номерах за 17 октября какие-либо материалы, связанные с юбилеем. Исключение составили «Московские ведомости». Вышедшая в день годовщины редакционная статья называлась «Накануне». Манифест расценивался как «великий идеальный порыв царского доверия к народу». Но «слово доверия» «не дошло до народа». По словам газеты, «интеллигентская смута», явившись «тяжким средоточием между народом и его государем», «присвоила его себе, она истолковала его по-своему», внушая народу, что манифест «является актом отречения царя от его власти». Порожденные им реформы «никого не удовлетворили, и с ними только мирились как с временными мерами». Их осуществление задержалось, и после 17 октября, как подчеркивалось в статье, «мы жили не в эпоху великих реформ, а только *накануне* преобразований». Произведенные в 1905 г. перемены «не могли быть прочны», неся на себе отпечаток военных поражений. В результате «десять лет мы живем в таком невыносимом положении, зашедши в тупик». Выйти из него позволит, уверяли «Московские ведомости», победа в войне, призвавшей «к возвращению на национальный путь». В тон правитель-

⁶⁹ Наборщик и печатный мир. Вестник печатного искусства, литературы и типографской жизни. 1915. № 190. Октябрь. С. 1760–1761.

ству заявлялось, что до окончания войны «рано помышлять о деле реформ», а после нее, предрекала газета, «свободный народ осуществит свое истинное единение со своим свободным самодержцем, и смысл манифеста 17 октября для народа уяснится в своем неискаженном и чистом значении»⁷⁰.

«Петербургские ведомости» в номере за 18 октября поместили статью «Дни свобод», автором которой был Вель. Его внимание привлекло появление большого числа воспоминаний о событиях десятилетней давности. Все они, по мнению автора, «трафаретные, напыщенные и невыразимо пустые». То, чему они посвящены, т.е. революция, было всего лишь чередой преступлений — грабежей, забастовок, краж. Не утруждая себя поиском доказательств, автор заявлял: «Революцию “делала” наша интеллигенция. <...> Народ, население, обыватели были от нее на расстоянии всей страны». «Хулиганье» выступило как «помощник» интеллигенции, обнаружив способность понять «стремление “соли земли”» и выразить это понимание «в действиях решительных и даже стихийно-планомерных». «Интеллигенция только размышляла и подготавливала, а хулиганы только действовали». Поэтому, объяснялось в статье, никто содержательных воспоминаний не напишет. Не без торжества подводился итог: «Везувий обыденности засыпал прошлое своим пеплом — и раскопки едва ли дадут что-нибудь утешительное»⁷¹.

«Русским знаменем», органом черносотенцев, в более конкретной форме, чем «Петроградскими ведомостями», была осуждена произошедшая «над гробом смутьянских свобод <...> свистопляска левой печати». Свое молчание по поводу юбилея газета без обиняков объясняла тем, что «акт этот не мог найти применения в русской жизни и на практике был признан исторической ошибкой». Воспоминания о нем, заявляла газета, приятны только тем, «кому на руку новая усобица в земле русской», но «того, что было, им не вернуть». Свой вывод «Русское знамя» выразило в самой что ни на есть категорической форме: «Самодержавие в России осталось таким, каким оно было встарь. Конституции нет. Парламентаризма нет и быть не может. <...> Основы государственные строго нерушимы»⁷².

В «Земщине» С. Глинка откликнулся на выступления печати по поводу годовщины манифеста статьей «Беснование». Его возмущение вызвало не только множество публикаций, но большое место, отведенное в газетах статьям и заголовкам. Вступив в полемику с редакционной статьей «Нового времени», С. Глинка обрушился с упреками в адрес С. Ю. Витте, избличая его в том, что он «вовсе не заботился об ограничении бюрократии, а заботился об ограничении государя, чего русский народ никогда не допустит». Витте предъявлялось и тяжкое обвинение в предоставлении Думе возможности «начать борьбу

⁷⁰ Московские ведомости. 1915. 17 октября.

⁷¹ Петроградские ведомости. 1915. 18 октября.

⁷² Русское знамя. Вестник союзов русского народа. 1915. 18 октября.

с верховной властью». Думе приписывалось стремление «вырвать у самодержца власть назначать министров <...> под видом правительства, “облеченного доверием страны”», что расценивалось как «государственный переворот». Полное одобрение выражалось решению царя «прекратить крамольную Думу, покушавшуюся на ограничение его власти, когда неограниченность ее наиболее необходима для спасения России и свободы народа»⁷³.

Итак, ведущие органы российской печати за небольшими исключениями отметили публикациями десятилетие манифеста 17 октября 1905 г. Их обзор показывает, что в условиях военной цензуры читающей публике был представлен довольно ограниченный набор конкурирующих позиций. К тому же далеко не все они были выражены в полном объеме.

Крайне правые издания использовали возможность еще раз обозначить свою реакционность — значение манифеста отрицалось, провозглашенные им и в силу его осуществленные перемены в государственном строе объявлялись несостоятельными. Предрекалось возвращение к дореформенному состоянию монархии. Позиция ультраконсерваторов не нашла себе сколько-нибудь развернутого выражения, ее пытались лишь декларировать лояльные режиму органы националистической направленности. Зато широкий фронт прогрессивных, реформистски ориентированных изданий от меньшевиков на левом фланге и до редакции «Нового времени» на правом использовал юбилей для акцентирования политических устремлений и настроений главным образом цензурной общественности, склонной именовать себя «обществом». Говорившие от ее имени и к ней обращавшиеся органы печати были единодушны в признании как выдающегося значения манифеста, так и факта незавершенности обещанных в нем реформ, который, впрочем, не отрицался и правой прессой. Призывы смириться с замедленным ходом преобразований, обоснованные ссылками на исторический опыт, были мало созвучны с указаниями на многочисленные факты пренебрежительного отношения властей к положениям манифеста. Аналогичным образом попыткам возложить на «общество», думцев и так называемую «оппозицию» ответственность за то, что осуществление положений акта 17 октября не состоялось, противопоставлялись обвинения по адресу правительственных кругов в забвении начал манифеста. Нередко такие противоположные мнения помещались на страницах одного и того же издания, но во всех случаях открытой и последовательно аргументированной дискуссии пресса смогла избежать. При этом и более, и менее реформистские органы печати уверяли своих читателей, что сам манифест не может быть отменен, а предопределенные им трансформации обязательно последуют. В общем хоре терялись и предупреждение Ф.И. Родичева о гибельности отказа от исполнения манифеста, и пессимистический взгляд на будущее, высказанный М.О. Меньшиковым. Упования на готовность власти воздать народу за его

⁷³ Земщина. 1915. 18 октября.

жертвы, принесенные на алтарь победы, делали излишними поиски средств, которыми общество могло побудить власть еще в ходе войны продолжить осуществление реформ, вполне, по мнению их сторонников, назревших. Указания на только что сложившийся Прогрессивный блок как на политическую силу, готовую к сотрудничеству с властью в деле преобразований, не подкреплялись упоминанием о том, как заставить правящие круги согласиться на это сотрудничество. Призыв Altus'a «Достраивайте!», обращенный к тем, кто видел в манифесте фундамент обновленного государственного здания, повисал в воздухе и явно диссонировал с демонстративным отрицанием думско-оппозиционного «властолюбия».

Прославление манифеста, особенно в кадетской печати, обосновывалось указаниями на его пусть и скромные, но вполне реальные результаты и прежде всего на Государственную Думу, рост ее авторитета в глазах общества, на изменения в общественном сознании. Упоминания об обманутых ожиданиях, о принадлежности манифеста «будущему» лежали в русле старой тактики «уговаривания власти» не отказываться от движения по пути реформ. Вместе с тем прогрессивная пресса демонстрацией разочарования по поводу забвения манифеста раскрывала несоответствие форматов государственного бытия как социальным запросам, так и нуждам войны, для удовлетворения которых было необходимо партнерство страны и власти, считавшей, со своей стороны, что консолидация общества ради победы будет достигнута при сохранении полной силы государственного попечения и надзора, уже обнаруживших свою несостоятельность в организации тыла. Смешивая в разных пропорциях укоры и причитания по поводу «неудавшегося юбилея» с его возвеличиванием и уверениями в его осуществимости, российская печать умеренно-реформистского толка напоминала всем то, что адресовалось прежде всего правящим кругам: они не исполнили своих обещаний, хотя требовали мобилизации от общества, которое голосом подцензурной прессы еще не выражало готовности к сопротивлению, открыто не выдвигало необратимых политических требований, но, подтверждая принятие власти, проявляло верность прежним ожиданиям политических перемен. Умеренные сторонники реформ предпочитали убедить себя и своих единомышленников в том, что стратегия, избранная властью, была непоследовательной, но зато не была ошибочной. Отсутствие сколько-нибудь заметных откликов на юбилейную дату в широких общественных слоях и даже в среде общественно-политических деятелей (партийных, земских, городских), отмеченное в прессе, с полным основанием можно расценивать как свидетельство неадекватного воспроизведения подцензурной печатью общественных настроений и в первую очередь переоценки ею степени консолидации российского общества. Пренебрежительное отношение к выступлениям прессы по поводу юбилея манифеста со стороны власти через два года поставило ее перед лицом уже не столько необратимых требований, сколько необратимых социальных действий.

References

- Anan'ich B. V., Ganelin R. Š. Opyt kritiki memuarov S. Ū. Vitte (v svāzi s ego publicističeskoj deātel'nost' ū v 1907–1915 gg.) // Voprosy istoriografii i istočnikovedeniā istorii SSSR. M.; L., 1963. S. 349–352.
- Krizis samoderžaviā v Rossii. 1895–1917 / Otv. red. V. S. Dākin. L.: Nauka, 1984.
- Lavrin V. A. Vozniknovenie revolūcionnoj situacii v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny. M.: Izd-vo MGU, 1984.
- Mahonina S. Ā. Russkaā legal'naā žurnalistika XX v. (1905 — fevral' 1917) (opyt sistemnogo issledovaniā) // Iz istorii russkoj žurnalistiki načala XX veka / Pod red. B. I. Esina. M.: Izd-vo MGU, 1984. S. 5–49.
- Masanov I. F. Slovar' psevdonimov russkih pisatelej, učenyh i obšestvennyh deātelej: V 4 t. / Podg. Ū. F. Masanov; red. B. P. Koz'min. M.: Izd-vo Vsesoūznoj knižnoj palaty; T. I. 1956; T. II. 1957; T. III. 1958; T. IV. 1960.
- Neproletarskie partii v Rossii: Uroki istorii / Otv. red. L. M. Spirin. M.: Mysl', 1984.
- Predstavitel'nye učreždeniā Rossijskoj imperii v 1906–1917 gg.: Materialy perlūstracii Departamenta policii / Otv. red., avtor predisl. V. V. Šelohaev; sost., avtor komment. i predisl. K. A. Solov'ev. M.: Političeskaā enciklopediā, 2014.
- Russkaā periodičeskaā pečat' (1895 — oktābr' 1917): Spravočnik / Avt.-sost.: M. S. Čerepahov, E. M. Fingerit. M.: Gospolitizdat, 1957.
- Saginadze Ė. O. Obrazy otstavnogo sanovnika: S. Ū. Vitte i obšestvennoe mnenie: 1906–1915 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2013.
- Starcev V. I. Russkaā buržuaziā i samoderžavie v 1905–1917 gg. (Bor'ba vokrug «otvetstvennogo ministerstva» i «pravitel'stva doveriā»). L.: Nauka, 1977.
- Vlast' i reformy. Ot samoderžavnoj k Sovetskoj Rossii / Otv. red. B. V. Anan'ič. M.: OLMA-PRESS Èkslibris, 2006.

Список литературы

- Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 349–352.
- Власть и реформы. От самодержавной к Советской России / Отв. ред. Б. В. Ананьич. М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006.
- Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / Отв. ред. В. С. Дякин. Л.: Наука, 1984.
- Лаврин В. А. Возникновение революционной ситуации в России в годы Первой мировой войны. М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. / Подг. Ю. Ф. Масанов; ред. Б. П. Козьмин. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты; Т. I. 1956; Т. II. 1957; Т. III. 1958; Т. IV. 1960.
- Махонина С. Я. Русская легальная журналистика XX в. (1905 — февраль 1917) (опыт системного исследования) // Из истории русской журналистики начала XX века / Под ред. Б. И. Есина. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 5–49.
- Непролетарские партии в России: Уроки истории / Отв. ред. Л. М. Спирина. М.: Мысль, 1984.
- Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред., автор предисл. В. В. Шелохаев; сост., автор коммент. и предисл. К. А. Соловьев. М.: Политическая энциклопедия, 2014.
- Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917): Справочник / Авт.-сост. М. С. Черепанов, Е. М. Фингерит. М.: Госполитиздат, 1957.
- Сажинадзе Э. О. Образы отставного сановника: С. Ю. Витте и общественное мнение: 1906–1915 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013.
- Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л.: Наука, 1977.

Н. Г. Кедров

Сталинская историографическая модель осмысления коллективизации российского крестьянства¹

В 1990-х гг. российские историки-аграрники оказались вовлечены в общий поток исследований, связанных с переосмыслением советского периода истории нашей страны. Свобода слова, архивная революция, возможность полноценного сотрудничества с коллегами из-за рубежа, казалось бы, не могли не привести к полной концептуальной ревизии наследия советской историографии коллективизации крестьянства, темы важнейшей для понимания всей советской истории и потому имеющей слегка сакральный оттенок для эпигонов сталинизма. В ходе широкой общественной дискуссии на рубеже 1980–1990-х гг. силы ревнителей чистоты «единственно правильного учения» были идейно разбиты, и победила точка зрения тех историков, которые уже давно и плодотворно занимались изучением истории «великого перелома», но в силу табуированности этой темы не могли ранее рассказать всей правды о нем². Смена вех действительно произошла. Но при этом изменились главным образом оценки описываемых реалий. Внутренняя рубрикация темы, основное направление исследовательского внимания, методология оставались прежними. Произошло не столько переосмысление темы, сколько ремаркировка прежних сюжетов. Более того, в ряде случаев наблюдалось неосознанное

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-01250.

² Мерль Ш. Взгляд с Запада на советскую историографию коллективизации сельского хозяйства // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 373–387.

возвращение к концептуальным и методологическим подходам, заложенным еще сталинской историографией вопроса. Для того чтобы понять основной вектор историографического движения, необходимо рассмотреть историографию коллективизации, не так, как это нередко встречается в современных работах — путем восторженного перечисления авторов и тематики их исследований, а с точки зрения появления и смены исследовательских программ, определявших проблематику и рубрикации конкретных исследований на определенном этапе.

В силу особенностей существовавшего в 1930-х — первой половине 1950-х гг. в стране политического режима вполне понятно, почему автором первой программы, можно даже сказать, первым крупным отечественным историком коллективизации стал сам И. В. Сталин. Его концепция коллективизации вытекала непосредственно из многочисленных практических обращений к теме, которые он делал по ходу протекания самого процесса в своих речах, статьях, отчетных докладах на съездах ВКП(б). В целом можно выделить три группы таких вопросов, на которых останавливалось внимание «вождя»: 1) хлебозаготовительный кризис 1927/28 г. и дискуссия в партии о путях дальнейшего строительства социализма в СССР³; 2) непосредственное осуществление «революции сверху», включая «ликвидацию кулачества как класса»⁴; 3) борьба за организационно-хозяйственное укрепление колхозов и победу колхозного строя⁵. Впоследствии эти отдельные обращения к теме были обобщены и из-

³ *Сталин И. В.* 1) О хлебозаготовках и перспективах развития сельского хозяйства (Из выступлений в различных регионах Сибири в январе 1928 г.) // Сталин И. В. Сочинения. М., 1949. Т. 11. С. 1–9; 2) Первые итоги заготовительной кампании и дальнейшие задачи партии. Ко всем организациям ВКП(б) // Там же. С. 10–19; 3) О работе апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК. Доклад на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. // Там же. С. 38–53; 4) На хлебном фронте. Из беседы со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г. // Там же. С. 81–97; 5) Членам Политбюро ЦК. Ответ Фрумкину (по поводу письма Фрумкина от 15 июня 1928 г.) // Там же. С. 116–126; 6) Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь 9 июля 1928 г. // Там же. С. 157–188; 7) Об итогах июльского пленума ВКП(б). Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 13 июля 1928 г. // Там же. С. 204–215; 8) Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК 19 декабря 1928 г. // Там же. С. 246–290; 9) О правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. // Там же. С. 27–95.

⁴ *Сталин И. В.* 1) Год великого перелома. К XII годовщине Октября // Сталин И. В. Сочинения. М., 1949. Т. 12. С. 118–135; 2) К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Там же. С. 141–172; 3) К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса // Там же. С. 178–183; 4) Головокружение от успехов. К вопросам колхозного строительства // Там же. С. 191–199; 5) Ответ товарищам колхозникам // Там же. С. 202–228; 6) Политический отчет Центрального комитета ВКП(б) XVI съезду ВКП(б). 27 июня 1930 г. // Там же. С. 274–290.

⁵ *Сталин И. В.* 1) Итоги первой пятилетки. Доклад 7 января 1933 г. // Сталин И. В. Сочинения. М., 1953. Т. 13. С. 188–196; 2) О работе в деревне. Речь 11 января 1933 г. // Там же. С. 216–233; 3) Речь на первом всесоюзном съезде колхозников-ударников

ложены в качестве единой концепции в «Кратком курсе истории ВКП(б)»⁶, обретшем в советской исторической науке того времени статус «священного писания» и тем самым ставшем программой для всех историков, занимавшихся историей коллективизации вплоть до смерти «вождя» в 1953 г. Исторические работы Б. Абрамова, Г. Овсянникова, Н. Смирнова, М. Краева и других авторов этого периода не выходили за рамки концепции «Краткого курса» и по сути сводились к иллюстрированию ее отдельными примерами⁷.

Поскольку, как уже было сказано, обращение Сталина к характеристике событий коллективизации вытекало не из научных, а практических мотивов, тех целей, которые он пытался реализовать в конкретных условиях, и было опосредовано задачами государственной аграрной политики, то история деревни рубежа 1920-х — 1930-х гг. в сталинском видении превратилась в череду политических кампаний, осуществляемых партией по отношению к крестьянству. В силу этого обстоятельства сталинской модели осмысления событий присущ субъектный характер. Разумеется, не следует вкладывать в данную характеристику некую моральную и профессиональную оценку. «Субъектный» не означает «субъективный» и соответственно не предполагает ни малейшего намека на рассмотрение сталинских оценок по шкале соответствия их реалиям. В данном случае субъектный характер изложения материала предполагает лишь то, что исторические процессы в этой эпистемологической модели описывались не как самодетерминированная реальность, а посредством изложения действий абстрактного исторического персонажа — Коммунистической партии. За этим условным актором можно увидеть и другую, более конкретную фигуру — самого «вождя». Конечно, товарищ Сталин как всегда поскромничал. Но ведь именно его воля во многом определяла «генеральную линию», особенно если учесть известный вывод О. В. Хлевнюка о том, что в 1930-х гг. ни одно принципиальное политическое решение относительно судеб страны не было принято без участия Сталина⁸. А поскольку в любом случае партия является частью политической организации общества, то и история коллективизации в силу изначальных установок приобрела социально-политический характер. С тех пор и до сего дня она изучается преимущественно посредством анализа политики режима.

Разумеется, в сталинской метафизике партия добивалась осуществления своих целей исключительно в борьбе. К слову, борьба вообще стала центральной

19 февраля 1933 г. // Там же. С. 236–256; 4) Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. // Там же. С. 317–340.

⁶ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938.

⁷ *Овсянников Г.* Московские большевики в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934 гг.). М., 1949; *Смирнов М. С.* Борьба партии Ленина–Сталина за подготовку массового колхозного движения. М., 1952; *Абрамов Б.* Партия большевиков — организатор борьбы за ликвидацию кулачества как класса. М., 1952; *Краев М. А.* Победа колхозного строя в СССР. М., 1954.

⁸ *Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

категорией «Краткого курса». В ней заключалось своеобразное оправдание издержек и затрат, понесенных страной на пути «построения социализма в СССР». Борьба же подчеркивала значимость достижений политики режима. При этом, по логике сталинского мышления, чем выше был градус борьбы, тем более существенным становилось торжество партии, сумевшей уничтожить стоявшие на ее пути преграды. Борьба в конечном итоге высвечивала мессианское предназначение большевиков в мировом историческом процессе и в таком ключе выступала неотъемлемой составляющей их корпоративной идентичности.

Реальным воплощением преград на пути к социализму сталинские тексты называли многочисленных врагов: от «акул мирового империализма» до спекулянтов и разгильдяев. Применительно к деревне врагами партии были, разумеется, кулаки. Борьба с кулачеством в сталинской концепции коллективизации стала квинтэссенцией всего процесса. Прямые отсылки к ней можно легко обнаружить при характеристике Сталиным не только событий «великого перелома», но и всех этапов «социалистического преобразования сельского хозяйства». Так, именно Сталин, еще в ходе своей поездки в Сибирь, назвал кулаков главными виновниками хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г.⁹ Такая оценка вызвала резонные возражения среди части партийной элиты. Доказывая, что развернувшаяся после этого дискуссия не является результатом личных разногласий, а отражает классовую борьбу в СССР, Сталин упрекнул Н. И. Бухарина и его сторонников в том, что они поддались влиянию «мелкобуржуазной стихии», а их предложения носят по сути буржуазно-либеральный характер¹⁰. Позже в «Кратком курсе» он и вовсе назвал своих противников по партии выразителями политической воли кулачества. «Кулацкая душа бухаринско-рыковской группы не выдержала, и сторонники этой группы стали выступать уже открыто в защиту кулачества», — говорилось по этому поводу в знаменитом учебнике¹¹. Именно Сталин на конференции аграрников-марксистов провозгласил переход партии к политике «ликвидации кулачества как класса», ставшей основой раскулачивания, одного из главных и наиболее дей-

⁹ *Сталин И. В.* О хлебозаготовках... С. 2–4. В. А. Ильиных отмечал, что в ходе своего визита в Сибирь Сталин фактически обманул руководителей Сибкрайкома ВКП(б), уверив их в том, что жесткие репрессивные меры по отношению к недатчикам зерна уже повсюду применяются на Северном Кавказе и ЦЧО (См. *Ильиных В. А.* Хроники хлебного фронта. Хлебозаготовительные кампании 1920-х гг. в Сибири. М., 2010. С. 134). Следует думать, что в оценке генсеком причин хлебозаготовительного кризиса также присутствовала доля коварства. Судя по другим публичным выступлениям этого периода, Сталин был неплохо осведомлен о том, что основным держателем товарного хлеба в деревне было среднее крестьянство (*Сталин И. В.* 1) Первые итоги заготовительной кампании... С. 12; 2) На хлебном фронте... С. 86), однако продолжал отстаивать в партийных дискуссиях мысль об организующей роли кулака в провале хлебозаготовительной кампании осенью 1927 г.

¹⁰ *Сталин И. В.* О правом уклоне в ВКП(б)... С. 45, 89.

¹¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 280.

ственных рычагов всего процесса массовой коллективизации¹². Даже в уже коллективизированной деревне, когда, по меткому наблюдению В. А. Ильиных «выявление кулаков всё более превращается в поиск в темной комнате давно там уже отсутствующей черной кошки»¹³, Сталин отыскивал кулаков, спрятавшихся в колхозах и ведущих борьбу с советской властью «тихой сапой». Эта мысль стала одной из главных идей «вождя» в речи «О работе в деревне», озвученной на пленуме ЦК в январе 1933 г. «Ищут классового врага вне колхозов, — утверждал генсек — ищут его в виде людей с зверской физиономией, с громадными зубами, с толстой шеей, с обрезом в руках. Ищут кулака, каким мы знаем его из плакатов. Но таких кулаков давно уже нет на поверхности. Нынешние кулаки и подкулачники, нынешние антисоветские элементы в деревне — это большей частью люди “тихие”, “сладенькие”, почти “святые”. Их не нужно искать далеко от колхоза, они сидят в самом колхозе и занимают там должности кладовщиков, завхозов, счетоводов, секретарей и т. д. <...> Они “за” колхозы. Но они ведут в колхозах такую саботажническую и вредительскую работу, что колхозам от них не поздоровится»¹⁴. При этом Сталин назвал фантазией «нейтральные колхозы», поскольку, по его мнению, «колхозы могут быть либо большевистскими, либо антисоветскими». Такая трактовка всецело соответствовала сталинскому представлению о современном историческом процессе как столкновении двух антагонистических сил: капитализма и социализма. Коллективизация была частным, хотя имевшим решающее значение для утверждения социализма в СССР актом этого противостояния. В сталинской модели осмысления процесс коллективизации рассматривался как глобальный общественно-политический конфликт, участники которого, однако, упрощенно сводились к двум протистоящим друг другу сторонам.

История борьбы за коллективизацию, согласно Сталину, знала не только победы, но и некоторые неудачи, ошибки, которые партия, однако, смогла вовремя увидеть и также преодолеть. Лучше всего эта ситуация заметна в сюжете о борьбе с перегибами весной 1930 г., после выхода статьи «Головокружение от успехов». Как известно, знаменитая сталинская статья называла два главных искажения в деле колхозного строительства: 1) насаждение колхозов силовыми методами; 2) стремление местных работников создавать хозяйства с высокой степенью обобществления («попытки выскочить из рамок артели и перепрыгнуть сразу к сельскохозяйственной коммуне»)¹⁵. Немногим позже в «Ответе товарищам колхозникам» Сталин добавил еще одну ошибку — пренебрежение разнообразием региональных условий¹⁶. В «Кратком курсе» был представлен

¹² *Сталин И. В.* К вопросам аграрной политики в СССР... С. 166–169.

¹³ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. Новосибирск, 2000. С. 5.

¹⁴ *Сталин И. В.* О работе в деревне... С. 229.

¹⁵ *Сталин И. В.* Головокружение от успехов... С. 193–197.

¹⁶ *Сталин И. В.* Ответ товарищам колхозникам... С. 207–209.

уже полный перечень из четырех видов «перегибов» (к трем уже названным «вождем» была добавлена замена разъяснительной работы чисто бюрократическим подходом)¹⁷. Важно подчеркнуть, что во всех названных случаях Сталин так и не прибег к своему излюбленному логическому ходу — списать все неудачи на деятельность классового врага, троцкистов и бухаринцев. «Перегибы» — это ошибки местных партийных работников. Такая трактовка ясно высвечивала контролируемость процесса коллективизации со стороны представителей высшего партийного руководства страны, всегда готовых вовремя одернуть и исправить товарищей на местах. Несмотря на то что, согласно современным исследованиям, социальное напряжение в деревне после публикации «Головокружения от успехов» только усилилось, Сталин признал успешной эту ревизию партийной политики¹⁸. Работа над ошибками местных партийцев применялась Сталиным и в других кризисных ситуациях. Например, подводя итоги хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г., Сталин в числе его причин, помимо противодействия хлебозаготовкам со стороны кулаков, назвал также конкуренцию между собой различных заготовительных организаций и «искривление» со стороны местных партийцев, «желающих жить в мире с кулаком» классовой политики партии¹⁹. А в январе 1933 г., когда деревня переживала страшный голод, обусловленный политикой хлебозаготовок, генсек назвал пять недостатков в работе деревенских коммунистов²⁰. Разумеется, такого рода ревизии партийной политики, называя виновниками неудач местные кадры, прежде всего были нацелены на снятие ответственности с высшего политического руководства страны и лично Сталина. Вместе с тем они формировали характерное для сталинской концепции коллективизации представление о программируемом, управляемом характере исторического движения. Парадоксально, но такой под-

¹⁷ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938.

¹⁸ Любопытно, что историки 1990-х гг., при всем своем неприятии сталинских методов коллективизации, легко приняли логику «вождя» в этом вопросе. Разумеется, этот сюжет уже рассматривался в ином морально-оценочном поле. Борьба с перегибами была представлена как циничный маневр власти, осуществленный под влиянием массового крестьянского протеста с целью избежать еще больших социальных потрясений и дальнейшего осуществления прежней политической линии в отношении деревни. И. А. Кузнецов первым в новом ключе обратил внимание на хорошо известные отечественным историкам по изданию «Трагедия советской деревни» статистические данные сводок ОГПУ, показывающие, что основной пик протестной активности крестьян пришелся именно на март 1930 г., т.е. был зафиксирован уже после публикации «Головокружения от успехов» в «Правде» 2 марта. В отличие от большинства исследователей, видевших в этом нюансе инерцию предшествующего движения, историк объяснил ситуацию иначе. По его мнению, именно статья Сталина, имевшая широкое хождение и известный успех в крестьянской среде, стала своеобразной «санкцией» для борьбы с местными «перегибщиками», что, разумеется, не могло не вызвать всплеска социального напряжения. См.: Кузнецов И. А. Политическая культура крестьянства и политический режим в СССР в 1920–1930-е гг. // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века. Коломна, 2013. С. 482–484.

¹⁹ Сталин И. В. Первые итоги заготовительной кампании... С. 12–13.

²⁰ Сталин И. В. О работе в деревне... С. 216–233.

ход не оставлял места марксистскому социально-экономическому детерминизму, обусловленности исторических явлений развитием средств производства, социальными отношениями. Коллективизация в этой системе взглядов была представлена как реформа власти, в механизме которой по ходу осуществления всегда можно было подкрутить нужный «винтик».

Сталинской концепции коллективизации было присуще и специфическое понимание ее итогов и исторического значения. Вопрос о хронологических границах нэпа вплоть до 1990-х гг. относился к числу дискуссионных проблем отечественной историографии. В ее основе лежат заявления самого Сталина о продолжении политики нэпа, которые он неоднократно делал в ходе борьбы с правой оппозицией²¹. Подход, рассматривающий 1920-е и 1930-е гг. как единый переходный период, встречается и в некоторых относительно современных работах²². Вместе с тем такая характеристика применительно к сталинской историографии справедлива лишь отчасти. Сталин, как известно, чрезвычайно высоко оценил коллективизацию. Еще в 1929 г. он назвал ее «великим переломом», т.е. крутым разрывом с прошлым. В частности, когда в газете «Красная звезда» появилась посвященная раскулачиванию статья, утверждавшая, что курс партии является продолжением прежней «политики ограничения кулачества как класса», Сталин нашел возможным выступить в печати с опровержением этого тезиса. «Нынешняя политика партии в деревне есть не **продолжение** старой политики, а **поворот**» (выделено И. В. Сталиным. — *Н. К.*) — писал генсек в «Правде»²³. Конечно, в этом эпизоде легко увидеть частную характеристику одной из составляющих процесса коллективизации. Однако оценка, основанная на дисконтинуитете, затем репродуцировалась «вождем» во многих других официальных текстах. Разумеется, прежде всего она подчеркивала историческую роль самого Сталина, возводя его в число первоначальных демуургов социализма. Любопытно, что в этом вопросе можно увидеть, возможно и ненамеренное, стремление «вождя» слегка потеснить Ленина в этом вновь формирующемся пантеоне. В своей речи «О правой опасности в ВКП(б)» Сталин, в частности, констатировал следующее: «Ленин говорит лишь о том, что нэп обеспечивает нам **возможность** построения фундамента социалистической экономики. Между **возможностью** построения и **действительным его построением** существует большая разница»²⁴ (выделено И. В. Сталиным. — *Н. К.*). Впоследствии, выступая перед делегатами XVII съезда ВКП(б), Сталин однозначно оценил итоги коллективизации: «Факты говорят, что мы уже построили фундамент социалистического общества и нам остается лишь увенчать его

²¹ Сталин И. В. 1) Первые итоги заготовительной кампании... С. 15; 2) О работе апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК... С. 46.

²² Милюсердов В. В., Милюсердов К. В. Аграрное развитие России — XX век. М., 2002.

²³ Сталин И. В. К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса... С. 183.

²⁴ Сталин И. В. О правой опасности в ВКП(б). Речь на пленуме МК и МКК ВКП(б) 19 октября 1928 г. // Сталин И. В. Сочинения. М., 1949. Т. 11. С. 229.

надстройками...»²⁵. В «Кратком курсе» Сталин, назвав коллективизацию «революцией сверху», и вовсе приравнял ее историческое значение к Великому Октябрю. «Это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту 1917 года», — утверждал партийный учебник²⁶. Из мифологии «Краткого курса» следовало, что Ленин, совершив Октябрьскую революцию? лишь открыл возможность для построения социализма, а Сталин, проведя коллективизацию, эту возможность действительно реализовал в Советском Союзе.

Таким образом, сталинская модель осмысления коллективизации конституировала скорее не континуитет, а напротив, революционный разрыв между периодами 1920-х и 1930-х гг., во всяком случае в жизни деревни. Вместе с тем подобного рода дискретность проецировала соответствующее отношение к двум обозначенным выше эпохам в истории села. Контрастное описание старого и нового «путей» в развитии деревни было особенно отчетливо представлено Сталиным в выступлении на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1933 г. В нём генсек подчеркивал жесточайшую эксплуатацию крестьянства со стороны «помещиков и капиталистов, кулаков и спекулянтов», архаичность агротехники и неэффективность аграрного производства, низкий уровень жизни и культуры крестьян как характерные черты жизни дореволюционной и нэповской деревни. Зато колхозный строй, по мнению «вождя», привел к уничтожению эксплуатации, росту механизации труда за счет насыщения деревни тракторами и сельхозмашинами, улучшениям в материальной и культурной сферах деревенской жизни²⁷. Иными словами, история доколхозной деревни рисовалась как «темное царство» беспросветной нужды и угнетения, а жизнь после коллективизации — как «сбывшаяся мечта», ставшая реальностью благодаря веренице побед, одержанных партией на ниве «социалистического преобразования деревни». Такая трактовка, по сути, делала невозможным эволюционный анализ деревенской жизни по ряду объективных экономических и демографических показателей. Не случайно сам Сталин любил сравнивать данные о размере посевных площадей, валовых сборах зерна, поголовье скота с дореволюционными²⁸, а демографическая статистика, свидетельствующая о резком увеличении смертности сельского населения, и вовсе оказалась скрыта от общества на долгие годы.

Таковы основные характеристики сталинской модели осмысления коллективизации. Со смертью «вождя» ее история, однако, не закончилась. Несмотря

²⁵ Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии... С. 325.

²⁶ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 291.

²⁷ Сталин И. В. Речь на первом всесоюзном съезде колхозников-ударников... С. 236–245.

²⁸ Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии... С. 318–321; История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938.

на то что с середины 1950-х гг. начинается новый этап в развитии аграрной историографии советского периода, существовавшие ранее способы прочтения темы коллективизации повлияли на дальнейший процесс ее изучения. Новая исследовательская программа изучения «великого перелома», сложившаяся во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг., в своих изначальных интенциях была нацелена на преодоление субъектного, социально-политического способа изучения темы, характерного для сталинской парадигмы. Так, М. Ким и Г. Голиков, критикуя работы предшествующего периода, отмечали, что авторы «фиксируют внимание главным образом на политической истории, упуская из виду экономику, историю развития производительных сил и производственных отношений, не вскрывали действительной взаимосвязи между экономикой и политикой в ходе социалистического строительства. Это приводило к тому, что оставалась невыясненной объективная обусловленность исторических поворотов в развитии нашего общества...»²⁹ В критических заметках молодых историков-аграрников также присутствовала задача изучения экономических и социальных процессов развития советской деревни³⁰. Однако эта установка на создание объективистской социально-детерминированной истории села так никогда в полной мере и не была реализована в советской историографии коллективизации. Новая официальная трактовка «великого перелома», оформленная работами С. П. Трапезникова, не предполагала полного переосмысления сложившихся к тому времени концептуальных и теоретических установок. Альтернативная же версия, присутствующая в трудах отдельных историков, сосредоточилась на критике некоторых наиболее острых вопросов, таких как создание материально-технических предпосылок коллективизации (В. П. Данилов), вопрос о хронологических границах нэпа (Ю. А. Мошков), «перегибы» в деле колхозного строительства (Н. И. Немаков), борьба с кулачеством (Н. А. Ивницкий), что, по сути, возвращало историографию к обсуждению всё тех же вопросов государственной аграрной политики. В 1969 г. по этому поводу высказался главный в стране эксперт. «В процессе колхозного строительства мы не избежали известных ошибок. Но это ошибки поиска, ошибки из-за отсутствия опыта. Партия смело вскрыла ошибки, открыто говорила о них народу и исправляла их. К сожалению, еще и по сей день находятся любители преувеличивать издержки в большом революционном деле» — заявил Л. И. Брежнев на Третьем всесоюзном съезде колхозников³¹. После этого возможности переосмысления темы оказались сужены до минимума и изучение коллективизации по сути превратилось

²⁹ Ким М., Голиков Г. Некоторые вопросы разработки истории советского общества // Коммунист. 1954. № 5. С. 50.

³⁰ Данилов В. П., Висенс Х. О некоторых недостатках в работах по истории массового колхозного движения в СССР // Вопросы истории. 1954. № 1. С. 137–145; Селунская В. М. О кандидатских диссертациях по истории коллективизации сельского хозяйства в СССР // Вопросы истории. 1956. № 11. С. 195–201.

³¹ Третий всесоюзный съезд колхозников. 25–27 ноября 1969 года. Стенографический отчет. М., 1970. С. 21.

в протаскивание сквозь пелену официальных трактовок и цензурные препоны на свет научной общественности «квантов» достоверной информации.

Произошедшая в 1990-х гг. революция в аграрной историографии, как уже было сказано, прежде всего была революцией оценок. Вместе с тем она неожиданно обернулась неявной реставрацией характерных для сталинской парадигмы концептуальных подходов. История коллективизации, как и прежде, описывалась посредством государственной аграрной политики. Только теперь основным действующим лицом вместо фигуры партии выступало сталинское государство. Более того, назвав коллективизацию волюнтаристским решением генсека, историки тем самым отказывались от поиска экономических и социальных предпосылок «великого перелома», характерных для советской историографии предшествующего этапа. Как и в сталинской модели, события рубежа 1920-х — 1930-х гг. в деревне рассматривались как двухсторонний общественно-политический конфликт, стороны которого при этом поменялись местами. Если, согласно Сталину, «кулацкий саботаж» заставил партию принять ответные репрессивные меры, то теперь в новой трактовке государственное насилие в отношении деревни вызвало закономерное сопротивление крестьянства. Управляемый, программируемый характер процесса коллективизации лучше всего проявился в теории альтернатив, в результате чего весь сталинский вариант «революции сверху» был признан ошибкой, повлекшей за собой долгосрочные негативные последствия. При характеристике итогов коллективизации плюсы были заменены на минусы.

Помимо этих общих характеристик отметим два не самых очевидных момента. Первый. Как известно, Сталин свою правоту в споре о судьбах СССР со своими идейными противниками в партии обосновывал необходимостью построения социализма. По мнению генсека, предложения как «левых», так и «правых» не могли привести к осуществлению этой задачи. Единственно правильный путь построения социализма, по мнению «вождя», и был в итоге осуществлен в Советском Союзе. Со временем Сталин стал приравнивать программы обеих оппозиций друг другу. Эта мысль звучала в его выступлении на ноябрьском пленуме 1928 г. «“Левые” уклонисты не только не левые без кавычек, они по сути дела те же правые уклонисты, с той, однако, разницей, что бессознательно прикрывают свою действительную природу “левыми” фразами», — указывал Сталин³². Такая позиция позволяла ему не только дискредитировать своих противников, но и снимала возможное обвинение в заимствовании элементов программы объединенной оппозиции, против которой он не так давно выступал, отстаивая нэп совместно с Н. И. Бухариным. Впоследствии, в «Кратком курсе» Сталин, однозначно ставя знак равенства между «правыми» и «левыми», фактически повторил смысл приведенной выше сентенции, добавив при этом, что и те, и другие выступали в поддержку кулачества³³. Интересно, что логика этого спора была

³² Сталин И. В. Об индустриализации страны... С. 285.

³³ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 280.

в полной мере воспроизведена в работах 1990-х гг. в рамках так называемой концепции альтернатив, ставшей одним из краеугольных камней новой историографической парадигмы. Бесспорный лидер в формировании исследовательской программы 1990-х гг., В. П. Данилов помимо постоянной отсылки к «бухаринской альтернативе» как реальной возможности построения «социализма с человеческим лицом» неоднократно подчеркивал различия позиции «левых» и Сталина, также оценивая программу первых как более предпочтительный вариант развития страны³⁴. Тем самым отсылая читателя к анализу фактов из разряда теории вероятности, историк фактически констатировал, что «коллективизация по-сталински» представляла собой единственно неправильный путь преодоления индустриальной отсталости СССР.

И наконец, второй момент связан с темой голода 1932/33 г., ставшей одним из наиболее популярных сюжетов в аграрной историографии 1990-х — 2000-х гг. Казалось бы, вполне понятно, почему голод, замалчиваемый в советской историографии, привлек самое пристальное внимание исследователей, стремящихся закрыть это «белое пятно» истории. Подогревали интерес к теме и политические страсти. В частности, распространение в украинской историографии националистических концепций голодомора — голода как геноцида сталинским руководством украинцев, требовали своего рода опровержения с российской стороны. Однако подлинная причина исключительного внимания к теме, на наш взгляд, была иной. В. П. Данилов в своей ставшей программной статье «Коллективизация сельского хозяйства в СССР» охарактеризовал голод как «самое тяжелое преступление сталинского руководства против народа, против дела социализма»³⁵. Сюжет о голоде единственный был выделен автором отдельным подзаголовком среди всех остальных вопросов истории деревни 1930-х гг. В таком качестве он становился главным среди прочих негативных итогов коллективизации, важнейшим антидоказательством успешности «социалистического преобразования сельского хозяйства»

Таким образом, пафос восхваления, характерный для работ о коллективизации сталинского времени в 1990-х гг., сменился пафосом обличения, но при этом в обновленной историографии коллективизации на удивление прижились уже описанные выше концептуальные модели прочтения этой темы. Если мы внимательно присмотримся к сформировавшейся в 1990-х гг. парадигме коллективизации, то увидим зеркало, в котором с точностью до наоборот отразились старые и хорошо известные концепты.

³⁴ Данилов В. П. 20-е: нэп и борьба альтернатив // Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1988. С. 130; Р. Дэвис — В. Данилов: диалог историков // История СССР. 1990. № 2. С. 93; Данилов В. П. К проблеме альтернатив 20-х годов // Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 2. М., 2011. С. 724–733.

³⁵ Данилов В. П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 27. См. также статью: Данилов В. П., Зеленин И. Е. Организованный голод. К 70-летию крестьянской трагедии // Отечественная история. 2004. № 5. С. 97–111.

References

- Abramov B.* Partii bol'shevikov — organizator bor'by za likvidaciû kulačestva kak klassa. M., 1952.
- Danilov V.P.* 20-e: nêp i bor'ba al'ternativ // Istoriki sporât. Trinadcat' besed. M., 1988.
- Danilov V.P.* K probleme al'ternativ 20-h godov // Danilov V.P. Istorii krest'ânstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy. Č. 2. M., 2011.
- Danilov V.P.* Kollektivizaciâ sel'skogo hozâjstva v SSSR // Istorii SSSR. 1990. № 5.
- Danilov V.P., Visens H.* O nekotoryh nedostatках v rabotah po istorii massovogo kolhoznoho dviženiâ v SSSR // Voprosy istorii. 1954. № 1.
- Danilov V.P., Zelenin I.E.* Organizovannyj golod. K 70-letii krest'ânskoj tragedii // Otečestvennaâ istorii. 2004. № 5.
- Dèvis R. — Danilov V.: dialog istorikov // Istorii SSSR. 1990. № 2.
- Hlevniûk O. V.* Hozâin. Stalin i utverždenie stalinskoj diktatury. M., 2010.
- Il'inyh V.A.* Hroniki hlebnogo fronta. Hlebozagotovitel'nye kampanii 1920-h gg. v Sibiri. M., 2010.
- Istorii Vsesoûznoj Kommunističeskoj partii (bol'shevikov). Kratkij kurs. M., 1938.
- Kim M., Golikov G.* Nekotorye voprosy razrabotki istorii sovetskogo obščestva // Kommunist. 1954. № 5.
- Kraev M.A.* Pobeda kolhoznoho stroâ v SSSR. M., 1954.
- Kuznecov I.A.* Političeskaâ kul'tura krest'ânstva i političeskij režim v SSSR v 1920–1930-e gg. // Gosudarstvennaâ vlast' i krest'ânstvo v XIX — načale XXI veka. Kolomna, 2013.
- Merl' Š.* Vzglâd s Zapada na sovetSKU istoriografii kollektivizacii sel'skogo hozâjstva // Rossiâ v XX veke: Sud'by istoričeskoj nauki. M., 1996.
- Miloserdov V. V., Miloserdov K. V.* Agrarnoe razvitie Rossii — XX vek. M., 2002.
- Ovsânikov G.* Moskovskie bol'seviki v bor'be za kollektivizaciû sel'skogo hozâjstva (1930–1934 gg.). M., 1949.
- Politika raskrest'ânivanii v Sibiri. Vyp. 1. Ètapy i metody likvidacii krest'ânskoho hozâjstva. 1930–1940 gg. Novosibirsk, 2000.
- Selunskaa V.M.* O kandidatских dissertaciih po istorii kollektivizacii sel'skogo hozâjstva v SSSR // Voprosy istorii. 1956. № 11.
- Smirnov M.S.* Bor'ba partii Lenina–Stalina za podgotovku massovogo kolhoznoho dviženiâ. M., 1952.
- Stalin I.V.* Sočineniâ. M., 1949–1953. T. 11–13.
- Tretij vsesoûznyj s'ezd kolhoznikov. 25–27 noâbrâ 1969 goda. Stenografičeskij očet. M., 1970.

Список литературы

- Абрамов Б.* Партия большевиков — организатор борьбы за ликвидацию кулачества как класса. М., 1952.
- Данилов В.П.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 3–30.
- Данилов В.П.* К проблеме альтернатив 20-х годов // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 2. М., 2011. С. 724–741.
- Данилов В.П.* 20-е: нэп и борьба альтернатив // Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1988. С. 122–137.
- Данилов В.П., Висенс Х.* О некоторых недостатках в работах по истории массового колхозного движения в СССР // Вопросы истории. 1954. № 1. С. 137–145.
- Данилов В.П., Зеленин И.Е.* Организованный голод. К 70-летию крестьянской трагедии // Отечественная история. 2004. № 5. С. 97–111.
- Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта. Хлебозаготовительные кампании 1920-х гг. в Сибири. М., 2010.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938.
- Ким М., Голиков Г.* Некоторые вопросы разработки истории советского общества // Коммунист. 1954. № 5. С. 46–59.
- Краев М.А.* Победа колхозного строя в СССР. М., 1954.
- Кузнецов И.А.* Политическая культура крестьянства и политический режим в СССР в 1920–1930-е гг. // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века. Коломна, 2013. С. 480–484.
- Мерль Ш.* Взгляд с Запада на советскую историографию коллективизации сельского хозяйства // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 373–387.
- Милосердов В.В., Милосердов К.В.* Аграрное развитие России — XX век. М., 2002.

- Овсяников Г.* Московские большевики в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934 гг.). М., 1949.
- Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. Новосибирск, 2000.
- Р. Дэвис — В. Данилов: диалог историков // История СССР. 1990. № 2. С. 90–95.
- Селунская В.М.* О кандидатских диссертациях по истории коллективизации сельского хозяйства в СССР // Вопросы истории. 1956. № 11. С. 195–201.
- Смирнов М.С.* Борьба партии Ленина–Сталина за подготовку массового колхозного движения. М., 1952.
- Сталин И.В.* Сочинения. М., 1949–1953. Т. 11–13.
- Третий всесоюзный съезд колхозников. 25–27 ноября 1969 года. Стенографический отчет. М., 1970.
- Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

И. П. Медведев

Румянцевский грант Императорской Академии наук на издание русских летописей

О том, что многое из достижений в отечественной науке первой четверти XIX в. было связано с именем знаменитого ревнителя российских древностей, русского канцлера, графа Николая Петровича Румянцева (1754–1826), осуществлявшего широкую спонсорскую деятельность по финансированию научных проектов (огромное количество «первоизданий» документальных памятников русской истории, выявленных в архивах), в науке в общем-то известно. В принципе, известен и эпизод с выделением Румянцевым Императорской Академии наук 25 тыс. руб. на издание русских летописей¹, но почему-то никто не ссылается на те документы, которыми этот «грант» обеспечивался, что мы и попытаемся в данном случае исправить.

Все нужные документы хранятся ныне в личном архиве академика Ф. И. Круга (1764–1844), главного доверенного лица графа Румянцева по связям с миром науки². Самым ранним из них (1813 г.) является письмо графа Алексея Кирилловича Разумовского (министра народного образования, который за отсутствием в то время президента Академии наук курировал работу последней), адресованное «Конференции Императорской Академии наук». Приводим текст письма (в современной орфографии):

¹ См. напр. *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1985. С. 23; *Молчанов В. Ф.* Государственный канцлер России Н. П. Румянцев. М.: Пашков дом, 2004. С. 308.

² Архив РАН. СПб филиал (далее – СПФ АРАН). Ф. 88. Оп. 1. Д. 124.

«Конференции Императорской Академии наук. Гос<ударственный> Канцлер, желая споспешествовать распространению источников нашей отечественной истории и назначил 25 000 рублей на печатание важнейших рос<сийских> летописей, в Академии наук находящихся, с тем чтобы деньги, выручаемые с продажи таковых печатных летописей, употреблены были на продолжение издания оных, а ему доставляемо было только по 20 экземпляров. Для успешнейшего приуведения в действо такового намерения Гос<подина> Государств<енного> Канцлера предлагаю Конфер<енции> доставить мне в непродолжительном времени таковой список всех летописей, находящихся в рукописях в академической библиотеке с означением поелику возможно, откуда тогда оные в библиотеку поступили. Доставленные на первый случай Г<осподином?> Канцлер<ом> 12 000 рублей при сем препровождаются, а о получении оных буду ожидать донесения Конференции.

Дек абрь 24-го дня

Г. Алекс. Разумовский. 1813

[P.S.] Конф<еренции> Имп<ераторской> Акад<емии> наук. Предлагаю Конф<еренции> распорядить дабы из препровожденных мне в счет (?) 24 дек<абря> сего года 12 500 рублей, внесенных Графом Николаем Петровичем Румянцевым в число жертвуемой им на издание летописей суммы, выдано было ныне 3000 рублей почетному члену Академии Г<осподину> Тайному Советнику Оленину для приуготовлений к порученному ему изданию Кенигсбергского списка» (следует совсем другая дата: «Март 27. 1815. № 846», а еще ниже дописано: «Анастасевичу 1818 сент. 2–500. 1819 июня 4–500 для издания Ипатьевского летописца»)³.

Как видим, из назначенной суммы в распоряжение Академии наук сначала поступило лишь 12 с половиной тысяч, и лишь много лет спустя, буквально за несколько дней до кончины (он скончался 3 января 1826 г.), граф Н. П. Румянцев выделяет вторую половину «гранта», о чем говорят документы того же самого архивного дела. Так, в своем письме от 27 декабря 1825 г. (писано канцеляристом, но с подлинной подписью: «Графъ Николаі Румянцевъ»), адресованном «Ученому Собранию Императорской Академии наук», граф пишет следующее:

«Милостивые Государи мои.

Вам известно, что несколько уже лет тому назад я предопределил всего двадцать пять тысяч рублей в полное распоряжение Ученого Собрания Императорской Академии Наук, дабы все сии деньги употреблены были под надзором онаго единственно на печатание древних грамот, и именно древних неизданных или даже неизвестных еще летописцев. Я тогда препроводил только половину

³ Там же. Из упомянутых имен: Алексей Николаевич Оленин (1763–1843), почетный член ИАН с 25 января 1809 г., директор Публичной библиотеки (с 1811 г.) и президент Академии художеств (с 1817 г.); В. Г. Анастасевич (1775–1845), библиограф, взявшийся по предложению Румянцева за издание Ипатьевской летописи.

предназначенной суммы, а теперь при письме сем имею честь препроводить остальные двенадцать тысяч пятьсот рублей ассигнациями, которые прошу постепенно посвящать на продолжение таковых изданий. Выбор их отличит без сомнения ваш труд, а мне принесет радость душевную и я приму его с великою благодарностию.

С совершенным почтением имею честь быть вашим, Милостивые Государи мои, покорнейшим слугою Граф Николай Румянцев. 27 декабря 1825 года»⁴.

Узнаем мы и о том, через кого граф передал свое письмо и деньги в Академию наук, — конечно же, через академика Ф. И. Круга, письмо которого, написанное по-немецки, приложено к письму Николая Петровича (публикуем как в оригинале, так и с нашим переводом):

«An die Conferenz der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.

Der verstorbene Reichskanzler, Graf Nikolai Petrovitsch Rumänzov, hat mir auf seinem Tod-Bette die früher versprochenen Zwölftausend fünfhundert Rubl B. A. übergeben, um solche der Conferenz der Kais<erlichen> Akademie der Wissenschaften in seinem Namen zuzustellen. Er sterbe un der Überzeugung, sagte er, die Akademie werde auch die zweite Hälfte seines Geschenks auf Zinsen legen und diese zum Capitale schlagen lassen, wie diess mit der ersten im Jahre 1813 gegebenen Hälfte geschehen sei; auf dass, wenn man künftig die Summe dem Wunsche des Gebers gemäss verwenden wolle, etwas Bedeutendes könne damit ausgerichtet werden.

Ich habe die Ehre, mich hierdurch des mir gewordenen Auftrages zu entledigen

Philipp Krug,
Mitglied der Akademie.
St. Petersburg
11. Jan. 1826»⁵.

Перевод (наш):

«Конференции Императорской Академии Наук.

Покойный Государственный Канцлер Граф Николай Петрович Румянцев, находясь на смертном одре, вручил мне ранее обещанные 12500 рублей для передачи их Конференции Императорской Академии Наук от его имени. Он сказал, что умирает в убеждении, что Академия и вторую половину его дара отложит на проценты и обратит их в капитал, как это произошло и с первой, выданной в 1813 году, половиной, — для того чтобы (в том случае, если в будущем эта сумма будет использована в соответствии с волей дарителя) этим могло быть достигнуто нечто значительное.

Имею честь тем самым освободить себя от возложенного на меня поручения.

Санкт-Петербург
11 января 1826 г.

Филипп Круг,
член Академии.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 124. Л. 1 (с пометой: «Lu en Conférence le 11 Janvier 1826», т.е. «Читано 11 января 1826 г.»).

⁵ С пометой: «Lu en Conférence le 11 Janvier 1826».

Хотелось бы, конечно, составить по возможности адекватное представление, насколько эффективно (испоганенное в наше время чиновниками понятие!) воспользовалась Академия наук «грантом» Н. П. Румянцева. Судя по всему, не очень. Во всяком случае, В. П. Козлов констатирует, что «академические круги без энтузиазма отнеслись к его замыслу» и что именно академик Ф. И. Круг, которому было предложено руководство всей работой, «заявил, что она ему не принесет славы»⁶. В. П. Козлов ссылается при этом на сообщение А. А. Куника, исследовавшего позднее личный архив Ф. И. Круга⁷, но следует отметить, что подлинный немецкий текст «доношения» последнего, датированный 1813 г. и адресованный А. К. Разумовскому, сохранился, и он действительно выдержан в пессимистических тонах (в нем фактически обосновывается «неготовность» взяться за такой проект не только его самого по причине загруженности собственными научными планами, но и Академии как таковой из-за отсутствия компетентных сотрудников), но всё же тех слов, которые ему приписываются, он не произносил⁸. Сохранился и выполненный по просьбе Разумовского А. Н. Олениным (в сугубо критическом и, я бы сказал, даже саркастическом стиле) отзыв на это «доношение» Круга⁹.

Оба эти весьма обстоятельных «трактата» заслуживают специального изучения и опубликования, что мы и планируем сделать¹⁰, а пока что хотелось бы подчеркнуть, что и А. Н. Оленин, согласившийся сначала принять участие в издании летописей (прежде всего Радзивилловской), предложивший в качестве исполнителей этого труда себя и своего сотрудника по Императорской Публичной библиотеке А. И. Ермолаева¹¹, и даже получивший (как мы увидим далее) на это 3 тыс. руб. из обозначенной выше суммы, так и не отметился какими-либо достижениями в этой области научных знаний (В. М. Файбисович объясняет это тем, что усложнившееся с 1816 г. делопроизводство Государственной канцелярии почти не оставляло Оленину свободного времени, а с 1817 г. его «отяготили заботы о восстановлении пребывающей в глубоком упадке Академии художеств»)¹².

Наконец, завершая описание этого «смутного периода» в истории издания русских летописей, хотелось бы отметить, что первым шагом нового президента

⁶ Козлов В. П. Колумбы российских древностей. С. 23.

⁷ См.: Куник А. А. Содействие Круга канцлеру графу Румянцеву в пользу русской истории // ЖМНП. 1850. № 1. С. 16–17.

⁸ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 106. 9 листов (Vorschlag. Über den Druck russischer Chroniken. An Rasumovski).

⁹ ОР РНБ. Ф. 542. Д. 12. Л. 13–25 об. (О донесении г. Круга, касательно издания древних русских летописей). Отзыв А. Н. Оленина датирован 10 декабря 1813 г.

¹⁰ См.: Медведев И. П. «Критические заметки А. Н. Оленина на записку акад. Ф. И. Круга о проекте издания русских летописей» // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 2. С. 483–494.

¹¹ См. об этом: Файбисович В. Алексей Николаевич Оленин. Опыт научной биографии. СПб., 2006. С. 264–265.

¹² Там же. С. 265.

Императорской Академии наук (а им с 12 января 1818 г. стал Сергей Семенович Уваров, которому на этом посту предстояло пробыть по 4 сентября 1855 г.) было как раз рассмотрение судьбы румянцевского «гранта». Именно этому было посвящено заседание Конференции 4 февраля 1818 г. (присутствовали члены Академии: естествоиспытатель и медик Н. Я. Озерецковский, математик Н. И. Фус, математик и астроном Ф. И. Шуберт, минералог и химик В. М. Севергин, физик Я. Д. Захаров, физиолог П. А. Загорский, естествоиспытатель А. Ф. Севастьянов, астроном В. К. Вишневский, конечно, Ф. И. Круг, физик В. В. Петров, Х. Д. Френ, статистик и экономист К. Ф. Герман, историк литературы и переводчик А. В. Шлегель, математик Э. Д. Коллинс; отсутствовал А. К. Шторх). И поскольку существует составленный на французском языке протокол заседания, представляется целесообразным опубликовать его как в подлиннике, так и в сохранившейся выписке из него, составленной на русском. Итак:

«§ 54

(л. 16) Secrétaire lut un Proposition de M^r le Président, daté du 30 Janvier, cotté № 6, avec lequel Son Excellence transmet à la Conférence une communication de M^r le Ministre en fonction, contenant en substance: que M^r le Comte Nicolas de Roumantsoff l'a informé que l'Académie des Sciences, conformément à son désir, a résolu de commencer l'impression des manuscrits de la bibliothèque académique qui sont relatifs à l'histoire de Russie, // 16 v) et qu'elle a chargé M^r le Conseiller privé d'Olénine de l'édition de Nestor, selon le Codex de Königsberg, qu'approuvant d'un côté ce choix de l'Académie, de l'autre M^r le Comte s'est persuadé que les affaires du service ne permettent pas à M^r d'Olénine de donner à cet objet toute son attention, et que désirant de voir au moins les premiers fruits de cette entreprise, il propose les mesures suivantes: 1°) de passer tout de suite à l'impression du 2^d volume, sans interrompre le travail du 1^r confié aux soins de M^r d'Olénine, et de choisir pour ce 2^d volume le Chronographe de Volhynie; 2) de charger de l'édition de ce 2^d volume, au choix de l'Académie, un homme connu par ses connoissances dans cette partie et qui n'est pas surchargé d'occupations par son service; 3°) de confronter le manuscrit de la Bibliothèque académique avec deux autres, dont l'un appartient à Mr Dmitri Markovitch Poltaratskoy et l'autre à M^r le Conseiller d'Etat Jermolayeff; 4°) de donner à ce 2^d volume le même format qu'aura le 1^r et de faire le titre semblable à l'échantillon joint au communiqué (la Conférence n'a pas reçu cet échantillon). M^r le Chancelier ajoute que la somme d'argent que l'Académie a reçu de lui, sera suffisante, à son avis, pour les frais de l'impression des deux volumes, mais que, s'il en faut d'avantage, il est prêt à y supplier, sitôt qu'on lui en fera la demande. Réson de répondre à Son Excellence M^r le Président: 1°) que ce n'est pas l'Académie qui a chargé M^r d'Olénine (л. 17) de l'édition du Codex de Nestor et que par conséquent elle n'est nullement responsable des délais que les occupations nombreuses de M^r d'Olénine opposent à la marche rapide de cette édition; 2°) que l'Académie n'a ni connu personne qu'elle put charger de la confrontation et de la publication du Chronographe Volhynien; 3°) si M^r le Comte veut bien nommer lui-même un homme qu'il croit propre

à soigner l'édition de ce manuscrit, après l'avoir comparé avec les deux copies dont il parle, l'Académie donnera à cet homme toutes les facilités qui dépendront d'elle, et que le Comité d'Administration du ressort duquel sont les affaires pécuniaires et les affaires de l'Imprimerie, ne manquera pas de prendre des mesures pour faire aller l'impression aussi vite que possible; 4°) qu'après avoir remis à Mr Olénine, à la suite d'un ordre de M^{sr} le Ministre, trois mille Roubles des 12500 reçus de M^r le Comte Roumantsoff, il ne reste plus audit Comité que 9500 Roubles pour faire face aux dépenses de l'impression du 1^r et 2^d Volume»¹³.

«Выписка из Протокола Конференции Императорской Академии наук от 4 февраля 1818 года. В Комитет правления

Читано предложение г-на Президента от 30 генваря, при коем препровождается отношение г. исправляющего должность Министра Просвещения следующего содержания: что Граф Николай Петрович Румянцев изъяснил ему, г-ну Министру, что Академия Наук, согласно с желанием Его Сиятельства, положила начать издание хранящихся в Библиотеке ее древних рукописей, к отечественной истории относящихся, Нестором летописью по списку Кенигсбергскому; полное же распоряжение касательно сего издания представили г. тайному советнику Оленину и что с одной стороны уважая выбор Академии, с другой же убеждаясь, что многотрудные занятия г. тайного советника Оленина по службе государственной не позволяют ему обратить на сей предмет полного внимания, Его Сиятельство относит к сему единственно, что издание первой части до сих пор еще не могло быть кончено, между тем как для него желательно видеть хотя первые плоды сего предприятия; почему и представил в следующих дополнительных по сему предмету распоряжениях: 1) чтобы, не прерывая трудов для окончания первой части, под надзором Алексея Николаевича Оленина, ныне сверх того приступлено было к напечатанию и второй части, назначив для оной так называемый волынский Летописец; 2) чтоб издание сей второй части было поручено по выбору Академии особому надзору людей, известных по сей части своими сведениями и по службе неозабоченных трудными занятиями; 3) чтобы при издании сего Летописца сличены были с рукописью, находящеюся в Академической библиотеке, две таковых же, из коих одна принадлежит Дмитрию Маркову Полторацкому, а другая г. статскому советнику Ермолаеву; 4) чтоб формат второй части был такой же как и первый, и для того, чтобы заглавные листы были составлены по образцу, при Отношении приложенному (каковой образец заглавных листов не получено) к сему Граф Николай Петрович присокупил; 5) что для напечатания сих обеих частей, доставленной от него в Академию суммы, по его мнению, будет достаточно, но есть либь на сии издержки понадобилось более, то он охотно приемлет на себя дополнить оную по требованию. На сие Конференция определила донести г. Президенту: 1) что не Академия поручила г. Оленину издание Несторовой летописи и что по сему она никоим образом не ответственна за остановку причиняемую скорому изданию

¹³ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 19. Д. 29. Л. 16–17 (§ 54).

оной многотрудными занятиями его; 2) что Академия не имеет и не знает никого кому бы поручено было можно сличение и издание волынского Летописца; 3) что ежели Его Сиятельство Граф Румянцев желает сам назначить человека, которого он почитает способным пещись о издании сей рукописи, по сличении ее с обоими списками, о коих он говорит, что Академия доставит сему человеку все возможные зависящие от нее пособия, и что Комитет Правления, к ведомству коего принадлежат денежные дела, и Типография, не оставит взять надлежащие меры для ускорения, колико возможно, тиснения; 4) по выдаче вследствие Предложения г. Министра Просвещения, 3000 рублей из 12 500, полученных от Графа Румянцева, в комитете остаются только 9 500 рублей, для употребления на издержки тиснения 1-го и 2-го тома».

Разумеется, следовало бы уточнить все детали реализации академического «гранта», к чему, надо признаться, мы сейчас не совсем готовы. Известно, что подготовкой к изданию так называемой Ипатьевской летописи занимался Василий Григорьевич Анастасевич, который, как было выше отмечено, получил из первой половины выделенной Н. П. Румянцевым суммы 1 тыс. руб. Из письма Румянцева к Кругу от 10 апреля 1820 г. мы узнаём, что издание Ипатьевской летописи должно было составить II том, в то время как I (по Лаврентьевской рукописи), ответственным за который был как раз А. Н. Оленин, «еще не вышел, поскольку г-н Оленин, захотевший взять это дело на себя, слишком занят различными ответственными обязанностями, которые связывают его с государственной службой»¹⁴. Почему всё же ни тот, ни другой не справились со своей задачей — неясно. Более успешным был румянцевский проект по изданию Софийской летописи, осуществленный на его средства П. М. Строевым¹⁵, но это уже отдельная история, так как этот «грант», насколько нам известно, не был связан с академическим.

References

- Fajbisovič V.* Aleksej Nikolaevič Olenin. Opyt naučnoj biografii. SPb., 2006.
Kozlov V. P. Kolumby rossijskich drevnostej. Izd. 2-e, dop. M.: Nauka, 1985.
Kumik A. A. Sodejstvie Kruga kancleru grafu Rumancevu v pol'zu ruskoj istorii // ŽMNP. 1850. № 1. S. 16–17.
Molčanov V. F. Gosudarstvennyj kancler Rossii N. P. Rumancev. M.: Paškov dom, 2004.
 Sofijskij Vremennik, ili Russkaâ letopis' s 862 po 1534 / Izdal Pavel Stroeov. M., 1820–1821. Č. I–II.

Список литературы

- Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1985.
Куник А. А. Содействие Круга канцлеру графу Румянцеву в пользу русской истории // ЖМНП. 1850. № 1. С. 16–17.
Молчанов В. Ф. Государственный канцлер России Н. П. Румянцев. М.: Пашков дом, 2004.
 Софийский Временник, или Русская летопись с 862 по 1534 / Издал Павел Строев. М., 1820–1821. Ч. I–II.
Файбисович В. Алексей Николаевич Оленин. Опыт научной биографии. СПб., 2006.

¹⁴ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 115. Л. 64.

¹⁵ Софийский Временник, или Русская летопись с 862 по 1534 / Издал Павел Строев. М., 1820–1821. Ч. I–II.

Д. И. Раскин

Дневниковые записи А. А. Алелекова о событиях февраля 1917 г. в Петрограде

Революционные события февраля 1917 г. в Петрограде не только стали предметом множества исторических исследований, но и отразились в большом числе воспоминаний современников. Сохранились, хотя и в меньшем числе, и дневники непосредственных свидетелей и участников этих событий.

Последние представляют особую ценность. В мемуарных источниках (помимо их неизбежной субъективности) немало неточностей, порожденных ошибками памяти, но немало и уточнений, сделанных авторами *post factum*, на основании документов, воспоминаний других очевидцев и т.п. Учитывать первые необходимо при реконструкции фабулы событий, вторые — при анализе степени и характера распространения сведений об этих событиях в обществе, изучении складывания связанного с данными событиями нарратива, легшего в дальнейшем в основу коллективной исторической памяти. В дневниковых записях очевидцев, сделанных непосредственно по следам событий, неточности, как правило, проистекают из недостаточной осведомленности автора (особенно когда он излагает события по слухам, не будучи их непосредственным участником или свидетелем) или благодаря индивидуальным особенностям его восприятия виденного и слышанного. Это не распространяется на дневники, специально подготовленные к печати. В них могут вноситься уточнения, сделанные впоследствии, на основании других источников¹.

¹ Например, изданные петербургские дневники Зинаиды Гишпиус, в которых содержатся записи о днях революции в феврале 1917 г., представляют собой сложное художественное произведение, в котором, возможно, есть место и уточнениям, сделанным уже *post factum*. См.: *Новожилова А. М.* Петербургские дневники Зинаиды Гишпиус («Синяя

Публикуемые дневниковые записи А. А. Алелекова в этом смысле являются весьма ценным источником. Их ценность не в подробностях описания событий, которые в основном уже реконструированы исследователями на основании комплекса разнообразных источников. Но для исследования отражения февральских событий в Петрограде в сознании современников и очевидцев, того, с какой скоростью и с какой точностью распространялись слухи о происходящих на их глазах фактах, — эти записи представляют большой интерес.

Дневниковые записи сделаны в общей тетради в черной коленкоровой обложке (56 листов в клетку, не считая вырванных) среди расписания лекций и конспектов по физике, геометрии и химии. На первом листе имеется запись о владельце тетради: «А. Алелеков».

Об авторе нам известно очень мало. Проживал он, судя по содержанию записей, на Васильевском острове и учился в Горном институте. Непосредственно в революции явно не участвовал.

К сожалению, личных дел и даже списков студентов Горного института за 1916–1917 гг. не сохранилось. Но имеется личное дело студента Горного института Федора Александровича Алелекова, который учился в этом институте с 1909 по 1918 г. и окончил его по горному отделению (дипломная работа была написана по геологии)². В этом деле имеется послужной список его отца, статского советника Александра Николаевича Алелекова, родившегося в 1856 г., происходившего из мещан г. Темникова Тамбовской губ., окончившего Петербургскую медико-хирургическую академию и заведовавшего к 1909 г. психиатрическим отделением Московского генерального императора Петра I военного госпиталя. У А. Н. Алелекова имелось два сына от первого брака — Николай (1878)³ и Федор (1886) и два сына от второго брака — Александр (1892) и Андрей (1894)⁴. Поскольку на обороте последнего листа принадлежавшей А. Алелекову тетради среди записей о расходах и т.п. кратких заметок имеется запись: «написать Андриюше»⁵, можно сделать вывод, что владельцем тетради являлся Александр Александрович Алелеков. А судя по другим записям, содержащим расписание лекций «весеннего семестра» и указание на назначенный 14 февраля экзамен по физике⁶, можно заключить, что А. А. Алелеков был студентом 1-го курса Горного института⁷.

книга», «Черные тетради», «Черная книжка», «Серый блокнот»): проблемы поэтики жанра. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.

² ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 12092. Л. 146.

³ Николай Алелеков также учился в Горном институте с 1894 по 1897 г. ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 10474.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 12092. Л. 44–49.

⁵ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 1196. Л. 53 об.

⁶ Там же. Л. 54.

⁷ Физику, судя по правилам прохождения курса в Горном институте, полагалось сдать во 2-м семестре. РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 432. Л. 26.

Записи (без всякого заглавия, в середине тетради) начинаются с 23 февраля и заканчиваются 1 марта. Автор явно торопится — отсюда многочисленные сокращения. Но при этом заботится о сохранении стиля и логики — отсюда не менее многочисленные исправления. Тон записей абсолютно объективный. Нет ни одного оценочного эпитета, ничего, что выдавало бы отношение автора к происходящему.

Характерно, что начаты записи 23 февраля, когда далеко не все очевидцы еще могли понять, что это — начало судьбоносных для России событий. Впечатляет и точность большинства сведений, в том числе о событиях, непосредственным свидетелем которых А. А. Алелеков явно не был. Записи о непроверенных или явно недостаточно достоверных слухах содержат формулировку «говорят» или даже зачеркнуты. Передача сведений по телефону сомнительна, так как, по свидетельству ряда современников, телефон в эти дни действовал плохо или даже «почти не действовал»⁸. Да и едва ли студент Алелеков имел телефон в постоянном распоряжении, поскольку, судя по отсутствию его имени в книге «Весь Петроград» за 1917 г., ни съемщиком, ни тем более владельцем отдельной квартиры он не был. Поэтому приходится констатировать, что слухи распространялись в эти дни достаточно быстро.

Ценность дневниковых записей А. А. Алелекова как источника по истории Февральской революции 1917 г. определяется не столько содержащимися в них сведениями о конкретных событиях (в основном известных и многократно подтвержденных другими источниками), сколько информацией о содержании и скорости распространения слухов об этих событиях среди населения Петрограда и, конечно, о восприятии этих событий современниками.

Точная дата и обстоятельства поступления тетради А. [А.] Алелекова в архив, как и подавляющего большинства материалов, составляющих коллекцию «Документы личного происхождения, не составляющие отдельных фондов», не установлены. Сама коллекция образована в 1938 г. в Отделе фондов личного происхождения Центрального государственного архива народного хозяйства (в 1941 г. вошедшего в состав Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, будущего РГИА). Можно лишь предположить, что эта тетрадь поступила в архив среди других архивных материалов из Архива Академии наук, в который после революции поступали документы о революционных событиях.

Дневник А. А. Алелекова

23. В городе нет хлеба. Необыкновенно длинные очереди. Трамваи ходят беспорядочно. А на Невском демонстрации с требованием хлеба. Казаки ведут себя спокойно, шутят с публикой. Напр[имер] такие разговоры: «Хорошо, вы хотите

⁸ См., напр.: Редигер А. История моей жизни: Воспоминания военного министра: В 2 т. Т. 2. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 1999. С. 441.

хлеба, а нам-то обедать дадите? Ведь мы сегодня не обедали». В демонстрациях обычно впереди мальчишки. Демонстранты криками «ура» приветствуют отдельные части войск. В общем, на улицах оживление и даже что-то праздничное.

24. Расклеено объявление градоначальника⁹ о том, что в городе мука появилась и будет хлеб, но на самом деле нет ни того, ни другого. Происходят одиночные побоища. Бьет полиция, войска пассивны. Появились хулиганские погромы мелких магазинов.

25. Некоторые заводы бастуют. Движение разрастается. На Знаменской площади казак зарубил пристава¹⁰. У Финляндского вокзала убит полицеймейстер Шалфеев¹¹. Ждут более обширных забастовок, хотя зловещих признаков нет.

26. У храма Воскресения¹² Павловский полк¹³ стрелял в полицию и после чего был взят под стражу¹⁴. Зловещие признаки.

27. Волынский, Преображенский, Семеновский и некоторые другие полки восстали, были¹⁵ сражения отдельных частей между собой (на Литейном), к вечеру число восставших человек (войсковых частей) возросло до 25 тыс.¹⁶ Кроме того присоединились воинские части, вызванные из Царского для усмирения восставших¹⁷. В разных частях города происходят сражения. Разрушен Арсенал, подожжен окружной суд, взята Петропавловская крепость, в которой будто бы находились казаки, заключенные под стражу¹⁸. Из «Крестов»,

⁹ В действительности объявление («За последние дни отпуск муки в пекарни для выпечки хлеба в Петрограде производится в том же количестве, как и прежде. Недостатка хлеба в продаже не должно быть. Если же в некоторых лавках хлеба иным не хватило, то потому, что многие, опасаясь недостатка хлеба, покупали его в запас на сухари. Ржаная мука имеется в Петрограде в достаточном количестве. Подвоз этой муки идет непрерывно. Командующий войсками Петроградского военного округа ген.-лейт. Хабалов») исходило от командующего войсками Петроградского военного округа С.С. Хабалова (1858–1924) (*Бурждалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М.: Наука, 1967. С. 134).

¹⁰ Участкового пристава ротмистра Крылова зарубил подхорунжий 1-го Донского полка М.Г. Филатов.

¹¹ Полицеймейстер 5-го отделения полковник М.П. Шалфеев (1859–1917).

¹² Зачеркнуто: был.

¹³ Зачеркнуто: взят под стражу.

¹⁴ 26 февраля 4-я рота запасного батальона лейб-гвардии Павловского полка при разгоне демонстрации открыла огонь по полиции и собственным офицерам. Рота была обезоружена и взята под стражу силами запасного батальона лейб-гвардии Преображенского полка, однако из-за большой численности роты (более 1100 чел.) комендант Петропавловской крепости отказался принимать всех арестованных. В крепость было заключено только 19 солдат, признанных зачинщиками (*Бурждалов Э.Н.* Указ. соч. С. 177–179).

¹⁵ Зачеркнуто: отдельные части.

¹⁶ На 27 февраля историки насчитывают 25 700 восставших солдат (*Бурждалов Э.Н.* Указ. соч. С. 189). Очевидно, что эта (в любом случае более или менее приблизительная) цифра циркулировала в виде слухов уже в этот же день.

¹⁷ Зачеркнуто: На.

¹⁸ В Петропавловской крепости находились только задержанные накануне зачинщики мятежа 4-й роты л.-гв. Павловского полка.

Литовск[ого] замка и других тюрем выпущены преступники. Совет министров подал в отставку (за исключ[ением] Протопопова¹⁹)²⁰ и скрылся. Объявл[ено] временное правительство из членов Государств[енной] Думы²¹ в числе 11 человек: Милюков, Родзянко, Керенский, Чхеидзе, Некрасов, Шульгин и...²².

Родзянко послал вторичную телеграмму царю, в кот[орой] говорит, что решается судьба империи и молит Бога, чтобы ответственность не легла на голову венценосца²³. Посланы телеграммы (им же) Рузскому

¹⁹ Заключенная в скобки часть фразы надписана сверху.

²⁰ Ср. дневниковую запись Зинаиды Гиппиус от 27 февраля: «5 1/2 часов. Арестовали Щегловитого. Под революционной охраной привезли в Думу. Родзянко протестовал, но Керенский, под свою ответственность, посадил его в Министерский павильон и запер. (Голицын известил Родзянку, что уходит, равно, будто бы, и другие министры, кроме Протопопова)» (*Гиппиус З.Н.* Петербургские дневники. Цит. по: Литература русского зарубежья: Антология. М.: Книга, 1990. С. 260–261).

²¹ Речь идет о Временном комитете Государственной Думы (Комитете членов Государственной Думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями или Исполнительном комитете Государственной Думы), образованном 27 февраля 1917 г. в составе: М.В. Родзянко (председатель), Н.В. Некрасов, И.И. Дмитриев, В.А. Ржевский, Н.С. Чхеидзе, А.Ф. Керенский, П.Н. Милюков, А.И. Коновалов, М.А. Караулов, С.И. Шидловский, В.В. Шульгин, В.Н. Львов, позже кооптирован Б.А. Энгельгардт. (Государственная Дума Российской империи 1906–1917: Энциклопедия. М.: Росспэн, 2008. С. 108). Характерно, что автор называет этот комитет правительством. Ср. воспоминания полковника Д. Ходнева «Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка», относящиеся к этому дню: «Передавали, что образовалось какое-то “Временное правительство” в лице выборных членов Государственной Думы». Необходимо отметить, что 27 февраля в 5:30 вечера список членов Временного комитета, а затем листовка о создании и составе комитета (названного в ней «Временным Комитетом для поддержания порядка») были «расклеены по улицам». «На улицах говорили, что Государственная Дума решила не расходиться, что она стала во главе движения и что образован Временный Комитет, заменяющий правительство» (*Николаев А.Б.* Государственная Дума в Февральской революции: Очерки истории. Рязань, 2002. С. 31).

²² Отточие в подлиннике.

²³ 26-го февраля М.В. Родзянко послал телеграмму в Ставку: «Положение серьезное. В столице — анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всяческое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца» (История отечества в документах. 1917–1993 гг. Ч. 1: 1917–1920 гг. М.: ИЛБИ, 1994. С. 12). Телеграмма была послана без ведома Думы. 27 февраля на заседании Совета старейшин Государственной Думы (начавшемся в 12 часов дня) он объявил участникам заседания об этой телеграмме, а в 12:40 была послана составленная М.В. Родзянко и А.И. Гучковым (видимо, еще до заседания) вторая телеграмма императору: «Занятия Государственной Думы указом Вашего величества прерваны до апреля. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому Министерства внутренних дел и Государственной Думе. Гражданская война началась и разгорается. Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною Вашему величеству во вчерашней телеграмме. Повелите в отмену Вашего высочайшего указа вновь созвать законодательные

и Брусилову²⁴, в кот[орых] Родзянко просит²⁵ оказать воздействие на царя. В ответ получены телеграммы, что «долг перед Родиной исполним»²⁶.

28. За ночь присоединились остальные воинские части, в Финляндс[ком] полку²⁷ и в Галерной гавани всю ночь была стрельба. В 180-м пехотном [полку]²⁸ присоединение произошло б[олее] и[ли] менее спокойно. Полиция переделалась в штатское и стреляет по войскам из окон, после чего обычно добираются до²⁹ полицейских и их убивают. По улицам разъезжают автомобили с красн[ыми] флагами и вооруженными людьми. Ходят патрули из солдат и рабочих. Хулиганства мало, хотя почти всё время и почти всюду идет стрельба; говорят, что стреляют полицейские и озорничают подростки³⁰. Я видел, как осаждали полицейский участок на Больш[ом] просп[екте] В.О.³¹

палаты. Возвестите безотлагательно эти меры высочайшим манифестом. Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию — восторжествует немец и крушение России, а с ней и династия неминуемо. От имени всей России прошу Ваше величество об исполнении изложенного. Час, решающий судьбу Вашу и Родины, настал. Завтра может быть уже поздно» (Николаев А.Б. Указ. соч. С. 25). Неудивительно, что основные положения и текстуально точные цитаты можно найти во многих воспоминаниях современников (в том числе и у британского посла в России Дж. Бьюкенена). Но замечательно, что о телеграмме в этот же день узнал достаточно далекий от событий в Таврическом дворце студент Горного института А.А. Алелеков, причем он довольно близко к тексту воспроизводит заключительные слова второй телеграммы и дословно цитирует последнюю фразу первой (ошибочно полагая, что она содержится во второй телеграмме). Это обстоятельство дает пищу как для размышлений о скорости распространения слухов в Петрограде в февральские дни, так и, возможно, о сложности политической игры М.В. Родзянко, рассчитывавшего, быть может, именно на распространение в обществе сведений об этих телеграммах.

²⁴ 26-го телеграммы аналогичного содержания были посланы начальнику Штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексееву и главнокомандующим фронтами (Николаев А.Б. Указ. соч. С. 25).

²⁵ Зачеркнуто: их передать царю.

²⁶ Ср. дневниковую запись гораздо более близкой к думским кругам и гораздо более осведомленной Зинаиды Гиппиус от 27 февраля: «4 ч. дня. Известия о телеграммах Родзянки к царю; первая — с мольбой о смене правительства, вторая — почти паническая — “последний час настал, династия в опасности”; и две его же телеграммы Брусилову и Рузскому с просьбой поддержать ходатайство у царя. Оба ответили, — первый: “исполнил свой долг перед царем и родиной”, второй: “телеграмму получил поручение исполнил» (Гиппиус З.Н. Указ. соч. С. 260).

²⁷ Казармы Финляндского л.-гв. полка находились на Васильевском острове по адресу: Николаевская наб. (ныне: наб. Лейтенанта Шмидта), д.43, 18-я линия В.О., д.3, 19-я линия В.О., д.2, 20 линия В.О., д.1.

²⁸ Имеется в виду запасной батальон 180-го пехотного Виндавского полка. Сам полк в это время находился на Северном фронте.

²⁹ Зачеркнуто: них.

³⁰ Зачеркнуто: В городе.

³¹ Речь идет о 1-м участке Васильевской части (Большой пр. В.О., д.13) или о Суворовском участке той же части (Большой пр. В.О., д.67). Судя по тому, что А.А. Алелеков проживал поблизости к Казармам л.-гв. Финляндского полка и, соответственно, к Горному институту, — о последнем.

В Гос[ударственную] Думу отправились депутаты от войск и рабочих, где к ним обращались депутаты³² с просьбой вернуться в казармы. Слушать офицеров и не нарушать порядка. Сов[ет] рабоч[их] депутатов организует питательн[ые] пункты³³, хлебопекарни и т.п.³⁴

В инстит[уте] сходка с участ[ием] нек[оторой] профессуры. Вынесена между прочим резолюция, что студенты Г[орного] И[нститута], памятуя, как[ую] роль сыграли немцы для развития реакции в России, выраж[ают] надежду³⁵, что Врем[енный] Ком[итет]³⁶ доведет до конца борьбу с внешним врагом и внутр[енним] — правительством.

1 марта. Есть попытки водворить порядок. Говорят, что государь арестован в Бологом.

У Адмиралтейства идет пулеметная стрельба. Протопопов арестован. Англия и Франция признали Временное правительство. Назначены комиссары Исполнит[ельного] комитета. Опубликованы приказы члена Врем[енного] комитета Караулова³⁷, которыми³⁸ преследуется цель водворить порядок. Приказ[ано] не отбирать оружия у офицеров. Арестованы: Штюрмер, Горемыкин, д-р Дубровин и друг[ие]. Вел[икий] к[нязь] Кирилл Владим[ирович] передал Гвард[ейский] экип[аж]³⁹ Времен[ному] правительству. Офицерам приказано явиться в зал армии и флота⁴⁰ и получить предписания. Сов[ет] раб[очих] деп[утатов] агитирует за демократич[ескую] республику и призывает солдат выбирать офицеров.

РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 1196. Л. 43–45. [Автограф]

³² Зачеркнуто: с речами.

³³ Питательные пункты организовывались на основании воззвания Петроградского совета рабочих депутатов к населению, опубликованного в «Известиях Комитета петроградских журналистов» 27 февраля (Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 219).

³⁴ Зачеркнут абзац: Говорят, что Протоп[опов] уехал в Швецию, Алекс[андра] Фед[оровна] где-то скрывается.

³⁵ Зачеркнуто: пожелания.

³⁶ Зачеркнуто: настоят на том, что война будет доведена до победы.

³⁷ Караулов Михаил Александрович (1878–1917), депутат II и IV Государственных Дум (беспартийный, член Казачьей группы, примыкал к прогрессистам, затем входил в Независимую группу), в 1917 г. — член Временного комитета Государственной Думы, командант Таврического дворца и его районов (1–4 марта), комиссар Временного комитета Государственной Думы и Временного правительства в Терской обл., избранный атаман Терского казачьего войска. В дни Февральской революции известен приказом об аресте чинов полиции и Корпуса жандармов.

³⁸ Зачеркнуто: суть.

³⁹ Имеется в виду Гвардейский экипаж — военно-морская часть гвардии. Вел. кн. Кирилл Владимирович (1876–1938) командовал Гвардейским экипажем с 16 марта 1915 по 3 марта 1917 г. 1 марта явился в Государственную Думу и заявил М.В. Родзянко: «Имею честь явиться вашему высокопревосходительству. Я нахожусь в вашем распоряжении, как и весь народ. Я желаю блага России», — причем заявил, что Гвардейский экипаж в полном распоряжении Государственной Думы (Воейков В. С Царем и без Царя. М.: Воениздат, 1995. С. 251). В 1924 г. это не помешало ему провозгласить себя императором.

⁴⁰ Имеется в виду Офицерское собрание армии и флота (Литейный пр., д.20), открытое в 1898 г. Ныне — Дом офицеров Западного военного округа.

References

- Burzhdalov E.N.* Vtoraya russkaya revolyuciya. Vosstanie v Petrograde. M.: Nauka, 1967.
Gippius Z.N. Peterburgskie dnevniki // Literatura russkogo zarubezh'ya: Antologiya. M.: Kniga, 1990.
 Gosudarstvennaya Duma Rossiiskoi imperii 1906–1917: Enciklopediya. M.: Rosspen, 2008.
 Istoriya otechestva v dokumentah. 1917–1993 gg. Ch. 1: 1917–1920 gg. M.: ILBI, 1994.
 Iz vospominanii polkovnika D. Hodneva «Fevral'skaya revolyuciya i zapasnoi batal'on leib-gvardii Finlyandskogo polka». [Yanvar' 1936 g.] // Lichnyi arhiv A.N. Yakovleva. Dokumenty GARF o Fevral'skoi revolyucii. 1917 g. Dokument 2. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org> (date of access 11.02.2016).
Nikolaev A.B. Gosudarstvennaya Duma v Fevral'skoi revolyucii: Ocherki istorii. Ryazan', 2002.
Novozhilova A.M. Peterburgskie dnevniki Zinaidy Gippius («Sinyaya kniga», «Chernye tetradi», «Chernaya knizhka», «Seryi bloknot»): problemy poetiki zhanra: Avtoref. dis. ... kand. philol. nauk. SPb., 2004.
Rediger A. Istoriya moei zhizni: Vospominaniya voennogo ministra: V 2 t. T. 2. M.: Kanon-Press-C; Kuchkovo pole, 1999.
Voeikov V.S. Carem i bez Carya. M.: Voenizdat, 1995.

Список литературы

- Бурждалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М.: Наука, 1967.
Воейков В. С Царем и без Царя. М.: Воениздат, 1995.
 Государственная Дума Российской империи 1906–1917: Энциклопедия. М.: Росспэн, 2008.
 Литература русского зарубежья: Антология. М.: Книга, 1990.
Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции: Очерки истории. Рязань, 2002.
Новожилова А.М. Петербургские дневники Зинаиды Гиппиус («Синяя книга», «Черные тетради», «Черная книжка», «Серый блокнот»): Проблемы поэтики жанра: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.
Редигер А. История моей жизни: Воспоминания военного министра: В 2 т. Т. 2. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 1999.

Н. В. Лукина

Поэтесса, прошедшая ГУЛАГ

Какое счастье жить, дышать, смотреть
 На красоту людей, Земли, светил!
 И мыслить, и любить, и петь
 От полноты душевных сил!

Л. Ю. Зубова-Моор, 1967 г.

Любовь Юльевна Зубова (26.03.1881–07.04.1970) родилась на Вологодчине, после гимназии окончила Смольный институт, в 1926 г. — Российский институт истории искусств, стала чтицей-декламатором и лектором, писала стихи. От первого брака имела сына Александра Александровича Зеленецкого (09.11.1902–?). Второй раз вышла замуж за венгра, доктора медицины Вильяма Овида Моора, стала Зубова-Моор; в семье родился сын Георгий Вильямович Моор (10.11.1911 — не ранее 1976). Во время Первой мировой войны выступала с концертами по лазаретам. После революции жила с семьей в Ленинграде в большой квартире, так как с родными их было 8 человек.

В 1926 г. Любовь Юльевна Зубова-Моор стала членом Московского союза поэтов. В 1930 г. она поехала в столицу показать свои стихи, попала под облаву и первый раз оказалась в заключении. В Бутырской тюрьме, в общей камере с уголовницами, спали «ложками», так как 40 женщин лежали на одной большой из досок голой койке. Ночью с 13 на 14 апреля Любовь Юльевна сочинила стихотворение: «В камере», немного позднее — «Разговор в тюрьме».

В камере

Окна известью залиты,
 Прокопченный потолок,
 Скользки каменные плиты
 И в дверях — тугой замок.
 Нары горбятся коряво,
 Воздух густ и нестерпим,
 Полуголые «халявы»
 Бранью хлещутся сквозь дым.

На веревках самодельных
 Тряпок мокрых вороха.
 И в тупой тоске безделья
 В каждом слове смрад греха...
 Карты, песни воровские,
 Боль, пронзающая плоть...
 Цепенею от тоски я,
 Чем бы душу расколоть?

Так средь адова гноища
 Подбасила, пой не пой!
 Но Любовь, в отрепьях нищей, —
 Поводырь, как у слепой.
 Пусть кругом черней могилы,
 Прокаженные сердца...
 Чьи-то губы шепчут: «Милый»
 С побледневшего лица.

Разговор в тюрьме

Не плачь, поешь! Хоть невкусна «баланда»,
 И ты поешь со мной тюремные хлеба!
 Мы все равны здесь — «вшивая команда».
 Равно всех подвела «лягавая» судьба!
 Сейчас сестра со мной ты по несчастью,
 А завтра — «фрайтерша», свободная, а я
 У холода и голода во власти,
 Этапом выслана в далекие края!

Но мы равны с тобою по природе,
 Тюрьма равно нам давит плечи и сердца.
 Не отверни ж при встрече на свободе
 Ты от воровки жалкой честного лица!
 Ты улицы не знаешь и «шалмана»,
 Там, на свободе, ждет тебя твоя семья,

Но жизнь твоя ведь всё ж не без обмана,
 И в радостях твоих была слеза моя.
 А здесь, в тюрьме, узнав свободы цену,
 Небось, тебя сломила лютая тоска!
 Не плачь, смотри: я вижу перемену —
 Свободный путь тебе и «полная рука»!

Л. Ю. Зубову-Моор вскоре выпустили. Ее «мнимая смерть», когда муж уже жег неугасимую лампаду перед ее портретом, пошла ей на пользу. Все к ней стали очень ласковы. Моор называл ее «вновь найденная». Пасху в том году семье отпраздновать не удалось, так как «по карточкам не дают, а в вольной продаже бешеные цены. Намерение послать брату Мише белые сухари неосуществимо, к сожалению, потому что белого хлеба дают нам на 7 человек одну французскую булку в день. Сами сушим черный хлеб и едим его в сухарях», — писала она.

По настоянию сына Георгия (Жоржа) Любовь Юльевна заполнила анкету для прохождения квалификации декламатора, и была поставлена в Посредрабисе на учет. Сын очень помог маме, сделал пять вещей под музыку, которую сочинил, и аккомпанируя ей на квалификации. Одно из произведений — «Наш марш» Владимира Маяковского. Была Любовь Юльевна и в Радиоцентре, где ей предложили прийти на просмотр в одну из суббот с новым репертуаром. Она решила идти с Жоржем, который хотел с ней работать.

В июне 1930 г. в семье произошло несчастье — арестовали старшего сына Сашу Зеленецкого по делу, о котором он ничего не знал. Бывшее начальство Этнографического музея Академии наук, где он работал несколько лет тому назад, было арестовано. В Доме предварительного заключения у Любви Юльевны было с ним свидание, она сразу же подала заявление со справкой из диспансера о том, что у Саши туберкулез легких и желез. «Благодаря этому ему разрешили передачи, дают прогулку и держат в камере на двоих. Муж-доктор тоже подал заявление, в котором просил дать Сашу на поруки двум коммунистам... Следователь звонил ему по телефону, что на поруки взять нельзя, что они содержат его в приличных условиях и сказал, что даст доктору с Сашей свидание. Доктор писал, чтобы Сашу допросили скорее и окончательно, что он не умеет говорить неправду. ...вся его вина в том, что он не марксист и, вероятно, при допросе откровенно сказал свое мировоззрение», — писала Зубова-Моор в письме сестре Нине Юльевне в Москву 23 июля 1930 г. Скорее всего, Александра Зеленецкого арестовали как ученика репрессированного ранее известного историка Е. В. Тарле.

В 1930 г. лето было жаркое. «На острове Декабристов вокруг залива устроили пляж, в целую версту длиной, с чистым желтым песком. Народ купался и загорал, как в Крыму. Выше пляжа — аллея со скамейками. Прямо Европа!», — писала Любовь Юльевна. — «Вообще Ленинград с каждым годом хорошеет. Наш Васильевский остров тоже не узнать. По всем линиям панели из асфальта

шириной как на Невском проспекте и насаждения, а Большой проспект — сплошной сад: газоны, деревья, скамейки, площадки для игр детей, цветы. Все сады тоже один другого лучше».

Вот в этом-то прекрасном городе имени Ленина Любовь Юльевна была вновь арестована и после обыска в квартире посажена в Кресты (известную ленинградскую тюрьму). Большая тетрадь ее стихов, исписанных «подозрительным почерком», была конфискована.

Из писем узнаём, что «Жоржу разрешили свидание с матерью, а когда он пришел, то его не допустили. На следующий день он получил телеграмму, чтобы пришел утром и принес вещи. Очевидно, Любовь Юльевну высылали... При свидании Жорж увидел мать седую, плачущую, нервную и больную: ноги распухли, ее лихорадит и идет процесс туберкулезный. Выяснилось, что мать отправляют на три года в концентрационный лагерь. Ее обвиняют в том, что она была руководительницей антисоветского салона (это что гости у них бывали). Те, кто у нее бывал, старались выгородить себя, кроме одного. Однако им дали по 10 лет. Энергии у нее уже не было; словом, это была тень, производящая неприятное впечатление». По сведениям родных, после ареста жены доктор В. Моор бросился «ее выручать», был тоже арестован и 26 марта 1932 г. скончался. Хоронили его родственники жены. О смерти мужа Любовь Юльевна узнала от женщины, которая была на его похоронах и которую посадили в общую с ней камеру.

Перед высылкой матери Жорж продал кое-что из мебели, хотел собрать что-то из одежды, но... — «одно рванье» вместо белья, нечего надеть на ноги, нет верхней одежды, платья... Из лагеря от Л. Ю. Зубовой-Моор была получена открытка. Пишет, «что кругом лес, деревянные бараки, сперва будет баня, потом карантин, потом распределение на работы. Надо мыла, прежде всего...» А адрес такой: Станция Потьма Московско-Казанской ж/д, Темлаг (Темниковский лагерь) ОГПУ, 13-й лагерьный пункт. Это в Поволжье, в Мордовской АССР, менее чем в 200 км к западу от города Саранска. Поразительно, но соседняя с Потьмой станция до сих пор носит название «Зубова Поляна». Мистика какая-то!

Через некоторое время Жорж получил от мамы письмо на 6 страницах. Он сообщил: «Ей можно получать письма в любом количестве, а самой писать только два раза в месяц. Лагерь в лесу. Одна ночь от Москвы. Есть ларьки, где всё, в общем, для них есть и дешево. Если заслужит, то дадут разрешение приехать туда к ней и провести от недели до 20 дней. Она работает в драматическом кружке. Ну, конечно, все ожили, когда оказались в лесу при хорошей погоде и на чистом воздухе. Какая еще у нее работа — не знаю». Жорж предполагал послать в Москву знакомого человека, чтобы хлопотать об освобождении матери.

В апреле 1933 г. был арестован и выслан в Казахстан на 5 лет брат Любви, Михаил Юльевич Зубов.

Ситуация с арестами Александра Зеленецкого, Любви Юльевны Зубовой, доктора Вильяма Моора и брата Михаила Юльевича аналогична той, о которой

Любовь Юльевна писала матери еще в 1921 г.: «У нас тут по соседству происходили свои драмы. Арестовали 10 сентября одну даму в нашем доме, очень симпатичную. Увезли, запечатали ее квартиру, а дочь ее, 12-летнюю девочку, следователь поручил нам. Мать исчезла бесследно, видимо, расстреляна. Дочка жила у нас два месяца и уехала к тете в Архангельск. Без нее уже раскрыли квартиру (приехал какой-то комиссар из ЧК), вывезли всё, кроме мебели, и поселились сотрудники из ЧК, так что теперь не осталось и воспоминания о жившей там семье... И такие современные драмы в столице бывают часто... и, думаю, немало страдает невинных». А в семье Любви Юльевны бывал в гостях Андрей Голов из ГПУ, который мог быть инициатором этих арестов и позже высылки всей семьи в корыстных интересах.

В начале 1933 г. уже из лагеря (из с. Кривякино) Любовь Юльевна писала сестре Нине: «Дорогая моя Ниночка, спасибо тебе, что откликнулась на мою просьбу и послала мне белых сухарей, сахару и конфет. Доставила мне этим большое удовольствие...», а в июле того же года (уже из Потьмы) писала так: «Я из Воскресенска приехала в Назаровку, в Первомайское отделение нашего Темлага, где и пробыла ровно месяц. Там я работала в околотке медицинской сестрой. Принимала больных амбулаторных вместе с “лекпомом”, а часто и без него, ежедневно ходила на лесоповал к лесорубам с обходом за 5 км от лагеря. Лес лиственный — дуб, липа, береза. В июне еще пели все птицы, масса соловьев, которые заливались все вечера и ночи под самыми окнами лазарета. Лежащих больных было мало. Одновременно 5 человек, больше с поранениями, порубами... что главное лечение — перевязки. На прием же приходило иногда до 70 человек. Я писала по-латыни, разбиралась в лекарствах и справлялась с делом, т[ак] к[ак] амбулаторное лечение стандартное — всевозможные готовые капли, микстуры, порошки и мази. Самые распространенные болезни сердечные, фурункулёз, желудок и тому подобное. В начале июля меня откомандировали сюда сопровождать и отвезти этап больных и слабосильных в Сангородок и в Центральный Темниковский лазарет Барашево. Я сдала 3 вагона людей, два дня отдохнула сама. Меня хотели оставить в Барашево медсестрой, но я не согласилась, т[ак] к[ак] там огромные бараки, помногу больных, и дежурство суточное (сутки дежурить, сутки отдых). Я сбежала с коммутатора из-за бессонных ночей, которые меня измучили, так что не чувствую достаточно физич[еских] сил, хотя работа медсестры мне симпатична, и я охотно работала в Первомайске. Хоть и уставала очень, но много была зато на свежем воздухе. В лес ходила с большой палкой, чтобы перебираться в болотистых местах по сваленным деревьям, перескакивать через лужи. Раз меня застала гроза и ливнем меня промочило до нитки, а потом опять засияло солнце». Жизнь в лесу, по-видимому, способствовала выздоровлению Любви Юльевны от туберкулеза.

Любовь Юльевна позже вспоминала: «...в сталинское время меня отправили в концентр[ационный] лагерь на Потьму на 3 года, но я пробыла там 2 года. Я так честно трудилась и так безупречно себя вела, что лагерное начальство

Рис. 1. Любовь Юльевна Зубова-Моор в костюме для «Русской пляски» в ежедневных выступлениях в госпиталях в январе–феврале 1915 г.

удивлялось — зачем меня лишили свободы и в чём можно меня исправить? Начальник лагеря снимал фуражку, встречая меня, и мне было разрешено гулять вне лагеря на природе. Я была так занята: 8 часов канцелярской службы, затем репетиции спектаклей, в которых я играла главные женские роли. Режиссером был артист МХАТ'а, тоже, видимо, по недоразумению высланный в Темниковский лагерь. Затем моей обязанностью было писать стихотворение к очередному номеру выходящей в лагере газеты. Бывали съезды всех лагпунктов, и меня всегда усаживали около Президиума, потому что я от имени заключенных должна была приветствовать съезд. Спать было почти некогда. Дело в том, что легла я очень поздно, а вставать в половине 7-го. К тому же спальные бараки были построены так: две доски и между ними засыпаны опилки, в которых было множество клопов. У каждой спальной койки стояла мисочка с водой, в которой мы топили нападающих на нас насекомых. Здоровье мое поддерживали ежедневные водные души (в лагере была водолечебница), когда

в одной только резиновой шапочке становишься в стеклянный шкаф, и со всех сторон тебя поливает теплая вода».

Подробности лагерной жизни Л. Ю. Зубова-Моор описала в весьма оптимистичной и полной юмора поэме «Темлаг» (Темниковский лагерь). Через два года пребывания в лагере ей дали такую характеристику, что она смогла вернуться к сыну в Ленинград.

Однако через год всю семью выслали на пять лет в Оренбург. «Из нашего дома, — писала Любовь Юльевна сестре в Москву, — выслали шесть семейств, а когда мы через два дня сели в вагон, то весь поезд оказался переполненный коренными ленинградцами, отправленными на 5 лет в Оренбург, без предъявления какого-либо обвинения». Сын Саша (Александр Александрович Зеленецкий) был выслан на Урал в город Шадринск, где женился на Марочке, и потом уже вместе они перебрались в Оренбург.

Приводим стихотворения Л. Ю. Зубовой-Моор, присланные сестре Нине Юльевне в Москву из заключения с текстом письма от 2 ноября 1933 г.

«Милая Нина, только что отослала тебе открытку. Пользуюсь случаем и пишу тебе несколько моих стихов. Вот написанные в Воскресенске, что в Кривякине, где пробыла с февраля до июня м[еся]ца.

Иду по парку

В цвету черемуха, и соловей защелкал...
 Сосны столетней золотится ствол...
 В платочках красных комсомолки
 Под липами играют в волейбол.
 Зелено-желтый дуб... Он в солнечных сережках,
 Весеннею листвою весь юностью цветет,
 А детвора топчет по дорожкам
 И хором голосов свой детский гимн поет.
 Здесь хвоя лиственниц с приветливой березкой
 Смешала с хризолитом сочный изумруд...
 Ворона каркнула вороньей глоткой жесткой,
 И тиной бархатной затянут зимний пруд.
 Кусты сирени все в лиловых, белых почках,
 Покрылась вишня снежно-белой фатой...
 По влажным колеям степенно едет с бочкой
 Лошадка смиренная за ключевой водой.
 Четыреста стволов березовой аллеи —
 Зелено-солнечный и радостный тоннель,
 Кукушка серая, сама себя жалея,
 Кукует, что весна — любовный только хмель.
 У ног моих в траве, на солнечной опушке
 Фиалки лиловеют нежною семьей,
 А в озерке звенят назойливо лягушки...
 Коровы дойные идут на водопой...
 Москва-река, как уж серо-зеленый,
 Меж плоских берегов лениво вьется вдаль...
 Мне грустно... взор блестит слезою умиленной...
 Мой город над Невой! То о тебе печаль!

1–4.06.1933 г. Кривякино. В этом стихотворении отражен Кривяк[инский] парк и его жизнь. Оно очень понравилось нашему начальнику Воскрес[енского] стройотряда, и я ему переписала его. В след[ующем] стихотв[орении] наша идеология лагерников. Она печатается в нашей общелагерной газете, кот[орая] посылается в ГУЛаг в Москву. Назыв[ается] оно:

Песня леса

В Мордовии, в лесах ее зеленых,
 Вдоль ветки Потьменской раскинут лагерь наш,
 И всем, до лагеря в труде незакаленным,
 Дают отбыть здесь трудовой свой стаж.
 Смирился гордый, укрощен строптивый,
 Квалифицирует, воспитывает труд,
 Прилежен стал, кто прежде был ленивый,
 Ударник честный — прежний вор и плут.
 Леса, леса! В вас вторглась наша сила!
 Бригада в лес... Топор стучит, звенит пила,
 Москве березу Потьма отгрузила,
 Для химзаводов льется кровь-смола.
 В лесу живем, лесное наше дело,
 Оно тепло, огонь и жизнь с собой несет...
 Пусть песни леса голос мой несмелый
 В свободной жизни вольно пропоет!

19.09.1933 г. Утемитлаг. А вот стихотворение, пос[вященное] докторчику (мужу, В. Моору. — *Н.Л.*) и написанное в день годовщины его смерти в Кривякине 26.03.1933 года:

Памяти доктора медицины Вильяма Овида Моора

Дома... Золото света и вечер...
 За роялем — склоненные плечи...
 Песни Шумана: «Du, Meine Seele»...
 Было... Прошло навсегда... Неужели!?
 «Рыжая Ганна» и «Бедный Пэтэр»,
 За окном рыдающий ветер...
 Город родной... Любимые лица...
 Время разлуки так длится, длится...
 Где они: «Rose? Meer und Sonne?»
 Песни и голос тот умиленный:
 Одна мне осталась: «Waldeinsamkeit»,
 Да свист и рыдание осенних флейт.

По-немецки названия песен Шумана, кот[орые] докторчик часто пел, «Waldeinsamkeit» — моя любимая. По-русски — «Лесное одиночество». Когда д[окто]р пел его, у меня всегда были на глазах слезы, точно я свое лесное одиночество предчувствовала.

М. Ю. Зубова-Моор.

Далее прилагается текст поэмы Любови Юльевны Зубовой-Моор 1932–1934 гг.

Темлаг (Темниковский лагерь)

Поэма о труде

Темлаг, Темлаг! Из многих чувств, рассеянных и шатких,
 Ты углубил одно: любовь к моей стране;
 Оно, как золото, таилось в целине,
 Ему — остаток дней моих, сосчитанных и кратких.

Карта Мордовии

Вот правобережье приволжских высот.
 Смотри же, на западном склоне, —
 Здесь лес корабельный сосновый растет,
 Судов караван по Суре там плывет:
 Ты здесь в Средне-Волжском районе.
 Дубовые чащи, сплошные леса,
 А дальше простор и долина...
 Черноземно-равнинной идет полоса,
 Где трактор стрекочет — колхозов краса,
 Среднерусской природы картина.
 Мордвин и мордовка. Он — дуб молодой,
 Колхозник, ударник примерный.
 Она загорелой и ловкой рукой,
 Снопы подбирая ржаной полосой,
 Идет деловито и мерно.
 Мордва чернобисерной землю зовет,
 Березкою — девушку — белой,
 И голос ее, как бубенчик, поет,
 Когда комсомольскую песню поет,
 Хмель, легкий и сильный за делом.
 А в царское время был голос такой:
 Печальный, глубоко-фальшивый.
 Никто не считался с нацменской мордвой,
 Но быстро советский всех выровнял строй
 К свободе и жизни счастливой.
 К лесному массиву ты подошел,
 Что помнит еще Кудеяра,
 Здесь леса хозяин медведь ведь большой,
 В берлоге живет возле яра.
 Наш лагерь пришел и врубился в лес,
 Стучат топоры и лязгают пилы,
 Пошла разработка девственных мест.
 В труде и борьбе — наша сила.

Москве краснокаменной шлём дрова,
Донбассу из ели — рудстойки,
Заводам — с подсочки янтарь-смола,
Баланы нужны для постройки.

А наш ученик в мастерских — молодежь —
Шлет спортивный инвентарь для «Динамо».
У лесорубов забота: «Даешь!»
Борись за ударное знамя!

И боремся с лесом, с собой, и даем.
Страна нас исправить хотела.
Мы новых советских людей куем
И песни труда во весь голос поем,
Пусть знает страна наше дело!

Потьменская ветка

Потьма Первая и Потьма Вторая...

Потьма Казанка и Потьма-Ветка.

Первая — артерия края,

Вторая — наших нервов сетка.

Рельсы песню одну поют:

«Перековка через труд,

Перековка через труд!»

В стук вагонов слышу слова:

«Москве — дрова! Москве — дрова!»

Паровоз в депо пытит и орет:

«Среднеобточный ремонт,

Среднеобточный ремонт!»

Диспетчерский аппарат достижениям рад:

Сто процентов — норма, полтора — тоже...

Пропустить рекордно двести пятьдесят —

Можем!

День лесоруба

День, как часов проверенный ход.

Светаёт. Шестая ударила склянка.

Подъем, умыванье, завтрак, развод,

И на работу в лес — на делянку.

Быстро разбились бригады в лесу,

Все лесорубы — коллективисты.

Весело звякнул топор на весу,

Эхо ответило в воздухе чистом.

Сделан подруб с одной стороны,
И зазвенела пила, и запела.
Звуков и пения делянки полны.
Эй, берегись, чтоб тебя не задело!

Падает дерево — сучья рубить.

Весело, звонко у нас на поляне.

После порубки надо пилить

То на дрова, то на баланы.

Больше и больше кубиков ряд,

Ходит приемщик, считает и метит,

Хвалит десятник своих ребят.

Солнце высокое ярко светит.

Дальше бригада баланы корит,

Полдень. Из лагеря полдник приносят.

Надо поесть, отдохнуть, покурить,

Выпить воды, что несут водоносы.

Там, на лежневке, подвозят дрова

К ветке, по чистой прямой лесосеке.

Полный маршрут принимает Москва!

Грузит сегодня бригада узбеков.

День, как часов проверенный ход,

Время обедать — ударила склянка.

Эй, запевалы, шагайте вперед!

И опустела до завтра делянка.

После обеда — в барак отдыхать,

Радио, шашки... почиститься надо,

Также газету успеть почитать,

Вечером в клубе — агитбригада.

Лесоруб

Родом он из дальней Вятки,

Загорелый лесоруб,

Деловитая повадка,

На слова пустые скуп.

На разводе — первый точно,

Великан без грубых слов.

И топор в руке отточен,

Жалоб нет. Всегда готов!

Обувь, шапка и одежда —

Все в порядке, выбрит, мыт,

И в артели он надежен,

Ладно сложен, крепко шит.

У него топор играет
И пила в руках поет,
И десятник сосчитает:
Двести каждый день дает.
Лес зеленый, лес суровый!
Принимай! Идем на бой!
Труд осмысленный, здоровый.
Песни леса звонче пой!

Ударница

Душистые сосны пилила,
И звонко звенела пила,
И пела в груди моей сила,
А в жилах — густая смола!
Рубила, и щепки летели...
Крушительна власть топора!
Кивали мне сосны и ели:
Да, новая жизнь — не игра!
Мне кубики дров белоснежных,
Как дни трудовые, считать...
Таких непохожих, не прежних,
Простых и прекрасных опять.
А в полдень в тени золотистой,
Под стройной могучей сосной,
На ложе, и росном, и мшистом,
Мне сладостен отдых лесной!

Подсочка

В лесу строевом и сосновом
По хвое, по мхам и по кочкам,
С ведром, в накомарнике новом,
Работать иду на подсочку.
Отмечены сосны стрелою,
В стаканчик стекает смола.
Уверенно, левой рукою,
Ножом я ее собрала.
От дерева к дереву быстро,
Всё дальше и дальше. В лесу
Прохлада и воздух душистый.
Ведро уже полным несу.
Теперь торопиться не надо, —
Я с нормой обратно иду.

Всей грудью вдыхаю прохладу,
В землянке свой полдник найду.
Как крепок мой сон полудневный!
Как вкусен мой полдник тогда!
Вживаюсь я здесь ежедневно
В великую радость труда!

Счетовод

Природа чисел непреложна,
Послушен ей и звездный ход.
Вся жизнь есть вечный чисел счет,
Ошибка в числах невозможна.
И потому считай без скуки,
Им добровольно покорись.
Подвластна числам Смерть и жизнь,
Природа, люди и наука!

Женщинам Темлага

Веками женщины судьба
Плелась, как вол в ярме, понуро,
Неравной слабая борьба
Порою вспыхивала хмуро.
И долю горькую ее
Поэты мира воспевали,
Но мы иную жизнь куем
И женщине свободу дали.
Наш Ленин в мир пришел, и вот —
Всё изменилось в мире этом,
И к женщине — иной подход,
Иные песни дал поэтам!
Вопрос нас женский не страшит,
Что был до Ленина проклятым,
Свободный труд, свободный быт,
Пути к культуре необъятны!

Коллективу «Пламя»

Я люблю моих лесорубов,
Хлеборобов и всю молодежь,
Что едва лишь от жизни пригубив,
Отдала эту жизнь ни за грош,

Пошатнула ее, промотала
И, придя в лагеря за судьбой,
Начала свою жизнь всю сначала,
Исцеляя трудом и борьбой.

Пусть же будет им труд этот в доблесть,
И борьба за свободу легка.
В новый путь, исступленная совесть,
И счастливая в жизни рука!

Малолетка

Тридцатипятилеток-малолетка
На мастерских живет у нас,
Он беспризорник был нередко
И юный лагерник сейчас.

Теперь он в коллективе «Смена»
В своем цеху учеником,
На профтехкурсах ежедневно
Квалификацию даем.

В руках имея специальность,
От нас он выйдет уж иным
И перекованным морально —
Путевку в жизнь ему дадим.

Красные ударники

Прорыв! Прорыва быть не может!
На производстве нет потерь.
Мы Темитлагу все поможем,
Мы все ударники теперь!

Все в лес! Все лесорубы будем:
Статистик, слесарь, инженер...
Ведь никакой нам труд не труден,
Друг другу мы даем пример.

Наш воспитатель, машинистка,
Связист, бухгалтер, счетовод,
Электрик и телефонистка —
Все красный трудовой народ.

Топор в руке, пила на плечи...
Бригада вся как на подбор!
Прошли уж сосен тонких свечи,
Вступили в лес... Какой простор!

Дышать всей грудью крепким соком
Земли и моха, и коры!

И в лагерь слышно — издалёка
Стучат усердно топоры.
А лес осенний глаз ласкает,
Березы в золоте волос,
И клен осенний в них влетает
Свой пурпур ярко-красных роз.

Закат расцветивает краски,
Белеют кубиков ряды...
Устали мускулы и связки,
И жажда требует воды.

В обратный путь — пилу на плечи,
Топор в руке... До завтра, лес!
Уж потемнели сосен свечи
В лиловых сумерках небес.

А после ужина — за дело,
В делах не может быть потерь!
Сказать имеем право смело:
Мы все ударники теперь!

Осень на Потье

Золотая осень! Золотая осень!
Ржавые полянки, сизые кусты.
Розовеют в солнце свечи тонких сосен,
Порыжели клены, шуркают листья...
Грустно и красиво! Осень с сердцем сестры,
Золотятся капли на листьях берез...
А тоска по милым ранит болью острой,
И в глазах печальных искры терпких слез...

Заструился ветер, пролетел и скрылся,
Прозвучал, как тонкий мимолетный свист...
Дождевой завесой воздух омрачился,
С ветки оторвался мокрый желтый лист.

Золото заката к каждой мелкой луже...
Говорит: «Прощайте!» — солнце нам без слов.
Ранним утром иней сеткой тонких кружев
По земле раскинул снеговой покров.

Массовая работа

В жизни заключенных, трудовой и строгой,
Культпросветработа — наш важнейший фронт!
Творчеству для массы уделяют много,
Знаниям, таланту ширят горизонт.

В клубе кинофильмы, драмкружок, концерты,
 Радио в бараках, красный уголок
 И агитбригады, постановки в центре,
 Также музыкальный, хоровой кружок.
 Лагерь ценит праздник, лагерь краски любит,
 Отмечает слетов красные огни.
 Постановки наши оформляют в клубе.
 Пролетарских праздников — красочные дни!
 Выставки, скульптура, лозунги, плакаты
 Украшая праздник, украшают быт.
 С массовой работой полного охвата
 Лагеря художник непрерывно слит.
 И его работа, протекая в будни,
 Пламенеет в праздник знаменем труда,
 Творческие силы массовые будут,
 И влетает бодрость в ковкие года.

Слушая радио

Я слушала Красную площадь,
 Вождей и Москвы голоса,
 Оркестра военного мощи,
 Видела войск леса.
 Трудящихся масс молодежи
 Сердца ликованием полны.
 Страна меня любит тоже,
 Скромную дочь страны.
 Любит и не обманет,
 Вновь я вернусь домой,
 Только дом мой обширней станет:
 Весь Союз — дом мой родной!

Начальнику снабжения тов. Маслову

Обращаюсь к Вам вторично
 И прошу меня простить,
 Но поэту неприлично,
 В локтях продранных ходить.
 Гимнастерка в нашем быте
 Самый скромный, лучший тон.
 Отчего же не хотите
 Для меня такой фасон?
 Уверяю: Вы не правы,
 Разграничивая нас!

Мы с женщиной равноправны,
 Так сказал рабочий класс!
 Возраст мой уже солидный,
 Я товарищ и поэт,
 Оттого мне и обидным
 Показалось Ваше: «Нет!»
 За стихи прошу прощенья,
 Я хочу Вас убедить,
 Что прилично, без сомненья,
 В гимнастерке мне ходить!

Художникам, работавшим над выставкой «Темлаг для XVII Партсъезда»

По приказанию ГУЛАГа,
 На берегу реки Явас
 Создать поэму о Темлаге
 Бригада наша собралась.
 Хоть за окном зима и стужа,
 Но в студии — весенний пыл,
 Ударный темп работы дружной,
 И каждый время позабыл.
 Руководит художник Эссен,
 Он старший наш и бригадир,
 Его талант и вкус известен,
 Он замыслом нас вдохновил.
 Михайлов и Преображенский
 Шедевры в дереве творят;
 С изяществом, почти что женским,
 Их экспонатов блещет ряд.
 Шныров Василий, с флегмой русской,
 За экспонатом экспонат
 О вывозках и о погрузках,
 И кубометров — славный ряд.
 Быстров, Бодренок, Воропаев
 Над диаграммами сидят,
 От цифр и надписей страдает
 Наш молодой триумвират.
 А я по студии слоняюсь,
 Мечтаю, думаю, слежу...
 По-детски всеми восхищаюсь
 И всё пишу, пишу, пишу...

Но вот и выставка готова,
И в клубе доступ к ней открыт.
Она в оправе блещет новой,
И стенд красив, как монолит!
Но через день уже укладка:
Поэму, выставку — в Москву!
Окончен праздник яркий, краткий,
Иду в финчасть — качать тоску!

Концерт в клубе

Обласкана волною звуков нежных,
Мечталось мне и грустно, и светло:
Мне вспомнились часы восторгов прежних,
Что снегом жизни занесло.
Я в филармонии, в толпе парадной,
Я рядом с другом, я с тобой
Внимаю сердцем, ухом жадным
Оркестра волны — бьются, как прибой.
Они под куполом сверкают хрусталами,
Рассыпались на тысячи цветов,
Огнем и холодом струятся между нами
И говорят, и говорят без слов...
Зажегся на эстраде черный факел
И разгорается всё ярче, всё ярчей:
Скрипач прославленный, в изящном черном фраке,
Из-под смычка роняет сноп лучей!
Певица голосом, и солнечным, и звездным,
О жизни, радости, о счастье мне поет,
Как будто на снегу, сверкающем, морозном,
Благоухают розы, тает лед.
Пианист, бессмертием Шопена,
К бессмертию и славе держит путь...
И звуки падают из клавиш белой пены,
И в жилах кровь звенит, любовью дышит грудь!
Мне вспомнилось всё это в нашем клубе...
(О прожитом прекрасном — не жалеи!)
Когда в улыбке сложенные губы
Мне говорили: «Жизнь, и в жизни любят!»,
Когда певица пела Батерфлей.

Темлагу

Здесь в лагере, казалось мне, достигла
Я мудрости, предельной для меня,
И, смело рифмами звеня,
Я выпевала боли острой иглы.
Но заключенья дни и срок опальный
Прошли недаром, и в моих стихах,
Хоть и медлительней их крыльев взмах,
Всё реже слышится напев печальный.
Благодарю судьбу я за уроки,
Что выковали, углубили мысль,
За всё, за всё, что мне послала жизнь,
Что осознала я в дни лагерного срока.

Зачет рабочих дней

Зачет рабочих дней — есть в нашей жизни льгота,
Есть зеркало, в котором отразилось всё,
Вся наша лагерная жизнь и вся работа,
Как мы вели себя и как вели ее.
Зачет рабочих дней нам сокращает сроки,
В труде и быте учит бдительности нас.
На заседаниях дает примерные уроки
И приближает к нам свободы день и час.

Домой

По ветке Потьменской в обратный путь,
В обратный путь, свободный на свободу.
Прощай, Темлаг! Поэта не забудь!
Пишу тебе лирическую оду.
Я памятью вернусь к тебе не раз,
Я приняла свободу, но не знаю:
Как буду принята у ней сейчас?
От робости пред ней я замираю.
Признания и подвига ищу,
Сказать хочу в поэзии так много...
Для духа, сильного еще,
Зачем же этот трепет на пороге?
Прощальный голос слышу твой в ответ:
«Чувствительность и робость бросить надо.
По-большевистски шаг выравнивай, поэт,
В признании найдешь свою отраду».

Рис. 2. Любовь Юльевна Зубова-Моор в пьесе «Мятеж» в спектакле Темниковского лагеря ГУЛАГа в 1934 г.

Только в марте 1959 г. Любви Юльевне Зубовой-Моор и Александру Александровичу Зеленецкому с его женой Марочкой разрешили вернуться из ссылки в родной Ленинград. Сняли комнату на первом этаже дома на 11-й линии Васильевского острова. Младший сын, Георгий Вильямович, после демобилизации с фронта уже жил в Ленинграде в комнате жены Любви Карловны Шмидт. Несмотря на преклонный возраст, Л. Ю. Зубова-Моор продолжала читать лекции, за что в 75 лет получила почетную грамоту и ответила на это такой стихотворной строчкой: «Я счастлива в труде, так значит, молода!» Чтение лекций она продолжала до 80 лет. Ее «хорошо слушали и любили самые разные аудитории: и интеллигенция, и рабочие». Александр Александрович Зеленецкий работал научным сотрудником во Всесоюзном научно-исследовательском геологическом институте, делая переводы научных работ

с трех языков: английского, французского и немецкого. После 80-летнего юбилея семье Л. Ю. Зубовой-Моор дали однокомнатную квартиру. Любовь Юльевна начала писать «Воспоминания», сидя за своим (!) письменным столом. Последние написанные ей строки такие: «Я горжусь своей Родиной и горжусь, что мне посчастливилось родиться в России!»

В. Г. Вовина-Лебедева

Древнерусский семинар

В С.-Петербургском институте истории РАН начал работу постоянно действующий Древнерусский семинар, который является совместным проектом нашего института и Института истории СПбГУ. Организаторы и ведущие семинара со стороны СПбИИ РАН — д.и.н., в.н.с. В. Г. Вовина (Вовина-Лебедева), со стороны исторического факультета (Института истории СПбГУ) — д.и.н., доцент А. В. Сиренов.

Цель семинара — организовать постоянное обсуждение различных тем, связанных с изучением истории и культуры Древней Руси, а также источниковедения, историографии и публикации текстов, с привлечением специалистов из разных научных учреждений С.-Петербурга и учащейся молодежи (студентов и аспирантов). Мы стремимся получить в итоге общее поле для научных дискуссий ученых разных поколений и научных школ в целях объединения усилий специалистов по смежным дисциплинам (истории, филологии, искусствоведения и др.), а также для повышения качества университетского образования.

Семинар планируется проводить с периодичностью раз в два месяца. Для выступлений будут приглашаться как известные историки и филологи, так и аспиранты и студенты.

Первое заседание семинара состоялось 15 октября 2015 г. Был заслушан и обсужден доклад ассистента кафедры истории Санкт-Петербургского политехнического института им. Петра Великого Д. Д. Смирновой «Послания новгородского архиепископа Феодосия: Проблемы создания и бытования».

Второе заседание состоялось 17 декабря. С докладом «Неформальное покровительство (патронат) в Московском государстве XV–XVII вв.» выступил д.и.н., профессор исторической компаративистики Европейского университета в Санкт-Петербурге М. М. Кром.

Следующее заседание Древнерусского семинара планируется на вторую половину февраля 2015 г. Будет обсуждаться доклад аспиранта СПбГУ А. Е. Жукова, посвященный «Летописцу начала царства».

В связи с планируемой работой предполагается ввести в Петербургском историческом журнале постоянную рубрику «Древнерусский семинар», под которой будут публиковаться статьи, написанные по результатам докладов и обсуждения на семинаре.

Первой размещается статья Д. Д. Смирновой «Послания новгородского архиепископа Феодосия: проблемы создания и бытования».

Д. Д. Смирнова

Послания новгородского архиепископа Феодосия: проблемы бытования и создания

Послания новгородских архиепископов XVI в. представляют собой важный и информативный источник, к которому последнее время всё чаще обращаются исследователи. В этой связи особо актуальной представляется работа по научной публикации этого комплекса источников, в том числе трудов одного из архиепископов, находившихся во главе новгородской кафедры с 1542 по 1551 г. — Феодосия. Но для этого необходимо изучить бытование текстов его посланий и провести их систематизацию. Несмотря на то что отдельным его трудам посвящен ряд источниковедческих работ¹, подобное исследование данного эпистолярного наследия не проводилось.

Как показал проведенный автором статьи анализ архивного наследия архиепископов, руководивших Новгородской епархией в XVI в., оно включает более 226 известных источников в виде подлинников и списков. Наряду с этим выявлено пятьдесят одно упоминание о грамотах или наличие подтверждающих

¹ *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 80–81; *Буланин Д.М.* Феодосий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Ч. 2. Вып. 2. С. 458–459; *Филлошкин А.И.* Грамоты новгородского архиепископа Феодосия, посвященные «Казанскому взятию» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 327–346; *Макарий (Веретенников), архим.* Послание митрополиту Макарию // Макарьевские чтения: Русские государи — покровители Православия. Можайск, 2001. Вып. 8. С. 99–104; *Пономаренко О.Н.* Послание игумена Хутынского монастыря Феодосия старцу Алексею о дьяке Якове Шишкине // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2001. Вып. 5. С. 25–38; *Абеленцева О.А.* Формулярник новгородского архиепископа Феодосия (РНБ, Q.XVII.50) и его рукописная традиция в XVI–XVII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. 2003. Т. 53. Прил. 2. С. 154–155 и др.

записей архиепископов на грамотах, выданных ранее занимающими новгородскую кафедру архиереями. Более половины из числа известных грамот принадлежит архиепископам Феодосию и Александру — 30 и 38 соответственно. При этом из общего числа текстов, принадлежащих Александру, 36 представляют собой жалованные, послушные и другие грамоты, тогда как эпистолярное наследие Феодосия намного разнообразнее по составу, что служит дополнительным стимулом для его изучения.

Стоит сказать несколько слов о самом Феодосии. Будущий архиепископ, выходец из незнатной семьи, родился в 1491 г. В раннем возрасте он попал в Иосифо-Волоколамский монастырь. Проведенный анализ источников и историографии позволяет разделить мнение некоторых исследователей о том, что Феодосий являлся учеником Иосифа Волоцкого². Личность Волоцкого оказала на молодого постриженника сильнейшее влияние, прослеживающееся на протяжении всей его дальнейшей жизни. Выполняя в монастыре обязанности келаря, Феодосий, по всей видимости, уже тогда проявляет незаурядные качества. В 1533 г. непосредственным повелением Василия III он становится игуменом глубоко почитаемой князем Варлаамом-Хутынской обители. Являясь сподвижником новгородского архиепископа Макария, Феодосий после перехода Макария на митрополию в 1542 г. занимает его место на Новгородской кафедре.

Находясь во главе Новгородской епархии в непростой для нее период, Феодосий проводил умеренную политику, основанную на балансе между Москвой и Новгородом, заботясь об интересах последнего, умело избегая конфликтов с московской властью. Он охватывал вниманием все сферы епархиальной жизни, начиная от мелких бытовых вопросов и заканчивая масштабными проблемами, связанными с канонизационными и катехизационными процессами. Феодосий также прямо или косвенно принимает участие в крупнейших событиях современной ему эпохи, таких как Стоглавый собор, Казанские походы, женитьба Ивана IV и его венчание на царство. Во главе новгородской кафедры он находится до 1551 г., когда по неустановленной причине, по всей вероятности связанной либо с нездоровьем, либо с недовольством царя (а возможно, и с тем, и с другим одновременно) отправляется на покой в родной Иосифо-Волоколамский монастырь. Там Феодосий, будучи парализованным и прикованным к постели, окруженный почетом и заботой учеников, ведет работу по созданию рукописных сборников³. Умер он в 1563 г., оставив после себя обширное, по меркам XVI в., рукописное наследие.

² См. напр.: *Амвросий (Орнатский), еп.* История российской иерархии. 2-е изд. Киев, 1827. Т. 1. Ч. 1. С. 186; *Тихомиров П. И., прот.* Кафедра Новгородских святителей со времени покорения Новгорода Московской державе в 1478 г. до кончины последнего митрополита Новгородского Иова в 1716 году. Новгород, 1895. Т. 2. Вып. 1. С. 151.

³ *Клосс Б. М.* Нил Сорский и Нил Полев — «списатели книг» // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 150–167; *Дмитриева Р. П.* Волоколамские четьи сборники XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. 1974. Т. 28. С. 205; *Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века (Далее — РФА) / Сост. А. И. Плигузов, Г. В. Семенченко.* М., 1988. Т. 4. С. 777; *Булапин Д. М.* Феодосий. С. 457–460.

Обратимся к вопросу бытования текстов Феодосия. Они сохранились в виде списков, включенных в состав различных рукописных сборников, находящихся в хранилищах Санкт-Петербурга и Москвы. Основной комплекс трудов Феодосия читается в сборниках РНБ. Q.XVII.50, ГИМ. Епарх. № 416, ГИМ. Щук. № 465 и БАН. 16.17.29.

Сборники РНБ. Q.XVII.50, ГИМ. Синод. № 791, ГИМ. Щук. № 465 и БАН. 16.17.29 были отнесены А. А. Зиминим и Я. С. Лурье к так называемой феодосьевской традиции⁴. Р. П. Дмитриева показала тесную связь со сборниками РНБ. Q.XVII. 50 и ГИМ. Синод. № 791 сборника ГИМ. Епарх. № 416⁵. Затем О. А. Абеленцева расширила состав сборников феодосьевской традиции, включив в него сборник РНБ. Соф. № 1480⁶.

Установлено, что наиболее полно послания Феодосия представлены в сборниках РНБ. Q.XVII.50, БАН. 16.17.29 и Щук. № 468. Наибольшее количество посланий в их расширенном варианте содержит сборник РНБ. Q.XVII.50, происходящий из собрания Ф. А. Толстого. Назовем этот комплекс Евфимьевским собранием, по имени ученика Феодосия, имевшего к его созданию непосредственное отношение. Другой крупный комплекс посланий объединили в себе сборники Щук. 468 и БАН. 16.17.29, восходящие к неизвестному сборнику чернеца Инакемишки. Все представленные в нём послания в большинстве своем читаются в сборнике РНБ. Q.XVII.50, однако имеют по сравнению с ним значительные разночтения, в основном выражающиеся в сильном сокращении и сведении посланий к виду формулярных изводов. Сборники БАН. 16.17.29 и ГИМ. Щук. № 468, в составе которых сохранились списки посланий Феодосия, приведенные к виду формулярных изводов формуляров, назовем Формулярным собранием.

В литературе редактирование текста под образец названо его формулярной обработкой, а полученный в итоге текст — формулярным изводом⁷. Формуляр — это структура текста источника, его внутренняя форма⁸. У Н. П. Лихачева встречаем термин формулярии⁹, под которым он указывает на сборники образцовых актов, в которых в виде образцов брались настоящие документы¹⁰. Сходный термин — формулярники, Л. В. Черепнин и другие исследователи использовали при обозначении сборников образцовых посланий делового или официального характера XV–XVI вв.¹¹ Опираясь на использованную выше

⁴ *Зимин А. А., Лурье Я. С.* Археографический обзор // Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 120, 132.

⁵ *Дмитриева Р. П.* Указ. соч. С. 213.

⁶ *Абеленцева О. А.* Формулярник... С. 140.

⁷ РФА. Т. 1. С. 7; *Абеленцева О. А.* Формулярник... С. 126–127. Примеч. 25 и др.

⁸ *Капитанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1976. С. 26.

⁹ От франц. *formulaire* — сборник установленных форм и образцов. См.: *Гак В. Г., Ганшина К. А.* Новый французско-русский словарь. М., 1999. С. 472.

¹⁰ *Лихачев Н. П.* Из лекций по дипломатике, читанных в Императорском Археологическом институте. СПб., 1905–1906. С. 121.

¹¹ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1951. Ч. 2. С. 20–25; РФА.

терминологию, сборники БАН. 16.17.29 и ГИМ. Шук. № 468, в составе которых сохранились списки посланий Феодосия, приведенные к виду формуляров, названы Формулярным собранием.

Следует отметить, что О. А. Абеленцева считает формулярником сборник РНБ. Q.XVII.50¹². Автор статьи не разделяет эту точку зрения и полностью согласен с мнением Р. П. Дмитриевой, что неверно считать этот сборник формулярником¹³, хотя в нем встречаются тексты, подвергшиеся формулярной обработке. Подтверждением данной позиции является сам состав сборника, в котором представлены наряду с формулярами и полные списки посланий. Помимо этого, как отмечает Р. П. Дмитриева, в пользу того, что сборник не является формулярником, свидетельствует и содержание предисловия к нему¹⁴.

Изучены тексты Феодосия, сохранившиеся в 15 рукописных сборниках. Сборник РНБ. Q.XVII.50, как свидетельствует запись ученика архиепископа Евфимия Туркова, создавался при непосредственном участии Феодосия. 23 труда Феодосия переписаны в сборнике разными почерками, отдельно друг от друга, реже по два-три послания подряд. Некоторые тексты переписаны в сборник дважды. Так, установлены три пары одинаковых текстов, переписанных при этом разными почерками. Эти списки посланий также имеют между собой некоторые незначительные разночтения. Установить причину таких повторов не представляется возможным. Возможно, они обусловлены наличием у переписчика двух альтернативных источников посланий.

Пять текстов Феодосия сохранились в сборнике ГИМ. Епарх. № 416. Характер статей в сборнике ГИМ. Епарх. № 416 близок к составу второй части сборника РНБ. Q.XVII.50¹⁵. Однако отличительной чертой ГИМ. Епарх. № 416 является то, что в его состав, в отличие от сборника РНБ. Q.XVII.50, не включены сочинения Иосифа Волоцкого. Наряду с этим в сборнике ГИМ. Епарх. № 416 был переписан ряд сочинений новгородского архиепископа Геннадия. По версии Р. П. Дмитриевой, он был составлен Феодосием в бытность его новгородским архиепископом¹⁶. Все представленные в сборнике ГИМ. Епарх. № 416 сочинения Феодосия присутствуют в сборнике РНБ. Q.XVII.50, и порядок, в котором они расположены, во многом совпадает. Как считала Р. П. Дмитриева, именно ГИМ. Епарх. № 416 послужил источником посланий Феодосия для сборника РНБ. Q.XVII.50¹⁷. Данное утверждение представляется весьма вероятным, по-

Т. 1. С. 5; Буланин Д. М. Письмовники // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 188–189.

¹² Абеленцева О. А. 1) Формулярник... С. 122–158; 2) Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. М.; СПб., 2009. С. 23–24.

¹³ Дмитриева Р. П. Указ. соч. С. 213.

¹⁴ Предисловие опубликовано: Зимин А. А., Лурье Я. С. Указ. соч. С. 109–110.

¹⁵ Дмитриева Р. П. Указ. соч. С. 214.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

скольку текстологический анализ посланий, встречающихся в обоих сборниках, не выявил значимых разночтений. Исключение составляет лишь послание Ивану IV о корчах (здесь и далее выделены разночтения):

ГИМ. Епарх. № 416. Л. 3–6	РНБ. Q.XVII.50. Л. 164 – 165 об.
...не яко учай и наказуя твое остроумие и благородную премудрость <...> ...подобает же ти благочестивый Царю всяко тщание о благочестии имети, и сущихъ подь тобою отъ треволнения спасти душевнаго и телеснаго. Да здесь государь подали мне, богомольцу твоему, священники и старосты и все люди твои государевы отчины Новагорода жалобницы о своихъ о земскихъ делехъ, и язъ те жалобницы послать къ тебе государю, и ты бѣ, государь, Бога ради свою отчину Новгородъ Великий пожаловаль, какъ тебе государю Богъ известить, а язъ тебя благословляю и челомъ бью.	...не яко учай и наказуя твое остроумие и благодарную премудрость <...> ...подобает же ти благочестивый Царю всяко тщание о благочестии имети, и сущихъ подь тобою отъ треволнения спасти душевнаго и телеснаго.

Как видим, в послании, представленном в сборнике РНБ. Q.XVII.50, отсутствует фрагмент, читающийся в сборнике ГИМ. Епарх. № 416. Возможно, это было обусловлено какими-либо неизвестными причинами, побудившими писца оставить текст, однако нельзя исключать наличия у составителей сборника РНБ. Q.XVII.50 альтернативного источника посланий Феодосия. Сравнение текста послания В. Г. Морозову, расположенного в сборнике РНБ. Q.XVII.50 на л. 230 об. – 233, с текстом послания в ГИМ. Епарх. № 416 (л. 6–10) позволило установить наличие общих характерных разночтений между этими двумя списками и повторно переписанным текстом послания на л. 129–131 сборника РНБ. Q.XVII.50. Можно предположить, что вариант послания в сборнике РНБ. Q.XVII.50 на л. 230 об. – 233 действительно был переписан из сборника ГИМ. Епарх. № 416, в то время как источником для списка того же послания на л. 129–131 в сборнике РНБ. Q.XVII.50 послужил какой-то иной источник.

Большой интерес представляет сборник ГИМ. Синод. № 791, также сохранивший три текста, имеющих отношение к Феодосию. Проведенное автором статьи исследование показало, что сборник ГИМ. Синод. № 791 состоит из двух отличных друг от друга частей, при этом анализ содержания отдельных комплексов тетрадей позволяет предположить, что они были созданы в разное время: 40–60 гг. XVI в.¹⁸ Доказательствами могут выступать разрывы текста, различные почерка, чернила, а также присутствие более поздних по времени, чем основной текст, приписок. Оставленные незаполненными пустые места под заголовки, а также неоконченные отрывки из текста, предполагающие

¹⁸ Смирнова Д. Д. «Послание в защиту монастырского землевладения» (сборник ГИМ. Синод. собр. № 791): к вопросу об истории создания и авторстве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (43). Ч. 2. С. 175–179.

продолжение, позволяют сделать вывод, что работа над сборником не была окончена, и вероятной причиной этому послужила смерть Феодосия.

Сравнение сборников РНБ. Q.XVII.50, ГИМ. Синод. № 791 и ГИМ. Епарх. № 416 позволило сделать вывод об общих условиях их создания. Анализ сборников убеждает, что в их составлении принимал участие единый круг лиц, в который входили Феодосий и его ученики. В первую очередь это подтверждается присутствием в сборниках одних и тех же почерков, что было отмечено в трудах Р. П. Дмитриевой, А. И. Плигузова и О. А. Абеленцевой¹⁹. Так, например, л. 1 сборника ГИМ. Синод. № 791 содержит почерк Евфимия Туркова, выявленный также в сборнике РНБ. Q.XVII.50 (л. 340 об. и др.). Как отмечалось в литературе, с л. 1 по 58 об. сборника ГИМ. Синод. № 791 фактически совпадают с л. 8 до л. 53 об. сборника РНБ. Q.XVII.50²⁰. Вторая часть сборников, выходящая за рамки указанных листов, не повторяет статей друг друга, однако содержит общую тематику, основанную на сочинениях Иосифа Волоцкого, а также грамоты и послания церковных деятелей, преимущественно новгородских архиепископов²¹. А. А. Зимин и Я. С. Лурье было высказано мнение, что весь сборник ГИМ. Синод. № 791, как и сборник РНБ. Q.XVII.50, был основан на материалах архиепископа Феодосия²². Это утверждение подкреплено и тем, что среди совпадающих по сборникам текстов находится несколько формулярных изводов его посланий.

Можно полагать, что сборник ГИМ. Синод. № 791 формировался из разных источников, и согласиться с Н. В. Симицыной, что разные части сборника имеют различное происхождение: л. 1–94, 165–186 написаны волоколамскими писцами, а л. 95–164 — не волоколамского происхождения²³. Время его создания можно определить как 40–60-е гг. XVI в.

Обратимся к Формулярному собранию. Сборники ГИМ. Щук. № 468 и БАН. 16.17.29 были составлены в XVII в. Подробное описание сборника ГИМ. Щук. № 468 с разбором содержания было выполнено в 1896 г. А. И. Яцимирским²⁴. Как отмечает сам автор, большинство посланий сборника не содержат заглавий, собственных имен и дат²⁵. Этот факт существенно затрудняет атрибуцию посланий, вследствие чего А. И. Яцимирским был допущен целый ряд ошибок. Факт их наличия также отмечали А. А. Зимин и Я. С. Лурье²⁶.

¹⁹ Плигузов А. И. Василий Тучков — собеседник Максима Грека // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв. дооктябрьского периода. М., 1986. С. 92; Абеленцева О. А. Формулярник... С. 134; Дмитриева Р. П. Указ. соч. С. 213.

²⁰ Зимин А. А., Лурье Я. С. Указ. соч. С. 112; Абеленцева О. А. Формулярник... С. 123.

²¹ Дмитриева Р. П. Указ. соч. С. 214.

²² Зимин А. А., Лурье Я. С. Указ. соч. С. 112.

²³ Симицына Н. В. Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2008. Т. 1. С. 522.

²⁴ Яцимирский А. И. Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина. М., 1896. Вып. 2. С. 240–245.

²⁵ Там же. С. 240.

²⁶ Зимин А. А., Лурье Я. С. Указ. соч. С. 119.

По данным А. И. Яцимирского, сборник содержит 10 посланий Феодосия. Между тем анализ сборника позволил определить, что два послания из этого списка (л. 164 об. — 165 об., 140 об. — 142 об.) приписаны Феодосию ошибочно. Описание А. И. Яцимирского содержит также примеры обратной ситуации, когда одно из посланий Феодосия (л. 117–122) приписывается Макарию, а другое (л. 100 об. — 103) Иосифу Волоцкому. Также Феодосию принадлежат два послания, обозначенные в описании А. С. Яцимирского как анонимные: А. Д. Ростовскому об умершей дочери (л. 186 об. — 189) и о дьяке Я. В. Шишкине (л. 190–191). Всего данный сборник содержит 14 произведений Феодосия.

Послания, содержащиеся в сборнике ГИМ. Щук. № 468, встречаются также и в других сборниках. Однако во многих случаях имена в тексте посланий в сборнике ГИМ. Щук. № 468 заменены на «имярек», а сами тексты содержат значительные сокращения, т. е. послания претерпели формулярную обработку. Так, например, в послании в Водскую пятину (л. 205 об. — 222) отсутствуют указания на конкретные географические названия, которые имеются в сборнике РНБ. Q.XVII.50. В послании о старце Савватии сокращения касаются уже содержательной части. Так, например, на л. 160 об. сборника ГИМ. Щук. № 468 отсутствует достаточно большой по сравнению со сборником РНБ. Q.XVII.50 отрывок. С большими сокращениями приводится в сборнике послание боярину В. Г. Морозову. Вероятнее всего, подобные сокращения имели целью придать посланиям вид формуляра и отвечали назначению сборника.

Комплекс посланий Феодосия был переписан также в сборник БАН. 16.17.29. Он, как и сборник ГИМ. Щук. № 468, датируется XVII в. Исследование водяных знаков позволяет установить время его создания в интервале 20–30-х гг. XVII в. В его составе сохранилось 11 произведений Феодосия.

Ряд посланий Феодосия переписан в том же порядке, что и в сборнике ГИМ. Щук. № 468, однако они повторяются не полностью, а группами. Это можно объяснить явно спутанным порядком тетрадей сборника, поскольку начало попало в середину, на что указывалось в литературе²⁷. Разнотечения посланий Феодосия по сборникам ГИМ. Щук. № 468 и БАН. 16.17.29 практически идентичны, включая значительные сокращения и приведение посланий к виду формулярных изводов. В отличие от сборника ГИМ. Щук. № 468, в сборнике БАН. 16.17.29 отсутствует послание в Водскую пятину. Однако стоит отметить, что листы с посланием Ивану IV по случаю его венчания на царство и бракосочетания с благословением на брак сильно повреждены, что позволяет предположить потерю некоторых листов. Послание в Водскую пятину могло располагаться на этих отсутствующих листах.

По мнению А. А. Зимина и Я. С. Лурье, сборник БАН. 16.17.29, как и сборник ГИМ. Щук. № 468, восходят к некоему сборнику монаха Инакемишки²⁸.

²⁷ Зимин А. А., Лурье Я. С. Указ. соч. С. 119.

²⁸ Там же. С. 119.

Запись от его имени здесь присутствует на л. 149 об. — 150. О личности Инакемишки ничего неизвестно, однако из записи можно сделать вывод, что он имел непосредственное отношение к Иосифо-Волоколамскому монастырю. Можно думать, что это прозвище является производным от имени Иннокентий.

О. Н. Пономаренко высказала предположение, что источником посланий Феодосия для Инакемишки мог послужить сборник РНБ. Q.XVII.50²⁹. Вместе с тем, как упоминалось выше, послание Феодосия Ивану IV о корчмах в сборнике ГИМ. Щук. № 468 и БАН 16.17.29 больше по объему, чем в сборнике РНБ Q.XVII.50.

Можно сделать некоторые предположения касательно сборника, явившегося протографом Формулярного собрания. Вероятнее всего, чернец Инакемишка, или Иннокентий, имел непосредственный доступ к материалам Иосифо-Волоколамского монастыря, в частности к сборникам РНБ. Q.XVII.50 и ГИМ Синод. № 791, связь с которыми, по словам А. А. Зимина и Я. С. Лурье, несомненна³⁰. Его не дошедший до нас сборник содержал краткие редакции посланий Феодосия, в некоторых случаях имеющие содержательные различия по сравнению со списками в Евфимьевском собрании. Маловероятно, что на столь значительную переработку наследия Феодосия решился бы человек, не имевший на то специального благословения. Соответственно, можно сделать вывод, что по всей видимости сборник создавался в окружении, имевшем к Феодосию непосредственное отношение. Наличие в сборнике послания государю, отсутствующего в сборнике РНБ. Q.XVII.50, позволяет предположить, что Иннокентий располагал неизвестными источниками, во всяком случае это можно утверждать в случае с данным посланием. Несмотря на это, нельзя также полностью исключить и тот факт, что все краткие редакции посланий в сборниках Формулярного собрания создавались еще при жизни Феодосия и, возможно, при его непосредственном участии.

Часть архива архиепископа Феодосия сохранилась в сборниках вне выделенных выше собраний. Прежде всего, стоит сказать о сборниках РНБ. СПбДА № 430, РНБ. Соф. № 1480, РНБ. Солов. № 860/970, РГБ. Троиц. Ф. 304/1. № 654 (1263) и др., где читаются отдельные послания.

Характер рукописного наследия Феодосия определялся его статусом и обязанностями игумена, а затем руководителя новгородской кафедры. Весь архив можно систематизировать по времени и месту написания, адресатам и тематике. По времени создания работы были разделены на три периода в соответствии с основными этапами жизни и деятельности Феодосия. В первый период включены труды, написанные Феодосием в бытность его игуменом Хутынского монастыря (1531–1542 гг.). Второй период — временной промежуток с 1542 по 1551 г. Это годы, в которые Феодосий был архиепископом в Великом Новгороде. Последний период — от отставки Феодосия с Новгородской кафедры до его кончины (1551–1563 гг.).

²⁹ Пономаренко О. Н. Указ. соч. С. 28.

³⁰ Зимин А. А., Лурье Я. С. Указ. соч. С. 119.

К первому временному периоду относятся четыре послания. Наибольшее число трудов (24 из 30) относятся ко времени, когда Феодосий возглавлял Новгородскую кафедру. Один текст написан после отставки, а другой — формулярный извод послания государю, датируется широко: между 1533 и 1563 гг.

Установлены лица, участвовавшие в переписке с Феодосием. Шесть посланий обращены к Ивану IV: четыре послания по случаю Казанского похода; послание по случаю венчания на царство и бракосочетания; послание о корчмах.

Архиепископу, а затем и митрополиту Макарию написаны три послания и сохранился один отрывок послания: 1. Послание архиепископу Макарию. 2. Послание о монахе Гурии. 3. Послание митрополиту Макарию. 4. Отрывок послания архиепископу Макарию.

Восемь посланий написано Феодосием духовенству и жителям Новгородской епархии: 1. Послание о дьяке Я. В. Шишкине. 2. Послание о старце Савватии. 3. Послание в Карелу. 4. Послание в Устюжну. 5. Послание в Водскую пятину. 6. Послание неизвестному игумену. 7. Послание лопарям. 8. Послание в Боровичи. Эти послания были обозначены как пастырские.

В числе адресатов Феодосия были и высокопоставленные лица. К ним написано шесть посланий: 1. Послание игумена И. Ю. Шигоне. 2. Послание В. Г. Морозову. 3. Послание с благодарностью за увольнение от Казанского похода софийских детей боярских. 4. Послание А. Д. Ростовскому. 5. Формулярный извод послания неизвестному вельможе. 6. Формулярный извод послания неизвестному.

Помимо этого, имеются три послания делового содержания: 1. Наказная память посланному к Ивану IV. 2. Наказная память Григорию Непенину. 3. Наказная память посланному с мехом.

В период руководства кафедрой Феодосием был написан ряд грамот. Из известных в настоящее время сюда входят: 1. Повольная грамота на избрание архиепископа Ростовского и Ярославского Алексия. 2. Жалованная грамота Георгиевской церкви. 3. Жалованная грамота Покровской церкви. Кроме того, сведения о 18 грамотах Феодосия выявлены при анализе грамот, выданных другими архиепископами.

Объем настоящей статьи не позволяет подробно рассмотреть процесс создания посланий архиепископа Феодосия. Вместе с тем уместно остановиться на отдельных аспектах этой деятельности с целью подчеркнуть важность дальнейшего изучения его трудов.

Тексты, принадлежащие Феодосию, разнообразны по содержанию и по форме. Владея актуальными для XVI в. литературными приемами, Феодосий умело применял их при написании посланий, часто облакая свои мысли в форму цитат из Священного Писания, святоотеческой и богослужебной литературы, которые использовал сообразно адресату и обстоятельствам написания текстов. Например, в пастырском послании в Устюжну цитаты служат для подкрепления наставлений духовенству об исполнении их долга: «...запрещения же и отлучения съборныя церкви безчиннымъ и непокоривымъ божественному закону

положиша [Мф. 18:17]; некия же и до смерти осудиша якоже въ Деяниихъ, Петромъ верховнымъ Апостоломъ Ананию и Сапфиру [Деян. 5: 1–11], но и велеласному Апостолу Павлу непокорники отщетевати судившу: такового бо, рече, предати сатане, въ измождение плоти» [1 Кор. 5:5]³¹.

Между тем, в послании митрополиту Макарию, с которым Феодосия связывали доверительные отношения, присутствует иной, соответствующий адресату, подбор цитат:

Библия	Послание Феодосия ³²
Ин. 10:11. Азъ есмь пастырь добрый: пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы.	...государь, по евангельскому словеси, поистинне пастырь добрый, не токмо душу свою полагаетъ <...>
Пс. 101:10. Зане пепель яко хлебъядяхъ и питие мое съ плачемъ растворяхъ.	...пост со слезами милостынею растворяешъ.
Пс. 118:103. Коль сладка гортани моему словеса твоя: паче меда устомъ моимъ.	<...> Коль сладка гортани моему словеса твоя, паче меда устомъ моимъ.

Насыщенность посланий Феодосия библейскими цитатами не нарушает целостности текстов и не усложняет их понимания, а лишь концентрирует внимание читающего на отдельных положениях, помогая создать нужное впечатление. В тех частях посланий, которые содержат распоряжения архиепископа, Феодосий не употребляет церковнославянскую фразеологию, а пишет простым языком, тем самым, очевидно, стараясь повысить уровень доступности своих трудов. Примером этого может служить послание в Устюжну, в котором сложное догматическое поучение сменяется разъяснением конкретных нарушений духовенства: «...леность и небрежение имеете, и венчаете де и первобрачные свадьбы и двоеженцовъ, и треженцомъ молитвы говорите безъ десятилница знамени и докладау, и пошлыны деи вы, по государя великого князя грамоте, съ техъ свадебъ нашимъ десятилникомъ не платите...»³³ Чередование библейских цитат и простой речи также встречается в послании князю А. Д. Ростовскому по поводу смерти его дочери, где после догматических разъяснений о смерти и скорбях, Феодосий обращается к князю со словами: «Ты же не противися Божию повелению и не гневаи печалию сотворшаго тя <...>. А от печали сердце свое укроти и далече отрини ю от себе. Нестъ ти в ней никоея же ползы, но утешися о Господе Бозе благонадежней»³⁴.

³¹ Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею (далее — АИ). СПб., 1841. Т. 1. С. 541–544.

³² Послание Новгородского архиепископа Феодосия святителю Макарию. Около 1550 г. // Макарий (Веретенников), архим. Из истории русской иерархии XVI века. М., 2006. С. 202–204.

³³ АИ. Т. 1. 1841. № 298. С. 543.

³⁴ Формулярный извод утешительного послания архиепископа Новгородского Феодосия боярину князю Андрею Дмитриевичу [Ростовскому] по поводу смерти его дочери. Нов-

Важное место в жизни архиепископа занимала переписка с первыми лицами государства. Это свидетельствует о внимании Феодосия не только к церковной, но и государственной жизни. Так, послания к царю и его ближайшему окружению, митрополиту Макарию составляют значительную часть его эпистолярного наследия.

Некоторые исследователи включали Феодосия в число архиепископов, проводивших наиболее удобную Москве политику, подчеркивая его связь с московским правительством³⁵. Действительно, общий тон посланий подтверждает глубокое почтение Феодосия к московскому руководству. Особенно это проявляется в оценке им Василия III. Феодосий так реагирует на смерть великого князя: «...постиже насъ ночь глубока и темна, лишихомся твердаго и крепкаго столпа, пастыря и учителя, праведного царя, инока Варлаама, и наставляющаго, и окрмляющаго все свое стадо къ спасению духовному, и отъ лютыхъ врагъ и треволнений изымающа, и до крове за душа наша подвизающа. Ныне же таковой светъ отъ очию нашею зайде. Горе намъ грешнымъ и окаяннымъ, яко во тме и сене смертней ходимъ отъ великия и нечаемая скорби и беды, и заблудихомъ яко овца неимуца пастыря»³⁶. Свидетельством тому, что данные слова не являлись одной лишь этикетной формой, может быть и тот факт, что Феодосий говорит о высоких человеческих качествах князя и в другом своем послании, о дьяке Я. В. Шишкине: «Мы, господине, такового слова не слышали у главы всех человек, у великого царя и государя бывшего великого князя Василия Ивановича всея Руси самодержца. Во всем государь нам образ показуя, смиренна ради, царем себе не именована»³⁷.

Наряду с этим стоит отметить, что подобное глубокое почтение Феодосия не доходило до подбострастия. Например, в своем послании о великокняжеском дьяке Я. В. Шишкине Феодосий призывает к покорности дьяку, стремится сгладить конфликт и в то же время открыто осуждает его действия. В дальнейшем Феодосий многократно обращается с посланиями и к сыну Василия III — Ивану IV. Несмотря на присутствие в его посланиях уважения и покорности государю, Феодосий не забывал и о своих пастырских обязанностях. Пастырское внимание Феодосия к царю Ивану IV ярче всего выражается в его посланиях по случаю Казанского похода, а также в благословении его на венчание на царство и брак, где, одобряя выбор царя, Феодосий тем не менее позволяет себе высказывать наставления. Как следует из текста третьего послания по случаю Казанского похода, Иван IV просит у Феодосия прощения своих грехов³⁸. Подобная ситуация вряд ли была возможна при отсутствии у Феодосия опре-

город. 1545 г. Сентябрь // Абеленцева О. А. Формулярник... С. 152.

³⁵ См. напр.: *Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957. С. 229, 234.

³⁶ АИ. Т. 1. 1841. № 294. С. 538.

³⁷ *Пономаренко О. Н.* Указ. соч. С. 36.

³⁸ Дополнение к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1. № 37.2. С. 39.

деленного авторитета. Также в этом случае вряд ли Феодосий стал обращаться к царю с просьбой закрыть корчмы, что и было выполнено. Стоит также отметить наказную намять, в которой Феодосий обращается к Ивану IV с вопросом о его здоровье: «...и веле тебя о здоревии спросити, какъ тобя господина и сына Богъ милуетъ»³⁹.

Таким образом, рукописное наследие архиепископа Феодосия представляет собой комплекс письменных источников, включающий в себя 30 текстов, большинство из которых представляют полноценные послания.

При написании своих посланий Феодосий умело применял типичные для XVI в. литературные приемы, широко опираясь на цитаты из Священного Писания. Тематика посланий Феодосия не ограничивалась лишь церковными вопросами, а включала в себя и внимание к делам государства. Многие послания Феодосия адресованы царю и его ближайшему окружению.

В настоящей статье мы попытались обрисовать лишь некоторые вопросы, связанные с созданием и бытованием посланий архиепископа Феодосия. Эта тема включает в себя куда более широкий круг вопросов, дальнейшее рассмотрение которых представляется важной задачей.

References

- Abelentseva O.A.* Metropolitan Iona and the establishment of the autocephaly of the Russian Church. Moscow; St. Petersburg, 2009.
- Yatsimirsky A.I.* The description of ancient Slavic and Russian manuscripts collection of P.I. Shchukin. Moscow, 1896. Vol. 2.
- Historical documents collected and published by the Archaeological Commission. St. Petersburg, 1841. Vol. 1.
- Ambrose (Ornatskii), bishop.* History of the Russian hierarchy. 2nd ed. Kiev, 1827. Vol. 1. Part 1.
- Bulanin D.M.* Feodosiy in dictionary of scribes and books. Leningrad, 1989. Ch. 2. Vol. 2. P. 457–460.
- Bulanin D.M.* Books of letters, in dictionary of scribes and books. Leningrad, 1989. Vol. 2. Ch. 2. P. 188–193.
- Tcherepnin L.V.* Russian feudal archive XIV–XV centuries. Moscow, 1951. Part 2.
- Dmitrieva R.P.* Volokolamsk's reading collections of the XVI century // Proceedings of the Department of Old Russian literature. 1974. Vol. 28. P. 202–230.
- Addition to historical Acts, collected and published by the Archeographic Commission. St. Petersburg, 1846. Vol. 1.
- Filyushkin A.I.* Letters of Novgorodian Archbishop Feodosiy, dedicated to «capture of Kazan» // Hermeneuticus of ancient Russian literature. Moscow, 2000. Coll. 10. P. 327–346.
- Formulary of comforting message of Feodosiy Archbishop of Novgorod to Boyar-Duke Andrei Dmitrievich [Rostovsky] over the death of his daughter. Novgorod. 1545. September // Abelentseva O.A. The logbook of Novgorodian Archbishop Feodosiy (RSL, Q.XVII.50) and its manuscript tradition in the XVI–XVII centuries // Proceedings of the Department of Old Russian literature. 2003. Vol. 53. P. 148–152].
- Gak V.G., Ganshina K.A.* New French-Russian dictionary. 3rd ed., rev. Moscow, 1999.
- Kashanov S.M.* Essays about russian diplomatique. Moscow, 1976.
- Kloss B.M.* Nil Sorsky and Nil Polev — «writers of books» // Ancient Russian art. Handwritten book. Moscow, 1974. Coll. 2. P. 150–167.
- Likhachev N.P.* From Diplomatique lectures at the Imperial Archaeological Institute. St. Petersburg, 1905–1906.
- Macariy (Veretennikov), archim.* Message to Metropolitan Macariy // Makariy's readings: Russian rulers — patrons of Orthodoxy. Mozhaisk, 2001. Vol. 8. P. 99–104.
- Pliguzov A.I.* Vasilij Tuchkov — spokesman of Maxim the Greek // Research on source studies of history of the USSR XIII–XVIII centuries. Pre-October period. Moscow, 1986. P. 62–93.

³⁹ РНБ. Q.XVII.50. Л. 15.

- Ponomarenko O.N.* Messages of hegumen of Khutynsky monastery Feodosiy to the elder Alexy about Jacob Shishkin // Sketches of feudal Russia. Moscow; St. Petersburg, 2001. Vol. 5. P. 25–38.
- The message of the Novgorodian Archbishop Feodosiy to Makariy. Around 1550 // Makariy (Veretennikov), arkhim. From the History of Russian Hierarchy of the 16th century. Moscow, 2006. P. 202–205.
- Pronshcheyn A.P.* The Great Novgorod in the XVI century. Kharkov, 1957.
- Russian feudal archive XIV — the first third of the XVI century / Comp. A. I. Pliguzov, G. V. Semenchenko. Moscow, 1986. Vol. 1.
- Russian feudal archive XIV — the first third of the XVI century / Comp. A. I. Pliguzov, G. V. Semenchenko. Moscow, 1988. Vol. 4.
- Simitsyna N.V.* St. Maxim the Greek. Works. Moscow, 2008. Vol. 1.
- Smirnova D.D.* The message in defense of monastic land's ownership (a collection of the State Historical Museum. Synod. Coll. Number 791): the question of history and authorship // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice. 2014. № 5 (43). Part 2. P. 175–179.
- Tikhomirov P.I., archpriest.* Department of Novgorod prelates since the time of the conquest of Novgorod by the Moscow State in 1478 until the death of the last Metropolitan of Novgorod Iov in 1716. Novgorod, 1895. Part 2. Vol. 1.
- Zimin A.A.* J. S. Peresvetov and his contemporaries. Essays on the history of Russian political thought in the middle of the XVI century. Moscow, 1958.
- Zimin A.A., Lurie Y. S.* Archaeological review // Messages of Joseph Volotsky. Moscow; Leningrad, 1959.

Список литературы

- Абеленцева О.А.* Формулярник новгородского архиепископа Феодосия (РНБ, Q.XVII.50) и его рукописная традиция в XVI — XVII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. 2003. Т. 53. С. 122–158.
- Абеленцева О.А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. М.; СПб., 2009.
- Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1.
- Амеросий (Орнатский), еп.* История российской иерархии. 2-е изд. Киев, 1827. Т. 1. Ч. 1.
- Буланин Д.М.* Письмовники // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 188–193.
- Буланин Д.М.* Феодосий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 457–460.
- Гак В.Г., Ганшина К.А.* Новый французско-русский словарь. 3-е изд., испр. М., 1999.
- Дмитриева Р.П.* Волоколамские четьи сборники XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. 1974. Т. 28. С. 202–230.
- Дополнение к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1.
- Зимин А.А.* И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958.
- Зимин А.А., Лурье Я.С.* Археографический обзор // Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959.
- Кашанов С.М.* Очерки русской дипломатии. М., 1976.
- Клосс Б.М.* Нил Сорский и Нил Полев — «списатели книг» // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 150–167.
- Лихачев Н.П.* Из лекций по дипломатике, читанных в Императорском Археологическом институте. СПб., 1905–1906.
- Макарий (Веретеников), архим.* Послание митрополиту Макарию // Макарьевские чтения: Русские государи — покровители Православия. Можайск, 2001. Вып. 8. С. 99–104.
- Плигузов А.И.* Василий Тучков — собеседник Максима Грека // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв. дооктябрьского периода. М., 1986. С. 62–93.
- Пономаренко О.Н.* Послание игумена Хутынского монастыря Феодосия старцу Алексею о дьяке Якове Шишкине // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2001. Вып. 5. С. 25–38.
- Послание Новгородского архиепископа Феодосия святителю Макарию. Около 1550 г. // Макарий (Веретеников), архим. Из истории русской иерархии XVI века. М., 2006. С. 202–205.
- Пронштейн А.П.* Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957.
- Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / Сост. А.И. Плигузов, Г.В. Семенченко. М., 1986. Т. 1.
- Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / Сост. А.И. Плигузов, Г.В. Семенченко. М., 1988. Т. 4.

Синицына Н. В. Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2008. Т. 1.

Смирнова Д. Д. «Послание в защиту монастырского землевладения» (сборник ГИМ. Синод. собр. № 791): к вопросу об истории создания и авторстве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (43). Ч. 2. С. 175–179.

Тихомиров П. И., прот. Кафедра Новгородских святителей со времени покорения Новгорода Московской державе в 1478 г. до кончины последнего митрополита Новгородского Иова в 1716 году. Новгород, 1895. Т. 2. Вып. 1.

Филлошкин А. И. Грамоты новгородского архиепископа Феодосия, посвященные «Казанскому взятию» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 327–346.

Формулярный извод утешительного послания архиепископа Новгородского Феодосия боярину князю Андрею Дмитриевичу [Ростовскому] по поводу смерти его дочери. Новгород. 1545 г. Сентябрь // Абеленцева О. А. Формулярник новгородского архиепископа Феодосия (РНБ, Q.XVII.50) и его рукописная традиция в XVI–XVII вв. / Труды Отдела древнерусской литературы. Труды Отдела древнерусской литературы. 2003. Т. 53. С. 148–152.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.: АН СССР, 1951. Ч. 2.

Яцимирский А. И. Описание старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина. М., 1896. Вып. 2.

М. Б. Свердлов

Академический анекдот как особый вид исторической памяти

Историческая память, или память о прошлом, является органической составной частью существования человечества весь период его бытия со времени формирования homo sapiens. Исторические предания и сказания, исторический эпос являлись древнейшими фольклорными средствами сохранения сведений о прошлом и его осмысления. Эти сведения стали одним из источников исторической информации в историко-литературных произведениях античного и раннесредневекового периодов европейских народов и государств в последовательном изложении исторических событий в их причинно-следственных связях. Но при этом, как обобщил Жак ле Гофф разыскания на эту тему, существенно различать память коллективную и индивидуальную, устную и письменную¹. Проблему исторической памяти о М. В. Ломоносове в контексте концепции «места памяти» рассмотрела Е. М. Лупанова. Эта концепция позволила ей проследить генерализующую функцию обозначенного символического пространства, которое становится символом, «указывает на коллективную идентичность и является ее знаком»². Но ведется дискуссия о целесообразности концепции «исторической памяти» как массовых или групповых представлениях о прошлом³.

¹ Ле Гофф Ж. История и память. М.: Росспэн, 2013. С. 79–135 (франц. изд-е: 1988 г.).

² Лупанова Е. М. Роль юбилея 1865 г. в развитии исторической памяти о М. В. Ломоносове // Ломоносовские чтения в Кунсткамере: К 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. СПб.: Кунсткамера, 2011. Вып. 1. С. 87.

³ Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX века): Международный коллоквиум. Научные доклады. СПб.: Европейский Дом, 2007.

В новейшее время появилась также тенденция включать историческую память как категорию исторического познания в более широкое понятие — историческую культуру⁴. Представляется, что в таком расширении выразилось постмодернистское размывание границ качественно разных видов научного и литературного творчества⁵.

Одним из средств передачи исторической информации в России XVIII в. стал анекдот, который является преемником существовавшего ранее остроумного рассказа подчас юмористического содержания.

Вероятно, первым, кто опубликовал целенаправленно собранные и интерпретированные анекдоты, посвященные российской истории, стал Ф. М. Вольтер, который в 1748 г. издал «Анекдоты о царе Петре Великом». В это время анекдот должен был представлять собой интересный рассказ, содержащий «некую историческую и скрытую особенность, которую предшествующие историки упустили или умолчали»⁶. А. Маньян, который специально рассмотрел использование Вольтером жанра анекдота, определил его как произведение между историей, эссе и сатирой. По его наблюдениям, анекдоты с их интересом к малому конкретному факту обещали пикантность новизны. В данной связи он привел слова Вольтера в «Веке Людовика XIV» (1752) об анекдотах как о поле, «где собирают колосья (т.е. подбирают остатки. — М.С.) после большой жатвы истории»⁷.

В конце XVIII в. И. И. Голиков использовал слово *анекдоты* («Анекдоты, касающиеся до Петра Великого») для названия перепечатанного с дополнениями семнадцатого тома «Деяний Петра Великого, мудрого преобразователя России». В этой публикации содержатся многочисленные сведения о деятельности царя, но без критического анализа их достоверности⁸. В изданной в 1825 г. первой главе «Евгения Онегина» А. С. Пушкин использовал слово *анекдоты* в значении «интересные случаи», особо отметив, что сведения об этих случаях не получены в результате научных разысканий: «Он рыться не имел охоты / В хронологической пыли / Бытописания земли; / Но дней минувших анекдоты / От Ромула до наших дней / Хранил он в памяти своей». В предисловии к этой публикации А. С. Пушкин отнес события первой главы в конце 1819 г.⁹

⁴ Васильев А. Г. Историческая культура // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. С. 169–171.

⁵ Доманска Э. Философия истории после постмодерна. М.: Канон, 2010.

⁶ Le grand vocabulaire François. P., 1767. Т. 2. P. 382.

⁷ Magnan A. Anecdote // Inventaire Voltaire / Sous la direction de J. Goulemot, A. Magnan, D. Masseur / Révision générale par A. Magnan. P., 1995. P. 64; подробнее см.: Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 589–595.

⁸ Шмурло Е. Голиков Иван Иванович // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. 9. С. 45.

⁹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. 3-е изд. М.: Наука, 1964. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. С. 11–12, 509.

В таком определяющем значении слова *анекдот*, соединившем историческую память с интересными подробностями, не привлекавшими внимания историков, использованы четыре записи Дмитрия Николаевича Бантыш-Каменского (1788–1850) на полях страниц в книге Н. М. Карамзина «Пантеон российских авторов» (Ч. 1, тетради 1–4. М., 1801–1802. Без пагинации). Эти маргиналии позволяют установить содержание и особенности анекдотов, которые устно передавались в научной среде в XVIII — первой трети XIX в. и не подлежали публикации.

Д. Н. Бантыш-Каменский принадлежал к аристократическому и в то же время интеллектуальному роду. Он являлся внуком князя Антиоха Кантемира и прекрасно образованного Андрея Степановича Зертис-Каменского. А. С. Зертис-Каменский после пострижения в монахи под именем Амвросий стал в своей духовной деятельности префектом Александро-Невской семинарии и завершил карьеру в качестве архиепископа Московского. Проявив решительность и большую силу воли, он не покинул Москву во время эпидемии чумы в 1771 г. и был тогда растерзан толпой, пытаясь прекратить бессмысленный бунт. Отец Д. Н. Бантыш-Каменского — Николай Николаевич Бантыш-Каменский — выдающийся архивист и археограф. Он дал сыну прекрасное домашнее образование и приучил его с юности читать исторические источники, серьезно интересоваться самыми разными историческими темами.

В юности Д. Н. Бантыш-Каменский был зачислен юнкером в московский архив Иностранной коллегии, где его отец являлся управляющим. В 1812 г. он помогал отцу спасать этот бесценный архив. После смерти отца, последовавшей в 1814 г., Д. Н. Бантыш-Каменский начал службу в Коллегии иностранных дел. Во время Венского конгресса он состоял при статс-секретаре графе К. Р. Нессельроде и в том же году женился на дочери князя И. С. Барятинского. Д. Н. Бантыш-Каменский числился на дипломатической службе, но был прикомандирован к военному губернатору на Украине князю Н. Г. Репнину, который способствовал его разысканиям об украинской истории. Их результатом стал значительный труд Д. Н. Бантыш-Каменского «История Малой России от присоединения ее к Российскому государству до отмены гетманства, с общим введением, приложением материалов и портретами» (Т. 1–4. М., 1822). Ранее он опубликовал содержавшие значительные исторические материалы «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию» (М., 1810) и «Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование Петра Великого» (Ч. 1, 2. М., 1813; 2-е изд. М., 1821; французский перевод: М., 1822; 1828; Paris, 1826, 1829). В «Деяниях» проявился интерес Д. Н. Бантыш-Каменского к историческим персоналиям.

В 1825 г. Д. Н. Бантыш-Каменский был назначен тобольским губернатором. Он старался хорошо исполнять свои обязанности, но вследствие интриг был подвергнут в 1828–1834 гг. судебному следствию, которое, впрочем, показало его невиновность. В эти годы Д. Н. Бантыш-Каменский подготовил к печати

и издал «Словарь достопамятных людей русской земли» (Т. 1–5. М., 1836). Сведения об этом труде, находившемся еще в рукописном виде, были известны русским интеллектуалам, так что А. С. Пушкин уже в 1834 г. предлагал Д. Н. Бантыш-Каменскому отдать его материалы в предполагавшееся издание А. А. Плюшара — «Энциклопедический лексикон»: «<...> великое множество биографических статей, Вами заготовленных, могли бы войти в состав этого лексикона»¹⁰.

В 1836–1838 гг. Д. Н. Бантыш-Каменский являлся виленским губернатором и после других назначений стал в 1841 г. тайным советником. Но и в эти годы он продолжал свои историко-биографические разыскания. В 1840–1841 гг. Д. Н. Бантыш-Каменский издал в Петербурге четыре части «Биографий российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов»¹¹.

Учитывая обстоятельства биографии Д. Н. Бантыш-Каменского и его исторических разысканий, можно предположить, что анекдоты были записаны им на полях карамзинского «Пантеона российских авторов» во второй половине 20-х — первой половине 30-х гг., поскольку его «Словарь достопамятных людей земли русской» был посвящен лицам интеллектуального труда, духовным и гражданским. Вероятно, в процессе написания «Словаря» карамзинские материалы также привлекли внимание Д. Н. Бантыш-Каменского, хотя нельзя исключить и более раннее появление этих маргиналий, но только после 1814 г., поскольку он писал, вспоминая анекдоты умершего к тому времени отца.

Карамзинский «Пантеон российских авторов» привлек внимание Д. Н. Бантыш-Каменского, видимо, потому, что в нём были даны краткие, но содержательные, иногда нелюбимые характеристики некоторых русских литераторов и ученых. Возможно, в «Пантеоне» он искал также новые для себя сведения о деятелях русской науки и культуры. Как обоснованно отметил В. Штейн, особенностью написания «Словаря достопамятных людей земли русской» Д. Н. Бантыш-Каменского являлось то, что тогда было крайне мало опубликованных справочных материалов и специальных биографических исследований. Поэтому его автору приходилось писать «непосредственно по устным и письменным показаниям очевидцев»¹².

Рассматриваемый экземпляр карамзинского «Пантеона российских авторов» находился в библиотеке Д. Н. Бантыш-Каменского, о чём свидетельствует владельческая надпись на форзаце: «Дмитрия Бантыша-Каменского». Четыре «тетради» «Пантеона российских авторов» переплетены в один том.

¹⁰ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. 3-е изд. М.: Наука, 1965. Т. 10: Письма. С. 489.

¹¹ Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1891. Т. 3. С. 12–13 (словарная статья без указания автора); Штейн В. Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич // Русский биографический словарь. СПб., 1900. С. 460–468.

¹² Штейн В. Бантыш-Каменский... С. 466.

Владелец этой книги мог написать на ее страницах всё, что считал нужным для памяти, не опасаясь, что его записи прочтет кто-нибудь из многочисленных недоброжелателей. Поскольку эти тексты публикуются впервые, их авторское написание сохранено, но в упрощенной транскрипции. Анекдоты, записанные Д. Н. Бантыш-Каменским, приведены далее в порядке их следования в тетрадях первой части «Пантеона российских авторов».

Во второй тетради «Пантеона» в завершение карамзинского текста о Феофане Прокоповиче (1681–1736) как о писателе содержалась его характеристика как человека, с которым «никто не мог спорить в остроумии и учености». Н. М. Карамзин написал также о вольномыслии Феофана и допустимости такого вольномыслия в петровское время: «Феофан имел блестящие достоинства, следственно и неприятелей, которые обвиняли его ересью в умствованиях и в Теологии; но в царствование ли Петра Великого могло быть опасно такое злословие?».

Вероятно, такие характеристики Феофана Прокоповича способствовали тому, что Д. Н. Бантыш-Каменский вспомнил анекдот, рассказанный ему отцом об этом деятеле петровской поры, и написал на нижнем поле страницы, продолжая мысль Н. М. Карамзина о его остроумии и интеллектуальной вольности:

«Феофан отличался остротою ума.

Однажды за обеденным столом в Дворце, Меншиков в присутствии Петра Великого велел поднести скоромное кушанье Прокоповичу — Феофан отказался от онаго!!! “Почему, — спросил его Меншиков, — ваше Преосвященство лишаете себя любимых вами блюд, келейно употребляемых?” “По той же самой причине, — отвечивал Феофан, — по которой ваша Светлость удерживаетесь при людях от того, что делаете келейно с вашею супругою”.

Сие я слышал от моего Родителя».

В этом анекдоте выразилось свойственное Петру Великому и его ближнему окружению, в которое входил Феофан Прокопович, не только вольномыслие и остроумие, но также отрицательное отношение к двойственной жизни духовных лиц в петровское время, к их пристрастию к мирским благам. Таким образом, анекдот критического содержания по отношению к духовенству при Петре Великом с реальным или вымышленным содержанием хранился в аристократической и интеллектуальной среде более ста лет. В письменном виде он сохранил свойственную фольклорной традиции откровенность по отношению к интимным сторонам жизни, а также характерную для XVIII в. фривольность.

В третьей тетради «Пантеона российских авторов» Д. Н. Бантыш-Каменский записал анекдот в связи с кратким очерком Н. М. Карамзина, посвященном Сильвестру Кулябке (ум. в 1761 г.). Сильвестр, родом с Украины, в 1744 г. стал ректором Киевской духовной академии. Императрице Елизавете Петровне понравились проповеди, произнесенные им во время пребывания в Петербурге. По ее приказу он был оставлен в столице и в результате последующей

духовной карьеры стал архиепископом Санкт-Петербургским¹³. Замечательный писатель Н. М. Карамзин дал сдержанную характеристику литературным достоинствам его красноречивых проповедей, которые были популярны в елизаветинское время: «Слог его весьма нечист и темен ко вреду многих хороших мыслей, рассеянных в поучительных словах сего Архиепископа».

Вероятно, упоминание о красноречии Сильвестра, особенности его карьеры и сдержанность карамзинской характеристики побудили Д. Н. Бантыш-Каменского записать анекдот о нём на нижнем поле страницы «Пантеона российских авторов»: «О сем Преосвященном рассказывал мой покойный Родитель следующий Анекдот: Однажды в бытность его в дворце у Императрицы Елисаветы Петровны, Государыня, сообщив ему о своем огорчении, что ни один живописец не может сходно написать ее портрета, для большего удостоверения повела его в ту комнату, где находилось несколько ее портретов. “Предмет огорчения вашего Величества, — сказал тогда Сильвестр, — составляет предмет радости нашей”. — “От чего это?” — спросила **с удивлением** (выделенные слова написаны над строкой) Императрица. “Красота Вашего Величества неописанна (здесь: неопикуема. — М. С.)”».

В этом анекдоте сохранилась память о красоте Елизаветы Петровны. Но в то же время в нем осуждена лесть, которая способствовала высокому положению льстецов при дворе. В анекдоте незамысловатая лесть Сильвестра противоречила его особому статусу архиепископа Санкт-Петербурга. О такой же манере поведения при дворе Екатерины II написал А. С. Грибоедов в первой половине 1820-х гг.: «А дядя! что твой князь? Что граф? / Сурьезный взгляд, надменный нрав. / Когда же надо подслужиться, / И он сгибался вперегиб <...>»¹⁴.

Записанный Д. Н. Бантыш-Каменским анекдот о Сильвестре Кулябко с его вневременным осуждением лести в качестве средства карьеры был близок по своему содержанию как ученым людям, так и чиновникам на высоких административных должностях. Так что историческая память в данной социальной среде сохранила основной смысл этого анекдота: нравы двора елизаветинской поры, вневременную нравственную оппозиционность интеллектуалов такой манере поведения особенно в высших социальных слоях.

Третий анекдот Д. Н. Бантыш-Каменский записал в четвертой тетради «Пантеона российских авторов» в связи с кратким очерком Н. М. Карамзина о митрополите Новгородском Дмитрие (Сеченове) (1708–1767) как писателе. В своем продвижении лица духовного Дмитрий в 1757 г. стал новгородским архиепископом. В 1762 г. он совершил чин коронации императрицы Екатерины II, после чего был возведен в сан митрополита. В своих проповедях он в частности обличал недостаток благочестия и пороки российского общества¹⁵. Как написал

¹³ [Б-в Н.] Сильвестр, архиепископ с.-петербургский // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 29. С. 891.

¹⁴ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб.: Нотабене, 1995. Т. 1: Горе от ума. С. 38.

¹⁵ [Б. Н.] Дмитрий, митрополит новгородский // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. 10. С. 610.

о нем Н. М. Карамзин, «мы изображаем здесь Дмитрия как Автора многих проповедей, которых достоинство состоит не в искусстве Ораторском, но в чистом Христианском учении и в смелом изображении мирских пороков».

Вероятно, в связи с такими словами Н. М. Карамзина о принципах митрополита Дмитрия (Сеченова) Д. Н. Бантыш-Каменский написал: «Покойный Родитель мой передал мне следующий Анекдот о сем Митрополите: Дмитрий, видом суровый, имел грубый голос; в коронацию Императрицы Екатерины II приветствовал он сию Государыню у дверей Соборных речью, которую начал сими словами: “Зачем пришла еси?”. Императрица содрогнулась...»

Смысл анекдота заключался в том, что духовный пастырь, поборник благочестия, вопрошал императрицу, входившую в храм для коронации, но уже хорошо известную обстоятельствами личной жизни и восхождения к самодержавной власти. Слова «Зачем пришла еси?» своим содержанием указывали на нравственное несоответствие новой императрицы идеально понимаемому значению престола Российской империи. Вместе с тем такой анекдот понижал уровень носителя верховной государственной власти, делал его более доступным для критического обсуждения.

Вымысел этот анекдот или случай, действительно имевший место, — неизвестно. Но он сохранил в трансформированном виде также историческую память о событиях 1762 г. в интерпретации, отличной от официальной, о ее бытовании в среде аристократической и интеллектуальной.

В четвертой тетради Д. Н. Бантыш-Каменский записал анекдот в связи с текстом Н. М. Карамзина о М. В. Ломоносове. В соответствии с основным содержанием «Пантеона российских авторов» Н. М. Карамзин посвятил свой текст М. В. Ломоносову только как «отцу российского красноречия и вдохновенному стихотворцу». Поэтому он не стал перечислять научные заслуги М. В. Ломоносова. Но, обобщая всё сделанное им, Н. М. Карамзин написал: «Если гений и дарования ума имеют право на благодарность народов, то Россия должна Ломоносову монументом».

В интеллектуальной и аристократической среде, разумеется, хранилась память о научных и литературных заслугах М. В. Ломоносова. Но эта память включала также его негативные характеристики. Одна из них стала анекдотом, который был записан Д. Н. Бантыш-Каменским на странице с карамзинским текстом о М. В. Ломоносове: «Бессмертный Ломоносов, как человек, подвержен был слабостям: главный порок его состоял в неумеренном употреблении горячих напитков. Императрица Елисавета Петровна за одну Оду прислала Ломоносову воз, наполненный медными деньгами: всего было 1000 рублей. Стихотворец, обрадованный подарком, не счел сих денег, но немедленно купил себе ковш, почерпал оным в мешках и отправлялся — в кабаки...»

Сие я слышал от пок[ойного] моего Родителя, который знал Ломоносова и сказывал мне еще, что лицо его было багрового цвета».

Д. Н. Бантыш-Каменский объединил в этом тексте анекдот и конкретное воспоминание о великом ученом. В устной традиции сохранилась память о том, что М. В. Ломоносов выпивал. Действительно, вернувшись из Германии, где он оставил жену с ребенком, ожидавшую появления второго, М. В. Ломоносов продолжал в Петербурге традицию коллективных выпивок немецких студентов. Эти выпивки в молодые годы позволяли ему отдохнуть в компании друзей от напряженных трудов, отвлечься от жизненных трудностей и всё более сложных отношений с немецкими профессорами Петербургской академии, особенно с ее секретарем И. Д. Шумахером, которые, преувеличивая опьяненное состояние Ломоносова, стремились его опорочить. Позднее, в период стабилизации семейного, научного и литературного положения, нет достоверных сведений о его злоупотреблении алкоголем. Но исторической памяти свойственно хоть как-то принизить достоинства великого человека и тем самым приблизить его к уровню рассказчика анекдота. Так что в анекдоте о «бессмертном Ломоносове» сохранились сведения не о его великом научном и литературном таланте, а о слабости молодых лет, объяснимой трудностями жизни.

Анекдот, записанный Д. Н. Бантыш-Каменским, наполнен фольклорными клише. К ним относятся указания на вознаграждение императрицей за некую оду в тысячу рублей, на доставку их медными деньгами на подводе. При этом рассказчиков и слушателей анекдота не интересовала достоверность такого сообщения. Тысяча рублей медными деньгами в елизаветинское время должна была весить 16 тонн, поскольку один рубль был равен 16 кг медных монет¹⁶.

По законам устной традиции формируется содержание анекдота — Ломоносов купил себе ковш, как будто в его домашнем хозяйстве не было столь необходимого предмета, и этим ковшом черпал в мешках деньги для кабака.

Когда Н. Н. Бантыш-Каменский рассказал сыну о красном цвете лица М. В. Ломоносова, оба они, вероятно, думали, что это — следствие неумеренного потребления алкогольных напитков. Между тем это сообщение очевидца объясняется длительным периодом опытов великого ученого со ртутью, с минеральными красками, с производством смальт и изделий из цветного стекла, имеющими тяжелые последствия для здоровья человека. Вероятно, они стали одной из причин безвременной смерти М. В. Ломоносова.

Таким образом, записанные Д. Н. Бантыш-Каменским со слов отца анекдоты, соединившие историческую память с интересными подробностями, которые оставались вне исторических разысканий, отразили определенные свойства интеллектуальной среды аристократического происхождения. Для таких ученых людей в XVIII — первой трети XIX в. было характерно ироничное и скрытое критическое отношение к верховной власти, если ее носители того заслуживали. Они одобряли вольномыслие, которое в петровское время допускалось по отношению к ежедневной жизни царских подданных, но в пре-

¹⁶ Благодарим за эти сведения Виталия Александровича Калинина, заведующего отделом нумизматики Государственного Эрмитажа.

делах царских постановлений. Поэтому интеллектуалы и аристократы могли подвергать критике двойственную жизнь духовных лиц. Они осуждали лезть как средство карьеры на высоких должностях. В таких анекдотах, сохранявших историческую память о XVIII столетии, аналитично и критично сообщалось о конкретных людях высокого социального статуса.

В то же время в такой интеллектуальной среде аристократического происхождения сохранялось уничижительное отношение к М. В. Ломоносову. Его бессмертие как ученого и поэта было для них очевидно, но при этом не забывалось его «плебейское» происхождение.

Такая сложная структура исторической памяти раскрывается в анекдотах, хранившихся в особом слое интеллектуалов аристократического происхождения, рассказанных Н. Н. Бантыш-Каменским и записанных его сыном Дмитрием.

References

- [B. N.] Dimitrij, mitropolit novgorodskij // Brokgauz F. A., Efron I. A. Ènciklopedičeskij slovar'. SPb., 1893. T. 10.
- [B-v N.] Sil'vestr, arhiepiskop s.-peterburgskij // Brokgauz F. A., Efron I. A. Ènciklopedičeskij slovar'. SPb., 1900. T. 29.
- Bantyš-Kamenskij Dmitrij Nikolaevič // Brokgauz F. A., Efron I. A. Ènciklopedičeskij slovar'. SPb., 1891. T. 3.
- Griboedov A. S. Poln. sobr. soč.: V 3 t. SPb.: Notabene, 1995. T. 1: Gore ot uma.
- Domanska È. Filozofia istorii posle postmoderna. M.: Kanon, 2010.
- Istoričeskaâ pamât' i obšestvo v Rossijskoj imperii i Sovetskom Soûze (konec XIX — načalo XX veka): Meždunarodnyj kollokvium. Naučnye doklady. SPb.: Evropejskij Dom, 2007.
- Le Goff Ž. Istoriâ i pamât'. M.: Rosspeñ, 2013.
- Le grand vocabulaire François. P., 1767. T. 2.
- Lupanova E. M. Rol' ūbileâ 1865 g. v razvitii istoričeskoj pamâti o M. V. Lomonosove // Lomonosovskie čteniâ v Kunstkamere: K 300-letiu so dnâ roždeniâ M. V. Lomonosova. SPb.: Kunstkamera, 2011. Vyp. 1.
- Magnan A. Anecdote // Inventaire Voltaire / Sous la direction de J. Goulemot, A. Magnan, D. Masseur; révision générale par A. Magnan. P., 1995.
- Puškin A. S. Polnoe sobranie sočinenij v desâti tomah. 3-e izd. M.: Nauka, 1964. T. 5: Evgenij Onegin. Dramatičeskie proizvedeniâ.
- Šmurlo E. Golikov Ivan Ivanovič // Brokgauz F. A., Efron I. A. Ènciklopedičeskij slovar'. SPb., 1893. T. 9.
- Štejn V. Bantyš-Kamenskij Dmitrij Nikolaevič // Russkij biografičeskij slovar'. SPb., 1900.
- Vasil'ev A. G. Istoričeskaâ kul'tura // Teoriâ i metodologija istoričeskoj nauki: Terminologičeskij slovar'. M.: Akvilon, 2014.

Список литературы

- [Б. Н.] Дмитрий, митрополит новгородский // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. 10.
- [Б-в Н.] Сильвестр, архиепископ с.-петербургский // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 29.
- Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1891. Т. 3.
- Васильев А. Г. Историческая культура // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014.
- Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб.: Нотабене, 1995. Т. 1: Горь от ума.
- Доманска Э. Философия истории после постмодерна. М.: Канон, 2010.
- Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX — начало XX века): Международный коллоквиум. Научные доклады. СПб.: Европейский Дом, 2007.
- Ле Гофф Ж. История и память. М.: Росспэн, 2013.

Луанова Е. М. Роль юбилея 1865 г. в развитии исторической памяти о М. В. Ломоносове // Ломоносовские чтения в Кунсткамере: К 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. СПб.: Кунсткамера, 2011. Вып. 1.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. 3-е изд. М.: Наука, 1964. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения.

Шмурло Е. Голиков Иван Иванович // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. 9.

Штейн В. Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич // Русский биографический словарь. СПб., 1900.

Le grand vocabulaire François. P., 1767. Т. 2.

Magnan A. Anecdote // Inventaire Voltaire / Sous la direction de J. Goulemot, A. Magnan, D. Masseur; révision générale par A. Magnan. P., 1995.

В. Н. Гинев

Из жизни ЛОИИ 1980-х гг.: «Библиотека революционных мемуаров». Идея и воплощение¹

12 октября 1993 г., не помню по какой административной надобности мной была составлена двухстраничная автобиография. В ней, в частности, говорилось, что я «в 1980 г. организовал издание сборников мемуаров по истории революционного движения в Петербурге в XIX — начале XX в. — от декабристов до большевиков. В течение 1982–1989 гг. было издано 12 томов. Явилось большой удачей убедить издательство ленинградского областного комитета КПСС — “Лениздат” издать мемуары не только большевиков, но и представителей других общественных течений. <...>. История подготовки и издания 12-томной библиотеки мемуаров может когда-нибудь стать предметом моих собственных мемуаров».

И вот теперь, похоже, это время наступило.

В конце 1978 г. в Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР пришел заведующий редакцией историко-партийной литературы Лениздата Игорь Юрьевич Куберский и попросил собравшихся сотрудников дать свои предложения по тем или иным темам, которые могли бы заинтересовать издательство. Высказал свою идею об издании серии мемуаров по истории революционного движения в России и я. Это не было экспромтом. До этого такую же мысль мне представилась возможность изложить печатно в рецензии на публикацию одним московским издательством воспоминаний народного Н. А. Чарушина. Там я писал: «Выход второго издания воспоминаний

¹ Статья основана на документах из личного архива автора.

Н. А. Чарушина следует не только приветствовать (что, на наш взгляд, бесспорно), но, очевидно, ряду издательств <...> стоит подумать над выпуском не отдельных разрозненных мемуаров, а о создании тематической серии, своего рода мемуарной библиотеки по различным периодам русского освободительного движения»².

После одобрения моей идеи главным редактором Лениздата Д. Т. Хренковым мне было предложено подать письменную мотивированную заявку. В заявке в духе того времени говорилось, что «исходя из ленинской периодизации русского освободительного движения (дворянский, разночинский и пролетарский этапы), серия воспоминаний его участников должна представлять каждый из этих этапов. Особенностью предлагаемой серии, учитывая, что она будет выходить в ленинградском издательстве, явится связь с Петербургом–Петроградом. Таким образом будут наглядно показаны революционные традиции нашего города, показана его роль как центра революционного движения на протяжении XIX – начала XX века».

Предполагалось, что каждый том воспоминаний будет открываться вступительной статьей, призванной дать читателю ясное представление о том периоде революционного движения, к которому относятся составляющие том мемуары, а примечания в конце тома познакомят с биографиями авторов воспоминаний, укажут на возможные ошибки мемуариста и приведут при необходимости дополнительные фактические сведения. Предусматривалось, что каждый том должен быть снабжен подборкой исторических фотографий. Я брал на себя обязанность найти составителей томов из числа известных мне историков, специалистов по соответствующим периодам революционного движения.

В заявке указывалось на целесообразность разбивки серии на два отдела: пять томов мемуаров по дворянскому и разночинскому периодам и пять по пролетарскому. «Таким образом, по количеству томов один третий, самый важный пролетарский этап будет равен двум первым». Кроме того, предлагалось «издавать по одному тому ежегодно из каждого отдела». Последнее особенно понравилось руководству Лениздата, поскольку избавляло от необходимости объяснять вышестоящим инстанциям, почему партийному издательству придется ждать несколько лет, пока при простой хронологической последовательности томов очередь дойдет до пролетарских революционеров. Мне довелось увидеть на полях листа моей заявки в соответствующем месте помету карандашом: «умно придумано».

По всей вероятности, редакции историко-партийной литературы Лениздата оказался нужен мой большой проект, придававший ей солидность и значимость. Когда есть заинтересованность, чиновничья машина действует энергично. У меня сохранилась копия редакционного обоснования необходимости издания «новой серии» — «История революционного движения в Петербурге-

² Освободительное движение в России. Вып. 8. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 1978. С. 113.

Петрограде в воспоминаниях участников», которая должна сыграть «свою роль в воспитании молодого поколения на революционных традициях». Имеется также копия обращения в Госкомиздат РСФСР за подписями директора и главного редактора Лениздата с просьбой «рассмотреть наше предложение, внести свои замечания и санкционировать издание».

Санкция, очевидно, была получена, и 15 марта 1979 г. со мной был заключен договор на организацию подготовки и представление в издательство 10 томов серии согласно включенному в договор графику. В мои обязанности входили координация работы составителей конкретных томов с целью достижения необходимого единообразия в подаче исторического материала, определение содержания томов вместе с составителями, контроль над ходом работы, предварительное редактирование перед сдачей тома в издательство. Ну и, конечно, я наряду с составителями томов нес «ответственность за идейно-политическое содержание каждого тома»

Все составители должны были иметь отдельные договоры по своим томам. Руководство Лениздата не стало крохоборствовать: всем участникам проекта были определены максимально возможные гонорары, что становилось дополнительным стимулом для работы. Впечатлял и запланированный тираж — 50 тыс. экземпляров.

Вначале по инициативе Лениздата предполагалось, что серия воспоминаний будет выходить под рубрикой «Библиотека молодого коммуниста». Но когда в издательство поступила рукопись первого сборника, на редакционном совещании по этому поводу кто-то сказал, что научный уровень представленного материала превосходит возможность его восприятия основным контингентом молодых коммунистов. К моему удовольствию, было решено назвать серию «Библиотекой революционных мемуаров», а от молодых коммунистов остался только известный девиз «Из искры возгорится пламя».

Я получил звание и полномочия ответственного составителя «Библиотеки». Но вскоре мне и Лениздату стало ясно, что необходимо привлечь к задуманному предприятию для его прикрытия авторитетных сотрудников какого-либо статусного учреждения. Лучше всего для этого подходил Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Но важно было найти в нем подходящих вменяемых людей. По моему предложению на роль научных редакторов двух отделов «Библиотеки» — дворянско-разночинского и пролетарского периодов революционного движения — были приглашены С. С. Волк и Л. М. Спирин.

Со Степаном Степановичем Волком я был знаком много лет. В 1960-х гг. мы были коллегами — сотрудниками одного учреждения, Ленинградского отделения Института истории СССР (С. С. был старше меня на десять лет). Под его руководством и под эгидой нашего общего учителя профессора С. Н. Валка мы подготовили и в 1965 г. издали сборник документов по истории революционного народничества. Затем С. С. Волк перешел на заведывание кафедрой в Ленинградский государственный университет, а во второй половине 1970-х гг.

переехал в Москву и стал одним из ведущих сотрудников Института марксизма-ленинизма.

В Институте марксизма-ленинизма подвизалось много заслуженных большевиков со степенями, но, по словам С. С., не хватало ученых, могущих что-нибудь вразумительно написать. На этом фоне Степан Степанович являлся ценным кадром. Он был непростым человеком, но с ним можно было дискутировать и в конечном итоге договариваться. В 1978 г. он выступил одним из официальных оппонентов на защите моей докторской диссертации.

Леонид Михайлович Спириин был типичным «имэловцем», впрочем, из числа пишущих, хотя довольно шаблонно. Он любил приезжать в какое-нибудь провинциальное историко-научное или образовательное учреждение именно в качестве представителя ИМЛ и выступать там как обладатель апробированных в «центре» установок по тем или иным проблемам. Но в целом он не был вредным имэловцем. Я познакомился с ним в 1977 г., когда с большими трудностями шел процесс публикации моей монографии о неонароднических партиях в 1917 г. (об этом можно тоже написать воспоминания). Было известно, что Л. М., когда моя книга всё же вышла, отказался давать на нее отрицательную рецензию. При общении с Леонидом Михайловичем в его бытность научным редактором томов «Библиотеки» по пролетарскому периоду мы всегда находили общий язык.

В 1980-х гг. мне довольно часто приходилось бывать в Москве, и, конечно, я всегда приходил в ИМЛ, в его здание за высоким глухим каменным забором со строгим пропускным режимом. Забавно, но рядом находилась маленькая улочка под названием «Марксистский тупик» (потом это название убрали). Пропуск мне заказывали С. С. Волк или Л. М. Спириин. Встречали радушно, но вели не к себе в кабинет, а прежде всего в столовую, где можно было вкусно и недорого пообедать. Непременным было и посещение в их сопровождении «имэловского» буфета с дефицитной тогда красной рыбой на кусочке булки. Таковы бытовые приметы сравнительно недавнего советского времени.

Между тем, прослышав про намерение Лениздата выпускать Библиотеку революционных мемуаров, к этому предприятию проявил интерес Институт истории партии ленинградского обкома КПСС. Его привлекла перспектива стать партийным куратором проекта. В этой обстановке необходимо было оперативно создать более или менее равноценный противовес внешнему непредсказуемому вмешательству. Таким противовесом могло стать только мое родное Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР, и 4 мая 1981 г. я написал заведующему ЛОИИ Валерию Александровичу Шишкину докладную записку. В ней, в частности, говорилось: «Сейчас серия мемуаров перестает быть только ленинградским предприятием, к ней стремится подключиться Институт истории партии; создается общественная редколлегия. Полагаю, что в этой ситуации ЛОИИ не должно остаться в стороне от участия в таком важном массовом издании, тем более что идея этого предприятия воз-

никла и была впервые высказана заведующему историко-партийной редакцией Лениздата в стенах ЛОИИ и его же сотрудниками будет обеспечен выпуск примерно половины всех томов серии. Предварительное заявление об этом было высказано мною И. Ю. Куберскому и З. С. Миронченковой в феврале или марте с.г. и не вызвало с их стороны возражений». Напоминаю, что И. Ю. Куберский являлся заведующим редакцией историко-партийной литературы Лениздата, а Миронченкова одно время заведовала отделом агитации и пропаганды ленинградского обкома КПСС, а затем была назначена директором ленинградского Института истории партии.

Согласие В. А. Шишкина было, конечно, сразу получено. В сформированную редколлегию Библиотеки от ЛОИИ вошли В. А. Шишкин, М. П. Ирошников, В. Н. Гинев, от ИМЛ оба научных редактора — С. С. Волк и Л. М. Спириин, от Ленинградского института истории партии З. С. Миронченкова, от Лениздата главный редактор Л. Н. Плющиков (преемник Д. Т. Хренкова). К этому времени в издательство уже были сданы рукописи трех томов и шла интенсивная работа еще по двум томам.

Мои опасения, что со стороны ленинградских истпартчиков, стремящихся к курированию Библиотеки, возможна какая-либо недоброжелательная критика как в отношении принципов составления Библиотеки, разработанных без их участия, так и против меня лично, в некоторой степени подтвердились. Один из влиятельных сотрудников Ленинградского института истории партии заявил, что я при планировании томов не учел важного значения периода между революциями 1905 и 1917 гг. Мой ответ на критику был конструктивным. Я предложил Лениздату дополнить Библиотеку специальным томом по периоду 1907–1917 гг. с включением в него воспоминаний о Февральской революции, а для сохранения паритета между пролетарским и дворянско-разночинским периодами добавить еще том о петрашевцах. Предложение было принято. Таким образом, выпад истпартковского критика привел к тому, что «Библиотека революционных мемуаров» из десяти томной стала двенадцатитомной.

В качестве одного из партийных кураторов «Библиотеки» З. С. Миронченкова 9 марта 1982 г. устроила в помещении своего института представительное совещание, на котором, по ее замыслу, следовало обсудить принципы, ход работы и дальнейшие перспективы «Библиотеки революционных мемуаров». На совещание приехали из Москвы оба научных редактора, С. С. Волк и Л. М. Спириин, в президиуме рядом с Миронченковой сидел главный редактор Лениздата Л. Н. Плющиков. В зале находились сотрудники Ленинградского института истории партии, пришли некоторые составители отдельных томов и часть издательских редакторов. На мое сообщение было отведено полчаса.

После обязательного ритуального трехминутного вступления с цитатами из материалов XXVI съезда КПСС я сосредоточился на сугубо практических проблемах, выявившихся в процессе рабочего общения с составителями и редакторами. Выступавшие в прениях говорили о том, как лучше сочетать

научность и образность, как лучше подавать читателю включаемые в сборники мемуары; был поднят вопрос о характере примечаний: бравшие слово составители обосновывали необходимость увеличения их объема, а один из редакторов издательства ратовал за то, чтобы твердо узаконить этот объем и не переступать. Мой критик всё время просидел молча.

После окончания совещания ко мне подошел Л. Н. Плющиков и сказал, что Миронченковой и ему мое сообщение понравилось. После этого в Лениздате я получил прямой доступ к главному редактору, и возникавшие вопросы по «Библиотеке» решались быстро и с пользой для дела. С Зинаидой Сергеевной Миронченковой также установились нормальные рабочие отношения. Она не вмешивалась мелочно в процесс работы над «Библиотекой» и знакомилась с очередным томом только на стадии корректуры. Обычно никаких замечаний с ее стороны не поступало. Правда, вспоминаю, что один раз З. С. высказала пожелание, чтобы биографии авторов воспоминаний помещались не в конце сборников в составе примечаний, а в основном корпусе перед каждым воспоминанием. Может быть, напрасно ее пожелание не было тогда реализовано. Впрочем, думаю, что Зинаиде Сергеевне было важно иметь гриф своего института в каждом томе «Библиотеки», а в остальном она, очевидно, полагалась на апробацию научных редакторов из ИМЛ.

С. С. Волк и Л. М. Спирин получали очередные тома Библиотеки в машинописном виде и, как правило, вместе с отзывами рецензентов, которых привлекало издательство по своему выбору, по рекомендациям научных редакторов или согласившись с предложенной мною кандидатурой. Из ИМЛ рукописи томов возвращались с замечаниями вполне дельными, конструктивными и, что немаловажно, большей частью не имевшими директивного характера. Только однажды произошел «сбой». Л. М. Спирин дал на просмотр том о революционных событиях в Петрограде между мартом и октябрём 1917 г. своей коллеге, которая проявила себя сугубо ортодоксальной и осторожной. Но потом он сам признал ее отзыв необъективным и организовал другой. Этот эпизод случился примерно в 1986 г., что является отступлением от соблюдавшегося до сих пор хронологически последовательного повествования. Вернемся к его началу.

Первый том Библиотеки — «Верные сыны отечества», о декабристах, вышел в свет осенью 1982 г. Вышел под грифами двух институтов. На первом месте стоял, разумеется, гриф ленинградского Института истории партии и только после него гриф Ленинградского отделения Института истории СССР. Том предварялся кратким вступлением от ответственного составителя «Библиотеки», анонсировавшим всю предстоящую серию. Мое намерение включить в текст подходящую цитату из Брежнева было пресечено И. Ю. Куберским. Вместо Брежнева он вставил цитату из свежего постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Молодой, но аппаратно опытный заведующий редакцией историко-партийной литературы как в воду глядел. Вскоре Леонида Ильича не стало,

и цитаты из него потеряли недавнюю значимость. Зато цитата из постановления ЦК КПСС, провозглашавшая необходимость «вооружать советский народ, каждое новое поколение непобедимым оружием исторической правды», оказалась безусловно действенной еще почти десять лет и неоднократно использовалась мной в различных служебных записках.

В паре в декабристском томом, первым из дворянско-разночинского отдела «Библиотеки», должен был по плану выйти том «В дни Октября», об октябрьском вооруженном восстании в Петрограде в 1917 г. Читателю как бы предлагалось сравнить два восстания: первое, плохо подготовленное и проведенное дворянскими революционерами самоотверженно, но нерешительно, без участия народа и второе — пролетарское, подготовленное с учетом опыта всех предшествующих периодов революционной борьбы, организованное не кружками, а партией нового типа, проведенное решительно и наступательно. Однако выход «парного» тома задерживался, и причиной тому был конфликт с составителем тома, сотрудником ЛОИИ Виталием Ивановичем Старцевым.

Хочу сказать, что в процессе работы над конкретными томами «Библиотеки» у меня со всеми участниками проекта сложились позитивные деловые отношения, а с некоторыми даже хорошие личные. Возникавшие порой спорные вопросы решались компромиссно и без обид. Исключение — Виталий Иванович.

В зафиксированные письменно обязанности ответственного составителя «Библиотеки» входило, среди прочих: «Обеспечить единый стиль (характер) всей серии. Координировать работу составителей отдельных томов с целью достижения необходимого единообразия в подаче материала...» Предполагалось, что мемуары будут публиковаться полностью или, при их большом размере, частично. При этом всюду, где придется делать пропуски, следовало обязательно ставить отточия в косых скобках. Каждое воспоминание, включенное в сборник, представляло, таким образом, отдельный исторический документ, снабженный примечаниями составителя. Все вместе они должны были давать ясное представление о том периоде революционной борьбы, которому посвящался данный том.

Виталий Иванович заявил, что такой принцип составления тома ему не интересен. Он предложил сделать небольшие нарезки из множества имеющихся воспоминаний об октябрьском восстании и расположить их друг за другом так, чтобы получился связный рассказ о событиях в Петрограде 24–26 октября. Один кусочек воспоминаний продолжал бы предыдущий и, в свою очередь, становился предшественником последующего отрывка. Такой прием, на мой взгляд, лишал авторов мемуаров индивидуальности, делал их взаимозаменяемыми частичками будто бы непротиворечивого исторического действия. Примеры подобных сборников были, но я считал такое обращение с мемуарными источниками антинаучным. Он был, по-моему, неприемлем даже для популярного издания, тем более для ленинградской «Библиотеки», которая

задумывалась не только как популярная, но еще и научная. К тому же том В. И. Старцева в его исполнении выпадал бы из общего принципа построения содержания всех остальных томов. Отсутствие цельных воспоминаний, кроме того, предполагало иной характер примечаний.

Виталий Иванович стоял на своем, и наши разногласия были вынесены на уровень руководства Лениздата, которое приняло мою сторону. Итогом нашего спора стало написанное В. И. Старцевым заявление — любопытный документ, дающий представление о некоторых сторонах внутренней истории создания «Библиотеки революционных мемуаров». Привожу его полностью.

«Заведующему историко-партийной
редакцией “Лениздата”
тов. Куберскому И. Ю.

Заявление

В связи с делящимися с марта сего года разногласиями с составителем серии историко-революционных мемуаров В. Н. Гиневым по вопросу о принципах подготовки сборника мемуаров об Октябрьском вооруженном восстании;

признавая за В. Н. Гиневым безусловный авторитет в определении характера изданий изложенной им серии;

считая избранный В. Н. Гиневым характер изданий неприменимым к сборнику воспоминаний о данном конкретном событии;

не желая ставить издательство перед выбором в данной конфликтной ситуации,

прошу данное заявление считать формальным поводом для расторжения издательского договора № 114 от 15 марта 1979 г. на составление сборника мемуаров “В дни Октября” объемом в 25 авторских листов.

9 октября 1979 г.

(В. И. Старцев)»

В мои обязанности входило «при возникновении угрозы неподготовки какого-либо тома в срок <...> возбудить перед Издательством вопрос о расторжении договора или о подключении к составлению данного тома дополнительных лиц». Новым составителем тома «В дни Октября» стал Ханан Маркович Астрахан, доктор исторических наук, преподаватель истории КПСС в институте инженеров железнодорожного транспорта. В 1973 г. в том же Лениздате он опубликовал интересную книгу «Большевики и их политические противники в 1917 г.». Такое название дало ему возможность показать тактику не только большевиков, но и противостоявших им политических партий, что было не совсем обычно и довольно смело для историографии 1970-х гг. С некоторой задержкой том «В дни Октября» вышел в конце 1982 г.

После этого довольно продолжительное время работа над «Библиотекой» шла спокойно, своим чередом. Но под пристальным вниманием руководящих партийных органов. Так, одна из внешних рецензий была прислана в издательство с «сопроводителькой», подписанной проректором Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1986 г. в шестом номере «Вопросов истории» появилась в целом вполне положительная рецензия на шесть вышедших к тому времени томов «Библиотеки», написанная В. А. Твардовской. В одном из писем мне она сообщила, что «обзор» был ей «заказан журналом» «по заданию Отдела науки ЦК КПСС». К слову сказать, по мнению автора обзора, том «В дни Октября», подготовленный вместо В. И. Старцева Х. М. Астраханом, «является среди уже вышедших самым насыщенным по содержанию, самым фундаментальным по количеству собранных в нем сведений и научной оснащенности»³.

Регулярно откликалась на выход томов «Библиотеки» «Ленинградская правда». 8 марта 1982 г. газета анонсировала готовящееся издание: «“Из искры возгорится пламя” — под таким девизом в Лениздате готовится серия книг, которые составят “Библиотеку революционных мемуаров”. Цель издания — дать читателю возможность увидеть революционное движение в России глазами участников трех его главных периодов: дворянского, разночинцев и пролетарского. Воспоминания участников революционного движения в Петербурге—Петрограде станут важным историческим и литературным памятником эпохи». К сожалению, у меня сохранились рецензии «Ленинградской правды» только на три тома «Библиотеки», но их было больше. 16 августа 1984 г. о выходе нескольких томов «Библиотеки» сообщила «Комсомольская правда» в заметке «Штурманы революции»: «“Библиотека революционных мемуаров” подготовлена к печати Институтом истории партии Ленинградского обкома КПСС — филиалом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Ленинградским отделением Института истории СССР Академии наук СССР. В работе над томами приняли участие ведущие ученые <...> “Библиотека” продолжается».

Порадовал отклик газеты «Асахи» из далекой Японии на том о петрашевцах (напечатан в номере от 3 июля 1985 г.). Я не помню, кто мне сообщил об этом и кто сделал и дал перевод. У меня есть только его машинописная копия. С удовольствием знакомлю с ней читателей.

«В 1849 году, в декабре, на Семеновском плацу двадцатилетний Достоевский едва не был казнен. Однако был приказ о помиловании. Возвращение его к жизни после гражданской казни (в действительности это был спектакль, разыгранный царем) стало, как хорошо известно, ядром творчества Достоевского впоследствии, но относительно реального положения вещей в группе Петрашевского, главного действующего лица в этом событии, даже теперь не всё ясно.

В недавнем прошлом в книге “Первые русские социалисты. Воспоминания участников кружка петрашевцев в Петербурге” (составитель Б. Ф. Егоров. Л.:

³ Вопросы истории. 1986. № 6. С. 105.

Лениздат, 1984) приведены очень важные материалы относительно этой группы. Впервые собраны воспоминания важнейших членов группы о Петрашевском; в частности внимания заслуживают записки Пальма и Баллина.

Среди петрашевцев — молодых российских свобододолюбцев — было много сложных характеров. Таковы Спешнев, который в 1859 году добился, благодаря хлопотам Муравьева, возвращения на родину; Черносвитов, который искал золото на Урале; шпион — сын знаменитого художника, который вел закулисную деятельность среди участников кружка.

Вступительная статья, превосходно написанная Егоровым, и комментарии, в высшей степени подробно выполненные Образцовой, делают понимание воспоминаний еще более глубоким».

Непосредственное издательское редактирование томов «Библиотеки» проводилось в основном тремя молодыми редакторшами — Светланой Алексеевной Прохвятиловой, Еленой Борисовной Никаноровой и Маргаритой Васильевной Тоскиной. Наверное, участие в издании «Библиотеки» было для них своего рода душевным отдыхом после многомесячных трудов по выпуску неинтересной пропагандистской литературы. С составителями «Библиотеки» они, на мой взгляд, работали вполне квалифицированно и с большой охотой. Требования к авторам были только чисто редакторскими, принципиального идейного неприятия чего-либо не возникало. Мне было приятно в течение нескольких лет довольно часто приходиться к ним в их редакторскую комнату, конечно, по делу, а потом и просто пообщаться. Вспоминаю об этом с ностальгией.

Однако с одним издательским редактором пришлось-таки вступить в нештучный спор. Это был представитель старой редакторской гвардии, привыкший к разным цензурным изъятиям и даже считавший их правомерными.

Инцидент произошел при подготовке тома «Октябрю навстречу» — о событиях в Петрограде в марте–сентябре 1917 г. Составителями в число авторов воспоминаний был включен Ф. Ф. Раскольников, активный участник революции и Гражданской войны; в 1920-х гг. он занимал важные посты на поприще литературы и искусства, с начала 1930-х гг. был аккредитован на дипломатическую работу за границей. В разгар политических репрессий, получив вызов в Москву и понимая, что его ждет по возвращении, предпочел стать эмигрантом. В ответ объявлен врагом народа и лишен советского гражданства. В 1939 г. было опубликовано его «Открытое письмо И. В. Сталину», в котором разоблачался сталинский режим. В 1963 г. Ф. Ф. Раскольникова реабилитировали.

Редактор Н. А. Ватагин, по некоторым сведениям, имел в своей редакторской практике какие-то неприятности из-за Раскольникова, поэтому сильно его недолюбливал и решительно возражал против его воспоминаний в «своем» томе.

Здесь нам пришлось уступить: воспоминания Ф. Ф. Раскольникова из рукописи тома были изъяты.

Но с редактором Н. А. Ватагиным возникла еще одна проблема, и в этом случае уступить никоим образом не следовало. Дело в том, что при сравнении

переизданий воспоминаний революционеров пролетарского периода, выпущенных в 1950–1970-х гг., с изданиями 1920-х — начала 1930-х гг., в первых обнаруживались пропуски в «неудобных» местах, к тому же не всегда отмеченные отточиями.

В томах «Библиотеки» эти места или восстанавливались, или, если этого нельзя было сделать, отточия обязательно ставились (например при упоминании каким-либо автором воспоминаний в позитивном контексте о Л. Троцком и т.п.).

Редактор Н. А. Ватагин восстал против отточий. Он считал, что отточия вызывают нездоровый интерес у читателей. Мне пришлось прибегнуть к помощи научных редакторов из Института марксизма-ленинизма, ведь они все-таки являлись историками-профессионалами. В результате главный редактор Лениздата Л. Н. Плющиков получил следующее письмо:

«В связи с возникшими в последнее время разногласиями между ответственным составителем “Библиотеки революционных мемуаров” В. Н. Гиневым и редактором тома “Октябрю навстречу” Н. А. Ватагиным по вопросу о принципах публикации текстов мемуаров считаем необходимым довести до Вашего сведения свое мнение: все пропуски в текстах мемуаров должны, согласно Правилам издания документов 1969 г., отмечаться отточиями. Это относится к пропускам как внутри публикуемого текста, так и к тем случаям, когда глава или параграф документа (воспоминания) публикуется не с самого начала или воспроизводится не до конца.

До сих пор этот принцип неизменно проводился во всех вышедших томах “Библиотеки”, кроме тома “В дни Октября” (редактор Н. А. Ватагин), который в этом отношении явился досадным исключением.

Допущенное в начале издания “Библиотеки” отступление от Правил не должно более повторяться. “Библиотека революционных мемуаров. Из искры возгорится пламя”, выпускаемая Лениздатом под грифами Ленинградского института истории партии при Ленинградском обкоме КПСС и Ленинградского отделения института истории СССР АН СССР, должна быть доведена до конца на высоком идейном и издательском уровне.

Научные редакторы “Библиотеки революционных мемуаров”

Доктор исторических наук, проф. Л. Спирин

Доктор исторических наук, проф. С. Волк

Москва, 24 февраля 1986 г.»

Том «Библиотеки революционных мемуаров» «Октябрю навстречу» вышел в 1987 г. со всеми необходимыми отточиями.

Все остальные нечастые разногласия между мной и отдельными составителями разрешались без привлечения кого-либо из кураторов Библиотеки. Приведу два примера, связанных с сотрудницей Ленинградского института истории партии Т. П. Бондаревской. Она была одним из составителей тома «На баррикадах» — о событиях в Петербурге в период первой российской революции.

Таисия Павловна, доктор исторических наук, серьезный историк, милейший обаятельный человек, но стопроцентная истпартовка. Очень не любила Гапона. А в воспоминаниях Н. К. Крупской, фрагмент из которых первоначально предполагалось включить в том, говорилось о встрече В. И. Ленина с Гапоном, когда тот после 9 января 1905 г. скрылся за границу. Ну зачем в нашей «Библиотеке» компрометировать вождя мирового пролетариата таким нехорошим знакомством? Мой довод, что об этом сказано не кем-нибудь, а самой Крупской в воспоминаниях, недавно переизданных двухсоттысячным (!) тиражом, не стал для Таисии Павловны убедительным. Ну ладно. Это не принципиально. Обойдется наш читатель без воспоминаний Н. К. Крупской, тем более что они общедоступны.

Второй эпизод — более серьезный. В том были включены главы из воспоминаний активного участника революции 1905–1907 гг. большевика Б. М. Кнунянца «Первый Совет рабочих депутатов», написанных по горячим следам событий и изданных в 1906 г. (переиздавались только один раз, в 1958 г. в Ереване). И вот в этих воспоминаниях было сказано, что «инициатива» создания Совета «принадлежит меньшевикам, которые всегда стояли за широкие массовые организации». Такого, по мнению Т. П. Бондаревской, не могло быть никогда! Что же делать? Убрать эти строки и поставить отточия? Но в данном случае это означало бы искажение авторской позиции, даже фальсификацию текста. После обсуждения было найдено решение: текст Кнунянца оставить в неприкосновенности, но к нему дать примечание, опровергающее утверждение автора воспоминаний. Такой вариант вполне допустим и в научных, и в популярных изданиях⁴.

Не помню, были ли еще какие-нибудь острые дискуссии по данному тому, но если и были, они не испортили моих отношений ни с Таисией Павловной, ни со второй составительницей тома, преподавательницей университета, историком Нинель Ивановной Приймак. После выхода тома «На баррикадах» в 1984 г. обе симпатичные дамы подарили мне экземпляр с дарственной надписью: «Дорогому Владимиру Николаевичу с сердечной признательностью и на добрую память от трудных составителей».

Сейчас многие воспоминания революционеров пролетарского периода воспринимаются иначе, чем в советское время. Образованный современный читатель, думаю, увидит, что они нарочито политизированы, преувеличивают роль партии большевиков. В разной степени это прослеживается и во вступительных статьях. Одни авторы писали в таком духе согласно со своими убеждениями, а некоторые — вынужденно подчиняясь обязательным канонам. К последним я бы отнес Рафаила Шоломовича Ганелина. Вместе с сотрудником ленинградского института истории партии В. А. Улановым он подготовил том «Крушение царизма».

⁴ В ереванском издании указанное место отсутствует. Пропуск обозначен тремя мало заметными точками без скобок.

К своему соавтору Р. Ш. Ганелин относился с подчеркнутым пиететом, хотя они были в совершенно разных «весовых» научных категориях. В. А. Уланову в томе принадлежит часть до Февральской революции — там всё по-советски стандартно. В разделе вступительной статьи, написанном Ганелиным о событиях в Петрограде в конце февраля 1917 г., перечислены все заседания бюро ЦК и Петербургского комитета большевиков, все выпущенные большевиками листовки с воззваниями, но если внимательно вчитаться, то возникает вопрос: а какое влияние всё это оказывало на развитие революционных событий? Об этом ничего не было сказано. В то же время в некоторых воспоминаниях, включенных в том Р. Ш. Ганелиным (унтер-офицера Т. И. Кирпичникова, офицера С. Д. Мстиславского) и примечаниях к ним ясно видно, что на настроения солдат петроградского гарнизона, на их переход на сторону рабочих повлияли толпы возбужденного народа на столичных улицах, а о присутствии каких-либо партийных агитаторов в этих воспоминаниях не говорится.

Через полтора десятка лет, уже в постсоветский период, Р. Ш. Ганелин вновь включился в «старый спор о стихийном или организованном характере Февральской революции и о политических силах, сыгравших роль в ее происхождении». По его мнению, этот спор имеет «в качестве важнейшего пути своего решения непредубежденное и последовательное рассмотрение с этой точки зрения хода революционных событий с самого их возникновения»⁵.

В 1998–2002 гг. Рафаилом Шоломовичем были написаны четыре статьи, в которых последовательно описывалось всё, что происходило 23, 24, 25 и 26 февраля 1917 г. в Петрограде — на улицах, конспиративных квартирах, в казармах, в официальных и частных кабинетах. Он вновь с сожалением указывает на то, что «продолжающийся исторический спор об инициативных и движущих силах Февральской революции 1917 г., как и прежде, часто приобретает политизированный характер». Но сегодня «место большевиков, в которых недавняя официальная советская историография видела главных «строителей» февральских событий, творцов великого социального блага, часто снова занимают теперь, но уже в качестве виновников рокового для России зла, масоны и евреи, как это изображалось в эмигрантской публицистике 20-х годов»⁶.

В упомянутых статьях Р. Ш. не дает прямого ответа о степени стихийности или организованности Февральской революции, но содержащийся в них большой фактический материал оставляет мало оснований для сомнений в ее преобладающей спонтанности. Тем более что в одном месте говорится вполне определенно: «Настоящие связи в массах у всех революционных организаций были крайне незначительны»⁷.

⁵ Петроград 23 февраля 1917 г. // Ганелин Р. Ш. В России двадцатого века. М.: Новый хронограф, 2014. С. 497.

⁶ Третий день Февральской революции // Там же. С. 531.

⁷ 26 февраля 1917 г. в Петрограде // Там же. С. 584.

Ну а в 1986 г., когда вышел ленинградский том «Крушение царизма», это было отмечено походом в ресторан, куда Рафаил Шоломович пригласил В. А. Уланова, меня и трех вышеупомянутых симпатичных редакторш. Уланов, которому не было и сорока, просидел весь вечер молча и неподвижно, Р. Ш. развлекал всех своими байками, а мне выпало на долю поочередно танцевать со всеми тремя приятными во всех отношениях дамами, причем Светлана Алексеевна Прохвятилова решила принять мое приглашение только после того, как остальные две дамы заверили ее, что медленный фокстрот у меня получается вполне сносно.

22 ноября 1983 г. газета «Известия» на первой полосе поместила маленькую заметочку «Летопись революций», где сообщала о том, что уже вышли три тома двенадцатитомной «Библиотеки революционных мемуаров», а «издание остальных завершится к октябрю 1987 года — в канун 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции». Однако к указанной юбилейной дате завершить издание, по моей вине и вине некоторых составителей, не удалось. Последний том «Библиотеки» вышел в 1989 г. Объем половины томов выходил за пределы договорных 25 учетно-издательских листов (среди них и два тома, в подготовке которых я принимал непосредственное участие). Издательство ворчал, но шло навстречу. Выходили за договорные размеры и примечания. Но издательство понимало их значение и соглашалось. С другой стороны, и оно само оказалось не безгрешно. Заранее было определено, что тома дворянско-разночинского отдела будут в зеленых обложках, а пролетарского — в темно-бордовых. Таким оказался только один том — «В дни Октября», а затем по недосмотру следующий «пролетарский» том одели в зеленую обложку. Возникла проблема: как это можно идеологически объяснить? Помню, этим была серьезно озабочена директор ленинградского истпарту З. С. Миронченкова. Решили, что темно-бордовыми будут три последних тома с воспоминаниями 1917-го — начала 1918 гг. Но когда подошел срок их издания, оказалось, что темно-бордовых обложек в типографии нет, есть только красные, в итоге — полный разнобой в цветовом оформлении «Библиотеки».

Тома «Библиотеки революционных мемуаров» выходили в свет в течение восьми лет. За это время сам «свет» претерпел существенные изменения. Начиналась «Библиотека» в период брежневского застоя, кончалась — когда началась горбачевская перестройка. Если в 1986 г. не удалось включить в том «Октябрю навстречу» воспоминания Ф. Ф. Раскольникова, то уже в 1988 г. в томе «Утро страны Советов» читатель мог познакомиться не только с воспоминаниями этого выдающегося революционного деятеля об Учредительном собрании (на мой сегодняшний взгляд, довольно предвзятыми), но и с его фотографией.

«Утро страны Советов» с воспоминаниями участников революционных событий в Петрограде в период с 25 октября 1917 г. до переезда советского правительства в Москву 10 марта 1918 г. являлось хронологически завершающим томом «Библиотеки». На форзацах книги была воспроизведена фотография

демонстрации в Петрограде в декабре 1917 г. На ней работники 2-й Государственной литографии несут плакат, на котором большими буквами написано: «ЦАРСТВУЮ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН НЕ БУДЕТ КОНЦА». Бесконечное царствие кончилось через три года с момента воспроизведения указанной фотографии вместе с распадом Советского Союза и прекращением деятельности КПСС. Значит ли это, что сейчас «революционные мемуары» никому не нужны? Плотина прорвалась, и сегодня в большом количестве выходят мемуары «неревлюционные» и антиреволюционные, и это надо приветствовать. Образованные граждане получили возможность знакомиться с различными точками зрения на историю своей страны. Об этом составители «Библиотеки революционных мемуаров» могли только мечтать. Но, полагаю, их труд всё же остается полезным. Большинство мемуаров XIX в., включенных в «Библиотеку», не издавалось с 1920-х гг., а некоторые — с дореволюционных времен; впервые под одной обложкой были собраны мемуары петрашевцев; впервые были изданы в одном томе воспоминания о 1905 г. в Петербурге и комплекс воспоминаний о Февральской революции. Все воспоминания по пролетарскому периоду впервые были изданы с большими примечаниями.

В начале статьи упоминалось о моей положительной рецензии на воспоминания Н. А. Чарушина. Но московское издательство «Мысль», решившееся в 1973 г. познакомить массового читателя (тираж книги составлял 34 тыс. экземпляров) с воспоминаниями народника, а не пролетарского революционера, имело большие неприятности; мне говорили (за точность не ручаюсь), что редактор отдела социально-экономической литературы был даже уволен. А в ленинградской «Библиотеке» воспоминаниям народников отведены целых два тома, и тираж каждого — 50 тыс. При этом большинство мемуаров, вошедших в эти тома, после 1920-х гг. были переизданы впервые.

В заключение перечисляю поименно всех составителей Библиотеки.

Леонид Сергеевич Семенов, Лилия Борисовна Добринская — составители тома «Верные сыны Отечества», о декабристах.

Борис Федорович Егоров — том «Первые русские социалисты» — о петрашевцах.

Алексей Николаевич Цамутали — том «Штурманы будущей бури» — о революционерах 1860-х гг.; том «Народная воля и Черный передел».

Владимир Николаевич Гинев — том «Революционеры 1870-х гг.»; том «Народная воля и Черный передел».

Ирина Николаевна Курбатова, Татьяна Александровна Аркушенко — том «От народничества к марксизму» (1883–1894 гг.).

Евгений Романович Ольховский — том «Пролетарский пролог» (1893–1904 гг.).

Таисия Павловна Бондаревская, Нинель Ивановна Приймак — том «На баррикадах» (1905–1907 гг.).

Рафаил Шоломович Ганелин, Валерий Анатольевич Уланов — том «Крушение царизма» (1907 — февраль 1917 г.).

Захарий Васильевич Степанов, Александр Владимирович Гоголевский — том «Октябрю навстречу» (март–сентябрь 1917 г.).

Ханан Маркович Астрахан — том «В дни Октября».

Михаил Павлович Ирошников — том «Утро страны Советов» (25 октября 1917 — 10 марта 1918 г.).

Половины перечисленных составителей уже нет в живых. Мир душам ушедших из жизни, многие лета живущим. Всем им будет литературно-историческим памятником организованная Ленинградским отделением Института истории СССР АН СССР — ныне Санкт-Петербургским институтом истории РАН «Библиотека революционных мемуаров».

References

Ganelin R. Š. V Rossii dvadcatogo veka. M.: Novyj hronograf, 2014.

Osvoboditel'noe dviženie v Rossii. Вып. 8. Saratov: Izd-vo Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1978.

Список литературы

Ганелин Р. Ш. В России двадцатого века. М.: Новый хронограф, 2014.

Освободительное движение в России. Вып. 8. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 1978.

Г. А. Пудов

О предметах из коллекции Н. П. Лихачева в Отделе народного искусства Русского Музея

В 2011 г. в Русском музее состоялась выставка «Выдающиеся собиратели народного искусства»¹. Один из ее разделов был посвящен коллекции Н. П. Лихачева.

Николай Петрович Лихачев (1862–1936) известен как ученый, коллекционер, преподаватель, библиограф, автор более 160 научных работ². «В одном человеке всё соединилось: завидная эрудиция, стройная система знаний, семейная “предрасположенность” к собирательству, “генетическая” любовь к документу, тонкое коллекционерское чутье»³.

Собирательская деятельность Н. П. Лихачева была связана с его научными занятиями. Это отличало его от многих собирателей. Л. Г. Климанов справедливо писал: «Разделить в Н. П. Лихачеве ученого и коллекционера невозможно, наука и коллекционерство играли в деятельной подвижнической жизни этого человека взаимосвязующую роль»⁴. Лихачев стал одним из первых в России

¹ См.: Выдающиеся собиратели народного искусства. Коллекции и коллекционеры Русского музея. Вып. 3 / Альманах. ГРМ. Вып. 312. СПб., 2011. Выставка была организована на материале коллекции Отдела народного искусства.

² *Соболевский А., Карский Е., Перетц В., Платонов С.* Записка об ученых трудах Н. П. Лихачева // Известия АН СССР. 1925. Сер. VI. Т. 19, № 18. С. 844–858.

³ *Степанова Е. В.* «Он был ученым “с головы до ног” и никем другим быть не желал и не был...» (по материалам личного архива Н. П. Лихачева) // «Звучат лишь письмена...». К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева. Каталог выставки. ГЭ. СПб., 2012. С. 24.

⁴ *Климанов Л. Г.* Николай Петрович Лихачев — коллекционер «сказочного размаха» // Из коллекций академика Н. П. Лихачева. Каталог выставки. ГРМ. Ленинград, 1991. СПб., 1993. С. 18.

коллекционеров икон и архивных материалов. Кроме того, он стоял у истоков собирания в Европе исторических документов европейского происхождения. Ученый обладал огромной коллекцией, в которую входили кроме автографов и икон надгробия, штампы, перстни, древние печати Средиземноморья, античные глиняные сосуды, остраки, пряничные доски и многое другое. Лихачев писал в одном из писем, что одной из целей его собирательской деятельности было «доставить русским ученым самостоятельный материал для изучения»⁵.

После революции 1917 г. созданный Н. П. Лихачевым Музей палеографии был передан сначала Петроградскому университету, затем перешел в ведение Академии наук. Однако избежать распада коллекции всё же не удалось. Она пополнила собрания ГЭ⁶, ГИМ, Музея истории религии, БРАН. Часть коллекции попала в ГРМ и была распределена между несколькими отделами.

В отделе народного искусства (далее — ОНИ) находится 47 пряничных досок, 12 различных произведений из металла, включая шесть чернильниц, а также изразец и пара кожаных рукавиц⁷. Вещи поступили 24 ноября 1940 г. из Музейного фонда Государственного Эрмитажа⁸. Об этих предметах и пойдет речь в настоящей статье.

Пряничные доски — самостоятельная группа произведений среди других предметов из собрания Н. П. Лихачева, находящихся сегодня в ОНИ. Большинство досок отличаются хорошей сохранностью. Некоторые из них участвовали в выставках⁹, в специальной литературе они упоминаются редко¹⁰.

Место производства большинства пряничных досок неизвестно. В инвентарных книгах они датируются очень широко: несколько вещей — XVII в.,

⁵ Н. П. Лихачев — М. С. Большаковой-Майковой, 17 января 1933 г., из Астрахани (ЛО ААН, ныне — СПФ АРАН). Ф. 738. Оп. 4. Ед. хр. 40. Л. 1 об. Цит. по: *Климанов Л. Г.* Ученый и коллекционер, «известный всей России, еще более Европе» // *Репрессированная наука.* Л., 1991. С. 425.

⁶ На оборотной стороне одной из досок из собрания Н. П. Лихачева, поступившей в ОНИ из Эрмитажа (инв. № Д-696), сохранилась наклейка, на которой указано: «Поступило по акту № 608 от 8 VIII 1938 г. из Музея Института Истории Академии Наук СССР». Таким образом, в Эрмитаже доски находились недолго.

⁷ При работе над настоящей статьей большое содействие оказала старший научный сотрудник — хранитель фондов ОНИ ГРМ Любовь Алексеевна Старкова. Приношу ей глубокую благодарность.

⁸ ГРМ, акт № 989/1649 от 24 ноября 1940 г.

⁹ На постоянной экспозиции ОНИ сегодня находятся пряничные доски Д-679, Д-689, Д-697, Д-709, Д-710. Доски Д-680, Д-707, Д-710, Д-711 участвовали в выставке «Русское народное искусство XVII–XX вв.», проходившей в Елагином дворце в 1962 г. Кроме того, подавляющее большинство пряничных досок из собрания Н. П. Лихачева участвовало в выставке «Из коллекций Н. П. Лихачева», проходившей в Русском музее в 1991 г. (см.: *Из коллекций академика Н. П. Лихачева.* С. 194–197). Каталог пряничных досок составлен Н. В. Тарановской.

¹⁰ См. напр.: *Каменская М. Н.* Пряничная доска работы Матвея Ворошина // *Сообщения ГРМ.* Вып. II. Л., 1947. С. 36–37; *Мальцев Н. В.* Пряничные доски // *Добрых рук мастерство.* Л., 1981. С. 64, 65, 68, 69.

пятнадцать — XVIII в., пятнадцать — XIX в., остальные либо не датированы совсем, либо датированы XVIII–XIX столетиями. В коллекции находятся доски разных видов: «хоромные», «фигурные» и др.

М. Н. Каменская условно, по сюжетам изображений, разделила пряничные доски из коллекции Н. П. Лихачева на три вида: 1. Доски с языческими орнаментальными мотивами (с изображениями розеток, птиц и животных); 2. Доски с восточными орнаментальными мотивами, «своеобразно освоенными народным искусством»; 3. Доски с орнаментом, характерным для искусства московской Руси и более позднего периода (произведения с изображениями московского герба и различных архитектурных мотивов). По мнению М. Н. Каменской, большинство изделий происходит из среднерусских областей¹¹.

В основном это типичные изделия, на многих имеются следы частого использования по прямому назначению. Однако среди них есть несколько произведений, которые, бесспорно, относятся к шедеврам народного искусства. Это в первую очередь пряничная доска Матвея Ворошина, датируемая 1779 г. («орленая»)¹². В инвентарной книге указано, что доска была изготовлена во Владимирской губернии, однако выяснилось, что Матвей Ворошин происходил из Городца Нижегородской губернии¹³. Там был развит пряничный промысел, особое значение в его истории сыграли старообрядцы¹⁴. На прямоугольном поле доски — изображение двуглавого орла в круге со скипетром и державой (рис. 1). Снизу — вазон с расходящимися в стороны двумя тюльпанами, сверху — также два тюльпана и изображение царской короны. Свободные места заполнены различными геометрическими и растительными мотивами. Вся композиция обрамляется надписью: «1779 году апреля десятова дня: сия доска рисована рисовал Матвей Ворошин»¹⁵. При безупречном ремесленном мастерстве автора рассматриваемое произведение обнаруживает ясность и четкость композиционных построений. М. Н. Каменская писала: «Заполнение резьбой плоскости доски продумано и выполнено с полным осознанием ритма композиционных приемов

¹¹ *Каменская М. Н.* Тезисы доклада, прочитанного в отделе народного искусства 15 февраля 1946 года. Рукопись // ВА ГРМ. Оп. 6. Д. 1609. Л. С. Смусин писал, что пряники, изготовленные с помощью печатных досок, характерны для «губерний и областей, тяготевших к Волжскому торгово-культурному району <...> (Тверская, Костромская, Нижегородская, Саратовская <...>), а также для Вологодской губернии (см.: *Смусин Л. С.* Русский пряник // *Сообщения Государственного Русского музея.* Вып. XI. М., 1976. С. 100, 102).

¹² Инв. № Д-697. Размеры 49×38×5.

¹³ *Черняховская Ю. С.* Город-пряник // *Пряник, прятка и птица Сирин.* М., 1983. С. 94. В 2013 г. И. Я. Богуславской на атрибуционном совете было убедительно доказано городское происхождение этой пряничной доски.

¹⁴ См.: *Еранцев А. Н.* Городецкие пряники // *Городецкие чтения.* По материалам научно-практической конференции «Городец на карте России: история, культура, язык». Апрель 2002 г. Городец, 2003. С. 147–157.

¹⁵ Надо подчеркнуть, что надписи есть на многих пряничных досках Н. П. Лихачева. Думается, что это было одной из главных причин их появления в его коллекции.

Рис. 1. Пряничная доска.
Мастер Матвей Ворошин. 1779 г.,
Нижегородская губерния

и обличает в Ворошине одного из немногих известных нам мастеров XVIII века, мастера, обладающего несомненным художественным чутьем и знанием техники искусства резьбы по дереву»¹⁶. Надпись обнаруживает знакомство автора с искусством рукописной книги. Изображения орла и короны придают пряничной доске торжественный, праздничный характер. Е.С. Галуева справедливо указывала: «Почетные доски Городца раскрывают многообразие художественных приемов народных мастеров пряничной резьбы. В оформлении почетных досок выражено стремление к созданию пышных, богатых узоров, отмеченных большой торжественностью и праздничностью»¹⁷. Рассматриваемому произведению Матвея Ворошина есть аналогии в собрании ГИМ¹⁸.

Исключительную ценность имеет и другая доска¹⁹, «хоромная» (другое название таких досок — «терематые»). На ней изображены одиннадцатиглавый терем с двумя «луковками» на боковых главах (рис. 2). Терем имеет широкие «окна» и «двери». Его фасад, разделенный на три части «пилястрами», нарядно украшен. В центральном «прясле» — большая розетка, словно звезда, распространяющая в стороны свои лучи. На центральном шпиле — большой двуглавый орел, на двух боковых — фигуры, напоминающие цветы. Свободные места на доске заняты изображениями маленьких звезд. Всё изображение обрамляется надписью, не имеющей смыслового значения. В углах ее — розетки. Два ряда зубчиков и один ряд желобков отделяют изображения на доске от гладкого поля.

¹⁶ Каменская М.Н. Пряничная доска работы Матвея Ворошина. С. 37.

¹⁷ Галуева Е.С. Почетные пряничные доски Городца // Народные основы искусства художественных промыслов: Сборник научных трудов НИИХП. М., 1981. С. 68.

¹⁸ И.Н. Уханова также упоминает буфет из собрания Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, собранный из пряничных досок. Среди них, возможно, есть изделия Матвея Ворошина (Уханова И.Н. Пряничные доски Пошехонья // Сообщения ГЭ. Вып. XXXII. Л., 1971. С. 35).

¹⁹ Инв. № Д-679. Датируется XVII в. Размеры 104×72×7. См. воспр.: Выдающиеся собиратели народного искусства. Коллекции и коллекционеры Русского музея. Вып. 3 / Альманах. Вып. 312. СПб., 2011. С. 16.

Как и предыдущее произведение, это также отличается торжественным, праздничным, даже ликующим характером. Н.В. Мальцев писал: «Дворец, отпечатанный на прянике, по своей образной сути близок “палатным строениям” русских народных сказок и былин. Это своего рода декорация, на фоне которой фантазия зрителя могла разыгрывать сказки, создавать свое волшебное царство»²⁰. Считается, что прообразом для изображений на «терематых» досках стало здание Московского Печатного двора. Как правило, доски с «хоромным» сюжетом связываются исследователями с Городцом²¹.

На другой доске изображена обернувшаяся назад птица с ветвью в клюве, клюющая ягоды²². Свободные места заполнены изображениями звезд. При передаче сложного движения птицы мастер удачно вписал фигуру в прямоугольник, обрамляющий лицевую сторону доски. Мягкие насечки прекрасно передают оперение. При всей плоскостности изображений мастер сумел передать не только динамику движений птицы, но и особенности ее строения.

Совершенно иной образ имеет птица на другой пряничной доске²³. Это — сильное, гордое существо. Хохолок на голове птицы превратился в пышную корону. Плавные изогнутые линии шеи и хищного клюва придают образу птицы монументальность и торжественность. Резчик сумел создать выразительный, запоминающийся образ. «Мастера под влиянием реальных наблюдений вносили в изображения определенную конкретизацию, но это не мешало им видеть в реальном сказочное, наполнять знакомые образы ощущением необычного, празднично-прекрасного»²⁴. Поражает техническое мастерство резчика. Туловище, шея и хвост птицы переданы разными насечками и углублениями.

²⁰ Мальцев Н.В. Указ. соч. С. 69. Автор указывает, что в коллекции ГРМ немногим более 50 пряничных досок. Это неверно — только в собрании ОНИ ГРМ находится более 120 образцов. Не лишена статья и других фактических ошибок.

²¹ См. напр.: Гончарова Н.Н. Тверские пряничные доски // Памятники русской народной культуры XVII–XIX веков: Труды ГИМ. Вып. 75. М., 1990. С. 134.

²² Инв. № Д-710. Датируется XVIII в. См.: Выдающиеся собиратели народного искусства. Коллекции и коллекционеры Русского музея. Вып. 3 / Альманах. ГРМ. Вып. 312. СПб., 2011. С. 17.

²³ Инв. № Д-709. Датируется XVIII в.

²⁴ Галуева Е.С. Указ. соч. С. 60.

Рис. 2. Пряничная доска. XVII в.

Надо отметить, что пряничные доски из коллекции Н.П. Лихачева очень разнообразны по сюжетам. Кроме изображений животных часто встречаются комбинации различных растительных и геометрических мотивов. Например, прямоугольное поле доски под номером Д-689 (датируется предположительно XVIII в.) разделено четырьмя широкими полосами²⁵. В одних размещены изображения вьющихся растительных побегов с ягодами, в других — кустов и больших розеток. Верх и низ оформлен геометрическими мотивами.

На некоторых досках есть крупные изображения цветов. Например, на прямоугольном поле доски под номером Д-684 — большое изображение тюльпана в вазе, от которого отходят в стороны растительные завитки. Слева и справа от цветка — крупные, «сияющие» розетки. Кроме технического мастерства автора, которое характерно для многих пряничных досок из собрания Н.П. Лихачева, рассматриваемое произведение отличает монументальность изображения тюльпана. Надо отметить, что оно напоминает изображения тюльпана в северных росписях. На другой доске²⁶ тюльпан превратился в фантастический цветок, от которого подобно иглам отходят в стороны побеги и листья.

На других пряничных досках главную роль играют не растительные, а геометрические мотивы. В этой группе произведений выделяются две вещи. На одной²⁷ представлен большой ромб, состоящий из различных узорных линий. В центре него находится крупная розетка. Свободные места также заняты изображениями розеток. Рамка состоит из нескольких точечных линий. Композиция доски свойственна четкая симметрия, «построенность», сближающая ее с украшением книжных обложек XIX в. На другой пряничной доске²⁸ представлен большой круг, состоящий из различных геометрических узоров и розетки в центре. Узоры составлены из насечек различной глубины и формы. Несмотря на сложность соединения геометрических фигур и «плетенки», изделие не потеряло в функциональности.

Где же мог Н.П. Лихачев приобрести пряничные доски? Документы СПФ АРАН свидетельствуют, что продавцом этих вещей Лихачеву был Федор Григорьевич Шилов (1879–1962) — известный букинист, антиквар, коллекционер, с которым Лихачева связывали долгие деловые отношения²⁹. Шилов родился в деревне Мишутино Романо-Борисоглебского уезда в крестьянской семье. Был отправлен восьмилетним мальчиком в Петербург на учебу и заработки, определен в книжный магазин Максима Павловича Мельникова, затем работал

²⁵ См. воспр.: Выдающиеся собиратели народного искусства. Коллекции и коллекционеры Русского музея. Вып. 3 / Альманах. Вып. 312. СПб., 2011. С. 17.

²⁶ Инв. № Д-685. Датируется предположительно XVII в.

²⁷ Инв. № Д-691. Датируется XVIII–XIX вв.

²⁸ Инв. № Д-707. Датируется XVII в.

²⁹ Ф.Г. Шилов писал в своих воспоминаниях: «Мое знакомство с Лихачевым началось с первых дней моего приезда в Петербург, то есть 1891 года, когда Лихачев был еще студентом» (см.: Шилов Ф. Записки старого книжника. М., 1959. С. 111–112).

у антикара Евдокима Акимовича Иванова. В 1904 г. открыл собственный букинистический магазин, который находился на Литейном, д. 56³⁰. Кроме огромной библиотеки, Шилов обладал значительным собранием монет, гравюр, фарфора, хрусталя, предметов из драгоценных металлов. После революции 1917 г. работал в различных учреждениях, связанных с книжным делом.

В его письме, адресованном Лихачеву и датированном началом мая 1912 г., среди прочего написано: «Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что пряничные доски около 80 штук мною получены, кроме того куплены разные брошюры и книги... Благоволите пожаловать для ознакомления»³¹. А 7 мая 1912 г. на имя Н.П. Лихачева уже поступил счет от Ф.Г. Шилова на 200 рублей за «77 и 2 половинки пряничных старинных досок»³². В следующем письме антикара (от 29 июня 1912 г.) указано: «Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что деньги сто рублей с Вас мною получены, остается за Вами за пряничные доски еще сто рублей, каковую сумму как Вам будет угодно мне лично уплатить или в мое отсутствие отцу моему Григорию Шиллову»³³. Таким образом, часть коллекции пряничных досок Лихачева, находящихся сегодня в ОНИ ГРМ, была приобретена им в 1912 г. у антикара Федора Григорьевича Шилова. Вообще историк сотрудничал с ним весьма активно. Например, в январе 1914 г. он выплатил ему «1029 + 12 рублей», а в марте — 175 рублей³⁴.

Известно, что в летние месяцы Ф.Г. Шилов с семьей ездил на родину и всегда заезжал в Ярославль для покупки антиквариата³⁵. Поскольку одно из цитированных писем было написано именно из деревни Мишутино Романо-Борисоглебского уезда, то можно предположить, что и пряничные доски он купил в Ярославле. Ф.Г. Шилов так или иначе был связан с местным антикварным рынком, например, в 1912 г. он покупал книги «ярославской фамилии дворян Архаровых»³⁶.

³⁰ Объявление в адресной книге Петербурга за 1911 г. гласило: «Антикварная книжная торговля Ф. Шилова. Литейный пр., д. 56 (Мариинской больницы). Телеф. 133–30. Антикварные и новые книги, гравюры и рисунки, картины, миниатюры, рукописи, автографы и всевозможные редкости. Покупка и продажа. Высылка книг в провинцию аккуратная. Каталоги высылаются бесплатно» (см.: Весь Петербург на 1911 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., 1911. С. 1332).

³¹ СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 79. Л. 285.

³² Там же. Л. 287.

³³ Там же. Л. 288.

³⁴ Там же. Д. 77. Л. 541, 638.

³⁵ Он писал в воспоминаниях: «...я позволял себе каждое лето ездить месяца на два в деревню, куда уже с весны отправлял жену с детьми. До моего приезда жена обычно жила у своих родителей в Данилове, а когда я приезжал, мы отправлялись в деревню Мишутино, где у нас было небольшое крестьянское хозяйство... Когда я ехал за женой в Данилов, то проездом на день останавливался в Ярославле и непременно покупал что-нибудь у местных букинистов и антикваров...» (см.: Шилов Ф. Указ. соч. С. 92).

³⁶ СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 79. Л. 292. Впрочем, надо отметить, что Шилов иногда ездил в Ярославль через Вологду, где тоже покупал антикварные вещи.

Рис. 3. Чернильницы. Конец XVII — XVIII в.

Также из коллекции Н. П. Лихачева происходят шесть металлических чернильниц (как указано в акте передачи, «4 шт. чернильницы медные с растительным орнаментом и рельефной фигурой коня» и «две чернильницы медные одна из них подвесная»), обычно атрибутируемые в научной литературе как изделия мастеров Русского Севера конца XVII — XVIII в. (три чернильницы представлены на рис. 3)³⁷. Среди них наибольший интерес представляет большая чернильница из латуни, украшенная растительным орнаментом. По ее верхнему краю — несколько рядов точечного орнамента. Здесь же прикреплены два небольших колечка. На двух боковых сторонах — сложное переплетение растительных завитков с ягодами и изображений тюльпанов. Две ветви как бы выходят из пышного вазона, расположенного точно посередине всей композиции. Последней свойственна ярко выраженная симметрия, все изображения как бы делятся на две равные половины. Однако при этом композиция динамична, цветам и ветвям «тесно» на небольшой поверхности чернильницы (композиция ограничена полосой ленточного орнамента с глазковым орнаментом и плетенкой). Низкий фон покрыт штриховкой, облегчающей восприятие изображений тюльпанов и растительных завитков. Они очень напоминают изображения цветов на прялках и рукописях, происходящих из старообрядческих центров Русского севера. Надо отметить, что присутствие чернильниц в собрании Лихачева объясняется их принадлежностью не столько истории прикладного искусства, сколько истории письменности.

³⁷ Инв. № М-209–М-214. Они имеют многочисленные аналогии в других музеях, в том числе в ГРМ. Л. Н. Гончарова, привлекая в своем исследовании подобные вещи из коллекций Великоустюжского и Вологодского краеведческих музеев, атрибутирует их как работу вологодских мастеров начала — I половины XIX в. (см.: Гончарова Л. Н. Металл в народном искусстве Русского Севера. Чеканка и медное литье. М., 2000. С. 71, 73).

Из металлических вещей также заслуживают внимания небольшая печатка в виде животного, серьга и подвесок. Эти предметы не атрибутированы: ни время, ни место их происхождения неизвестны.

Печатка (как указано в акте передачи, «печатка медная двойная в виде животного») изготовлена в технике литья³⁸. Передние лапы животного слиты единой, задние — раздельно. Мастер воспроизвел выпуклости ушей, хвост и закрытый рот животного. На его спине — пластинка с рельефным узором в виде нескольких симметричных крестов. Подножие выполнено в виде большой пластинки с рельефным узором в виде свастики.

Вещь находится в хорошей сохранности и может рассматриваться не только как интересный этнографический предмет, характеризующий некоторые стороны человеческой жизнедеятельности, но и как произведение прикладного искусства. Думается, печатка не случайно оказалась в коллекции Н. П. Лихачева. Как известно, он «стремился к созданию такой коллекции, где были бы представлены образцы греческого и латинского средневекового письма, выполненные на металле, кости и камне, где можно было бы сопоставить различные по времени распространения и месту бытования типы посвященных надписей, заклинательных формул и тайнописи, виды штампов-матриц для изготовления эвлогий»³⁹. Сегодня такие вещи относятся к редким образцам прикладного искусства, многие из них — возможно, и печатка из ОНИ — связаны с Византией.

Серьга состоит из двух соединяющихся пластинок с семью подвесками⁴⁰. Верхняя пластинка — округлая, с узором в виде небольшого куста с расходящимися завитками на концах, в обрамлении из цепи маленьких колец. Нижняя пластинка — в форме груши, с узором из трех расходящихся полосок, находящихся в обрамлении цепи круглых звеньев с парными кружками внутри. Узор подвесок имеет два варианта: четыре подвески выполнены в виде переплетающегося растительного завитка, две подвески изготовлены в виде распускающегося цветка (наподобие узора на верхней пластинке).

Стиль рассматриваемого изделия поначалу указывает на принадлежность его татарскому прикладному искусству⁴¹ (серьги на татарском языке назывались «алка»). По классификации С. В. Суловой серьга из коллекции ОНИ относится к типу Г II⁴². Серьги этого вида считаются «национальными серьгами казанских татар». В XIX в. они преобладали в комплексе головных украшений. С. В. Сулова указывает, что основой этого типа стали местные традиции,

³⁸ Инв. № М-208 (размеры 4,5×2,5).

³⁹ Залеская В. Н. Памятники византийской и поствизантийской эпиграфики // Из коллекций академика Н. П. Лихачева. С. 66.

⁴⁰ Инв. № М-205 (размеры 10×3).

⁴¹ См.: Валеева-Сулейманова Г. Ф., Шагеева Р. Г. Декоративно-прикладное искусство казанских татар. М., 1990. С. 69, 75, 91, 95, 103, 105–107.

⁴² Сулова С. В. Женские украшения казанских татар середины XIX — начала XX в. М., 1980. С. 23–26.

поскольку серьги подобной формы были обнаружены при археологических раскопках древних болгарских памятников⁴³.

Однако в изделии из собрания ОНИ нет драгоценных и полудрагоценных камней, оно выполнено не из серебра и без золочения, что было характерно для татарских серег. Возможно, серьга была изготовлена во II половине XIX в. мастерами Рыбной слободы, расположенной в Лаишевском уезде Казанской губернии⁴⁴. Известно, что местные (русские) «серебряки» ориентировались в своей деятельности на привозные татарские изделия. Аналогии из собрания ГРМ подтверждают предложенную атрибуцию⁴⁵.

Происхождение Николая Петровича Лихачева из Казанской губернии не только делает это предположение еще более вероятным, но и указывает пути приобретения коллекционером этой вещи. Здесь также уместно напомнить, что в коллекции его дяди Андрея Федоровича Лихачева (1832–1890) было несколько сотен подобных украшений. А.Ф. Лихачев не только собирал ювелирные изделия казанских татар, но и занимался их изучением⁴⁶. Современные исследователи указывают на высокий научный уровень его работ и их прекрасные иллюстрации⁴⁷.

Подвесок (точнее, привеска) — это произведение в виде небольшой круглой пластинки с изображением птицы с поднятыми крыльями, сидящей на ветви⁴⁸. По сторонам от нее — две веточки и две звездочки. Все изображения обрамлены тонкой полосой (оборотная сторона подвески оставлена без украшений). Наверху — граненая петелька с крестовидным узором. По аналогиям, опубликованным в различных работах⁴⁹, привеску предположительно можно отнести к кругу псковско-новгородских или тверских памятников конца XIV — XVII в. В вопросе об ее происхождении и даже функциональной принадлежности на сегодняшний день остается много неясного. Не исключено, что привеску надо рассматривать в контексте нумизматических увлечений Н.П. Лихачева,

⁴³ Там же. С. 24.

⁴⁴ Мастера изготавливали серьги, кольца, пряжки, перстни и другие вещи. На 1891 г. в промысле значилось 89 «серебряков»: 27 чеканщиков, 16 наборщиков и 47 литейщиков (см.: Давыдова С.А. Производство металлических изделий в Рыбной слободе, Лаишевского уезда, Казанской губернии // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. III. СПб., 1895. С. 114–117; Русское народное искусство на второй Всероссийской кустарной выставке в Петрограде в 1913 году. Петроград, 1914. С. 66, 67, табл. LXIII, LXIV). Приношу глубокую благодарность за содействие ведущему научному сотруднику отдела древнерусского искусства ГРМ С.М. Новаковской-Бухман.

⁴⁵ Например, ожерелье из ОНИ (инв. № М-184).

⁴⁶ См.: Лихачев А.Ф. 1) Бытовые памятники Великой Булгарии. СПб., 1876; 2) Рисунки к трудам II археологического съезда. СПб., 1876. Вып. 1.

⁴⁷ Сулова С.В. Указ. соч. С. 8–9.

⁴⁸ Инв. № М-206 (размеры 3×2,5).

⁴⁹ См. напр.: Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. Ил. 12, 14, 15, 23, 24; Колтакова Ю.В. Подвески-дорники в псковских археологических и вещевых музейных коллекциях // АИППЗ. Псков, 2014. Рис. 1.

а изображение птицы трактовать как изображение Святого Духа либо как светскую картинку. Возможно, привеска является незаконченным произведением⁵⁰.

Необходимо упомянуть и о двух металлических ключах и части от безмена⁵¹. О коллекционерском интересе Лихачева к этой категории вещей известно — ключи, изготовленные в Восточном Средиземноморье в IV–VII вв., присутствуют в его коллекции⁵². Поэтому и наличие в его собрании двух названных вещей, ныне находящихся в ОНИ, не случайно. В инвентарных книгах отдела предполагается их ярославское происхождение (время не определено).

Один ключ имеет круглую ручку, украшенную узором в виде треугольника, спаянного с тремя колечками. В завершении — прямоугольная петля. Бородка с двумя зубцами. Другой ключ (он больше по размерам) имеет также круглую ручку со сквозным узором в виде двух соединенных треугольников. В завершении ручки — круглая петля. Бородка с тремя зубцами.

В обширной описи предметов из коллекции Н.П. Лихачева есть указания и на русские ключи. Ввиду расплывчатости описаний можно предположить два варианта их происхождения: «от Лихачевских амбаров» или «из Великого Новгорода, найдено в разное время»⁵³. Не исключено, что ключи (если они куплены в Великом Новгороде) Лихачев приобрел через Василия Алексеевича Квашонкина (?–1941). С последним его связывали длительные деловые отношения (судя по письмам, приблизительно с 1909 по 1921 г.) «по части печатей», хотя Квашонкин предлагал ему и другие предметы⁵⁴. Он был агентом Лихачева в Новгороде, после революции служил при Губернском отделе народного образования в Секции по охране памятников искусства и старины.

Часть от безмена (названная в акте передачи «кольцо медное многогранное с рельефными фигурами птицы и льва») могла быть изготовлена в Калуге в XVII в.⁵⁵ Она представляет собой кольцо с четырьмя ромбическими гранями и восемью треугольными. На двух ромбических гранях — рельефные изображения львов с поднятыми лапами и хвостами. Один помещен в круге, другой — в квадрате. На двух других ромбических гранях — птица с раскрытыми крыльями в круглом обрамлении (изображения животных, заключенные в квадратные или круглые рамки, напоминают печати). Вещь находится в хорошей сохранности и представляет возможности для дальнейшего изучения.

⁵⁰ Колтакова Ю.В. Указ. соч. С. 91–92. Немалое значение имеет вопрос о подлинности этого произведения.

⁵¹ Инв. № М-203, М-204, М-207 соответственно.

⁵² Из коллекций академика Н.П. Лихачева. С. 71.

⁵³ СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 136. Л. 87 об. В научной литературе указывается, что происхождение многих вещей из собрания Лихачева установить крайне сложно, так как «коллекционер по вполне понятным причинам не афишировал свои источники пополнения коллекции» (Степанова Е.В. Коллекция Н.П. Лихачева // Византиноведение в Эрмитаже. Л., 1991. С. 56).

⁵⁴ СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 79. Л. 76–96.

⁵⁵ По определению Н.Р. Левинсона.

Печной изразец с изображением старца⁵⁶ ранее также находился в коллекции Н.П. Лихачева. В инвентарной книге он датируется предположительно XVII в., место производства не указано. На зеленом пригорке изображен полулежащий старец с протянутыми руками, фон — белый. По краям — две ветви, подобно занавесу фланкирующие композицию. Обрамление изразца зеркально повторяется на соседнем (на рассматриваемом изделии представлена как бы половинка рамки). На пригорке, снизу, — «притча», т.е. надпись в прямоугольном картуше, она плохо читается. Каждое изображение подчеркнуто тонкой линией коричневого цвета. Это придало плоскостность всей композиции. Полива белого, зеленого и коричневого цветов. Несмотря на ограниченность палитры, мастер сумел придать красочное богатство своему произведению. Необходимо отметить, что он гораздо более уверенно чувствовал себя при изображении растительных мотивов, чем при изображении старика. Однако главным героем сюжета росписи на изразце является всё же человек. Как справедливо писала С.И. Баранова, «как бы ни были разнообразны темы росписи изразцов XVIII в., главным персонажем этих картинок был человек, его естество, внешние и внутренние свойства личности...»⁵⁷

В описи произведений Н.П. Лихачева, размещенных в различных шкафах в его доме, упомянут «русский изразец из печки XVIII века» и указано его возможное московское происхождение, а также вероятное приобретение в Москве⁵⁸. Судя по многочисленным аналогиям⁵⁹, изразец должен быть датирован II половиной XVIII столетия, московское происхождение сомнению не подвергается.

И наконец, необходимо упомянуть две пары рукавиц⁶⁰. Они предназначены для соколиной охоты. Информация о месте и времени их производства в инвентарных книгах отсутствует⁶¹. Рукавицы изготовлены из кожи, бумаги, шелка, металлических нитей. Орнаменты состоят из растительных и геометрических мотивов: пальметт, раковин, изображений сердцевидных фигур, больших цветов, и полос, состоящих из различных фигур (треугольники, полуovalы и др.). Они складываются в сложные композиции, которые условно можно разделить на центричные и горизонтальные. На обеих рукавицах — надписи, исполненные в технике тиснения: «прошу сіи рукавицы купить прошу сіи рукавиц» и «прошу сіи рукавицы купить с любовью носи» соответственно. Круглые

⁵⁶ Инв. № Г-1343.

⁵⁷ Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М., 2011. С. 304.

⁵⁸ СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 79. Д. 136. Л. 88.

⁵⁹ Баранова С.И. Указ. соч. С. 298, 306. См. также: Сергеенко И.И. Сюжеты и орнаменты русских изразцов XVIII века // Памятники русской народной культуры XVII–XIX веков: Труды ГИМ. Вып. 75. М., 1990. С. 37, 40, 42, 43.

⁶⁰ Инв. № В-3197, В-3198.

⁶¹ По определению научного сотрудника ОНИ ГРМ Н.И. Ковалевой, рукавицы могли быть изготовлены в России в XVII — начале XVIII в. Другие сотрудники отдела высказали мнение, что вещь необходимо датировать значительно более поздним временем, поставив вопрос об ее подлинности.

металлические пуговицы при всей функциональности являются превосходным украшением изделий. Обе вещи повреждены. Несмотря на это, они являются первоклассными произведениями народного искусства. Скорее всего, это — произведения одного центра, в собрании ОНИ есть аналогии им.

В упомянутой выше описи произведений Николая Петровича названы «три пары фамильных рукавиц из родовых Лихачевских вещей с надписью»⁶². Таким образом, две пары рукавиц из собрания ОНИ, вероятно, нигде не покупались Лихачевым, поскольку относились к его фамильным ценностям.

В качестве заключения можно указать на следующее. Предметы из коллекции Н.П. Лихачева, находящиеся ныне в отделе народного искусства, представляют лишь малую часть его огромного собрания. Тем не менее они могут дать представление о разнообразии и качестве произведений.

Последние необходимо рассматривать в связи с палеографией (думается, именно поэтому они и оказались в коллекции Н.П. Лихачева⁶³). Надписи и изображения на пряничных досках, рукавицах, изразце, растительные и геометрические мотивы на других вещах связывались коллекционером с историей письменности, и поэтому весьма органично входили в ряд предметов из его собрания. Например, пряничные доски особенно хорошо соотносятся с деревянной учебной таблицей, на которой кто-то упражнялся в изучении алфавита⁶⁴. В целом вещи из собрания ОНИ следует отнести к VI отделу коллекции Лихачева под названием «Материалы документов» (по его собственной классификации⁶⁵).

Следует подчеркнуть, что для самого коллекционера произведения были прежде всего документами. Он подчеркивал в одном из писем В.Т. Георгиевскому: «Цель и смысл моего собирательства — история документа, писанного и печатного <...> начиная с первых цивилизаций»⁶⁶. Произведения из собрания ОНИ ГРМ, несомненно, свидетельствуют об этом.

Как отмечалось в начале данной статьи, Н.П. Лихачев занимался коллекционированием ради научных целей. В его собирательской деятельности, как справедливо писала Н.В. Пивоварова, не было ставки на шедевр⁶⁷. Поэтому среди произведений находилось много не уникальных, а типичных, характерных для того или иного мастера, художественного центра, исторического

⁶² СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 79. Д. 136. Л. 88 об.

⁶³ В письмах и различных записках Н.П. Лихачева проявляется неизменное пристальное внимание исследователя к разного рода надписям, почеркам, автографам (см. напр.: СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 74. Л. 10, 21, 48 и др.). Ф.Г. Шилов писал: «Лихачев собирал не только в России, но и за границей, и не только книги и рукописи, но также надписи на глине, камнях, папирусы и пр.» (Шилов Ф. Указ. соч. С. 112). Кроме того, известно, что при покупке икон его в первую очередь интересовали иконы с надписями.

⁶⁴ СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 136. Л. 15.

⁶⁵ Из письма В.Т. Георгиевскому (ОР ГРМ. Ф. 122. Д. 81. Л. 2).

⁶⁶ ОР ГРМ. Ф. 122. Д. 81. Л. 1.

⁶⁷ Пивоварова Н.В. Памятники церковной старины в Петербурге–Петрограде–Ленинграде. Из истории формирования музейных коллекций: 1850–1930-е годы. М., 2014. С. 106–107.

периода вещей (по поводу икон сам Н. П. Лихачев писал: «Собираю иконы, характерные для тех или других писем...»⁶⁸).

К области русского народного искусства относятся пряничные доски, ключи, медные чернильницы, изразец, рукавицы и часть от безмена. Печатка была создана в других странах и в значительно более ранний период, серьга также не относится к области русского народного искусства. Все вещи представляют значительную художественную и этнографическую ценность, и свидетельствуют не только о тонком вкусе Н. П. Лихачева, но и о последовательности его собирательского труда.

Сокращения

АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли (материалы научных семинаров)
 БРАН — Библиотека Российской академии наук
 ВА ГРМ — Ведомственный архив Государственного Русского музея
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 ЛО ААН — Ленинградское отделение Архива Академии наук
 ОНИ ГРМ — отдел народного искусства Государственного Русского музея
 ОР ГРМ — отдел рукописей Государственного Русского музея
 СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

References

- Baranova S. I.* Russkiy izrazets: zapiski muzeynogo khranitelya. M.: MGOMZ, 2011.
Chernyakhovskaya Yu. S. Gorod-pryanik // Pryanik, pryalka i ptitsa Sirin: Kn. dlya uchashchikhsya st. klassov. M.: Prosveshcheniye, 1983.
Davydova S. A. Proizvodstvo metallicheskikh izdeliy v Rybnoy slobode, Laishevskogo uyezda, Kazanskoy gubernii // Otchet i issledovaniya po kustarnoy promyshlennosti v Rossii. T. III. SPb., 1895.
Erancev A. N. Gorodetskiye pryaniki // Gorodetskiye chteniya. Po materialam nauchno-prakticheskoy konferentsii «Gorodets na karte Rossii: istoriya, kultura, yazyk». Aprel 2002 goda. Gorodets, 2003.
Galuzeva E. S. Pochetnyye pryanichnyye doski Gorodtsa // Narodnyye osnovy iskusstva khudozhestvennykh promyslov: Sb. nauch. trudov / NII khudozhestvennoy promyshlennosti. M.: NIИХР, 1981.
Goncharova L. N. Metall v narodnom iskusstve Russkogo Severa. Chekanka i mednoye litye: Albom. M.: GIM, 2000.
Goncharova N. N. Tverskiye pryanichnyye doski // Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Vyp. 75: Pamyatniki russkoy narodnoy kultury XVII–XIX vekov. M., 1990.
Kamenskaya M. N. Pryanichnaya doska raboty Matveya Voroshina // Soobshcheniya GRM. Vyp. II. L., 1947.
Klimanov L. G. Nikolay Petrovich Likhachev — kollektzioner «skazochnogo razmakha» // Iz kollektsiy akademika N. P. Likhacheva. Katalog vystavki. GRM. Leningrad, 1991. SPb., 1993.
Klimanov L. G. Uchenyy i kollektzioner, «izvestnyy vsey Rossii, yeshche boleye Yevrope» // Repressirovannaya nauka: Sbornik. Vyp. 1 / AN SSSR. In-t istorii yestestvoznaniya i tekhniki. Leningr. otd.; sost. A. I. Melua, V. M. Orel; obshch. red. M. G. Yaroshevskogo. L.: Nauka, Leningr. otd-niye, 1991.
Kolpakova U. V. Podveski-dorniki v pskovskikh arkheologicheskikh i veshchevykh muzeynykh kollektsiyakh // AIPPZ. Pskov, 2014.
Likhachev A. F. Bytovyye pamyatniki Velikoy Bulgarii. SPb., 1876.
Likhachev A. F. Risunki k trudam II arkheologicheskogo syezda. Vyp. 1. SPb., 1876.
Malcev N. W. Pryanichnyye doski // Dobrykh ruk masterstvo: Proizvedeniya narodnogo iskusstva v sobranii Gosudarstvennogo Russkogo muzeya. Sbornik / Sost. i nauch. red. I. Ya. Boguslavskaya. L.: Iskusstvo, Leningr. otd-niye, 1981.

⁶⁸ Из письма В. Т. Георгиевскому от 12 августа 1894 г. (ОР ГРМ. Ф. 122. Ед. хр. 81. Л. 22).

- Pivovarova N. V.* Pamyatniki tserkovnoy stariny v Peterburge–Petrograde–Leningrade: iz istorii formirovaniya muzeynykh kollektsiy: 1850–1930-e gody. M.: BuksMArt, 2014.
 Russkoye narodnoye iskusstvo na vtoroy Vserossiyskoy kustarnoy vystavke v Petrograde v 1913 godu. Pg., 1914.
Sedova M. V. Yuvelirnyye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.). M.: Nauka, 1981.
Sergeyenko I. I. Syuzhety i ornamenti russkikh izraztsov XVIII veka // Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Vyp. 75: Pamyatniki russkoy narodnoy kultury XVII–XIX vekov. M., 1990.
Shilov F. G. Zapiski starogo knizhnika. M.: Iskusstvo, 1959.
Smusin L. S. Russkiy pryanik // Soobshcheniya Gosudarstvennogo Russkogo muzeya. Vyp. XI. M., 1976.
Sobolevskiy A., Karskiy E., Perets V., Platonov S. Zapiska ob uchenykh trudakh N. P. Likhacheva // Izvestiya AN SSSR. 1925. Ser. VI, t. 19, № 18.
Stepanova E. V. Kolleksiya N. P. Likhacheva // Vizantinovedeniye v Ermitazhe. Sbornik. XVIII Mezhdunarodnyy kongress vizantinistov, Moskva, 8–15 avg. 1991 g. L.: GE, 1991.
Stepanova E. W. «On byl uchenym “s golovy do nog” i nikem drugim byt ne zhelal i ne byl...» (po materialam lichnogo arkhiva N. P. Likhacheva) // «Zvuchat lish pismena...»: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikolaya Petrovicha Likhacheva. Katalog vystavki. GE. SPb.: GE, 2012.
Suslova S. V. Zhenskiye ukrasheniya kazanskikh tatar serediny XIX — nachala XX v. M., 1980.
Uchanova I. N. Pryanichnyye doski Poshekhon'ya // Soobshcheniya GE. Vyp. XXXII. L., 1971.
Valeyeva-Suleymanova G. F., Shageyeva R. G. Dekorativno-prikladnoye iskusstvo kazanskikh tatar. Albom. M.: Sov. khudozhnik, 1990.
 Ves Peterburg na 1911 god. Adresnaya i spravochnaya kniga g. S.-Peterburga. SPb., 1911.
 Vydayushchiyesya sobirately narodnogo iskusstva. Iz serii «Ne korysti radi». Kollektzii i kollektzionery Russkogo muzeya. Vyp. 3 / Almanakh. Vyp. 312. SPb.: Palace Editions, 2011.

Список литературы

- Баранова С. И.* Русский изразец: записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ, 2011.
Валева-Судейманова Г. Ф., Шагеева Р. Г. Декоративно-прикладное искусство казанских татар. Альбом. М.: Сов. художник, 1990.
 Весь Петербург на 1911 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., 1911.
 Выдающиеся собиратели народного искусства. Из серии «Не корысти ради». Коллекции и коллекции Русского музея. Вып. 3 / Альманах. Вып. 312. СПб.: Palace Editions, 2011.
Галузева Е. С. Почетные пряничные доски Городца // Народные основы искусства художественных промыслов: Сб. науч. трудов. М.: НИИХП, 1981. С. 68.
Гончарова Л. Н. Металл в народном искусстве Русского Севера. Чеканка и медное литье: Альбом. М.: ГИМ, 2000.
Гончарова Н. Н. Тверские пряничные доски // Труды Государственного исторического музея. Вып. 75: Памятники русской народной культуры XVII–XIX веков. М., 1990. С. 134.
Давыдова С. А. Производство металлических изделий в Рыбной слободе, Ланшевского уезда, Казанской губернии // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. III. СПб., 1895. С. 114–117.
Еранцев А. Н. Городецкие пряники // Городецкие чтения. По материалам научно-практической конференции «Городец на карте России: история, культура, язык». Апрель 2002 года. Городец, 2003. С. 147–157.
Каменская М. Н. Пряничная доска работы Матвея Ворошина // Сообщения ГРМ. Вып. II. Л., 1947. С. 36–37.
Климанов Л. Г. Николай Петрович Лихачев — коллекционер «сказочного размаха» // Из коллекций академика Н. П. Лихачева. Каталог выставки. ГРМ. Ленинград, 1991. СПб., 1993. С. 18.
Климанов Л. Г. Ученый и коллекционер, «известный всей России, еще более Европе» // Репрессированная наука. Сборник. Вып. 1 / Сост. А. И. Мелуа, В. М. Орел; под общ. ред. М. Г. Ярошевского. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. С. 425.
Колпакова Ю. В. Подвески-дорники в псковских археологических и вещевых музейных коллекциях // АИППЗ. Псков, 2014.
Лихачев А. Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии. СПб., 1876.
Лихачев А. Ф. Рисунки к трудам II археологического съезда. Вып. 1. СПб., 1876.
Мальцев Н. В. Пряничные доски // Добрых рук мастерство: Произведения народного искусства в собрании Государственного Русского музея. Сборник / Сост. и науч. ред. И. Я. Богуславская. Л.: Искусство, Ленингр. отд-ние, 1981. С. 64, 65, 68, 69.

Пивоварова Н.В. Памятники церковной старины в Петербурге–Петрограде–Ленинграде: из истории формирования музейных коллекций: 1850–1930-е годы. М.: БуксМАрт, 2014.

Русское народное искусство на второй Всероссийской кустарной выставке в Петрограде в 1913 году. Пг., 1914.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981.

Сергеенко И.И. Сюжеты и орнаменты русских изразцов XVIII века // Труды Государственного исторического музея. Вып. 75: Памятники русской народной культуры XVII–XIX веков. М., 1990. С. 37, 40, 42, 43.

Смусин Л.С. Русский пряник // Сообщения Государственного Русского музея. Вып. XI. М., 1976. С. 100, 102.

Соболевский А., Карский Е., Перетиц В., Платонов С. Записка об ученых трудах Н.П. Лихачева // Известия АН СССР. 1925. Сер. VI. Т. 19, № 18. С. 844–858.

Степанова Е.В. «Он был ученым “с головы до ног?” и никем другим быть не желал и не был...» (по материалам личного архива Н.П. Лихачева) // «Звучат лишь письма...»: к 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева. Каталог выставки. ГЭ. СПб: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2012. С. 24.

Степанова Е.В. Коллекция Н.П. Лихачева // Византиноведение в Эрмитаже. Сборник. XVIII Международный конгресс византинистов, Москва, 8–15 авг. 1991 г. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1991. С. 56.

Суслова С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX — начала XX в. М., 1980.

Уханова И.Н. Пряничные доски Пошехонья // Сообщения ГЭ. Вып. XXXII. Л., 1971. С. 35.

Черняховская Ю.С. Город-пряник // Пряник, прялка и птица Сирин: Кн. для учащихся ст. классов. М.: Просвещение, 1983. С. 94.

Шилов Ф.Г. Записки старого книжника. М.: Искусство, 1959.

В. Н. Прямицын

Невероятные приключения математика на фронте

Всё самое интересное, как известно, рождается на стыке различных явлений и процессов. Биография Александра Александровича Фридмана, в которой академическая наука тесно переплелась с войной, не стала исключением. Деятельности этого выдающегося ученого с мировым именем посвящено немало работ. Они проливают свет на его научные достижения в отрасли математики, гидродинамики, гидрометеорологии и космологии, однако несправедливо обходят вниманием его деятельное участие в Первой мировой войне. Настоящая статья посвящена феномену ученого на фронте, который рассматривается на примере короткой, но яркой и богатой событиями жизни А.А. Фридмана.

Александр Александрович родился в Санкт-Петербурге в 1888 г. С детства он проявил склонность к точным наукам: математике и астрономии. Еще будучи гимназистом, в соавторстве с одноклассником он написал свою первую математическую работу, удостоившуюся издания в одном из ведущих научных журналов Германии «Математические анналы». Усердие позволило юноше окончить гимназию с золотой медалью и поступить на математическое отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Здесь произошла встреча, во многом предопределившая судьбу юного таланта. Способности А.А. Фридмана разглядел и высоко оценил профессор математики В.А. Стеклов, ставший впоследствии академиком и вице-президентом Академии наук СССР. Выдающийся ученый вовлек подающего надежды студента в орбиту научной работы, на долгие годы стал его учителем и наставником¹.

¹ *Френкель В.Я.* Александр Александрович Фридман. Биографический очерк. Успехи физических наук. 1988. Т. 155. Вып. 3. С. 485.

Еще будучи студентом физико-математического факультета, А. А. Фридман написал ряд работ, одна из которых, «Исследование неопределенных уравнений второй степени», в 1909 г. была удостоена золотой медали. По рекомендации В. А. Стеклова молодой ученый после выпуска был оставлен при университете для подготовки к преподаванию. Работу на кафедре чистой и прикладной математики Санкт-Петербургского университета он совмещал с чтением лекций в передовых вузах: Институте инженеров путей сообщения и Горном институте.

В 1913 г. А. А. Фридман связывает свою карьеру с метеорологической отраслью. Он поступает на работу в Аэрологическую обсерваторию, расположенную в Павловске. С этого момента в его жизни появляется еще один учитель и наставник — директор Главной физической обсерватории Б. Б. Голицын. Сфера научных интересов талантливого математика распространяется на синоптику, аэрологию, земной магнетизм и динамическую метеорологию. В короткие сроки из-под пера А. А. Фридмана выходит ряд научных статей, из которых наиболее значимой является работа «О распределении температуры воздуха с высотой», опубликованная в Географическом сборнике.

Весной 1914 г. А. А. Фридман направляется в длительную командировку для обмена опытом в Лейпциг, где знакомится с выдающимся норвежским метеорологом Вильгельмом Бьеркнесом, создавшим теорию атмосферных фронтов. Общение с коллегами и исследовательские полеты на дирижаблях обогащают А. А. Фридмана новыми знаниями и практическими навыками. Преисполненный творческих планов, он возвращается в Россию, где застаёт начало войны.

Первая мировая война вошла в советские учебники истории как «империалистическая». Однако тогда, в 1914 г., в народе ее называли не иначе, как «Второй Отечественной» или даже «Великой Отечественной». Один из очевидцев позже вспоминал о том, как общество восприняло весть о начале войны: «Работа кипела, всё делалось с необычайным подъемом, дружно и радостно. Вся страна как один откликнулась на призыв Царя. Своими размерами подъем превзошел воодушевление 1877 года. Запасные толпами спешили на явочные пункты... процент прибывших на 15% превысил норму, ожидавшуюся Главным управлением Генерального штаба. В войска поступало много добровольцев»². Среди них были и люди науки, которые не могли продолжать размеренную работу или учебу, когда страна втянута в кровопролитную войну. Немалое количество ученых в тяжелое для Родины время поменяло туфли и пиджаки на сапоги и военную форму, а кафедры и лаборатории на поле и окопы. Наряду с другими поддался патриотическому порыву и А. А. Фридман³.

В августе 1914 г. В. А. Стеклов делает в своем дневнике следующую запись: «Явился неожиданно Фридман. Идет на войну в авиационную роту, команди-

² Федулenco В. А. Исторический очерк о формировании второочередных полков русской Императорской армии. Париж // Военная быль. 1969. № 62. С. 43.

³ Отчет о деятельности ГФО за 1915 г. Ч. 1. Учетная деятельность. Пг., 1916.

руется Главной Физической обсерваторией». Получив «благословение» своих наставников, молодой ученый определяется в добровольческий авиационный отряд в качестве летчика-наблюдателя (так в те времена называли штурманов). Следует отметить, что он и не помышлял оставить науку, просто решил перенести свою деятельность туда, где она в тот момент была нужнее всего, приложить свои знания и опыт к ратному делу. Вот как он сам представлял свое участие в мировой войне: «Имея целью ввести аэрологические наблюдения в авиационную практику и тем, с одной стороны, оказать посильную помощь авиации, с другой стороны, увеличить число аэрологических станций»⁴.

Прапорщик А. А. Фридман

В составе Добровольческого авиационного отряда вольноопределяющийся А. А. Фридман воевал сперва на Северном фронте близ крепости Осовец и города Лык, а затем на других фронтах русско-германского противостояния. Он принимал участие в боевых вылетах с целью разведки и бомбардировки неприятеля, не раз сталкиваясь в полете с немецкими аэропланами и огнем зенитных орудий. Находясь на фронте, он много и подробно писал своим учителям, неизменно посещая их во время многочисленных командировок в Петроград. Подтверждение находим в еще одном фрагменте дневниковых записей В. А. Стеклова: «Идя в университет, встретил Фридмана! Командирован великим князем Александром Михайловичем для организации воздушной разведки в различные армии. Включен в число кандидатов на Георгия IV степени за разведки успешные. Много рассказывал. Обедали у нас. Говорит, настроение войска бодрое, хотя, конечно, желали бы скорее кончить с успехом войну. Пробудет здесь, вероятно, недели две, а затем поедет во Львов... В общем положением дел и своею деятельностью доволен»⁵.

В 1914 г. авиация, как и аспекты ее боевого применения, находилась в самом начале своего становления, а потому пытливым ум и незаурядные способности А. А. Фридмана оказались как нельзя кстати. Командование скоро оценило преимущества, которые давало наличие ученого в авиационном подразделении. Неудивительно, что вчерашний аспирант попал в поле зрения великого князя

⁴ Френкель В. Я. Указ. соч. С. 492.

⁵ Там же. С. 493.

Александра Михайловича, руководившего всей авиацией действующей армии, и выполнял некоторые задания по его личному приказанию⁶. Вольноопределяющемуся было поручено составление таблиц для прицельного бомбометания. Свои соображения по этому вопросу А. А. Фридман неизменно обсуждал в переписке с В. А. Стекловым. Применяв к теории и практике бомбометания математический аппарат, ученому удалось повысить его эффективность. То, что в его формулах и математических выкладках представлялось вероятностью поражения целей, в реальных боевых вылетах становилось точностью бомбометания. Чем выше было первое, тем выше и второе. Результаты не заставили себя ждать.

В феврале 1915 г. отряд бомбил крепость Перемышль, ставшую одним из оплотов неприятельских войск в Западной Галиции. Бомбардировки отличались низкой результативностью. Однако после проведения А. А. Фридманом соответствующих расчетов удалось добиться первого удачного попадания бомбы (к этому попаданию мы еще вернемся в самом конце нашего рассказа). Впоследствии, если бомбардировка Перемышля отличалась от остальных высокой точностью, солдаты в крепости говорили: «Сегодня летает Фридман». Сам ученый о результативности своей работы писал так: «Мне самому довелось недавно проверить свои соображения во время одного из полетов над Перемышлем. Оказалось, что бомбы падают почти так, как следует по теории. Чтобы окончательно подтвердить теорию, я в один из ближайших дней полечу снова».

Успеху предшествовала кропотливая работа. Математик составил уравнения движения бомб, в которые был включен особый коэффициент, связанный с сопротивлением воздуха их падению. Величину такого коэффициента для каждого вида бомб (5 фунтов, 25 фунтов, 1 пуд) ему пришлось определять эмпирически. Очевидно, что эта деятельность требовала не только напряженной умственной работы в условиях прифронтового аэродрома, но и личного присутствия в аэроплане в момент бомбометания. А это, как известно, высокий риск. За отвагу, проявленную в боевых вылетах, и вклад, внесенный в обеспечение боевых действий авиации, А. А. Фридман был удостоен Георгиевского креста IV степени и ордена Святого Владимира IV степени, а также награжден золотым оружием.

Напомним, что речь идет не о кадровом военном, а о молодом ученом, едва окончившем университет. Сугубо «книжный» интеллигентный человек добровольно пребывал в страшных условиях, ему приходилось видеть гибель других людей и подвергать свою жизнь смертельной опасности: «Моя жизнь течет достаточно ровно, если не считать таких случайностей, как разрыв шрапнели в 20 шагах, разрыв взрывателя австрийской бомбы в полушаге, кончившийся для меня почти благополучно, и падения на лицо и голову, кончившегося разрывом верхней губы и головными болями». Часто бывая в Петрограде, А. А. Фридман удивлялся тому, что его коллеги живут там совершенно мирной

⁶ РГВИА. Ф. 2008. Оп. 1. Д. 181. Л. 48.

жизнью, как будто в считанных сотнях километров не идет кровопролитная бойня.

Слава о волевых качествах, проявленных А. А. Фридманом при полетах на разведку и бомбометание, а также о пользе, принесенной авиаторам его талантами, быстро распространялась. Авторитетного летчика-наблюдателя с присвоением офицерского звания прапорщика направили преподавателем в Военную школу летчиков-наблюдателей, расположенную в Киеве. Однако спокойного окончания войны за преподавательской кафедрой не вышло. Заручившись поддержкой Николая II, академик князь Б. Б. Голицын создал в России Военно-метеорологическую службу⁷. В марте 1916 г. А. А. Фридману было предложено занять должность начальника Центральной аэронавигационной станции, на которую возлагалось метеорологическое обеспечение авиации действующей армии⁸.

Здесь ярко проявились организаторские способности ученого. Прапорщик А. А. Фридман наладил аэрологические и метеорологические наблюдения, прогнозирование погоды, установил надежный контакт с Главным военно-метеорологическим управлением, Главной физической обсерваторией и военно-метеорологическими станциями авиационных подразделений, организовал обучение младших метеоспециалистов и продолжил научно-методическую работу. Ученому пришлось самостоятельно с нуля разрабатывать руководящие документы и учебные пособия, закладывая основы метеорологического обеспечения авиации, которого до сих пор попросту не существовало. Он признавался, что личное участие в полетах позволило ему лучше понимать требования авиации к метеорологам. По поручению Б. Б. Голицына А. А. Фридман берется сформулировать эти требования, и из-под его пера выходит труд «Основные сведения по аэрологии и синоптический метеорологии для летчиков и воздухоплателей». Уникальная для своего времени работа, написанная летчиком и метеорологом в одном лице⁹.

Парадоксально, но научные достижения А. А. Фридмана в период Первой мировой войны оказались куда весомее достижений многих его коллег, трудившихся в эти годы на кафедрах и в лабораториях. Среди них есть сугубо прикладные работы, написание которых продиктовано насущными интересами обеспечения боевой работы авиации. Примером может служить труд под названием «О форме равновесия нити, удерживающей змея» или «Конспект лекций по аэронавигации». Последний получил широчайшее распространение в отечественной авиации, став настольной книгой руководителей метеорологических

⁷ РГВА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Л. 172–174.

⁸ Клепиков В. А., Удриш В. В., Попов Д. А. 90 лет Гидрометеорологической службе Вооруженных сил Российской Федерации. М. 2005. С. 6.

⁹ Хайруллин К. Ш. Фридман Александр Александрович: к 125-летию со дня рождения // Ученые записки Забайкальского ГУ. Сер. Физика, математика, технология. № 3. Чита, 2013. С. 157–158.

станций¹⁰. Однако в тревожные дни войны А. А. Фридман задавался и амбициозными целями — разработать общую теорию атмосферной циркуляции, познать ее закономерности, научиться прогнозировать ее изменения во времени и пространстве. Ярким примером его научной деятельности на фронте служит статья «О вихрях в жидкости с меняющейся температурой», завершающаяся подписью «Действующая армия, 10 сентября 1915 г.».

В связи с тем, что Центральная аэронавигационная станция располагалась в Киеве, А. А. Фридман продолжил чтение лекций по аэронавигации в Военной школе летчиков-наблюдателей. Более того, будучи чрезвычайно занят по службе, он находил возможности, чтобы время от времени читать лекции в Киевском университете. Блестящие лекции, посвященные таким вопросам, как движение жидкости с меняющейся температурой или криволинейные координаты, позволили Фридману получить звание приват-доцента¹¹.

Сделав столь много для обеспечения боевой работы авиации, А. А. Фридман отмечал крайне сложное положение со снабжением ее метеорологических подразделений наблюдательными приборами. При непосредственном участии А. А. Фридмана были созданы мастерские по ремонту и поверке метеорологических приборов, обслуживавшие метеорологические подразделения авиации действующей армии. Он приложил большие усилия к созданию первого в стране предприятия по производству авиационных метеорологических приборов, и в последние месяцы войны был назначен его директором. Завод «Авиаприбор», у истоков которого стоял Фридман, заложил основы отечественного метеорологического приборостроения¹².

Три года войны оказались для А. А. Фридмана яркими и насыщенными событиями. Благодаря своей смелости, мужеству, способностям и самоотверженному труду он в короткий срок из подающего надежды аспиранта, едва сводящего концы с концами, стал офицером, Георгиевским кавалером, приват-доцентом, известным теоретиком и практиком авиационного дела. В 1916 г. жалованье Фридмана превышало жалованье профессора университета, стень которого он оставил всего два года назад. Благодаря существенному достатку ученый собрал обширную библиотеку, в которую вошли труды немецких, английских, французских и русских классиков математики и механики.

Последние месяцы войны А. А. Фридман встретил в Москве в должности директора завода «Авиаприбор». Энергичный ученый наладил тесный контакт завода с создателем аэродинамической науки Н. Е. Жуковским, и организовал при заводе математическое бюро для продолжения работы над таблицами бомбометания. Октябрьская революция была встречена им с надеждой на скорейшее окончание войны. Уставший от потрясений и непомерно тяжелой работы,

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 4. Д. 335. Л. 27, 68.

¹¹ Френкель В. Я. Указ. соч. С. 494.

¹² Смирнов В. Г. Российские метеорологи и Первая мировая война (1914–1918 гг.) // Метеорология и гидрология. 2014. № 8. С. 89.

с чувством выполненного перед Родиной долга Фридман покинул Москву, чтобы заняться тем, о чем мечтал последние годы. По рекомендации своего наставника В. А. Стеклова он становится профессором Пермского университета, возвращается к преподаванию и исследованиям.

Пережив в провинции все социальные потрясения периода Гражданской войны, в 1920 г. А. А. Фридман возвращается в Петроград, где снова работает в Главной физической обсерватории и преподает в ведущих вузах. Оставшиеся немногочисленные годы его жизни были насыщены интересными исследованиями и выдающимися открытиями. В 1922 г. он вывел общее уравнение для определения вихря скорости, которое приобрело фундаментальное значение в теории прогноза погоды. В 1923 г. бывший прапорщик царской армии стал главным редактором советского «Журнала геофизики и метеорологии». Тогда же вышла в свет его книга «Мир как пространство и время», познакомившая широкую публику с передовыми достижениями физики. В период с 1922 по 1924 г. он изучает релятивистские модели Вселенной, ведя интенсивную переписку с крупнейшими учеными мира, такими как А. Эйнштейн, разрабатывает теорию нестационарной Вселенной, положившую начало современной науке космологии и удостоенную Ленинской премии. С 1924 по 1925 г. А. А. Фридман проводит совместно с Л. В. Келлером исследования и пишет труды, заложившие основы современной статистической теории турбулентности. В 1925 г. он совершает научно-исследовательский подъем на аэростате, устанавливая рекорд высоты — 7400 м¹³. Незадолго до своей скоростной смерти от брюшного тифа, в апогее научной карьеры и признания своих выдающихся заслуг А. А. Фридман избирается на должность директора Главной геофизической обсерватории¹⁴.

Очевидно, Первая мировая война наложила серьезный отпечаток на жизнь и творчество Александра Александровича Фридмана. Она дала мощный толчок его карьере, позволила проявить себя. Вместе с тем, вероятно, именно она стала причиной раннего ухода из жизни, всего в 37 лет. Уже после смерти выдающегося ученого известный немецкий метеоролог Г. Фиккер рассказал корреспонденту ленинградской «Красной газеты» занимательную историю. Оказалось, что после Первой мировой войны Г. Фиккер не раз встречался с А. А. Фридманом на научных мероприятиях. Однажды в кулуарах конференции коллеги по научному цеху стали вспоминать, кто и как участвовал в Первой мировой. Оказалось, что советский и немецкий ученый уже «встречались» раньше: «Выяснилось, что незадолго до падения Перемышля профессор А. А. Фридман как русский военный летчик сбросил большой разрушительной силы бомбу над моим домом. В момент падения бомбы я как летчик германской авиации находился у моего начальника для получения очередных инструкций. Хорошо помню, что сброшенная А. А. Фридманом бомба была единственная, угодившая

¹³ Френкель В. Я. Указ. соч. С. 509.

¹⁴ Смирнов В. Г. Указ. соч. С. 89.

со стороны русских в Перемышль. Выяснилось точно время и место столь необычного и неприветливого нашего знакомства на поле брани».

В этой истории, как и во всей жизни Александра Александровича Фридмана, академическая наука тесно переплелась с войной. А всё самое интересное, как известно, рождается на стыке.

References

- Otchet o deiatelnosti GFO za 1915 g. Ch. 1. Uchetnaia deiatelnost. Pg., 1916.
Klepikov V.A., Udrish V.V., Popov D.A. 90 let Gidrometeorologicheskoi sluzhbe Vooruzhennih sil Rossiiskoi Federacii. M., 2005.
Smirnov G.V. Rossiiskie meteorology i Pervaia mirovaia voina (1914–1918 gg). // Meteorologia i gidrologia. 2014. № 8. S. 89.
Fedulenko V.A. Istoricheskii ocherk o formirovanii vtoroочerednih polkov Russkoi Imperatorskoi armii. Parizh // Voennaia bil. 1969. № 62. 1969. S. 43.
Frenkel V.A. Aleksandr Aleksandrovich Friedman. Biograficheskii ocherk // Uspehi fizicheskikh nauk. 1988. T. 155. Vol. 3. S. 492.
Hairullin K.S. Friedman Aleksandr Aleksandrovich: k 125-letiu so dnia rozhdenia // Uchenie zapiski Zabaikal'sskogo GU. Ser. Fizika, matematika, tehnologiya. № 3. Chita, 2013. S. 157–158.

Список литературы

- Отчет о деятельности ГФО за 1915 г. Ч. 1. Учетная деятельность. Пг., 1916.
Клепиков В.А., Удриш В.В., Попов Д.А. 90 лет Гидрометеорологической службе Вооруженных сил Российской Федерации. М., 2005.
Смирнов В.Г. Российские метеорологи и Первая мировая война (1914–1918 гг.) // Метеорология и гидрология. 2014. № 8. С. 89.
Федуленко В.А. Исторический очерк о формировании второочередных полков русской Императорской армии. Париж // Военная быль. 1969. № 62. С. 43.
Френкель В.Я. Александр Александрович Фридман. Биографический очерк // Успехи физических наук. 1988. Т. 155. Вып. 3. С. 492.
Хайруллин К.Ш. Фридман Александр Александрович: к 125-летию со дня рождения // Ученые записки Забайкальского ГУ. Сер. физика, математика, технология. № 3. Чита, 2013. С. 157–158.

А. И. Рупасов

О зыбкости политических установок личности в эпоху хаоса. Свен Фабрициус

Первая мировая война и череда революций на завершающем ее этапе выявили немалое число людей с колоссальным потенциалом к действию. Именно к действию, что отнюдь не предполагает обязательное наличие у них сколько-нибудь целостной мировоззренческой системы, политических предпочтений, но допускает значительную подвижность моральных установок. Когда атмосфера хаоса начинает истаивать, часть из них конвертирует заслуги (а нередко и псевдозаслуги) борца во власть, часть расстается с бранным миром, большинство, утрачивая былой пыл, уныло бредут в уже не волнующее их будущее. И остаются немногие, которым дух авантюризма не оставил даже малейшей возможности для успокоения. К числу последних относился Свен Фабрициус, чьи взаимоотношения с Центральной сыскной полицией (контрразведка) и военной разведкой Финляндии, советской дипломатической миссией в Хельсинки и ОГПУ трудно не удостоить эпитета уникальных.

В феврале 1924 г. начальник Выборгского отдела Центральной сыскной полиции Финляндии докладывал руководству в Хельсинки о визите некоего Свена Фабрициуса. Все предложения последнего поставлять интересующую полицию информацию были отклонены, так как в них совершенно определенно высвечивалось желание преувеличить свои заслуги и выбить деньги. Никакими заслуживающими внимания сведениями Фабрициус не обладал¹. Несколько

¹ Kansallisarkisto, Helsinki (далее — КА). Valpo-1. 905. V. Vuoksi Etsivän keskuspoliisin pääosastolle, 24.2.1924.

месяцев спустя в Выборгском отделе была составлена справка на Свена Адольфа Фабрициуса, из которой следовало, что этот бывший школьный учитель давно известен полиции как человек, владеющий пером и обладающий большим воображением, в силу чего к его заявлениям следует относиться крайне осторожно. Фабрициус — неисправимый алкоголик, нравственность его далеко не на должном уровне. Именно по этим причинам в полиции ему ранее не обещали никакой твердой оплаты, а только умеренную плату в зависимости от качества поставляемой информации. Никаких, даже самых малых авансов выплачивать ему не следует. В качестве примера сведений, которые ранее Фабрициус представлял, приводился следующий: в Выборге в одном из многоэтажных домов находится центр советского шпионажа. На это ему было отвечено, что подобной информацией в полиции уже располагают².

Чем занимался Фабрициус в последующие два года и где добывал средства к существованию — доподлинно неизвестно. Судя по всему, из поля зрения полиции он всё же не исчезал. 20 января 1927 г. директору Центральной сыскной полиции Эско Риекки³ поступило сообщение, что недели две тому назад из Терийоки в Хельсинки прибыл журналист, бывший учитель Фабрициус, хорошо известный тем, что в свое время участвовал самыми разнообразными способами в «разведывательных затеях», но большую часть времени уделял выпивке⁴. Несмотря на беспробудное пьянство, ему удавалось оставаться корреспондентом ряда газет — «Ilkka»⁵ (под псевдонимом Сулхо Сеппола), «Aamulehti»⁶, «Etelä-Suomen Sanomat»⁷, «Pohjois-Savo», «Etelä-Savo». Агенты полиции отмечали, что написанные Фабрициусом статьи являются произведениями его исключительно живого воображения. В Хельсинки Фабрициус развил бурную деятельность. Ему удалось взять ряд интервью у глав дипломатических миссий Эстонии, Латвии, Литвы. Интервью были 23 января опубликованы в «Aamulehti». Попытался он взять интервью и в представительстве СССР. По информации агентов полиции, полпред И. Л. Лоренц встретил Фабрициуса доброжелательно, но беседовать на указанную тему не согласился, объяснив это тем, что переговоры о гарантийном пакте были прерваны финской стороной, по этой причине публикация интервью о пакте могла быть воспринята как проявление заинтересованности советской стороны в возобновлении переговоров.

² KA. Valpo-1. 905. Etsivän keskuspoliisin Viipurin alaosaston päällikölle, 2(?) .7.1924.

³ Об Эско Риекки подробнее см.: *Lackman M.* Esko Riekki — jääkärivärveri, Etsivän Keskuspoliisin päällikkö, SS-pataljoonan luoja. Helsinki, 2007.

⁴ KA. Valpo-1. 905. Ilmoitus N 951, 20.1.1927.

⁵ Основанная в 1906 г. газета, в 1920-х гг. являвшаяся рупором Аграрного союза. Ее главным редактором был Сантери Алкио.

⁶ Выходившая в Тампере газета, основанная в 1881 г., в указанное время была рупором партии «Национальная коалиция».

⁷ Газета выходила с 1914 г., после объединения двух изданий — «Lahden Sanomat» и «Uusmaalainen». Выходила трижды в неделю. В 1920–1927 гг. ее главным редактором был Ялмари Ниemi.

Фабрициус, по сведениям агентов сыскной полиции, приступил к написанию серий статей о польской политике: пресс-атташе миссии Ян Вейнстейн заинтересовался возможностью публикации материалов, выгодно освещающих внешнюю политику Польши и подающих факты о политике Советской России и других соседей Польши в нужном свете⁸. Фабрициус договорился и об интервью с главой китайской миссии, а также в штабе финских ВВС. Более того, вместе с журналистом Эрки Илмари Лехтоненом он намеревался взять интервью у всех членов социал-демократического правительства. Тот же Лехтонен предложил Фабрициусу взять интервью у директора Центральной сыскной полиции Эско Риекки (последний особо отметил этот факт в тексте документа: «Пускай приходит, веселый будет разговор!»)⁹.

Тогда же на стол Риекки легло сообщение об интервью, которое Фабрициус взял у министра иностранных дел В. Войонмаа. Публикация этого интервью вызвала крайнее неудовольствие министра, направившего главному редактору газеты «Ilkka» письмо, в котором выражалось удивление, как в его уважаемой газете может работать такой корреспондент, как алкоголик Фабрициус, даже не приславший Войонмаа текста своей статьи для предварительного просмотра (министр явно не задавался вопросом, зачем вообще такому лицу стоило давать аудиенцию). Сотрудники полиции исходили из того, что данный поступок был продиктован тем, что Войонмаа наговорил лишнего, и Фабрициус поспешил сразу послать статью в газету. Когда в конце января 1927 г. по этому поводу редактор «Ilkka» Сантери Алкио обругал Фабрициуса, тот, «по своему обыкновению», в долгу не остался, разразившись потоком резких выражений, и заявил, что прерывает все отношения с «Ilkka». Алкио на разрыв не решился и пошел с Фабрициусом на мировую. В сыскной полиции считали, что данный поступок Алкио диктовался тем обстоятельством, что, хотя Фабрициус и считался самым известным выпивохой в стране, тем не менее оставался и самым способным писакой в том маленьком городке и тех краях, где выходила «Ilkka», а благодаря владению несколькими иностранными языками он мог брать интервью у иностранцев, к тому же у него был очень широкий круг знакомых. Фабрициус был настолько уверен в себе, что даже заявил о желании свергнуть правительство социал-демократа В. Таннера, благо, что во время интервью Войонмаа рассуждал и на тему, к каким мерам правительство прибегнет, чтобы удержаться подольше. Фабрициус полагал, что если он об этих планах расскажет в прессе, то правительство будет выставлено в дурном свете, что будет являться наипервейшим условием для падения.

Согласно рапорту отдела сыскной полиции в Выборге, Фабрициус весной 1927 г. жил у своего отца Хуго Фабрициуса (паровозного машиниста

⁸ KA. Valpo-1. 905. V. Vuoksi. Ilmoitus N 955 Etsivän keskuspoliisin päällikölle, 27.1.1927. Согласно помете директора Риекки, информация была передана посланнику Финляндии в СССР К. П. Артти.

⁹ KA. Valpo-1. 905. Ilmoitus N 955, 25.1.1927.

и владельца дома). Неоднократно по собственной инициативе под предлогом сообщения важных сведений он устанавливал контакты с сотрудниками полиции. В мае даже настаивал на встрече с начальником отдела, но тот от встречи отказался, назвав Фабрициуса мошенником, с которым его отдел не хочет иметь дел. Фабрициус на это ответил, что такая оценка ему понятна, но встреча крайне желательна, однако снова получил отрицательный ответ. В это время Фабрициус рассказывал друзьям, что устраивается на должность завхоза в школе в Таммисуо, близ Выборга, но у знакомых это вызывало сомнения, так как он фактически ежедневно напивался и перебираться из Выборга в Таммисуо не спешил. Однако, по его же собственным рассказам, он посетил советское консульство в Выборге, был принят консулом и имел с ним дружескую получасовую беседу. Консул якобы предложил ему ежемесячную зарплату в размере 4000 марок, но он, Фабрициус, сомневался, принимать предложение или нет, так как подумывал о принятии советского гражданства. Ранее, в январе, жена Фабрициуса уехала в СССР, в Ленинград. По словам самого Фабрициуса, в советском консульстве ему сообщили, что там она была арестована после убийства Войкова, но якобы она охотнее останется в тюрьме (называлось место — Царское Село в Новгородской губернии — sic!), чем вернется в Финляндию. Эти слова Фабрициус истолковывал как пожелание оказать ей помощь в побеге. Именно по этой причине он и обратился к сыскной полиции за помощью. Та обязана была ему помочь, так «так как мы сделали так много на службе ей»¹⁰. Пьяные разговоры Фабрициуса навели слушателей на мысль, что он является агентом ОГПУ. События поинтересовались содержимым его карманов и нашли письма с тайными пометами. Также денег у него, к их удивлению, оказалось достаточно, чтобы вести «хорошую жизнь»¹¹.

Судя по всему, до января следующего года Фабрициус не вызывал особого интереса у сыскной полиции. Однако в середине января 1928 г. он лишился места школьного учителя (проработав всего пару месяцев), так как при поступлении на работу скрыл, что был привлекаем к ответственности за нарушение покоя (а также 8 раз был оштрафован за пьянство¹²). Лишившись заработка, он попытался найти новые источники финансирования. Уже в начале февраля 1928 г. в Выборг поступил запрос из Хельсинки, где стало известно о попытках Фабрициуса добиться личной встречи с начальником штаба расквартированной в Выборге 2-й дивизии, подполковником Э. А. Вихманом, предлагая тому шпионские услуги. Последний отказался продолжать разговор по телефону и предложил Фабрициусу изложить дело в письменной форме. Полицейских чинов удивляло, что хотя у Фабрициуса не было и пенни, не было заграничного паспорта, однако он заявлял, что у него есть советская виза, что он знакомый советского консула Даберта в Выборге и секретаря советского полпредства

¹⁰ KA. Valpo-1. 905. V. Vuoksi. Ilmoitus Etsivän keskuspoliisin päällikölle, 20.6.1927.

¹¹ KA. Valpo-1. 905. V. Vuoksi. Ilmoitus N 630 Etsivän keskuspoliisin päällikölle, 9.8.1927.

¹² В общей сложности им было выплачено более 2000 марок штрафов.

в Хельсинки С. И. Рабиновича. Если подполковник Вихман считал Фабрициуса идиотом, то полицейские предпочитали считать его наглецом¹³.

Сохранилась недатированная машинописная копия одного из информационных сообщений Фабрициуса в сыскную полицию. Судя по содержанию, документ относился к началу 1928 г. Речь в нем шла о предложении поехать в разведывательных целях в СССР. Поездка должна была занять несколько недель — с начала февраля по 10–25 марта, после возвращения из которой он намерен был поехать еще раз — в апреле и оставаться там до середины июля. Маршрут пролегал бы через Ленинград, Тверь, Москву и Новгород. Сообщение начиналось с перечня 18 докладов, которые он обещал подготовить: 1) распорядок дня в советских пехотных казармах, 2) распорядок дня в Тверском кавалерийском училище, 3) задачи поездных агентов ГПУ, 4) подробный разбор одного политического судебного процесса, 5) отношение низшего чиновничества и интеллигенции к монархизму и внешней политике Советской России, 6) отношение крестьянства к ситуации в России и экономическое положение крестьянства, 7) спортивное и иное физическое воспитание в советских школах, 8) «пионеры», 9) факты из жизни кремлевских мужей (повседневная жизнь, родственные отношения, знакомые, интервью об их отношении к оппозиции), 10) агрессивные планы советского военного руководства через Финляндию на Норвегию и Англию, 11) день в советском детском саду, 12) день в народной школе, 13) день в училище, 14) коллекции ленинградского военного музея, 15) электроснабжение Ленинграда, 16) подвижной железнодорожный состав, 17) политический контроль в армии и политическое воспитание, 18) общий обзор внутренней и внешней политики, основанный на впечатлениях от поездки. Выполнение задуманного, утверждал Фабрициус, возможно благодаря родственным связям жены в советском военном ведомстве, на Ленинградской электростанции, в Новгородском отделе ГПУ, а также благодаря тому доверию, которое лично он, Фабрициус, завоевал у советских дипломатических представителей в Финляндии¹⁴.

Этот документ, найденный в кармане пьяного Фабрициуса, послужил основанием для того, чтобы в феврале 1928 г. он был допрошен в Выборгском отделе сыскной полиции. Допросу подвергся и собутыльник Фабрициуса, 19-летний булочник Свен Косонен. Последний, рассказывая о знакомстве с Фабрициусом, сообщил, что тот женат на воспитаннице бывшего полковника князя Оболенского. В это, правда, сам Косонен не верил, считая Фабрициуса шутником и вралем, который несет что попало. На допросе самого Фабрициуса выяснилось, что его первой женой была Найми Элиин, 1892 г. рождения, но в 1926 г. он развелся с ней (инициатором развода была супруга). Однако в том же году он женился в Выборге на бывшей российской подданной Александре Яковлевне Никитиной, 1898 г. рождения (ее первый муж Н. М. Григорьев умер).

¹³ KA. Valpo-1. 905. V. Vuoksi. Ilmoitus N 117 Etsivän keskuspoliisin päällikölle, 3.2.1928.

¹⁴ KA. Valpo-1. 905. Jäljennös kansakouluopettaja Sven Fabritiuksen papereista.

Его вторая жена, ради которой он и ходил в советское консульство в Выборге для получения визы, живет сейчас в Ленинграде у мужа сестры Михеева на ул. декабриста Якубовича. Для самого себя он также хлопотал о визе и получил ее «на неопределенное время» (sic!). Такую визу получить нетрудно, заверял он, если уметь обращаться с ними, т.е. служащими советского консульства. Первый секретарь полпредства Рабинович предлагал ему работать в Ленинграде корреспондентом в «Красной газете». Фабрициус отверг категорически утверждение, что ему в советском консульстве в Выборге предлагали работать за 4000 марок в месяц, а также информацию о том, что он предлагал редакторам газет — прокоммунистической «Kansan työ» и социал-демократической «Suomen Sosialidemokratti» — сведения, порочащие сыскную полицию, сославшись на то, что этот вопрос расследовался самой сыскной полицией в Хельсинки. Что касается найденного у него «предложения» о разведывательной поездке в Россию, то Фабрициус сказал, что он подготовил этот документ для командира 2-й дивизии полковника Харальда Эквиста, но солдат у ворот выборгского замка не пропустил его. Пришлось дважды звонить Эквисту на дом и один раз начальнику штаба дивизии¹⁵.

Вечером 27 февраля 1928 г. Фабрициус, продвигавшийся по шоссе в направлении границы с СССР, был задержан и заключен под стражу в отделении полиции в Терийоках (он неосторожно поинтересовался в одной из деревень тайными тропами через границу). Документов при нем не было. Его дважды допрашивали начальник подотдела сыскной полиции Э. А. Муурман и следователь Л. Рахикайнен. Они особо отметили в протоколе, что Фабрициус свободно говорит на финском, шведском, русском, немецком языках, понимает французский. Однако уже 29 февраля он был отпущен. На первом допросе Фабрициус категорически отрицал наличие у него намерения тайно перейти в Советскую Россию, на втором допросе он изменил свою позицию. В Ленинграде жила его жена, которую он хотел бы навестить. Составленный в Терийоках протокол допроса зафиксировал другую фамилию жены — Александра Яковлевна Бахвалова, бывшая Никитина (сам Фабрициус упорно настаивал на том, что матерью его жены была княжна Оболенская). О своем намерении тайно перейти границу Фабрициус говорил с проживающим в Терийоках Петром Петровичем Соколовым, хорошо известным в ВЧК/ОГПУ еще с времен Гражданской войны. Фабрициус не знал, в какой организации Соколов служит, но полагал, что тот работает на генштаб Финляндии, так как во время беседы сказал, что может передавать все полученные сведения Финляндскому государству. Кроме того, от некоторых гражданских лиц и из советских газет он знал, что Соколов ранее работал на английскую разведку. Беседа с Соколовым состоялась в декабре 1927 г. Тогда Фабрициус завел речь о том, что в апреле следующего года он либо официально, либо тайно отправится в СССР, где попытается собрать сведения о Балтийском флоте,

¹⁵ KA. Valpo-1. 905. Kuulustelupöytäkirja.

кораблях в Кронштадте и в целом о Ленинградском военном округе, а также об отношении друг к другу оппозиции и власти. Поскольку же он, Фабрициус, оказался сейчас без работы, то он решил предпринять попытку перехода сейчас, а не в апреле.

До задержания в Терийоках Фабрициус подавал заявление в Выборгское губернское управление на получение 5-летнего заграничного паспорта для поездки в СССР к жене. Несколькими месяцами ранее он просил паспорт на 1 год для поездки в Швецию, Латвию и Германию. Из губернского управления последовал запрос в Центральную сыскную полицию. В полученном ответе давалась крайне негативная оценка Фабрициуса. В сыскной полиции считали, что провокаторская деятельность Фабрициуса в случае его поездки в СССР, без сомнений, нанесет вред Финляндии. Такого же мнения был и Генеральный штаб. В силу этого выборгскому губернатору предлагалось отказать Фабрициусу в выдаче заграничного паспорта.

В сыскной полиции были сделаны выписки из своего рода дневниковых записей, которые вел Фабрициус. В частности, он следующим образом записал содержание беседы с начальником Выборгского отдела сыскной полиции Вуокси, состоявшейся 4 апреля. Вуокси сказал ему: исходя из того, что советское полпредство в Хельсинки и выборгское консульство хорошо осведомлены о вашей связи с делами Косо и Бобрищева¹⁶, и что Сипельгас¹⁷ расстрелян в связи с делом Эльвенгрена¹⁸, мы не можем ставить перед вами никаких задач в Финляндии, но предлагаем, чтобы вы с полковником Эквистом установили контакт относительно вашей поездки в Ригу, явились там к министру Лоренцу¹⁹, который пошлет вас затем через Варшаву и Минск в Петроград. В дальнейшем вы будете действовать в Польше, Румынии, возможно, в Чехословакии, основное место — Прага. На это Фабрициус якобы ответил, что не может более принимать предложение генштаба и Центральной сыскной полиции, но поедет в Ригу, так как вел. кн. Николай Николаевич намерен перенести туда свой штаб из Парижа. Но для исполнения тех задач, которые граф Гревениц²⁰ оставил в Хельсинки неосуществленными, Фабрициус потребовал, чтобы ему в либавском Балтийском банке открыли счет на 2 400 000 лат или 320 000 финских

¹⁶ Вероятно, Бобрищев Ардалион Александрович (1879–1940) — в 1922–1923 гг. был военным атташе при полпредстве СССР в Финляндии, выслан вместе со своим помощником А. Лиллемяги (А. Песс) после провала разведгруппы Р. Дроккило.

¹⁷ А. И. Сипельгас-Ольшанский (1885–1937) — агент ОГПУ и финской разведки, с 1925 г. в эмиграции. Автор книги «Записки агента Разведупра».

¹⁸ Полковник Г. В. (Юрьё) Эльвенгрэн (1889–1927) — активный участник Гражданской войны в России и Финляндии, один из руководителей ингерманландского восстания. В 1925 г. нелегально перешел советскую границу, имея румынский паспорт, был арестован и расстрелян.

¹⁹ Имеется в виду Иван Леопольдович Лоренц (1890–1941) — советский полпред в Латвии в 1927–1929 гг.

²⁰ Барон Н. А. Гревениц.

марок, в противном случае отказывался от выполнения каких-либо задач, даже если бы их давали Николай Николаевич или Кирилл Михайлович. На меньшую сумму он не соглашался, «учитывая судьбу Эльвенгрена». Исходя из необходимости обеспечения также безопасности жены в Ленинграде, Фабрициус считал, что его ежемесячные расходы не могут быть менее 400 червонцев. Нахождение в Риге им оценивалось в 12 000 марок в месяц. При этом он напомнил собеседнику, что советское консульство в Выборге предлагало ему 8000 марок в месяц в дополнение к той сумме, которую *английский генштаб* через Петра Соколова ежемесячно передавал ему, Фабрициусу, в качестве зарплаты. Фабрициус, если верить его записи, шантажировал Вуокси: если до 25 апреля ему не будет дан ответ, то он будет считать себя вправе использовать провокации и против него. Эта запись сопровождалась пометой «Представитель [великого князя] Николая Николаевича в Скандинавии»²¹.

Среди бумаг Фабрициуса осталось и не отосланное жене в Ленинград письмо (или его черновик?), датированное 5 апреля 1928 г., вызывающее у читателя вопросы. Он писал: «К сожалению, должен сообщить тебе, что правительство Финляндии не дает мне разрешения на поездку в Россию. Маннер²² обосновывает это тем, что я, как служивший ранее в генштабе, вполне возможно, после приезда в Россию могу дать ГПУ компрометирующие Финляндию сведения... Поеду в середине недели в Ригу через Москву или Варшаву. Буду в Петрограде 17-го этого месяца и прошу тебя послать мать встретить меня на Николаевском вокзале. Что касается денег, прошу тебя вначале послать по почте в офис судьи Яйяля 2000 марок, если возможно — в финской валюте».

Во время очередного задержания (в середине апреля 1928 г. в Выборге), у Фабрициуса были найдены подготовленные для коммунистической газеты «Туё» статьи. В качестве причины их написания задержанный привел желание заполучить доверие коммунистов и тем самым возможность для поездки в Россию, где он намеревался предстать в качестве коммунистического журналиста. Однако, по его словам, предложение услуг редакции коммунистической газеты завершилось неудачей, ему отказали в сотрудничестве и отказались опубликовать принесенные статьи. В том же месяце начальник 2-го отдела Генштаба подполковник Илмари Реландер, отвечая на запрос Центральной сыскной полиции, сообщал: Фабрициус — помешанный, который может доставить армии досадные неприятности. Он рекомендовал воспрепятствовать опасной деятельности Фабрициуса²³. 14 апреля 1928 г. начальник Центральной сыскной полиции Эско Риекки в своем письме министру внутренних дел поддержал точку зрения военных²⁴. И Реландер, и Риекки полагали не лишним провести

²¹ KA. Valpo-1. 905. Jäljennöksiä Sven Fabritiukselta 10/4.28 tavatuista papereista.

²² Арво Вернер Александер Маннер (1887–1962) — губернатор Выборгской губернии (1925–1945).

²³ KA. Valpo-1. 905. V. Relander E. Riekille, 14.4.1928.

²⁴ KA. Valpo-1. 905. E. Rieikki sisäasianministeriölle, 14.4.1928.

медицинское обследование Фабрициуса для выяснения того, насколько его можно считать психически нормальным человеком. Имелось желание направить его на лечение. Это удалось осуществить. К 13 мая 1928 г. доктором Вяйнё Ора было подготовлено медицинское заключение (за которое было уплачено 200 марок). Ора констатировал: у Фабрициуса не проявляются четкие признаки душевного заболевания, но вместе с тем он является врожденным психопатом²⁵. Двумя днями ранее, когда Фабрициуса доставляли на медицинское обследование, ему удалось бежать, правда, уже вечером того же дня он был найден полицейскими. Однако Выборгским губернатором было принято решение об освобождении Фабрициуса из губернской тюрьмы (опасный душевнобольной политически не опасен для общества). Отец Фабрициуса заплатил штраф, и Свен был освобожден.

Дальнейшие события оказались не менее интересными.

15 июля в комендатуре № 2 Сестрорецкого погранотряда ОГПУ был составлен протокол опроса задержанного Фабрициуса Свена Петровича. У него были отобраны финский паспорт, две фотокарточки, 21 марка и 75 пенни, 5 рублей совзнаками, кожаный бумажник, перочинный нож, «два остатка карандашей», 2 пачки папирос и 2 коробка спичек, «разная переписка» на 39 листах. Однако нелегальный переход границы не обернулся арестом, напротив, Фабрициус некоторое время свободно проживал в Ленинграде, правда, под присмотром ГПУ. Ему в I ОКРО ПП ОГПУ в ЛВО был выписан паспорт на имя Соломона Петровича Паркинена, при этом была поставлена дата выдачи — 30 ноября 1927 г. В документе указывалось, что его обладатель — вдовец, «уволен вовсе от военной службы по ст. 34 “—” пункта графы 1 приказа РСФСР-23 г. № 1090 с исключением с учета военнообязанных». До последовавшего вскоре ареста он проживал в гостинице «Европейской». Сохранилась квитанция, согласно которой 17 июля он заплатил за комнату 5 рублей²⁶. Беспробудное пьянство и болтовня с собутельниками убедила сотрудников ГПУ, что лучшим местом пребывания Фабрициуса будет не «Европейская», а камера в Доме предварительного заключения. 18 июля он и был в нее помещен. Утешением стало выделение ему 10 рублей в неделю на расходы.

Безусловно, на советской стороне границы Фабрициуса ожидали в силу имевшейся с ним договоренности. Позже, в одном из писем на имя «начальника ГПУ Ленинградского отделения» он прямо напишет, что переписку о переходе границы он вел через консульство в Выборге. Вместе с тем, как сам Фабрициус признавал на допросе в конце июля, детали перехода границы были им обговорены со старшим следователем сыскной полиции из Терийокского подотдела Бромсом и «разъездным агентом Гельсингфорской охраны Карлом

²⁵ KA. Valpo-1. 905. Väinö Ora. Lääkärintodistus, 22.5.1928.

²⁶ Однако сохранился и счет, также датированный 17 июля, согласно которому Фабрициус жил в гостинице «Англетер». За этот день им было уплачено 2 рубля 86 коп. (26 коп. стоила прописка).

Стольтом», а сам переход осуществлялся по заданию разведывательного отдела штаба 2-й дивизии, расквартированной в Выборге²⁷.

На первом допросе следователь заполнил анкету арестованного: Свен Петрович Фабрициус родился 16 октября 1895 г. в Выборге, окончил классическую гимназию и семинарию для учителей; с 1 мая по 1 декабря 1917 г. был учеником в аптеке, в красной армии Финляндии с 15 января по 24 (?) апреля 1918 г.; на военной службе в финской армии с 12 мая по 1 октября 1918 г.; «беспартийный, но сочувствующий коммунистам... агент советского консульства в Выборге». По словам Фабрициуса, он добровольцем еще в декабре 1917 г. записался в Выборге в красную гвардию и затем служил при лазарете, но когда в апреле 1918 г. «всё красное начальство бежало в Петроград», то за день до взятия города белыми он попытался выбраться «в сторону СССР», но попал в плен егерской бригады. Якобы ему удалось убедить егерей, что он бежал от преследования красных, а знание немецкого языка стало причиной того, что его оставили в качестве писаря в штабе бригады. Позже он остался на этой должности и в штабе II дивизии, откуда его командировали в артиллерийскую офицерскую школу, по окончании которой он получил звание капрала. В апреле 1919 г. был уволен в запас. Якобы изготовил для одного красногвардейца паспорт, но так как это было провокацией полиции, то был арестован и до Рождества 1919 г. был под арестом. Однако уже с 1 января 1920 г. оказался на службе в полицейской команде для проверки паспортов на железной дороге (при этом Фабрициус не упомянул, что эта сфера входила в компетенцию одного из отделов генштаба)²⁸. На этой работе продержался несколько месяцев, а с сентября по декабрь 1920 г. уже работал редактором журнала «Koti», но поссорился с издателями «из-за клерикального направления». Поведав следствию о многократных попытках «охранки» завербовать его для слежки за советским посольством, а также о предложении в 1923 г. поехать в советскую Карелию к председателю СНК Карелии Э. Гюллингу в качестве секретного агента финского правительства (в этом случае свой отказ он объяснил желанием охранки его — Фабрициуса — ликвидировать), он уклонился от объяснения, почему к учителю школы для малолетних преступников (работал в ней в 1922 г.) охранка неизменно проявляла свой интерес.

В ходе первых допросов Фабрициус на вопрос о своем социальном происхождении указывал — из дворян. Позже, осознав свою ошибку (упоминание профессии отца — машинист паровоза — не могло не вызывать в этом случае недоумения), а также вспомнив, что находится на территории государства, строящего социализм, он изобретет удивительную автобиографию. В архивных делах сохранилось несколько ее вариантов. Раздел одного из вариантов автобиографии

²⁷ Протокол допроса С. Фабрициуса, 30.VII.1928 г. // Архив ФСБ по СПб. и ЛО. Д. 12379. Т. 3. Л. 365.

²⁸ Об организации генштабом проверок на железных дорогах Финляндии см.: *Hietaniemi T. Lain vartiossa: poliisi Suomen politiikassa 1917–1948.* Helsinki, 1992.

был им назван так: «Я не дворянин. Фамилия Фабрициус». «В старое время крестьяне в Финляндии не имели фамилии. Если кто-нибудь был взят в школу или в солдаты, то чтобы отличить его от других ему давали фамилию, которая часто напоминала на службу отца. Так как отец моего первого предка был кузнец, то ему давали фамилию Фабрициус (слово “кузнец” по латыни *faber*²⁹). Первый предок был *насильно* взят на государственную службу, а следующие тоже были служащие... Тот человек, который по бумагам мой отец — машинист финляндской железной дороги, значит, рабочий... Если еще взять во внимание те обстоятельства, при которых я родился, то моя родословная еще дальше от дворянства. Человек, который по бумагам мой отец, был во время моего рождения солдатом. Не имея средств, мать служила кассиршей в одном ресторане. Хозяин влюбился в мою мать, хотел устроить развод и жениться на ней. Образовалась близкая связь и так родился я в 1895 г. Оказалось, что моя мать сошлась с моим отцом за денежных интересов и что эта связь была поддерживаема ее мужем, солдатом Фабрициусом с целью вымогать деньги у моего настоящего отца Бернарда Лагерстама». Попытки выманить деньги закончились тем, что Лагерстам застрелился³⁰. Изрядно очернив в автобиографии мать и «формального» отца, Фабрициус не обратил внимание на некоторое противоречие: родители дали ему довольно дорогостоящее для них гимназическое образование и в дальнейшем неоднократно помогали материально.

Охотно поведав о своем знакомстве с Петром Петровичем Соколовым, предлагавшим ему стать «разъездным агентом с целями военного шпионажа», Фабрициус, однако, подчеркнул, что не согласился на это предложение. Соколов якобы положительно оценил отказ финских властей выдать заграничный паспорт Фабрициусу, так как данный факт стал бы для Свена «большой рекомендацией у большевиков»³¹.

В рассказах о своей службе в сыскальной полиции Фабрициус также был словоохотлив. «В первое время³² в мои обязанности входило: проверка паспортов по жел[езной] дор[оге], выявление неблагонадежных лиц, занимающихся распространением коммунистической литературы, и выявление самих коммунистов. Продуктивность и полезность моей работы была соответствующим образом оценена высшим начальством охранки, и я в начале 1921 г. был назначен начальником охранки при министре иностранных дел... в мою задачу как начальника охранки министра иностранных дел входило обслуживание советских представителей в Финляндии. В конце апреля 1921 г. должность начальника

²⁹ Удачнее было бы перевести это слово с латыни как «ремесленник».

³⁰ Протокол допроса С. Фабрициуса, 30.VII.1928 г. // Архив ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее — АФСБ по СПб и ЛО). Д. 12379. Т. 2. Л. 293 — 293 об.

³¹ Там же. Л. 350.

³² Речь шла о 1920 г., хотя ему должно было быть известно, что центральная сыскальная полиция была создана в 1922 г., а те функции, которые ему в то время пришлось выполнять, находились в ведении сотрудников так называемого паспортного отдела Генштаба.

охранки при министре иностранных дел была упразднена, и я в последующее время включительно по август месяц 1925 г. обслуживал Посольство и Консульство СССР в Финляндии по заданию охранки как тайный агент последней. В мою задачу по обслуживанию Посольства и Консульства входило установление негласных сотрудников этих учреждений, ведущих шпионскую работу на территории Финляндии, как вооружены сотрудники данных учреждений, наблюдение за образом жизни как ответственных, так и рядовых сотрудников... Донесения по этим вопросам мною передавались начальнику Выборгской охранки Вальтеру Вуокси³³. Деятельность моя в Фингенштабе заключается лишь в том, что в 1927 году в январе или в феврале по просьбе капитана Пеусти, состоящего на службе в Фингенштабе по VI отделу, мною была написана инструкция по наблюдению за офицерами финской армии»³⁴.

Возможно, первые дни, проведенные в камере, особых тревог у Фабрициуса не вызывали. Не в первый раз ему приходилось попадать за решетку. Однако месяц спустя он написал на имя «многоуважаемого начальника ГПУ Ленинград. отд.» «важное-спешное» письмо, которое будет уместным привести полностью:

«В ДПЗ, 17 августа 1928 г.

Отношусь с почтением к тем членам ГПУ, с которыми познакомился, но все-таки должен покорнейше сообщить следующее:

Что касается моего приезда в СССР, то я перешел государственную границу 15.VII, получив до этого визу от СССР через Выборгского консула, который нашел меня для России политически благонадежным человеком, особенно когда я всю зиму и весну этого года через секретаря консулата давал материал для ГПУ о центральной полиции и т.д. в Финляндии. Через него я посылал письмо с курьерской почтой к Вам и другое к своей жене. Когда я позже встретил секретаря, то он подтвердил, что оба письма получены. В письме, которое адресовано Вам, были предложены с моей стороны услуги и попросил я в ответ или 1) категорический отказ, или 2) согласие приехать нелегально в Россию, чтобы условиться о службе, или 3) чтобы я мог бы в Финляндии посоветоваться с кем-нибудь о деле. Через жену получил письмо, где было сказано: «Мама спрашивает, почему ты ей лично не пишешь, а посылаешь только краткие приветы через меня». Значение этого сочинения было условлено так: «Приезжай немедленно в Россию». Ответ жене найдется в моих бумагах, которые русский кордон у меня конфисковал при переходе границы и который теперь в ГПУ. Содержание ответа подтвердила жена по телефону 10.VII. За легальность моего приезда говорит, по-моему, и ответ того

³³ Остается неясным, по какой причине сведения о посольстве передавались в Выборг, а не в центральный аппарат сыскной полиции в Хельсинки.

³⁴ Протокол допроса С. Фабрициуса, 26.VII.1928 г. // АФСБ по СПб. и ЛО. Д. 12379. Т. 3. Л. 350–351.

человека из Сестрорецкой комендатуры, который меня встретил с авто в комендатуре в Коркеамяки, когда он мне сказал, что они меня ожидали уже 10.VII. Одинаково то, как меня принимали в Ленинграде, где со стороны ГПУ устроили мне бумаги, чтобы я мог свободно двигаться и дали денег 65 рублей. Таким образом, я считаю, что я в СССР приехал сообщая, т.е. легально и не нелегально, как следователь, которого я знаю под именем «Григорий Александрович» хочет подтвердить. Нужно именно помнить, что я не получил паспорта у финских властей, так как я, по их мнению, для Финляндии опасен, чтобы пустить в СССР и слишком сочувствующий коммунистам. За провинку, что я был выпивши и не явился, как было условлено, 18 июля — в ГПУ, был в тот же день арестован. 19 июля пришел ко мне следователь, которого знаю под именем «Иван Петрович» и сказал, что для того чтобы вчерашний случай не повторился — я должен пока сидеть в ДПЗ и там приготовить тот материал, который знаю и потом начинать настоящую работу. «Иван Петрович» меня убедил, что я могу быть все-таки спокойным, потому что табак и всё то, что нужно, я получу. Также подтвердил мне повыше начальник 10.VIII, который сказал, что то, что нужно для существования — надо устроить. Все-таки я уже больше месяца здесь форменным образом голодаю, так как кушанья не хватает, привычки курить мои нервы не в состоянии работать без табаку, не имел возможности менять белье, побриться, время для прогулки, не имею одеяла, нет ни простынь, ни полотенец. Я приехал сюда, чтобы пожертвовать свой труд для СССР, а в этих обстоятельствах мои нервы категорически против моего желания откажутся работать. Так как мне своим родным неудобно сообщить, где я, и я без денег, то попрошу меня устроить, пока я должен быть здесь, для каждой недели 2 рубля 10 копеек, которые мне нужны для следующего:

3,5 кило хлеба по 23 коп. кило 80, 5 коп.

0,5 кило сахару по 70 коп. 35 коп.

0,5 кило чаю 25 коп.

14 кор[обок] «Совет» по 14 коп. за кор[обку] 56 коп.

4 кор[обок] спичек 1,5 коп. за кор[обку] 6 коп.

202,5 коп.

Бритъе

20 л. бумаги и карандаши 15 коп.

217 [руб.], 5 коп.

Кроме того, попрошу исполнить мою просьбу в пункте 3-м насчет белья и т.д. Для исполнения следующих письменных работ попрошу:

1. Движение белых русских в Финляндии.

2. Характеристики знакомых охранников.

3. Кого и для чего стоило бы вербовать в Финляндии.

4. Интриги охранников между собою.
5. Интриги разных иностранных посольств между собою.
6. Приписка о знакомых охранниках и агент[ах] Генштаба в Финляндии.
7. Газетная пропаганда и полиция.
8. Интриги между римской и греческо-католической церковью.

Если мне, как арестованному здесь, неудобно ГПУ давать деньги, то можно же сказать, что в ГПУ находятся мои конфискованные деньги и их меняют. Так я именно объяснил тот рубль, который мне “Иван Петрович” давал. Согласен или заплатить их обратно деньгами или своим трудом.

Я приехал в СССР, чтобы начать работу под Вашим руководством против финразведки. Вышли все-таки очень большие недоразумения со мною и следователем “Григорием Александровичем”. Эти неприятности касаются тех задач, которые я в Финляндии приготовил, и их технического исполнения. Несмотря на то что большая часть этих задач почти до конца готова и их исполнение только не случилось, потому что я не имел средств для этого и Вашего согласия, еще подчеркну важность их — окончательно закончить. Каждый человек понимает, что не может быть и для СССР без значения следующие задачи:

- 1) Вербовка одного организатора латышской армии.
- 2) Вербовка одного телеграфиста в Выборге.
- 3) Вербовка одного агента центральной полиции.
- 4) Вербовка одного человека для получения карты о минировании Финляндии (жел[езно]дор[ожных] мостов).
- 5) Вербовка одного машиниста как курьера.
- 6) Подслушивание телефона центр[альной] полиции в Выборге.
- 7) Подслушивание телефонной курьерской станции в Ялкала.
- 8) Привезти Соколова сюда.
- 9) Мой архив.
- 10) Квитанц[ия] ингерманландского движения к министру Хакцелю³⁵.
- 11) Секретный архив ц[ентральной] п[олиции] Выборгского отделения.
- 12) Секретный архив ц[ентральной] п[олиции] Терийокского отделения.

Вряд ли мне пришлось напрасно приготовить все эти задачи, так что нужно только самые окончательные меры для их исполнения. Я, как старый сыщик, понимаю, что эти работы имеют значение и для СССР, и попрошу возможности начать свою работу. Например, задача 3 спешная, потому что условлено, что я агенту дам свой ответ до 25.IX. Он служит 9-й год в центральной полиции, и ему было передано следить за русским посольством. Может быть, решение этой задачи ведет к получению той части архива центральной полиции, которая касается русской делегации в Финляндии. Есть у меня план для исполнения этой задачи даже через

³⁵ Андерс Вернер Хакцель (1881–1946) — посланник в СССР (1922–1927), министр иностранных дел Финляндии (1932–1936).

курьера, пока я еще здесь, а именно: опускал несколько писем в Финляндии и получил на них ответы. Таким образом, хочу решить и некоторые другие задачи. Задача 10 докажет, например, что министр Хакцель в одно и то же время был посланником в Москве и участвовал в ингерманландских интригах, теперь он участвует в карельских. Покорнейше прошу, если возможно, исполнить мои просьбы насчет житья моего, потому что при этих обстоятельствах нервы мои категорически откажут работать. Все-таки, по-моему, что приготовлено, то стоит и кончить. Попрошу начальника познакомиться с докладом о моих задачах, об инструкции для моей командировки, которые перешлю Вам и попрошу, если возможно, позвать меня для личных переговоров, так как окажется, что мы [со] следователем не можем войти во взглядах об этих задачах.

Потом я попросил бы, если возможно, поставить только одного следователя для меня, бывшего со мной всё время, он лучше был бы в курсе дела и лучше понял бы меня. Если возможно, то предлагаю для этого следователя, которого знаю под именем “Ивана Петровича”. Столько я уже сделал в Финляндии приготовлений и устроил связи для исполнения этих задач, что я думаю, что было бы жалко оставить их так, особенно когда для исполнения требуется только возможность жизни для меня.

На моем сердце лежит только желание работать и надеюсь, что гражданин начальник даст мне возможность показать, куда я гожусь, чтобы и я и Вы, оба могли бы быть довольными. Жду ответа как можно скорее.

Уважающий Вас Свен Фабрициус. ДПЗ, 5–5 отделение, камера 176.

П. С. Попрошу обратить внимание на нижние страницы доклада 26.

1) Вербовка организатора латышской кавалерии. Приблизительно 2 года тому назад убежал из Латвии бывший русский кавалерийский полковник за какое-то преступление в Финляндию, где теперь очень нуждается. Согласился бы через меня передавать всё, что знает о латышской армии.

2) Вербовка одного телеграфиста в Выборге. Один телеграфист, который раньше мне доставал содержание телеграмм, согласился бы и теперь.

3) Вербовка одного агента центральной полиции. Служит 9-й год в центральной полиции, но собирается осенью уехать в Америку, потому что в плохих отношениях с начальством. Устроился бы и в России или продавал бы, что знает. Важный потому, что ему в свое время была поручена слежка за Совпосольством в Финляндии. В его руках та часть архива центральной полиции, которая касается посольства.

4) Вербовка одного картографа в землемерной конторе губ[ернского] упр[авления] в Выборге. Достанет по моему желанию копии из каких угодно карт, которые только найдутся в конторе, в которой он служит.

5) Убить Петра Соколова. Приготовлен человек за 5000 марок, который готов убить его. Человек отличался своей хладнокровностью в Красной армии на фронте.

6) Получение карты о минировании жел[езно]дор[ожных] мостов в Финляндии. Мой друг, по образованию садовый архитектор, имеет работу только летом, а зимой живет у своего родственника А., который начальником одной конторы в Управлении жел[езных] дорог Финляндии. За свое кушанье родственнику А. платит он тем, что после конторного времени по вечерам работает в его кабинете, у него в шкафу карта о минировании мостов. Мой друг согласен за условную сумму достать эту карту для фотографирования или даже для взятия копий с ней.

7) Записка всех офицеров финляндской армии. Печатается ежегодно в государственной типографии. Там о каждом офицере сказано 1) фамилия и имя, день рождения, какой год офицером, какой год в последнем чине. Условлено получить у одного знакомого офицера — 1000 финмарок.

8) Движимое имущество железных дорог в Финляндии. Брат за условленную сумму узнает: сколько локомотивов разных типов, товарные вагоны открытые разных типов, товарные вагоны закрытые разных типов, пассажирские вагоны, сколько каждого типа и т.д.

9) Программа школы железнодорожных служащих. 1. Курс, 2. Расписание уроков, 3. Учителя, 4. Работа школ, 5. У брата всё готово.

10) Приказ главного начальника добровольческой армии о том, что требуется для получения чина офицера добровольческой армии. Условлено братом.

12) Снимок терийокской комендатуры — чиновников сразу до Шредера.

13) Архив сыскного отделения министра ин[остранных] дел. 1. Все рапорта, 2. Снимки сыщиков, 3. Рассказ о деятельности, 4. Рефераты, написанные стенографистом о речах правой пропаганды, 5. Квитанция ингерманландского движения к Хакцелю, 6. Квитанция газ[еты] Сунта (Suunta) к <нрзб.>, 7. Письмо Игнатиуса³⁶ к Вагеру, 8. Письмо Кайла³⁷ к Вольфу.

14) Мой архив: 1) задача 11, 2) задача 12, 3) задача 13, 4) снимки 30–40 офицеров, 5) 100 раз[ных] статей польск[ой] проп[аганды] о Польше, 6) 30 разных статей польской пропаганды о России, 7) 25 разных статей поль[ской] пропаганды о Вильно, 8) 10 разных статей польской пропаганды о Галиции, 9) 15 разных статей польской пропаганды о Силезии, 10) моя переписка с политическими лицами, 11) коллекция моих статей, 12) снимки военных статей.

15) Все опубликованные годы журналов — 1) Хаккапелитта³⁸, 2) Suomen Sotilas³⁹, 3) Kannaksen vartio⁴⁰, 4) Rajaseutu⁴¹.

³⁶ Имеется в виду полковник Ханнес Игнатиус.

³⁷ Имеется в виду активист Э. Э. Кайла (1888–1935).

³⁸ Имеется в виду издававшаяся с 1926 г. еженедельная газета шюцкора «Наккапелиита».

³⁹ Имеется в виду издававшаяся с 1919 г. и выходившая 6 раз в год газета «Suomen Sotilas».

⁴⁰ Бюллетень выборгского шюцкора «Kannaksen vartio» («Страж Перешейка»), издававшийся в 1923–1944 гг.

⁴¹ Журнал «Rajaseutu» («Приграничье») выходил с 1924 г. ежемесячно, с 1927 г. — 4 раза в год.

16) Получение снимка всех офицеров в Финляндии. Условлено со знакомыми из следующих гарнизонов в Вильманстранде, Выборге, Тавастгусте, Терийоках, Гельсингфорсе, Рихимяках, Коувела. Уже теперь гарантировано получение [снимков] разн[ых] 850–900 офицеров.

17) Доказать, что посланник Артти⁴² и консул Ауэр⁴³ помогут шпионам <...>.

18) Таблицы генерала Ненонена⁴⁴, чтобы стрелять из пушки на невидимую цель без буссоли. Английское правительство предлагало за это изобретение 10 миллионов марок, но Н. подарил финскому штату⁴⁵. Оригинал таблиц сохраняется в квартире полковника Марьянена⁴⁶, мой друг и начальник штаба береговой артиллерии — найдутся некоторые планы для исполнения...

21) Разрыв Выборгской газовой фабрики (взрыв). В комнате, где машины завода, всегда столько газа, что если оставить открытым огонь (свечку) на 5–10 минут, то обязательно будет взрыв, который взорвет на воздух две большие башни, где собирается газ всего города. Взрыв уничтожит приблизительно ¼ часть города. Исполнение когда угодно в моих руках.

22) Снимки всех начальников добровольческой армии Выборгской губ. Завербован для этой цели канцелярист и обещано 15–20 марок штука, но когда он согласится на это, то, наверное, и на другие задачи...

25) Карточки всех пограничных охранников в кордоне Тапкина. Там экономкой моя бывшая содержанка, так что, посетив ее, я их достану.

26) Общий снимок всех пограничных охранников Терийокского округа в 1924 г. (у меня).

27) Все охранники в Терийоках, которые проверяют паспорта в поездах...

28) Печати всех военных кругов, мобилизации и подпись начальника.

29) Печати всех военных частей с подписью того, кто обыкновенно подписывает письма.

30) Печати всех кронофохтов⁴⁷ с подписью.

⁴² Каарло Понтус Артти (1878–1936) — посланник Финляндии в СССР (1927–1930).

⁴³ Отто Ассар Ауэр (1883–1957) — генеральный консул Финляндии в Ленинграде (1926–1928).

⁴⁴ Вильхо Петтер Ненонен (1883–1960) — генерал-майор (1923), в 1923–1924 гг. был министром обороны, а в 1924–1925 — командующим армией Финляндии.

⁴⁵ Т. е. государству.

⁴⁶ Вяйнё Саломон Марьянен (1886–1962) — полковник, командир 1-го полка береговой артиллерии (1923–1942).

⁴⁷ Фабрициус имеет в виду лиц уездного управления. Коронный фогт (шведск. kronvogt, финск. kruunuvouti) — устар., в Финляндии до становления независимости — должностное лицо земской полиции, осуществлявшее уездное управление (наблюдение за соблюдением общественного порядка и безопасности; надзор за исполнением судебных решений и предписаний губернатора; охрана интересов казны в уезде, сбор налогов и иных сборов).

- 31) Печати и подписи всех начальников тюрем и хозяйств.
- 32) Печати и подписи всех ленсманов.
- 33) Все сыщики криминал-сысского отделения Выборгской полиции с адресом одного знакомого сыщика.
- 34) Снимки сыщиков криманл.⁴⁸ сысского отделения в Выборге...
- 35) Печати губернских управлений.
- 36) Сила кордонов следующих погранохранпунктов: Северн. Обл., Куусамо, Панаярви I, Тутикюля, Вуорикюля, Кюртти I, Кюртти II...
- 37) Подслушивание телефона ц[ентральной] п[олиции] в Выборге. Человек, который согласен убить Соколова — согласен быть телефонистом за 50 марок в сутки плюс квартира, но он со временем желает переехать в Россию. Комнату можно получить в 10 метр[ах] от телефонной линии ц[ентральной] п[олиции] у моего знакомого за 250 марок в месяц. Аппарат старый, аппарат моих родных, провод ¼ мм, одинаковый, <...> и батарей можно купить и технический вопрос очень простой и мне знакомая история.
- 38) Подслушивание телефона курьерской станции в Ялкола. Проще, чем задача 37, потому что там можно получить поблизости комнату с телефоном и через контакт проводов устроить постоянное подслушивание...
- 39–40) Седло полковников Хохентал–Форссел. Седло считается в Финляндии военной тайной и конструкция его такая, что лошадь будет нести человека так, что тяжести не будет, только на спине, но и на боках...
- 42) Пропаганда — поместить в 20 газетах серию статей, всего 150–200 штук, в которых со статистикой и т.д. ведется пропаганда в пользу СССР...
- 47) Привезти Петра Петровича Соколова сюда...
- 49) Секретный архив Выборгской центральной полиции.
- 50) Секретный архив Териокской центральной полиции.
- Зная, где оба архива расположены и что в Териоках, например, дежурного ночью нет — могу при помощи своих знакомых, которых имею среди преступных элементов, получить архив...
- 52) Устроить взрыв в церкви Николая в Гельсингфорсе, когда всё начальство финской армии там. Когда угодно могу через знакомого псаломщика устроить так, что меня в любое время пустят в церковь. Оставив модель-ключи, я устроил бы место, готовое для взрыва и провел бы провод для зажигания — провода для электрического зажигания за 150 000 финмарок готов устроить до конца — 50 тыс. заплатить тогда, когда всё в порядке, и 100 000 после взрыва плюс принятие в СССР...
- Таких делов у меня приготовлено и, по-моему, стоит их кончить. По-моему, я много не требую, если я до окончания первого дела попрошу

⁴⁸ Криминального.

только то, что человеку нужно и потом условимся, когда увидите, что я в деле показал, что я могу сделать»⁴⁹.

Последний месяц лета и осень 1928 г. ушли у Фабрициуса на написание пространных сообщений о работе финской охранки и финской разведки. Одно из таких сочинений было посвящено «методам финской охраны», при этом особое место им было уделено описанию физических истязаний, применявшихся к коммунистам. Отдельный «доклад» он посвятил деятельности иностранных дипломатических миссий в Хельсинки, но большинство приводимых им сведений относилось к 1920–1922 гг., и, судя по пометам следователей в тексте, интереса они не вызывали. Большой интерес они проявляли в отношении сведений о деятельности организации вел. кн. Николая Николаевича и структуре Центральной сысской полиции, и Фабрициус максимально пытался удовлетворить их интерес. Правда, большая часть сообщенных им сведений относилась к периоду 1923–1924 гг.

В то же время из-под его карандаша вышел уникальный текст — «Провокация субъективным явлением в государственной жизни Финляндии». Конкретно речь шла о том, как «следующие учреждения замешаны в провокаторскую деятельность»: социал-демократическое правительство и его деятели, штаб главнокомандующего армии, центральная сысская полиция, польское представительство, церковь и т.д. В основном статья касалась использования в политической борьбе сведений, порочащих нравственный облик того или иного деятеля. Однако и в этом случае приводимые Фабрициусом факты относились к началу 1920-х гг., что также не вызывало интереса следователей.

1 октября 1928 г. на допросе он неожиданно заявил, что все его прежние показания имеют «большую неточность», которую он будет стараться «устранить настоящими и, безусловно, правдивыми сообщениями». Якобы в апреле 1927 г., делая доклад в Выборгском отделении охранки, он заявил, что его многолетняя провокаторская деятельность в отношении советских представительств в Финляндии, в силу того, что она «достаточно расшифрована советскими учреждениями» и ее трудно продолжать, а к тому же она перестала приносить ему лично удовлетворение, поскольку посольство в Гельсингфорсе и консульство в Выборге существенной активности не проявляют, он услышал, что наблюдение всё же следует продолжать. В мае Фабрициус выехал в Хельсинки, где был любезно принят директором Центральной сысской полиции Риекки, который поинтересовался связями собеседника в Ленинграде и сожалел, что наблюдение за консульством в Выборге придется прекратить. В начале следующего месяца Фабрициус удостоился еще одной беседы с Риекки, предложившим ему поехать в СССР. Риекки якобы сказал: «Если вы расшифрованы перед советскими посольствами, то, значит, о вашей работе знает и ГПУ... нам нужно будет ввести в заблуждение ГПУ насчет вашей принадлежности к охранке, и мы сделаем это в течение нескольких месяцев целым рядом мероприятий». Именно

⁴⁹ Архив ФСБ по СПб и ЛО. Д. 12379. Т. 2. Л. 5–8.

по предложению Риекки Фабрициус и обратился в ноябре за визой в советское консульство. Отказ финских властей выдать ему заграничный паспорт также был инсценировкой, такой же инсценировкой были и аресты полицией зимой–весной 1928 г., о которых широко сообщалось в прессе. Целью было легализоваться в дальнейшем в СССР, не скрывая своей былой принадлежности к охранке, вызвать интерес ГПУ (например, предложением взорвать церковь святого Николая в Хельсинки в день независимости Финляндии, когда в храме соберется всё высшее командование) и стать агентом ГПУ⁵⁰. На следовавших в начале октября ежедневно допросах Фабрициус постепенно расширял перечень заданий, которые якобы были им получены лично от Риекки. Дополнительными деталями он украсил и рассказ о своем знакомстве с Петром Соколовым.

22 февраля 1929 г., командированный из Москвы заведующий следственной частью Верховного суда СССР Гальперин (документы на Фабрициуса были ему высланы в Москву в декабре 1928 г.) допрашивал Фабрициуса. В ходе допроса выяснилось не только знакомство Фабрициуса с Петром Петровичем Соколовым, но и с Петром Пуккела, двумя годами ранее организовавшим побег из СССР сына Карла Фаберже, Агафона⁵¹. Из протокола допроса остается неясным, какого рода информация Фабрициуса оплачивалась Соколовым (были упомянуты только суммы — 300 марок, 150 и 300 рублей). На вопрос следователя, что из себя представляет Соколов, Фабрициус ответил: «Соколов свою роль играет очень хорошо. Он повсюду показывает вид, что очень бедствует, а между тем, будучи [у него], я случайно увидел в шкапу хороший серебряный сервиз и большой серебряный самовар. Уж одно это показывает, что он хорошо зарабатывает».

В ноябре 1928 г. Фабрициусу стало очевидным, что все его заверения о «сердечном желании» работать на благо социалистической страны не являются гарантией сохранения жизни. 25 ноября он направил следователям пространное письмо: «Извиняюсь, что надоедаю вам со своим письмом, но за время ½ года моего пребывания в ДПЗ я так изнервничал[ся], что ищу успокоения в вашем окончательном ответе на мой вопрос, который касается моей жизни и потому меня особенно беспокоит. Больше всего я боюсь, что Верховный суд, если он без процесса рассматривает мое дело, вынесет мне приговор о высшей мере, и что вы оба не будете в возможности выполнить то обещание, которые вы несколько раз давали: гарантировать сохранение моей жизни... Будет ли мне после приговора, пускай он какой ни будет, гарантирована мне жизнь или нет?»⁵² Согласие сыграть роль англо-финского шпиона в целях пропаганды он расценивал как достаточную гарантию. 16 мая он объявил голодовку, требуя прихода прокурора. Но почти сразу отказался от голодовки. Второе сообщение о голодовке Фабрициуса датируется 5 июня, он снова требовал прокурора для

⁵⁰ Там же. Т. 3. Л. 374.

⁵¹ Подробнее см.: Агафон Фаберже в красном Петрограде. СПб.: Лики России, 2012. С. 81–158.

⁵² Архив ФСБ по СПб и ЛО. Д. 12379. Т. 2. Л. 275.

проведения допроса⁵³. В это же время Фабрициус написал заявление на имя финляндского консула. Следователь Гальперин составил обвинительное заключение 19 июля 1929 г. Дело Фабрициуса было назначено к слушанию в *закрытом заседании* Военной коллегии Верховного суда СССР 3 августа 1929 г. В 10 ч. 23 мин. заседание было начато, а в 17 ч. 15 мин. председательствующий П. А. Камерон стал зачитывать приговор. Фабрициуса признали виновным по статье 58–6 УК РСФСР, его ждала высшая мера социальной защиты — расстрел. Однако полтора месяца спустя — 18 сентября 1929 г. ЦИК СССР заменил расстрел на 10 лет лагерей с последующим 5-летним поражением в правах. Интересен тот факт, что согласно справке Управления Соловецких лагерей особого назначения, датой начала отбывания срока упомянуто 2 августа 1929 г. (т.е. день накануне вынесения приговора).

Обращает на себя внимание и тот факт, что за день до решения ЦИК — 17 сентября 1929 г. финская газета «Lapin kansa» опубликовала заметку «Судьба учителя Фабрициуса решится завтра. Советская Россия дала понять, что приговор будет смягчен. Фабрициус утратил рассудок?». В тот же день в «Красной газете» была опубликована заметка под названием «Ленинградским ГПУ ликвидирована финская шпионская организация». Речь шла о недавнем судебном процессе, одним из главных героев которого был «финляндский дворянин Свен Петрович Фабрициус». В связи с его именем упоминался и известный английский разведчик Петр Соколов. Директор сысской полиции Риекки еще до публикации в «Красной газете» поручил за несколько дней до нее выяснить, о чем шла речь в разговоре с Фабрициусом у Соколова. Выяснилось, что Фабрициус приходил к тому минимум дважды. В первый раз, однако, он был настолько пьян, что беседовать с ним о чем-либо не представлялось возможным. Во второй раз Фабрициус спрашивал, не будет ли ему предложено выполнение каких-либо разведывательных задач после перехода в Россию, и просил денег. Соколов якобы ответил отрицательно, так как знал характер Фабрициуса. О себе же Соколов сказал, что давно разведывательной деятельностью не занимается, а является лишь экспертом, оказывающим услуги Генштабу. Интересно то, что ознакомившийся с рапортом своего сотрудника Эско Риекки начертал на полях знак вопроса возле слов о том, что Соколов не ставил перед Фабрициусом никаких задач и переход последнего в СССР был предпринят не по инициативе Соколова.

30 ноября 1930 г. финская миссия в Москве известила МИД Финляндии, что из Соловецкого монастыря получена почтовая открытка, датированная 17 октября. Отправителем был финский гражданин Степан Микконен. Он сообщил, что 1 октября 1929 г. он был осужден коллегией ОГПУ на 3 года в Соловецкий лагерь и ему следует писать по адресу «Почтово-телеграфное отделение Попов остров, АКССР, IV отделение СЛОН». Интерес, однако, представляло не это, а то, что адрес на карточке был написан рукой Свена Фабрициуса⁵⁴.

⁵³ Там же. Т. 1. Л. 18.

⁵⁴ KA. Valpo-1. 905. Suomen lähetystö Moskovassa Ulkoasiainministeriölle, 30.11.1930.

21 июня 1933 г. финский посланник в СССР А. А. Юрьё-Коскинен сообщил главе МИД об ответе, полученном им от заместителя наркома НКВД Б. С. Стомонякова на свой неофициальный запрос относительно помилования Фабрициуса. НКВД было бы крайне затруднительно обращаться в ЦИК с просьбой о помиловании, поскольку на предпринятую год-полтора назад полпредом И. М. Майским попытку был получен отрицательный ответ. Тогда Майский увязывал помилование Фабрициуса с возможным помилованием в Финляндии одного из руководителей финской компартии Тайми. Проживающая в СССР жена Фабрициуса несколько раз уже обращалась с просьбой о помиловании на имя председателя ЦИК М. И. Калинина. Когда посланник заикнулся о том, что в январе в Финляндии был помилован коммунист Тенхунен, Стомоняков ответил, что эти два дела сравнивать нельзя, советская сторона готова помиловать Фабрициуса только в обмен на помилование Тайми⁵⁵. В начале июля 1933 г. на имя Эско Риекки поступил запрос из МИД Финляндии относительно возможного помилования, содержащегося под стражей в СССР Свена Фабрициуса. Глава сыскной полиции ответил, что Фабрициус представляет собой совершенно деградировавшую личность, его невозможно сравнивать с вождем финских коммунистов Тайми по значимости. Он тайно бежал в 1928 г. в СССР и, в силу этого, по мнению сыскной полиции, у властей Финляндии нет никаких причин предпринимать какие-либо действия для его возвращения в Финляндию⁵⁶.

Из Выборгского отдела сыскной полиции 5 марта 1935 г. в Хельсинки поступило сообщение относительно сидевшего в советском лагере Свена Фабрициуса. Посылка сообщения была продиктована получением не подлежащих достоверной проверке сведений о возможной вербовке ОГПУ агентов в Финляндии, так как Свен Фабрициус, как предполагалось, мог дать ГПУ советы и инструкции, основанные на его широком круге знакомств. В качестве ответной платы его родителям было предоставлено право посылать ему в Советскую Россию через полпредство письма и пакеты⁵⁷. Где завершились мытарства неудачливого авантюриста — неизвестно.

References

- Agafon Faberže v krasnom Petrograde / Avt.-sost.: A. I. Rupasov, V. V. Skurlov, T. F. Faberže, S. K. Bernev. SPb.: Liki Rossii, 2012.
- Hietaniemi T.* Lain vartiassa: poliisi Suomen politiikassa 1917–1948. Helsinki, 1992. Kansallisarkisto, Helsinki. Valpo-1. 905.
- Lackman M.* Esko Rieki — jääkäriväriväri, Etsivän Keskuspoliisin päällikkö, SS-pataljoonan luoja. Helsinki, 2007.

⁵⁵ КА. Valpo-1. 905. А. А. Юрьё-Коскинен Ulkoasiainministeriölle, 21.6.1933. Речь идет об А. П. Тайми, осужденном в Финляндии на 15 лет. В 1940 г. был освобожден. В 1940–1947 гг. был заместителем председателя СНК Карело-Финской ССР.

⁵⁶ КА. Valpo-1. 905. E. Rieki Ulkoasiainministeriölle, 8.7.1933.

⁵⁷ КА. Valpo-1. 905. Etsivän keskuspoliisin urin osasto Etsivän keskuspoliisin päällikölle, 5.3.1935.

Список литературы

- Агафон Фаберже в красном Петрограде / Авт.-сост.: А. И. Рупасов, В. В. Скурлов, Т. Ф. Фаберже, С. К. Бернев. СПб.: Лики России, 2012.
- Hietaniemi T.* Lain vartiassa: poliisi Suomen politiikassa 1917–1948. Helsinki, 1992. Kansallisarkisto, Helsinki. Valpo-1. 905.
- Lackman M.* Esko Rieki — jääkäriväriväri, Etsivän Keskuspoliisin päällikkö, SS-pataljoonan luoja. Helsinki, 2007.

С. А. Исаев

Взгляд из лагеря Наполеона во время Русского похода 1812 г.

Рецензия: *Сегюр Ф. де. Наполеон и Великая Армия во время войны 1812 года / Пер. с франц. Д. Соловьёва; под ред. С. Искюля. СПб.: Петрополис, 2014. 488 с.*

Российский читатель получил наконец полностью, без купюр переведенный текст одной из самых ранних работ по истории Отечественной войны 1812 г. Это отнюдь не рядовое событие в истории российского книгоиздания! Как авторитетно свидетельствует в своем предисловии к этой публикации государственный герольдмейстер Г. В. Вилинбахов, «в мемуаристике 1812 г. еще не было случая, чтобы воспоминания современника и французского участника войны переводились по-русски целиком, без текстуальных изъятий» (с. III).

Граф Филипп-Поль де Сегюр (Ségur, Philippe-Paul, comte de, 1780–1873) впервые опубликовал эту книгу в Париже в начале декабря 1824 г. Сегюр принадлежал к известному во Франции аристократическому роду. Он вырос в семье, которая не эмигрировала и смогла пережить все невзгоды и опасности Великой революции. Через три месяца после переворота 18 брюмера, в феврале 1800 г., Сегюр поступил на военную службу и в ходе непрерывных войн быстро и достойно сделал карьеру. Участвуя в боевых действиях, Сегюр в декабре 1806 г. был ранен двумя ударами казацкой пики, попал в русский плен и в 1807 г. впервые, поневоле — в качестве пленного — побывал в Москве. В конце 1809 г. Сегюр был пожалован в графы Империи, некоторое время

состоял на дипломатической службе, посетил Вену и Санкт-Петербург. Затем вернулся в армию: 22 февраля 1812 г. ему был присвоен чин бригадного генерала. В должности квартирмейстера при Главной квартире императора Наполеона Филипп Сегюр участвовал в русском походе. Поскольку взятие французов на измор было стратегией Кутузова, Сегюр в силу исполняемой должности был в деталях осведомлен о том, какие беды она причиняла воинству Наполеона. После отступления из России, в 1813–1814 гг., он храбро воевал, был еще дважды ранен: штыком и пулей. Сегюр ухитрился, продолжив военную службу при Первой Реставрации и перейдя на сторону Наполеона в период Ста Дней, вернуться на службу при Второй Реставрации и всё еще служить на протяжении всего правления Луи-Филиппа, так что окончательно уволен в отставку он был только Временным правительством II Республики — 12 апреля 1848 г.

Историография любого значительного исторического события обычно плавно вырастает из публицистики, современной этому событию, и из мемуаров, появившихся, пока память участников и очевидцев о происшедшем еще была свежа. В XX в. такой органичный процесс имел место далеко не всегда и не всюду: в СССР и КНР правящие режимы весьма пристально контролировали, подвергали цензуре и пытались направлять усилия мемуаристов. Но XIX в. был еще весьма благополучен в этом отношении. В книге Сегюра личные впечатления о войне в России 1812 г. сложно сочетаются с разнообразными сведениями иного происхождения. У него была возможность выверить хронологию событий по газетам и по опубликованным документам, уточнить детали у участников, и видно, что возможностями такими Сегюр широко пользовался. Богатый и разнообразный жизненный опыт, какой был у него за душой к началу кампании 1812 г., позволил Сегюру накопить за пять месяцев сражений в России весомый запас впечатлений и наблюдений, а несомненный литературный талант — изложить их так, что его с большим интересом читал Л. Н. Толстой, а теперь с интересом — может быть, с меньшим — читаем мы.

Важное достоинство издания — сопровождающий текст Сегюра развернутый комментарий доктора исторических наук Сергея Николаевича Искюля. Этот видный историк занимается изучением наполеоновской эпохи в Европе с конца 1970-х гг. и привлекает для комментария не только многочисленные французские документальные публикации и монографии, но и неопубликованные материалы Национального архива Франции¹.

Комментарий С. Н. Искюля помогает читателю сориентироваться в деталях исторической обстановки и даже позволяет ему самому сопоставить наблюдения и суждения Сегюра с наблюдениями и суждениями его оппонента, также

¹ В комментариях, касающихся деталей «народной войны» в пределах Калужской губернии, а также в справках географического характера можно было бы также использовать новые публикации калужского историка Виталия Анатольевича Бессонова: *Бессонов В. А. Партизанская, народная или «малая» война в 1812 году: представления современников и оценки историков // Российская история. 2012. № 6. С. 81–92.*

приближенного к Наполеону лица: Гаспара де Гурго (Gourgaud, Gaspard de, 1783–1852). Гурго провел русский поход на гораздо более опасных участках, чем Сегюр, которого он, судя по всему, от души презирал. Гурго расценил книгу Сегюра как унижение памяти Наполеона и оскорбление деяний Великой Армии. 15 июля 1825 г. между двумя соратниками Наполеона даже состоялась дуэль. Ни точное ее место, ни оружие, примененное соперниками, неизвестны, известно только, что каждый соперник нанес другому ранение и что дуэль эта была прервана появлением полиции.

Сочинение Сегюра начинается сравнительно краткой предысторией Русского похода (гл. 1–3). Описание собственно войны 1812 г. открывает 4-я глава. Завершается оно 11-й главой, где повествование доведено до отъезда Наполеона из армии в Париж. В заключительной, 12-й главе речь идет об отступлении остатков Великой Армии из Литвы в Польшу. Там же автор делится с читателем историософскими размышлениями.

В «предысторических» главах Сегюр пытается проанализировать причины, побудившие Наполеона начать вторжение в Россию. Сегюр считал русский поход частью борьбы Наполеона с Великобританией. Заставив Россию в 1807 г. в Тильзите присоединиться к континентальной блокаде (с. 31), Наполеон не мог добиться лояльного и эффективного отказа России от торговли с Великобританией. Впрочем, в Заключении Сегюр называет целью похода «отторжение Польши от России» (с. 329). Похоже, он считал своим долгом «ориентировать» читателя в этом вопросе, но сам не очень-то интересовался им и не особенно заботился о приведении своих высказываний к единому знаменателю. Сейчас, когда историки располагают внушительными массивами опубликованных дипломатических документов по периоду 1807–1812 гг., к рассуждениям и предположениям Сегюра может быть много претензий. Но едва ли есть смысл формулировать их здесь или в ином месте. Гораздо полезнее принять текст Сегюра как свидетельство о том, что именно было известно об этом информированным участникам тех событий во Франции в 1820-х гг.

Вторжение, начавшееся на Немане в июне 1812 г., Сегюр описывает эпично и сдержанно, как бы не решаясь отвлечься от того, что произошло после оставления французами Москвы и считая своим долгом указать, что можно было бы сделать, пока французы находились в Витебске и еще не вступили в бой за Смоленск, чтобы отступление не оказалось столь катастрофичным. Лаконично, но впечатляюще он характеризует важнейшую черту войны 1812 г.: «Император видел, как с уходящим народом от него ускользает одно из сильнейших средств завоевания» (с. 136).

Ни книга Сегюра, ни комментарий не содержат решающих аргументов в вековечном споре о том, чьей победой и чьим поражением была Бородинская битва. Очевидно, ответ на этот вопрос зависит от того, какие цели предполагать у каждой из сторон. Конечно, русские воины хотели отстоять Москву, но вполне вероятно, что Кутузов изначально преследовал более

прозаическую цель: нанести захватчикам как можно больший урон вдали от Франции.

С. Н. Искуль в своих комментариях сообщает то, что было лишь отчасти известно Сегюру, но что важно знать читателю для понимания происходящего. А именно: Наполеон ни при каких обстоятельствах не намеревался отменять в России крепостное право и становиться «королем Жакерии». Однако российская дворянская элита упорно его в этом подозревала и испытывала тревогу, переходящую, по словам С. Н. Искуля, в панику. «Эта паника продержалась до конца и продиктовала дворянству два важных решения, роковых для французов: оставление Москвы и нежелание заключить мир» (с. 408). Пожар Москвы в книге Сегюра показан как результат действий поджигателей, получивших приказ от графа Ростопчина, и комментатор подкрепляет этот взгляд авторитетными свидетельствами (с. 430).

Сегюр и Гурго наиболее ожесточенно спорили о том, как вели себя французские солдаты в России: всех беззастенчиво грабили или же вели себя учтиво. Книга Сегюра содержит немало свидетельств грабежей. Комментатор осторожно замечает: «Следует, по-видимому, согласиться скорее не с Сегюром, а с его оппонентом... Находясь в Москве, французские военные вели себя большей частью благородно и участливо по отношению к мирным жителям, которым нередко помогали, делились необходимо нужным в жизненных потребностях и спасали от верной смерти, но и ухаживали за ними там, где они лежали вместе с французскими солдатами» (с. 435). Думаю, что в этом случае у комментатора есть все резоны избегать категоричности. Ни Сегюр, ни Гурго не видели полной картины происходившего по всему театру военных действий. Естественно, у каждого были свои наблюдения, и для составления суммарной характеристики нужно собрать сведения на этот счет из всех сохранившихся свидетельств. Это, насколько мне известно, до сих пор не сделано. И теперь уже вряд ли будет сделано, потому что много с тех пор произошло других, более грандиозных событий, в которые поневоле были втянуты многие тысячи людей. И даже когда речь идет о характеристике условий жизни в ГУЛАГе, бывшие узники иной раз ожесточенно спорят об этом между собой (В. Т. Шаламов — с А. И. Солженицыным, и др.)

Сегюр испытывает сильнейшее раздражение, наблюдая у русских сочетание фанатической ненависти к завоевателям в народе — и расчета, холодного до точки замерзания, у руководства. «Кутузов похвалялся своими короткими переходами, отдыхом для солдат каждые три дня и всегда останавливался, как только кончались запасы хлеба и водки. Он ставил себе в заслугу, что после Вязьмы сопровождал французскую армию, как пленницу, и сразу же наказывал ее, если она останавливалась или пыталась сойти с большой дороги. И Наполеон помогал ему в этом. Зачем покупать у фортуны то, что она и так отдает даром? Ведь конец Бонапарта уже неотвратим. Сей метеор погаснет в болотах Березины,

окруженный тремя русскими армиями. А его роль как командующего заключается в том, чтобы препроводить туда Наполеона умирающим и безоружным» (с. 260). У Сегюра, сохранившего старомодное, рыцарское отношение к войне, такое поведение вызывало примерно такую же оторопь, как у русских — когда англичанин привязывал русского крестьянина ниткой в качестве наказания (рассказ Н. С. Лескова «Язвительный»), или харакири, которое, бывало, делали себе японцы в 1904–1905 гг., чтобы не сдаваться в плен. С такой страной и с таким народом всякая война будет «не той» войной! На войне люди следуют иным законам, недели во время мира, но обычно они есть и обоим противникам известны. Однако в отношениях с таким странным противником не действуют даже они. И Сегюр отводит душу: «Было бы достаточно одного русского корпуса, дабы покончить с Неем, но все боялись решительных действий, оставаясь в рабском своем состоянии и не имея других побуждений, кроме привычки повиноваться. Дисциплина, прославившая русских при отступлении, опозорила их, когда надо было преследовать неприятеля» (с. 271). Так смело и определенно Сегюр решает за противника, как он должен был воевать — с Наполеоном и с ним, Сегюром.

В заключительных размышлениях Сегюр излагает свою философию истории. Она незамысловата. В основе ее лежат идеи Монтескьё. «Звезда Севера затмила звезду Наполеона. Означает ли сие, что Юг обречен на победу Севера, и ужасающий исход нашего вторжения есть явное тому доказательство?» (с. 328) — «Нет никакого сомнения, что род человеческий не идет по сему пути. Напротив, он стремится на Юг, оборачиваясь спиной к Северу» (с. 328). Глубинный смысл русского похода Сегюр по прошествии 12 лет видит в «устройстве нового оплота противу возможного вторжения» (с. 329), — должно быть, именно такой оплот впоследствии назвали «санитарный кордон». Сегюр уверен, что Наполеон был личностью достаточно крупной, чтобы реализовать эту большую и полезную, хотя и не великую задачу. Но, увы, Наполеон понимал свою задачу не так, и в результате русские вошли во Францию. И даже в семью самого Сегюра: старший сын — граф Анри Раймон де Сегюр — в 1819 г. женился на дочери графа Федора Васильевича Ростопчина — Софье Федоровне.

В книге Сегюра практически отсутствуют соображения из области стратегии, которые так любят военные историки. И новые работы В. М. Безотосного, и даже старые труды Л. Г. Бескровного дадут заинтересованному читателю гораздо больше по этой части, чем Сегюр. Зато сочинение Сегюра изобилует деталями, какие редко попадают в монографии историков. Вот он рассказывает о французском солдате, которому в ходе Бородинского сражения ядро перебило обе ноги. «Его не заметили среди наваленных трупов. Сначала он угнездился в развороченном животе лошади, потом скатился на дно оврага и пятнадцать дней поддерживал свое угасающее существование грязной водой и плотью мертвых тел. По словам людей, нашедших сего несчастного, все-таки его удалось спасти» (с. 229). Сегюр упоминает о том, что для перевязки раненых в Смолен-

ском сражении французские медики использовали необычный материал, однако комментатор сказал об этом лучше: «В Смоленске — к счастью для раненых, но к несчастью для историков — значительная часть архивов не была вывезена, поэтому бумага и пергаментные листы нередко использовались хирургами Великой Армии на различные нужды, в том числе и при перевязке ран» (с. 408). Или еще: «Во время марша Мортье произошел весьма примечательный случай, когда ядро попало в лошадь и разорвало ее на куски, совершенно не повредив всадника, который продолжал путь, но уже в пешем строю» (с. 263). А вот Сегюр описывает резкий спор между Даву и Мюратом: «Император слушал их, играя с русским ядром, которое он подталкивал носком сапога. Похоже, в сих раздорах его соратников было нечто, его отнюдь не смущавшее. Их неприязнь он относил на счет рвения, понимая, что из всех страстей самая сильная — это жажда славы, и ему нравился нетерпеливый пыл Мюрата» (с. 147).

Перевод выполнен на высоком уровне, как обычно и бывает, когда переводчик владеет не только языком, но и предметом. Однако переводчик Д. В. Соловьёв попытался осуществить еще и стилизацию текста русского перевода под первую половину XIX в. В основном стилизация эта достигается употреблением «поелику» вместо «поскольку» — пожалуй, раздражающе частым. Или еще так: «Особливую стойкость при обороне взятого редута выказал испанский полк» (с. 154). О принце Эжене (Евгении Богарне) и его людях под Красным, 15 ноября, сказано: «Нечувствительно (т.е. сами того не заметив. — С.И.) они отделились от своего отряда» (с. 256). О положении в Вильно в декабре: «Никто из начальников не решился раздавать сии припасы всем приходившим. Администраторы боялись ответственности и эксцессов при распределении» (с. 309). Здесь соседство слов «сии» и «эксцессов» создает диссонанс: последнее слово уверенно вошло в русский язык только в начале XX в. Думаю, что в такой стилизации необходимости не было, хотя и серьезных проблем для понимания она не создает. Переводчик, кроме того, оставил во французской графике те нефранцузские топонимы (в числе последних — названия, по-видимому, исчезнувших русских деревень) и собственные имена, для которых нет общепринятой русской передачи: например Pchebendowski — полковник К. Пшебендовский (с. 275). Это решение можно считать весьма разумным.

Когда в комментариях фигурирует топонимика Остзейских провинций, Литвы и Восточной Пруссии, где практически любому объекту присвоены названия на нескольких языках, комментатор обычно дает только немецкое название, без «привязки» к тому, которое можно найти на картах, издаваемых в наше время. Тильзит, Тельши, Шавли, Эккава, без указания, что это Советск, Тельшай, Шяуляй, Иецава (с. 464–465). Лет двадцать назад это, может быть, и следовало бы считать недостатком, однако сейчас любой читатель сможет найти соответствующие сведения в Интернете.

Сегюр замечает, что Наполеон иногда вел себя гораздо более апатично, чем, казалось бы, требовала ситуация: самый известный такой случай — Бородинское

сражение. Сегюр объяснял это приступами болезни, которую однажды в примечании называет: дизурия. Комментатор возражает: «Наполеон дизурией не страдал» (с. 160). Читатель может подумать, будто Сегюр вообще ошибался, предполагая у Наполеона это или похожее заболевание. Однако знаменитый российский генетик, специально и пристально изучавший болезни Наполеона и других великих людей, пишет: «Достоверно, что у него были постоянные затруднения с мочеиспусканием. Достоверно, что при вскрытии у него в мочевом пузыре были найдены камни и песок... Хотя в некоторых источниках прямо утверждалось, что он страдал “мочекислым диатезом”, нам не удалось найти этому подтверждения»². То есть все-таки страдал болезнью, связанной с нарушением мочеиспускания. Неудивительно, что Сегюр диагностировал ее неверно, коль скоро ее до сих пор не могут точно определить даже профессионалы по медицинской части.

Книга призвана открыть новую мемуарную серию «Французы в России». Можно поздравить всех, кто имел отношение к изданию воспоминаний Ф. де Сегюра, с удачным дебютом. Будем надеяться, что за ним последует достойное продолжение.

References

Bessonov V. A. Partizanskaâ, narodnaâ ili «malaâ» vojna v 1812 godu: predstavleniâ sovremennikov i ocenki istorikov // Rossijskaâ istoriâ. 2012. № 6. S. 81–92.

Ëfroimson V. P. Genial'nost' i genetika. M., 1998.

Список литературы

Бессонов В. А. Партизанская, народная или «малая» война в 1812 году: представления современников и оценки историков // Российская история. 2012. № 6. С. 81–92.

Эфроимсон В. П. Гениальность и генетика. М., 1998.

Аннотации

Беспятых Ю. Н. Еще раз о грамотности А. Д. Меншикова

В завершение полемики по поводу грамотности светлейшего князя приведены наблюдения о том, какие тексты, кому и при каких обстоятельствах он публично зачитывал вслух. Показаны два десятка документов, вошедших в тома III–VII «Полного собрания законов Российской империи с 1649 года», а также опубликованные в других изданиях. Среди них 16-страничный царский Манифест от 5 марта 1718 г. о бывшей царице Евдокии (Авдотье) Федоровне Лопухиной и написанная архиепископом Феофаном Прокоповичем приветственная речь, которую 10 октября 1717 г. по случаю возвращения царя из второго длительного заграничного путешествия А. Д. Меншиков огласил от имени трехлетнего царевича Петра Петровича. То был текст с выраженными грамматическими и лексическими особенностями, присущими церковнославянскому языку. Миряне на нем никогда не говорили и не писали.

Ключевые слова: А. Д. Меншиков, грамотность, законы, манифест, приветственная речь.

Вовина-Лебедева В. Г. Древнерусский семинар

С осени 2015 г. начал работу Древнерусский семинар, который организуют совместно Санкт-Петербургский институт истории РАН и Институт истории Санкт-Петербургского университета. Цель семинара — объединить усилия исследователей разных институтов и разных специальностей, занимающихся допетровской Русью, а также привлечь к обсуждению различных научных проблем в этой сфере молодых исследователей — студентов и аспирантов.

Ключевые слова: Древнерусский семинар, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский университет.

² *Эфроимсон В. П.* Гениальность и генетика. М., 1998. С. 53–54.

**Гинев В. Н. Из жизни ЛОИИ 1980-х гг.:
«Библиотека революционных мемуаров».
Идея и воплощение**

Являясь ответственным составителем двенадцатитомной «Библиотеки революционных мемуаров», которую в 1980-х гг. выпустило издательство ленинградского областного комитета КПСС — Лениздат, автор повествует об истории возникновения и осуществления идеи «Библиотеки», об ее принципах, об отношениях с составителями отдельных томов, редакторами и партийными функционерами. Перед читателем вырисовывается колоритная обстановка, в которой приходилось работать историкам в последнее десятилетие действия 6-й статьи конституции СССР о руководящей роли КПСС в советском государстве и обществе. Статья написана на основе документов из личного архива автора.

Ключевые слова: библиотека революционных мемуаров, Лениздат, ответственный составитель, редакторы, советский колорит.

**Гончарова Е. В. Изучение дворянских владений
Псковской губернии по материалам межевания
последней четверти XVIII в.**

Изученные межевые планы, представленные копиями первой половины XIX в. с оригинала конца XVIII в., и межевые книги хранятся в фонде 14 «Псковского губернского землемера» Государственного архива Псковской области. Удалось проанализировать сведения о 153 дачах, которые принадлежали 172 помещикам Псковской губернии. Межевые книги и планы дач содержат распространенную характеристику земельного участка, указания на смежные владения, а также данные о времени проведения межевания. Описанные дачи значительно отличались по составу поселений. Упоминаются сельцо (с деревнями или пустошами), деревни, деревни с пустошами и пустоши. Наличие в даче только деревень говорит об отсутствии господского дома и соответственно барской запашки в ней. Это позволило определить количество десятин пашни на одного крестьянина мужского пола. Средний надел пахотной земли в разных владениях варьировался от 0,5 до 7,6 десятин. Основную часть владений псковских помещиков последней четверти XVIII в. занимали лес и пашня. Дачи значительно отличались по размерам, принадлежали одному лицу или находились в совладении.

Ключевые слова: межевание, межевые планы, межевые книги, помещики, владения, деревня, пустоши, угодья, пашня, лес, надел.

**Дубенцов Б. Б. «Неудавшийся юбиляр»:
Десятилетие манифеста 17 октября 1905 г.
в освещении русской печати**

В статье дан обзор публикаций о юбилее манифеста 17 октября 1905 г., помещенных на страницах подавляющего большинства ведущих органов российской прессы в 1915 г. В условиях военной цензуры читающей публике был представлен довольно ограниченный набор конкурирующих позиций. К тому же далеко не все они были выражены полностью. Крайне правые издания использовали возможность еще раз обозначить свою реакционность — значение манифеста отрицалось, провозглашенные им и в силу его осуществленные перемены в государственном строе объявлялись несостоятельными. Позиция ультраконсерваторов не нашла себе сколько-нибудь развернутого выражения. Зато широкий фронт прогрессивных, реформистски ориентированных изданий от меньшевиков на левом фланге и до редакции «Нового времени» на правом, использовал юбилей для акцентирования политических устремлений и настроений главным образом цензурной общественности, склонной именовать себя «обществом». Говорившие от ее имени и к ней обращавшиеся органы печати были единодушны в признании как выдающегося значения манифеста, так и факта незавершенности обещанных в нем реформ, который, впрочем, не отрицался и правой прессой.

Упоминания о принадлежности манифеста «будущему» лежали в русле старой тактики «уговаривания власти» не отказываться от движения по пути реформ. Вместе с тем прогрессивная пресса демонстрацией разочарования по поводу забвения манифеста раскрывала несоответствие форматов государственного бытия как социальным запросам, так и нуждам войны, для удовлетворения которых было необходимо партнерство страны и государства. В статьях, посвященных юбилею манифеста, напоминалось всем то, что адресовалось прежде всего правящим кругам: они не исполнили своих обещаний, хотя требовали мобилизации от общества, которое голосом подцензурной прессы еще не выражало готовности к сопротивлению, открыто не выдвигало необратимых политических требований, но, подтверждая принятие власти, проявляло верность прежним ожиданиям политических перемен. Умеренные сторонники реформ предпочитали убедить себя и своих единомышленников в том, что стратегия, избранная властью, была непоследовательной, но зато не была ошибочной. Отсутствие сколько-нибудь заметных откликов на юбилейную дату в широких общественных слоях и даже в среде общественно-политических деятелей (партийных, земских, городских), отмеченное в прессе, с полным основанием можно расценивать как свидетельство неадекватного воспроизведения подцензурной печатью общественных настроений и в первую очередь переоценки его степени консолидации российского общества.

Ключевые слова: Манифест 17 октября 1905 г., пресса, периодическая печать, цензурная общественность, правящие верхи, Государственная Дума, реформы.

Евдокимов А. В. К вопросу о криминальной составляющей доходов В. А. Сухомлинова

Статья посвящена проблеме взяточничества генерала В. А. Сухомлинова. Данная проблема является одним из важных аспектов в изучении «дела Сухомлинова». По официальной версии, бывший военный министр Сухомлинов обвинялся в шпионаже и ошибках в управлении снабжением армии, что вызвало снарядный кризис и способствовало поражению русской армии на фронтах войны. Целью данной статьи является изучение источников доходов и расходов генерала Сухомлинова за 1908–1915 гг., а также источников данных о взяточничестве генерала. Данная проблема получила отражение в историографии, однако до сих пор остается недостаточно изученной. Ее решение позволяет понять логику противников Сухомлинова, которые использовали ее для дискредитации верховной власти в России в годы Первой мировой войны. В результате анализа данной проблемы автор пришел к выводу, что противозаконных и преступных источников денежных средств генерал не имел. При пересчете сумма дохода Сухомлинова увеличилась, но источники ее происхождения были точно установлены. Обвинения во взятках от русских и иностранных предприятий не подтверждаются, так как не имеют проверяемой фактической основы. Автор анонимных доносов кн. Андроников и его информатор Н. И. Червинская ставили цель отомстить Сухомлинову и его жене за прекращение доступа в их дом. Однако идея о взяточничестве генерала оказалась выгодной для общественной контрэлиты и противников Сухомлинова внутри элиты. Они успешно воспользовались этим не только в борьбе с военным министром, но и — с помощью «дела Сухомлинова» — с самодержавием и лично императором Николаем II.

Ключевые слова: взяточничество, В. А. Сухомлинов, Николай II, Первая мировая война, донос, князь Андроников, Н. И. Червинская, Е. В. Сухомлинова, И. Н. Урбанский, М. Ф. Кюнье.

Касатов А. А. Жесты и письменное слово в баронии Грама середины XIV в. (по материалам НИА СПб ИИ РАН)

Предметом настоящей статьи является ранее неизвестный документ из коллекции академика Н. П. Лихачева, хранящийся в НИА СПб ИИ РАН, и составленный на территории баронии Грама (историческая область Керси, епархия Кагор) в период Столетней войны. Особенностью документа, впрочем, свойственной целому ряду итальянских документов из коллекции Н. П. Лихачева, является то, что, по сути, исследователь имеет дело с двумя грамотами, написанными на одном листе пергамента. Последнее обстоятельство легко объяснимо, поскольку обе грамоты были адресованы одному человеку, Жану д'Эгрефёй, барону Грама, и составлены одним человеком — нотариусом Раймундом. Документы подобного рода можно найти и в итальянской части коллек-

ции Н. П. Лихачева. Документы оформляли процедуру оммажа, который приносили держатели Жану, поскольку незадолго перед этим он становится новым сеньором Грама. Процедуры описаны довольно подробно и имеют общие черты, отличаясь в деталях. В одном случае сеньор сидел, а вассал преклонил колени, в другом случае сеньор продолжал сидеть, но вассал остался стоять. При этом если в первом документе прямо сказано о процедуре вложения (похлопывании) рук вассала в руки сеньора и поцелуе (так называемом *osculum pacis*), то в другом о руках речь не идет вообще, хотя поцелуй и присутствует. При этом оба действия завершаются процедурой инвеституры.

Наряду с отраженной в документе древней практикой вассалитета он содержит обстоятельное описание всех этапов составления документа нотариусом. Сам институт нотариата в этом регионе имел давние традиции, насчитывая более полутора столетий, если не больше. Нотарий назван публичным (*publicus*). Смысл этого определения остается не до конца ясным, но можно предположить, что он представлял местную коммуну, от которой и получил права на ведение дел как нотариус. Впрочем, с таким же успехом он мог получить инвеституру и от императора или папы. Почти наверняка он был человеком духовного звания, будучи названным в документе клириком (*clericus*), и мог иметь университетское образование. Тем самым в одном документе встретились две традиции, которые имели разные истоки и природу, но в XIV в. с ростом письменной культуры и развитием бюрократических институтов более древний оммаж оказался втянут в орбиту документального удостоверения такого рода актов. Впрочем, известно, что на страницах документов описание процедуры оммажа встречается и ранее. Однако здесь, как нам представляется, акт оммажа, относившийся к сфере частного права, приобретает публичный характер через нотариальное удостоверение. Всё это свидетельствует о постепенной трансформации типично феодальных институтов, потребность в которых, однако, ощущалась во французском обществе рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Грама, нотариат, оммаж, феодализм, история институтов, вассалитет, свободный феод, архив, дипломатика, коллекционирование, Лихачев, Жан д'Эгрефёй.

Кедров Н. Г. Сталинская историографическая модель осмысления коллективизации российского крестьянства

Статья посвящена генезису темы коллективизации в российской аграрной историографии. В силу особенностей советского политического режима деятельное участие в формировании этого историографического сюжета принял И. В. Сталин, одновременно являвшийся участником событий. Автор рассматривает многочисленные официальные сталинские тексты и выявляет основные характерные черты, присущие сталинской концепции коллективизации (субъектный характер, рассмотрение коллективизации как конфликта власти

и крестьянства, управляемый характер исторического движения, оценка результатов по шкале достижений и неудач). Эти концептуальные подходы затем были взяты на вооружение советскими историками. По мнению автора, подходы, заложенные Сталиным, продолжают существовать по сей день, несмотря на несколько предпринятых историками попыток концептуальной ревизии темы.

Ключевые слова: аграрная историография, коллективизация, И. В. Сталин, советская историческая наука, «великий перелом», «революция сверху», официальные тексты, история советской деревни.

Кукушкин В. Е. У истоков канадского православия: украинская иммиграция конца XIX — начала XX в. и возникновение первых православных приходов в западной Канаде

В статье рассматривается начальный этап деятельности Русской православной церкви в западной Канаде (современная провинция Альберта) в конце XIX — начале XX в. в контексте развития украинской иммиграции, а также сопровождавшее его соперничество с Греко-католической церковью. К середине 1900-х гг. Русской православной миссии в Канаде удалось добиться заметных успехов среди украинских иммигрантов, чему способствовали как подвижнические усилия первых миссионеров, так и слабость Греко-католической церкви, не имевшей столь давних корней и собственной церковной администрации в Северной Америке. Количество прихожан на обслуживаемой миссией территории достигло более 4800 человек, действовало свыше десятка церквей и часовен. Однако в первое десятилетие существования миссии обозначились и ее главные проблемы — нехватка опытного духовенства, знающего язык и обычаи канадских прихожан, шаткость финансового положения приходов и усиливавшаяся конкуренция со стороны других церквей.

Ключевые слова: Русская православная церковь, украинская иммиграция, Канада, Альберта, миссионерство, греко-католичество.

Куликов С. В. Назначение Алексея Хвостова управляющим МВД: предыстория и механизм

В статье рассматривается одно из важнейших событий политического процесса предреволюционной России — назначение министром внутренних дел Алексея Николаевича Хвостова, ставшего первым в истории Государственной Думы депутатом, назначенным на министерский пост. Традиционно в историографии это событие трактуется как следствие вмешательства в высшую кадровую политику так называемой камарильи, чьим ставленником якобы и являл-

ся Хвостов, хотя приведенный вывод не вытекает из анализа и сопоставления источников, а основан если не исключительно, то главным образом на слухах, явившихся порождением «черного пиара» начала XX в. По мнению автора, концентрация внимания именно на назначении Хвостова, представляющем собой знаковое событие, позволяет прийти к новым выводам о характере кризиса самодержавия накануне Февральской революции 1917 г. и о том, в какие конкретно формы он вылился. В статье анализируются на предмет их достоверности источники, способствовавшие закреплению в историографии традиционной версии о причинах назначения Хвостова, которое впервые рассматривается не как одномоментное событие, а как завершение длительного процесса, включающего в себя предысторию и механизм. В связи с этим особое внимание уделяется почти неизученной биографии Хвостова как государственного и общественного деятеля, его службе в прокурорском надзоре, на постах минского и тульского вице-губернаторов и вологодского и нижегородского губернаторов, наконец его деятельности в IV Государственной Думе. В центре внимания автора находится также идейная эволюция Хвостова от оппозиционного либерализма к охранительному либерализму, детерминировавшая особенности его карьеры, отличавшейся как типичностью, так и неординарностью: именно Хвостов Столыпин уже в 1911 г. намечал в свои преемники по должности министра внутренних дел. Получение Хвостовым этого поста в сентябре 1915 г. объяснялось не происками камарильи, а личным выбором Николая II, который тем самым учел обострение внутривосточной ситуации и рост германофобии в обществе. Камарилья в данном случае если и играла какую-либо роль, то исключительно пассивную, будучи тенью монарха, зеркальным отражением его политических планов. Назначение Хвостова выявило отмеченную закономерность наиболее рельефно.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел, прокурор, губернатор, император, камарилья, консервативный либерализм, Государственная Дума.

Лукина Н. В. Поэтесса, прошедшая ГУЛАГ

Член Московского союза поэтов Любовь Юльевна Зубова в 1930 г. случайно попала в Бутырскую тюрьму; в 1933 г. по ложному обвинению была арестована в Ленинграде, посажена в Кресты и потом на два года сослана в лагерь в Мордовию. О жизни в тюрьмах и ГУЛАГе узнаём из ее писем и на удивление оптимистичных стихов. Вернуться в родной город ей и уцелевшим членам ее семьи разрешили только через 25 лет. Но любовь к жизни не была утрачена, о чём свидетельствует эпиграф к статье — четверостишие, написанное Л. Ю. Зубовой в 86 лет. Фотографии поэтессы разных лет из семейного архива Н. В. Лукиной.

Ключевые слова: ГУЛАГ, Л. Ю. Зубова, Ленинград, Мордовия, тюрьма, ссылка.

Наумов Н. Н. «Книга императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке: автор и проблема жанра

В статье предпринят источниковедческий анализ малоизвестного в отечественной науке источника — «Книги императора Сигизмунда», составленной на средневерхненемецком языке в 1437–1440 гг. Рассмотрены две проблемы, относящиеся ко внутренней критике источника — личность автора и особенность жанра, в том числе в свете поднятого в литературе вопроса об их «ренессансном» характере. Автор «Книги» — Эберхард Виндеке, слуга Сигизмунда Люксембургского — происходил из обедневшего патрицианского рода имперского города Майнц. Зависть и неприязнь к существующему патрициату проявляется и в повествовании, и в непосредственных действиях Эберхарда. Благодарность к господину, обеспечившему его существование, обуславливает пристрастность автора к центральной фигуре «Книги». Тем не менее и в его эмоциональных оценках прослеживается своя внутренняя логика: Эберхард считал единство короля и князей высшей ценностью и осуждал ту сторону (иногда и Сигизмунда), которая, на его взгляд, делала недостаточно для борьбы с общими угрозами.

Первоначально «Книга» была задумана как посмертное жизнеописание Сигизмунда. Однако получившийся в итоге труд сочетает в себе черты биографии правителя, автобиографии самого автора и всемирной хроники — собрания разрозненных событий, показавшихся автору «достопамятными». Такая сложность жанра — результат нескольких причин. Во-первых, Виндеке — малоначитанный бюргер, а не ученый муж — не умел концентрироваться на предмете своего повествования. Во-вторых, «Книга» составлялась под диктовку Эберхарда и не получила окончательной правки. В-третьих, диктовавший Виндеке крайне желал поучить юношество и отвлекался на «назидательные» отступления.

Исследование показало, что неверно видеть в характере автора и его труде влияние Ренессанса. Гнетущее ощущение кризиса в церкви и Империи усиливалось в авторе религиозное сознание, ослабленное у гуманистов.

Ключевые слова: Эберхард Виндеке, Сигизмунд Люксембургский, XV в., источник, жанр, биография, автобиография, всемирная хроника, средневерхненемецкий язык, Ренессанс, Марко Датини.

Прямыцын В. Н. Невероятные приключения математика на фронте

Статья посвящена судьбе выдающегося советского математика, физика и метеоролога А. А. Фридмана. Ученый родился в Санкт-Петербурге и с раннего детства проявил склонность к точным наукам. Его первые серьезные научные работы датированы периодом юношества и студенчества. Блестяще окончив университет, А. А. Фридман был удостоен чести преподавать в пере-

довых учебных заведениях страны. В 1913 г. А. А. Фридман связал свою карьеру с метеорологической отраслью. Его работа в Аэрологической обсерватории и командировки для обмена опытом за рубеж обогатили отечественную науку новыми открытиями. С началом Первой мировой войны Россию охватил патриотический подъем, подавшись которому, молодой ученый пошел на фронт добровольцем. Участвуя в боевых действиях в составе Добровольческого авиационного отряда, он принимал участие в боевых вылетах для разведки и бомбометания. При этом ученый продолжал научную деятельность. Он разработал математический аппарат для повышения точности бомбометания. Применение расчетов А. А. Фридмана позволило повысить эффективность бомбардировок. После присвоения офицерского звания ученый преподавал в Военной школе летчиков-наблюдателей, а позже возглавлял Центральную аэрометеорологическую станцию. В этой должности А. А. Фридман занимался метеорологическим обеспечением боевых действий всей русской авиации, обучал специалистов, разрабатывал руководящие документы, проводил прикладные и фундаментальные исследования. Он приложил большие усилия к созданию первого в стране предприятия по производству авиационных метеорологических приборов, и в последние месяцы войны был назначен его директором. За отвагу, проявленную в боевых вылетах, и вклад, внесенный в обеспечение боевых действий авиации, А. А. Фридман был удостоен Георгиевского креста IV степени и ордена Святого Владимира IV степени, а также награжден золотым оружием. После окончания войны ученый сделал блестящую карьеру в советской науке и получил всемирную известность. Деятельность А. А. Фридмана нашла отражение в научной и популярной литературе. Однако широкой общественности по-прежнему неизвестно о его участии в Первой мировой войне. Между тем более детальное изучение биографии А. А. Фридмана могло бы послужить лучшим осмыслению феномена «ученого на войне».

Ключевые слова: А. А. Фридман, физика, математика, метеорология, университет, Первая мировая война, авиация, метеорологическое обеспечение, бомбардировка, обсерватория.

Пудов Г. А. О предметах из коллекции Н. П. Лихачева в Отделе народного искусства Русского музея

В статье проводится анализ произведений из бывшей коллекции Н. П. Лихачева, которые сегодня находятся в отделе народного искусства Русского музея. Архивные сведения, приводимые автором, дают представление об источниках пополнения Н. П. Лихачевым своей коллекции. Кроме того, автор сделал попытку ввести рассматриваемые предметы в общий контекст коллекционерской деятельности Н. П. Лихачева.

Ключевые слова: коллекция, палеография, собиратель, пряничные доски, прикладное искусство.

Раскин Д. И. Дневниковые записи А. А. Алелекова о событиях февраля 1917 г. в Петрограде

Публикуется несколько дневниковых записей Александра Алелекова, содержащих новую информацию о февральских событиях 1917 г. в Петрограде. Автор дневника был студентом Горного института. Он обстоятельно записывал то, чему являлся свидетелем в дни революции, в том числе имевшие хождение слухи.

Ключевые слова: Александр Алелеков, Февральская революция 1917 г. в России, Петроград, Горный институт.

Рудник С. Н. Всесословная воинская повинность, русское общество и грамотность новобранцев в России

В ряду военных реформ 1860–1870-х гг. в России особое место занимает введение всеобщей воинской повинности. Еще на стадии подготовки нового устава в обществе, а затем в специально созданной комиссии для разработки «Положения о воинской повинности» активно обсуждался вопрос о льготах для образованных призывников. Затем дискуссия была продолжена в образованном при Государственном Совете Особом присутствии о воинской повинности. Здесь министр просвещения граф Д. А. Толстой, защищая привилегии дворянства, выступил решительным противником многочисленных льгот, в частности для лиц, получивших высшее образование. Но в итоге по всем спорным пунктам восторжествовала точка зрения военного министерства во главе с Д. А. Милютиним. Новый устав давал преимущество образованным призывникам: им предоставлялась отсрочка от призыва для завершения образования, для новобранцев — сокращенные сроки действительной службы. Льготы предоставлялись в зависимости от типа учебных заведений, которые были разделены на четыре разряда. В статье показано, что устав и льготы давали еще один стимул для непривилегированных сословий России, прежде всего крестьян, сесть за парты и получить образование. Приведены благоприятные мнения крестьян о значении для них образования. Многие земства, крестьянские и городские общества жертвовали значительные суммы на открытие школ. В итоге если в 1874 г. только каждый пятый новобранец был грамотным, то через 20 лет они составляли уже более трети всех молодых солдат.

Ключевые слова: армия, всеобщая воинская повинность, военная реформа, устав, образование, льготы, общество, учебные заведения, земства.

Рупасов А. И. О зыбкости политических установок личности в эпоху хаоса. Свен Фабрициус

Первая мировая война и череда революций на завершающем ее этапе выявили немалое число людей с колоссальным потенциалом к действию. Высво-

божденная энергия не позволяет им найти успокоение даже после того, как период хаоса оказывается пройденным. К числу этих людей принадлежал Свен Фабрициус, отношения которого с финской контрразведкой и военной разведкой, с советским полпредством в Финляндии и ОГПУ нельзя не назвать уникальными. Документы Центральной сыскной полиции Финляндии и Объединенного государственного политического управления позволяют проследить жизненный путь этого человека, психология которого впитала в себя все противоречия эпохи.

Ключевые слова: Центральная сыскная полиция, Финляндия, разведка, ОГПУ, ГУЛАГ.

Сафонов М. М. «Молодая Екатерина» в отечественной историографии

Почти четверть века Екатерина II работала над своими автобиографическими записками. Они должны были увековечить ее образ в памяти потомков. Внезапная кончина сорвала этот замысел. Если бы государыня хотела остаться в памяти потомства такой, какой она описала себя в «Записках», она должна была уничтожить черновики и подготовительные материалы. Но императрица этого сделать не успела. После нее остались две редакции мемуаров. В каждой из них созданы два совершенно разных образа автора. Обе редакции отражают попытки мемуаристки скрыть свой истинный образ, ибо подлинная Екатерина II — это та женщина, которая создала эти опровергающие друг друга образы. К сожалению, никто из дореволюционных авторов не воспользовался в полной мере возможностью сопоставить оба образа, чтобы восстановить подлинный образ мемуаристки. Классическим в дореволюционной историографии стал образ, запечатленный во второй редакции. В советское время «Записками» Екатерины II как историческим памятником никто не занимался даже с целью пропагандистского разоблачения. Во время перестройки и в постперестроечные годы в России появился целый ряд не критических сочинений о Екатерине II, в которых в той или иной степени рассматривался вопрос о ее «Записках». Эти сочинения носили поверхностный характер и отличались откровенно панегирическим духом. И хотя по большей части они были написаны профессиональными учеными, эти труды больше напоминали научно-популярные сочинения, преследующие цель восстановить репутацию Екатерины II, незаслуженно опороченную в советское время. Тем не менее эти работы интересны с точки зрения того, какими путями развивалась отечественная историография в переломные моменты истории страны, действуя по принципу колебания маятника. Для всех этих перестроечных и постперестроечных трудов характерна почти слепая вера в достоверность мемуаров Екатерина как исторического источника и в абсолютную искренность мемуаристки. Более того, авторы этих панегирических сочинений убеждены в том, что мемуары императрицы носили чуть ли

не исповедальный характер. Исследования этих лет главным образом представляют собой пересказ второй редакции «Записок». При этом авторы этих дифирамбических трудов дополняют образ Екатерины, запечатленный во второй редакции, данными, почерпнутыми из первой редакции, что с научной точки зрения совершенно недопустимо. В результате биографы императрицы постсоветского времени не сумели увидеть в «молодой Екатерине» женщину, начавшую борьбу за власть с первого шага на русской земле.

Ключевые слова: Екатерина II, императрица Елизавета, «Записки», образ, Е. В. Анисимов, А. Б. Каменский, Н. И. Павленко, М. А. Рахматуллин, О. Н. Михайлов.

Свердлов М. Б. Академический анекдот как особый вид исторической памяти

Историческая память, коллективная и индивидуальная, в устной и письменной форме хранила достоверные сведения о событиях в прошлом, а также отношение в прошлом и настоящем к этим событиям. Особым видом исторической памяти являлся анекдот — рассказ о событии в прошлом. Его основное содержание — занимательность, а не достоверность. Поэтому в анекдотах существенное значение имели фольклорные клише. Объектом изучения в статье являются впервые публикуемые четыре анекдота, записанные Д. Н. Бантыш-Каменским (1788–1850) на полях страниц в книге Н. М. Карамзина «Пантеон российских авторов». Эти анекдоты он записал по памяти со слов отца Н. Н. Бантыш-Каменского на полях книги своей библиотеки и не предназначал для печати. Сюжеты анекдотов относились к Феофану Прокоповичу в правление Петра Великого, к императрицам Елизавете Петровне и Екатерине II, а также к М. В. Ломоносову. Поскольку Бантыш-Каменские принадлежали к знатному роду и к российским интеллектуалам, анекдоты выразили ироничное и скрытое критическое отношение такой среды к верховной власти, если ее носители того заслуживали, к двойственной жизни русских иерархов в петровское время. В таких анекдотах, хранивших историческую память о XVIII в., аналитично и критично сообщалось о конкретных людях высокого социального статуса. В то же время в такой интеллектуальной среде аристократического происхождения сохранялось уничижительное отношение к М. В. Ломоносову из-за его «плебейского» происхождения, хотя его бессмертие как ученого и поэта было для таких людей очевидно.

Ключевые слова: историческая память, анекдот, Д. Н. Бантыш-Каменский, Петр Великий, императрица Елизавета Петровна, Екатерина II, М. В. Ломоносов, интеллектуальное вольномыслие, аристократическая надменность.

Смирнова Д. Д. Послания новгородского архиепископа Феодосия: проблемы бытования и создания

В статье рассмотрены проблемы создания и бытования рукописного наследия архиепископа Феодосия (1491–1563 гг.), возглавлявшего Новгородскую епархию с 1542 по 1551 г. Отмечено, что эпистолярное наследие Феодосия относится к числу наиболее многочисленных и разнообразных по составу среди трудов новгородских архиепископов в XVI в. Проанализированы 30 текстов, принадлежащих Феодосию, сохранившихся в 15 рукописных сборниках, находящихся в хранилищах Санкт-Петербурга и Москвы. Основное внимание в работе уделено сборникам РНБ. Q.XVII.50, ГИМ. Епарх. № 416, ГИМ. Щук. № 465 и БАН. 16.17.29, содержащим основной комплекс текстов, принадлежащих Феодосию. Показаны различия двух собраний, выделенных в процессе анализа сборников: Евфимьевского (РНБ. Q.XVII.50), содержащего расширенные версии текстов Феодосия, и Формулярного (ГИМ. Щук. № 468, БАН. 16.17.29), включающего их краткие редакции. Продемонстрирован процесс формирования сборников, выполнен сравнительный анализ сохранившихся в них текстов Феодосия.

Представлена систематизация архива Феодосия по времени и месту написания, адресатам и тематике. Установлены лица, участвовавшие в переписке с Феодосием, среди которых представители духовенства и жители новгородской епархии, Иван IV, митрополит Макарий и др. Отмечено, что при написании посланий Феодосий умело применял актуальные для XVI в. литературные приемы. Для каждого из адресатов Феодосий находит особые слова, соответствующие с каждым конкретным случаем. Отмечено внимание Феодосия к вопросам государственной важности, таким как война с Казанью. В статье также затрагивается вопрос отношения Феодосия к московскому руководству, которое проявляется в текстах его посланий.

Ключевые слова: архиепископ Феодосий, XVI в., источниковедение, послания церковных иерархов, Новгород.

Хазиев Р. А. Александр I в судьбе России: англоязычная историография 1990–2000-х гг.

В статье анализируются попытки англоязычных исследователей рассмотреть роль Александра I в формировании европейской идентичности в период его нахождения на престоле в 1801–1825 гг. Изучение историографических источников, состоящих из резонансных книг и периодических изданий, вышедших с 1990 по 2014 г., наглядно демонстрирует, как современные англоязычные исследователи воспринимают Александра I — русским царем, являвшимся носителем западных ценностей, но в то же время близким культурным

и политическим традициям России. По мнению некоторых англоязычных исследователей, Александр I являлся необычайно проницательным политиком, предопределившим для России и Европы вступление в новый социально-экономический и политический миропорядок, исходя из философских идей, рождаемых повседневной жизнью. Особое внимание уделяется работам англоязычных исследователей, анализировавших европейскую политическую парадигму «Александр I против Наполеона», через которую российский монарх выразил свою многогранную государственную стратегию в контексте взаимоотношений России с Западом. В поле зрения попали также труды тех англоязычных исследователей, которые сконцентрировались на изучении трансформационных процессов «наведения мостов» между культурными, социальными, экономическими, политическими, интеллектуальными проявлениями, происходившими в Александровскую эпоху. Историографический анализ работ англоязычных авторов позволяет утверждать, что Александр I явился воплощением интеллектуального государственного деятеля, вобравшего в себя всё лучшее от эпохи Просвещения. Это нашло подтверждение в совершенствовании армии времени его правления, в его ведущей роли в борьбе против Наполеона и его противодействию наполеоновскому диктату, в пропаганде нового европейского порядка на Венском конгрессе и т.д. В целом в данной статье представлены работы современных англоязычных исследователей, пытающихся объяснить сложный период перехода России к национальным ценностям и идеалам, не потерявшим своей актуальности и в настоящее время.

Ключевые слова: Александр I, Александровская эпоха, англоязычная историография, зарубежное историческое руссиеведение, русскоязычные историографические источники.

Abstracts

Bespyatykh Yu. N. About A. D. Menshikov's literacy once again

In order to complete polemics concerning literacy of Prince A. D. Menshikov this article presents observations of both the texts publicly read aloud by him and the circumstances of these readings. Two tens of documents published in volumes III–VII of «The complete collection of laws of the Russian Empire since 1649» and also other published documents are shown. Among them there are the 16-page Tsar's Manifesto of March 5, 1718 on the former Tsaritsa Evdokia (Avdotya) Fiodorovna Lopukhina and the welcoming speech written by the archbishop Feofan Prokopovich on October 10, 1717 on the occasion of return of the Tsar from the second long foreign travel. A. D. Menshikov had read them on October 10, 1717 on behalf of the three-year-old Tsarevitch Pyotr Petrovich. The latter text was abundant in grammatical and lexical features inherent to Church Slavonic language which laymen never spoke and didn't write.

Key words: A. D. Menshikov, literacy, texts read aloud, laws, manifesto, welcoming speech.

Ginev V. N. LOII in 1980-s: «Library of revolutionary memoirs». The idea and the embodiment

Being the executive compiler of the 12-volume «Library of Revolutionary Memoirs» that was published in 1980s by «Lenizdat» — publishing house of C. P. S. U. Committee of Leningrad province — the author recounts the history of the rise and accomplishment of the Library's notion, its concept, his relations with compilers of separate volumes, editors and party functionaries. The reader sees in detail the picturesque conditions in which historians had to work during the last decade of existence of the 6th article of the Soviet Constitution that claimed the leading role of the C. P. S. U. in the Soviet state and society. The article is based on documents from the author's private archive.

Key words: «Library of Revolutionary Memoirs», «Lenizdat» publishing house, executive compiler, editors, picturesque soviet conditions.

Goncharova E. V. Noblemen's estates of the Pskov province: materials of the last quarter of the 18th century

This article is based on the examination of the delimitation plans presented by copies of the first half of the 19th century. The delimitation plans and plat books stored in the fund 14 «Pskov provincial land surveyor» of the Pskov State Archive date back to the end of the 18th century. The data about 153 estates which belonged to 172 landowners of the Pskov province were analyzed. Plat books and plans of estates contain diffuse characteristic of the land plot and indications about adjacent possessions, and also information concerning the date of land-surveying. The described properties considerably differed in structure of settlements. Sel'tso (with villages or wastelands), villages, villages with wastelands and wastelands were mentioned. When the estate was combined only by villages it presumes both absence of manor house and accordingly lack of landowner's tillage. It allowed defining quantity of dessiatinas of an arable land per one male peasant. The average plot of an arable land in different estates varied from 0.5 to 7.6 dessiatinas. The main part of domains of the Pskov landowners of the last quarter of the 18th century was occupied by the woods and arable land. Estates considerably differed by their size, belonged either to one person or were in joint possession.

Key words: surveying, delimitation plans, plat books, landowner, tenure, village, heathlands, wetlands, arable land, forest, land plot.

Dubentsov B. B. «The failed jubilee»: a representation of the tenth anniversary of the Manifesto October 17, 1905 in the Russian press

The article reviews the publications on the anniversary of the Manifesto October 17, 1905 presented by overwhelming majority of leading organs of the Russian press in 1915. Under conditions of military censorship the reading public was presented with a fairly limited set of competing positions. Besides, not all of them were expressed completely. The author claims that the right-wing publications used the opportunity to reiterate their reactionary – the value of the manifesto was denied, the changes in the state structure proclaimed in it and then put to practice due to its provisions were declared untenable. The position of ultraconservative circles didn't find any detailed expression. The article asserts that instead mass-media published by a broad front of progressive, reform-oriented circles from the Mensheviks in the left-wing and to the editorial board of «The New time» in the right used this anniversary to focus on political aspirations and sentiments of the public which tended to call itself «society». Speaking on its behalf and appealing to it these publications were unanimous in recognition of the outstanding values of the Manifesto and the fact of the incompleteness of the promised reforms, what, however, even the right press didn't deny.

Mentioning of the Manifesto affiliation with «future» lay in the course of the old tactics of «persuading the government» not to abandon its reformatory plans. However, the progressive press by demonstration of its frustration with the oblivion of the Manifesto revealed a discrepancy of state system with both social demands and the needs of war, what required partnership between the society and the power. The articles timed to the anniversary of the Manifesto reminded everyone, primarily the government: despite it didn't fulfill its promises, it required a mobilization of society, which by the censored press publications neither expressed readiness to resistance nor put forward irreversible political demands, but, accepting the authority of the regime, abided by previous expectations of political changes. Moderate supporters of the reforms would prefer to convince themselves and their associates that the strategy selected by the authorities was inconsistent but not erroneous. According to the author the lack of any significant response of broad social strata and even of political figures to the anniversary noted in the press can be regarded as evidence of inadequate representation of public sentiments by censored mass-media, primarily of its overestimation of consolidation level of the Russian society.

Key words: the Manifesto of October 17, 1905, press, periodicals, social strata, the ruling establishment, the State Duma, reform.

Evdokimov A. V. On the problem of criminal element of V. A. Sukhomlinov's income

The article is devoted to the problem of bribery of general Sukhomlinov. This problem is one of the important aspects of the «Sukhomlinov case». According to the official version, the former minister of war V. A. Sukhomlinov was accused of espionage and errors in the management of the supply of the army, which caused the shell crisis and contributed to the defeat of the Russian army on the war fronts. The purpose of this article is the study of the sources of income and expenses of general Sukhomlinov during 1908–1915, and the sources of the data about the bribery of general. This problem remains poorly researched despite being reflected in the historiography. The solution of this problem allows understanding the logic of Sukhomlinov's opponents, who used it to discredit the higher authorities of Russia during the World War I. After the analysis of this problem, the author came to the conclusion that the general hadn't illegal and criminal sources of money. After recalculation the amount of Sukhomlinov's income increased, but its origins were ascertained. Charges connected with the bribes from Russian and foreign companies are not confirmed, because they haven't got verifiable factual basis. The author of the anonymous denunciations prince Andronikov and his informer N. I. Chervinskaya set a goal to take revenge on Sukhomlinov and his wife for the termination of access to their house. However, the idea of the general's bribery turned out favourable to the public counter-elite and the opponents of Sukhomlinov inside the elite. They successfully used it not only in the struggle with the minister of war, but with the

help of the «Sukhomlinov case» they opposed to the autocracy and personally the emperor Nicholas II.

Key words: bribery, V. A. Sukhomlinov, Nicholas II, autocracy, World War I, denunciation, Prince Andronikov, N. I. Chervinskaya, E. V. Sukhomlinova, I. N. Urbanskii, M. F. Kunie.

Kasatov A. A. Gestures and written word at the barony of Gramat of the middle of the 14th century (on the materials from the scientific and historical archive of SPbIH of the RAS)

The present paper deals with an unknown charter from the Archive of Saint Petersburg Institute of History (RAS) which the famous Russian historian, paleographer and antiquarian academician N. Likhachev somehow acquired. It is preserved in the Western-European section of the Archive among other charters of England and Scotland (Coll. 18. Fsc. 381 N6). Actually, there are two documents recorded on the same piece of vellum. They were composed in behalf of Jean d'Aigrefeuille a lord of Gramat. The entire story drops the light on the history of the French barony of Gramat during the first decades of the Hundred Years' War (9–10 of April 1366).

A notary called Raimund (his name is too hard to read) had drawn the charter where attested how two vassals of senior Jean, Raimund de Vernolh and Bertran de Tuella paid the homage to him. The procedures described in details look to some extent similar with little differences but seem standard. The first document shows us the lord sitting with vassal bending his knees. At that, the vassal had put his hands in hands of lord who spanked them and kissed him (i.e. osculum pacis). The second demonstrates the lord sitting again but the vassal standing, supposedly because of his more prominent status. He is called knight (miles). The second document says nothing about the gestures with hands but the kiss is mentioned. According to the ancient procedure of homage it is worth noting the practice of notariat and all steps of drawing up the document by the notary who is designated as notarius publicus. Therefore, we witness the meeting of two institutions, which had different nature and origins. During the 14th century with the increase of written documentation and literacy the ancient rite of homage falls within the ambit of literary culture and transforms from the private institution to the public one. At any case all the participants of both procedures wanted to have the homage attested by the representative of public authorities. Our charter, so, shows us step by step transformation of pure feudal society in France in the middle of the 14th century.

Key words: Gramat, notariat, free fee, paleography, homage, feudalism, vassalage, collecting, Likhachev, Jean d'Aigrefeuille.

Kedrov N. G. Stalin's historiographical model of judgment on collectivization of the Russian peasantry

The article examines the genesis of a theme of collectivization in the Russian agrarian historiography. Owing to the features of the Soviet political regime, I. V. Stalin, who simultaneously was the participant of the events, took part in formation of this historiographical subject. The author considers Stalin's numerous official texts and reveals the basic characteristics of collectivization in the Stalin conception (subjective character, analysis of collectivization as the conflict between the power and the peasantry, operated character of historical movement, estimation of collectivization results on a scale of achievements and failures). Then, these conceptual approaches have been added to the arsenal by the Soviet historians. According to the author approaches put by Stalin continue to exist to this day, despite several attempts of conceptual revision of the theme undertaken by historians.

Key words: agrarian historiography, collectivization, I. Stalin, Soviet historical science, «great crisis», «revolution from above», official texts, history of the Soviet village.

Khaziev R. A. Alexander I in the fate of Russia: English-language historiography of 1990–2000s

This article examines the efforts of English-language researchers to establish the role of the Russian monarch Alexander I in the formation of European identity during his reign on the Russian throne between 1801 and 1825. Examination of materials gathered from a variety of sources — noted books and periodicals published in 1990–2014 — demonstrates how contemporary English-language scholars perceive Alexander I: a Russian tsar and a representative of Western culture, who was also very close to Russia's cultural and political traditions.

According to some English-language researchers, Alexander I was an unusually sagacious politician who predetermined both Russian and European participation in a new social, economic and political order on the basis of philosophical ideas springing from everyday life. Special consideration is also given to books by English-language researchers who analyze the European political paradigm of «Alexander I vs. Napoleon» through which the Russian tsar expressed and interpreted his own multi-dimensional state strategy in the context of Russian and Western relations. My attention was drawn to books of English-language researchers who were focused on transformational processes of establishing contacts between the cultural, social, economic, political, and intellectual phenomena developing in the era of Alexander I. The examination of English-language researchers' books so far suggests that Alexander I may be viewed as an intellectual statesman who represented the culmination of the best of the Age of Reason: his development of the Imperial Army

during his reign, his leading role in the struggle against Napoleon and his committed opposition to Napoleonic imperialism and his advocacy of a new European order at the Congress of Vienna and elsewhere. This article summarizes the works of contemporary English-language scholars that attempt to explain the critical period of Russia's transition towards its own embodied values and ideals that have not lost any of their relevance at present time.

Key words: Alexander I, the era of Alexander I, English-language historiography, English-language historiographical sources, foreign studies of Russian history, Russian historiographical sources.

Kukushkin V. E. The Origins of the Russian Orthodox Church in Canada: Early Ukrainian immigration to western Canada and the formation of the first Orthodox parishes

The article examines the establishment of the Russian Orthodox mission in what today is the province of Alberta in Western Canada, as well as its rivalry with the Greek Catholic Church, in the context of early Ukrainian immigration to Canada. By the mid-1900s, the Russian Orthodox Church made significant progress among local Ukrainian immigrants, due as much to the efforts of its first missionaries as to the weakness of the Greek Catholic Church, which didn't have a long presence and a formal organizational structure in North America. In 1905, the Russian mission in Alberta had more than 10 churches and chapels, and the number of faithful in its care exceeded 4.800. However, this was also the time when the mission first encountered challenges, which it would continue to face in future years: shortage of experienced clergy familiar with the languages and customs of their Canadian flock, financial instability of the parishes, and growing competition by other churches.

Key words: Russian Orthodox Church, Ukrainian immigration, Canada, Alberta, missionaries, Greek Catholicism.

Kulikov S. V. Alexey Hvostov's appointment as the managing director of the Ministry of Internal Affairs: Background and mechanism

The article takes into consideration one of the most important events in political process of prerevolutionary Russia, Alexey Nikolaevich Hvostov's appointment as the Minister of Internal Affairs, the first deputy of the State Duma being appointed to a ministerial post. The historiography traditionally regarded this event as a result of intervention of a so-called camarilla, whose protégé, allegedly, was Hvostov. However, the given conclusion does not follow from the analysis and comparison of sources, and is based mostly on the rumors, which have been generated by PR

campaign in the beginning of the 20th century. The author asserts that concentration on Hvostov's appointment, which represents a significant event, allows coming to new conclusions about both the nature of autocracy crisis on the eve of the February 1917 revolution and concrete forms it poured out. The article scrutinizes the sources that played the key role in formation of the traditional historiography version about the reasons of Hvostov's appointment. The author for the first time regards this event not as a one-phase occurrence, but as completion of the long process with its background, and examines the mechanism of appointment. Therefore the special attention is paid to Hvostov's insufficiently studied biography as state and public figure, to his service in series as public prosecutor, Minsk and Tula vice governor, governor of Vologda and Nizhny Novgorod, and finally to his activity at the IV State Duma. The author also concentrates on Hvostov's ideological evolution from oppositional liberalism to the guarding liberalism, the determinant feature of his career, which was characterized by both routine and eccentricity: it was Hvostov whom in 1911 Stolypin planned as his successor to the position of the Minister of Internal Affairs. Hvostov's designation to this post in September 1915 was explained not by camarilla intrigues but by a personal choice of Nicholas II who thereby took into consideration an aggravation of an internal political situation and germanophobia growth in society. The camarilla's role, in this case, if there was any, was exclusively passive as a shadow of the monarch, a specular reflection of his political plans. Hvostov's appointment distinctly revealed the noted regularity.

Key words: appointment, Ministry of Internal Affairs, prosecutor, governor, emperor, camarilla, conservative liberalism, State Duma.

Lukina N. V. A poetess who survived GULAG

Actress and member of Moscow Poetry Union Lyubov Yulievna Zubova in 1930 was accidentally put to Butyrka prison. In 1933 she was arrested in Leningrad, unfairly accused, locked in Kresty prison and then sent to a GULAG camp in Mordovia for two years (TemLag). We learn about her life in prisons and in camp from both her letters and her remarkably optimistic poetry. She, as well as remaining members of her family, was allowed to return to her native city only 25 years afterwards. Photographs of the poetess of various years come from the family archive of N. V. Lukina.

Key words: GULAG, L. Y. Zubova, Leningrad, Mordovia, prison.

Naumov N. N. «The book of the Emperor Sigismund» by Eberhard Windecke: the author and the problem of genre

The purpose of this article is to undertake a critical analysis of the so-called «Book of Emperor Sigismund» (Middle High German — «keiser Sigesmundus-buech»), a historical source composed in 1437–1440, which is unfamiliar to the Russian

historiography. Two problems concerning the internal criticism are examined, i.e. the personality of the author and the specifics of the genre, particularly taking into account the question posed in the literature, whether they were influenced by the Renaissance. The author — Eberhard Windecke of Mainz, a servant of Sigismund of Luxemburg — was a descendant of a patrician family that had lost its previous wealth and privileges. His envy and hostility to the ruling patrician elite of the time can be traced in the «Book», as well as in his deeds. The gratitude to the master, who provided him with the means of subsistence, is the reason why the author is partial towards the main hero of the «Book». However, there is also some kind of internal logic that determines Windecke's emotional judgments. Eberhard, who lived in a world divided by the Great Schism and Hussite Wars, essentially considered the concordance between the king and princes as the highest value and blamed the deeds of those — sometimes even of the king himself — who undertook insufficient measures to fight against the common danger. The «Book» was supposed to become the Sigismund's posthumous biography. However, the final composition has not only the traits of biography, but also those of composer's autobiography and of a world chronicle — a collection of different events, which seemed remarkable to the author. Such genre complexity was caused by three reasons. First, Windecke — being a half-educated townsman, not a learned scholar — was incapable to concentrate on the main line. Secondly, the mode of composing was a narration, the written version of which didn't pass proof-reading. Thirdly, Eberhard while dictating could not help preaching young people a sermon and digressed from the main subject.

Finally, the present study has shown that it would be a mistake to regard the author's character and his book affected by the Renaissance. The anguish caused by crisis in the Church and Empire has been increasing the religious consciousness weakened in the humanists' hearts.

Key words: Eberhard Windecke, Sigismund of Luxemburg, the 15th century, historical source, biography, autobiography, Middle High German, Renaissance, Marco Datini.

Priamitzyn V. N. Incredible adventures of mathematician at the front

The article takes under consideration the fate of the prominent Soviet mathematician, physicist and meteorologist A. A. Friedman. The scientist was born in St Petersburg and from an early age showed a tendency to exact sciences. His first serious scientific work dated to the period of youth and student times. Having brilliantly graduated from the University A. A. Friedman was honored to teach at the leading educational institutions. In 1913, A. A. Friedman cast in his career with the meteorology. His work at the Aerological Observatory and trips abroad to exchange experience enriched our science by new discoveries. With

the outbreak of the First World War patriotic fervor swept Russia, it induced young scientist to go to the front as a volunteer. Participating in operations at the Volunteer air corps, he took part in combat missions performing reconnaissance and bombing. At the same time the scientist continued his research activities. He developed a mathematical method to improve the accuracy of bombing. The application of A. A. Friedman's calculations allowed increasing the effectiveness of bombing raids. After conferment of the officer's rank the scientist taught at the Military School of pilots-observers and later headed the Central aero-meteorological station. At this post A. A. Friedman was engaged in meteorological support of combat operations of the Russian air forces, he trained specialists and developed the guidelines, simultaneously conducting fundamental and applied research. He made great efforts to create the country's first venture for the aviation meteorological instruments' production and in the last months of the war he was appointed its Director. For his bravery in combat missions and contribution to the provision of Air Warfare, A. A. Friedman was awarded the Cross of St George of IV degree and the Order of St Vladimir of IV degree; he also was awarded the golden weapon. After the war the scientist made a brilliant career in the Soviet science and obtained worldwide recognition. Activity of A. A. Friedman is reflected in both scientific and popular literature. However, the general public is still not aware of his participation in the First World War. Nevertheless, a more detailed study of A. A. Friedman's biography could serve for a better understanding of the «scientist at war» phenomenon.

Key words: A. A. Friedman, physics, mathematics, meteorology, university, the First World War, aviation, meteorological support, bombing, observatory.

Pudov G. A. About items from collection of N. P. Likhachev in the department of folk art of Russian Museum

This paper deals with the analysis of works from the former collection of N. P. Likhachev stored today in the collection of the folk art department of the State Russian Museum. Previously unpublished information gives an idea about the sources of replenishment of the collection. The author tries to introduce the examined objects in the general context of collection activity of N. P. Likhachev.

Key words: collection, paleography, collector, cake boards, applied art.

Raskin D. I. Diary of A. A. Alelekov about the events of February 1917 in Petrograd

The diary entries of Alexander Alelekov contain information about the revolutionary events of February 1917 in Petrograd. Their author was a student at the

Mining Institute. He conscientiously wrote about what he saw during the February 1917 revolution, and what was rumored those days in Petrograd.

Key words: Alexander Alekoy, diary entries, revolutionary events, February 1917 revolution, Petrograd, Mining Institute.

Rudnik S. N. Universal military service, society and literacy of recruits in Russia

Among all military reforms of 1860–1870s introduction of universal military conscription was one of the most significant. The author asserts that question of privileges for educated recruits was discussed even during the stage of preparation of the new charter in society and after that – in commission specially created for development of «The provisions on a compulsory military service». Discussion was continued at the Special presence on compulsory military service, formed at the State Council. The article claims that minister of education D. A. Tolstoy, who was protecting privileges of the nobility, acted as the resolute opponent of numerous privileges, in particular for the people with higher education. However, as a result, in all controversial situations the point of view of the Ministry of Defense headed by D. A. Milyutin triumphed. The new charter gave an advantage to educated conscripts: they were granted a draft deferment for completion of education and had reduced call-up period of an active service. Privileges were provided depending on type of educational institutions, which were divided into four categories. In article, it is shown that the charter and privileges gave one more incentive for unprivileged estates in Russia, first of all peasants, to sit down at school desks and to get an education. In addition, favorable opinions of peasants on value of education for them are given. Many zemstvos, country and city societies donated considerable sums for schools opening. As a result, when in 1874 only every fifth recruit was literate, in 20 years this figure grew to more than a third of all young soldiers.

Key words: army, general compulsory military service, military reform, statute, education, privileges, society, educational institutions, zemstvo.

Rupasov A. I. About fluctuation and political attitudes of the individual in a period of chaos. Sven Fabricius

The era of social upheaval releases in certain individuals a huge potential for action. This released energy does not allow these people to find peace after the chaos has passed. They continue to act until they have eternal rest. One such person was Sven Fabricius. This student pharmacist, briefly worked as a school teacher, have created a few mysteries for the Finnish counter-intelligence and military intelligence, for Soviet united state political administration (OGPU) and Soviet diplomats in

Finland. The psychology of this man embodied all the contradictions that were characteristic of his time. The documents of the Central detective police of Finland and the former KGB of the USSR allows us to trace the life of this man, who chose as a way of enhancing his position in society the imitation of the action, not the action.

Key words: Sven Fabricius, Finnish counter-intelligence, Soviet united state political administration (OGPU), GULAG, Finland, USSR.

Safonov M. M. «Young Catherine» in the Russian historiography

This article examines the memoirs of Catherine II and its reflection in the works of home scholars. The author claims that Catherine II worked on her autobiographical notes for almost a quarter of a century. They had to immortalize her image in the memory of posterity, but sudden death wrecked this plan. If the Empress wanted to stay in the memory of posterity as she described herself in the «Memoirs», she had to destroy the drafts and preparatory materials, but she didn't have time. She left two versions of his memoirs, where two completely different images of its author were presented. The scholar asserts that both editions represent attempts of Catherine II to hide her inward nature, but it was the real empress who created these images refuting each other. The article notes that none of pre-revolutionary authors used the opportunity to compare both images thoroughly in order to restore the inward nature of memoirist, while classic pre-revolutionary historiography presented the image rendered in the second edition. In Soviet times nobody analyzed the «Memoirs» of Catherine II as a historical document even for revelatory propaganda. During Perestroika and post-Perestroika times in Russia there appeared a number of works about Catherine the Great in which the issue of her «Memoirs» was examined to some extent. These publications were of a superficial nature and were notable for panegyric content. In addition, although they were written mostly by professional scholars, these works were more reminiscent of popular scientific works, aimed to restore the reputation of Catherine II, unfairly maligned in the Soviet era. However, these works are interesting from the point of view of how the domestic historiography developed in the turning-points of the Russian history, swinging as the pendulum. The scholar declares that all these Perestroika and post-Perestroika works were characterized by almost blind faith in both the veracity of the memoirs of Catherine II as a historical source and the absolute sincerity of its compiler. Moreover, the authors of panegyric works were convinced that the memoirs of the Empress were almost candid in essence. The publications of this period mostly represent rendering of the second edition of the «Memoirs». The authors of these panegyric papers corroborated the image of Catherine outlined in the second revision with data taken from the first edition what is totally unacceptable from the scholar's point of view. As a result, the biographers of the Empress of the post-Soviet era have failed to see in «young Catherine» the woman who started the struggle for power from her very arrival to Russia.

Key words: Catherine II, empress Elizabeth, memoires, image, E. V. Anisimov, A. B. Kamenskii, N. I. Pavlenko, M. A. Rahmatullin, O. N. Mihailov.

Sverdlov M. B. The Academic anecdote as a kind of historical memory

Historical memory, collective and individual, in oral and written form stored reliable information about events in the past, and the attitude in the past and present to these events. A joke (a story about an event in history) was a special form of historical memory. Its main content is entertainment, not accuracy. Therefore, a folklore cliché was of significant importance in the anecdotes. The article publishes for the first time and examines four anecdotes recorded by D. N. Bantysh-Kamenskii (1788–1850) in the margin of pages in N. M. Karamzin's book «Pantheon of Russian authors». These jokes he wrote down from the words of his father N. N. Bantysh-Kamensky in the margins of a book of his library with no intention to publish them. The subjects of these anecdotes were the deeds of Pheophan Prokopovich during the reign of Peter the Great, the empresses Elizabeth Petrovna and Catherine II and M. V. Lomonosov. Because Bantysh-Kamenskii belonged to the noble family of Russian intellectuals, jokes expressed ironic and covert criticism of this milieu to the Supreme power, if it was just, to the dual life of the Russian hierarchs in Peter's time. In such anecdotes, stored in the historical memory of the 18th century, analytic and critical observations about specific people of high social status were presented. At the same time, in this intellectual circle of aristocracy a pejorative attitude towards M. V. Lomonosov remained as a consequence of his «plebeian» descent, although his immortality as a scientist and the poet was obvious for these people.

Key words: historical memory, an anecdote, D. N. Bantysh-Kamenskii, Peter the Great, Empress Elizabeth Petrovna, Catherine II, M. V. Lomonosov, intellectual freethinking, aristocratic arrogance.

Smirnova D. D. The messages of Novgorodian Archbishop Feodosiy: problems of creation and existence

The article deals with the problem of the creation and existence of the manuscript heritage of archbishop Feodosii (1491–1563), who was the head of the Novgorodian diocese from 1542 until 1551. It was noted that the epistolary heritage of Feodosiy is one of the most numerous and diverse among the works of the Novgorodian archbishops of 16th century. 30 texts written by Feodosii which are preserved in 15 manuscript collections in the stacks of St Petersburg and Moscow were analyzed. The main attention is paid to collections of RNB. Q.XVII.50, GIM. Eparch. Number 416, GIM. Shuk. Number 465 and BAN. 16.17.29, containing a core set of texts that belong to Feodosii. The differences of two collections identified in the course of the analysis are shown. While Evfimievskii collection (RNB.Q.XVII.50) contains the extended versions of the texts of Feodosii, Formulary (GIM. Shuk.468, BAN. 16.17.29) includes their brief editions. The process of

the collections' formation was demonstrated and the comparative analysis of Feodosii's texts was performed.

The article presents the reader the systematization of Feodosii's archive by the time and place of writing, recipients and subjects. The author outlined the persons involved in the correspondence with Feodosii, including members of the clergy and people of the diocese of Novgorod, Ivan IV, Metropolitan Macarius and others. It is noted that Feodosii skillfully applied in his messages literary methods relevant to the 16th century. For each of the addressees Feodosii finds special words, according to each case. It was noted that Feodosii paid attention to the issues of national importance, such as the war with Kazan. The article also addresses the question of the Feodosii's attitude to the Moscow leadership, which is manifested in the text of his messages.

Key words: Archbishop Feodosiy, 16th century, source studies, messages of the church hierarchs, Novgorod.

Vovina-Lebedeva V. G. Seminar on the history of Ancient Russia

From autumn 2015 the seminar on the history of Ancient Russia started. Seminar is organized jointly by the St Petersburg Institute of history of Russian Academy of Sciences and Institute of history of St Petersburg University. The purpose of the seminar is to unite efforts of researchers from different institutions and different specialties involved in pre-Petrine Russia, but also to engage the various scientific problems in this field by young researchers — students and postgraduate students.

Key words: Ancient Russia, seminar, St Petersburg Institute of history RAS, St Petersburg University.

Сведения об авторах

Беспятых Юрий Николаевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: ybespyatykh@yandex.ru

Вовина-Лебедева Варвара Гелиевна, д.и.н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории, Российская академия наук.

E-mail: varvara_vovina@mail.ru

Гинев Владимир Николаевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: spb_ii_ran@mail.ru

Гончарова Екатерина Викторовна, преподаватель общественных дисциплин ФГБОУ ВПО «Псковский государственный университет».

E-mail: diva1986@yandex.ru

Дубенцов Борис Борисович, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: bntsv@rambler.ru

Евдокимов Артем Владимирович, аспирант кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

E-mail: Artemius2014@yandex.ru

Исаев Сергей Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: isayevsviir@yandex.ru

Касатов Андрей Александрович, к.и.н., ученый секретарь Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: akasatov@mail.ru

Кедров Николай Геннадьевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Вологодского государственного университета.

E-mail: nk149@yandex.ru

Куликов Сергей Викторович, к.и.н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: sergeykulikov70@mail.ru

Кукушкин Вадим Евгеньевич, к.и.н., доктор философии (история) Карлтонского университета (Канада), Эдмонтон, провинция Альберта, Канада.

E-mail: koukouch@yahoo.com

Лукина Нина Владимировна, кандидат геолого-минералогических наук, Москва.

E-mail: lukina.35@mail.ru

Медведев Игорь Павлович, член-корреспондент Российской академии наук, д.и.н., главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, председатель Санкт-Петербургской (Ленинградской) византийской группы, профессор кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: spb_ii_ran@mail.ru

Наумов Николай Николаевич, аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. Ломоносова.

E-mail: nn-naumov@mail.ru

Прямыцын Владимир Николаевич, к.в.н., заместитель начальника отдела Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ.

E-mail: priamitzynvn@mail.ru

Пудов Глеб Александрович, к. искусствоведения, старший научный сотрудник Русского музея.

E-mail: narodnik80@list.ru

Раскин Давид Иосифович, д.и.н., начальник Отдела научных публикаций Российского государственного исторического архива.

E-mail: d.raskin@home.eltel.net

Рудник Сергей Николаевич, к.и.н., доцент Национального минерально-сырьевого университета «Горный».

E-mail: rudnik7@yandex.ru

Рупасов Александр Иванович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: rupasov_ai@mail.ru

Сафонов Михаил Михайлович, к.и.н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: m.safonov@list.ru

Свердлов Михаил Борисович, д.и.н., главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор Российского государственного педагогического университета им. Герцена.

E-mail: sverdlovmb@mail.ru

Смирнова Дина Дмитриевна, к.и.н., ассистент кафедры истории Санкт-Петербургского политехнического института им. Петра Великого.

E-mail: kvarn@rambler.ru

Хазиев Рустэм Асхатович, д.и.н., профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения исторического факультета Башкирского государственного университета (Уфа).

E-mail: KhazievRA@mail.ru

Contacts of authors

Bespyatykh Yurii Nikolayevich, Doctor of History, leading researcher of the St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: ybespyatykh@yandex.ru

Dubenzov Boris Borisovich, Ph. D., Senior Research Fellow, Assistant Professor, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: dbntsv@rambler.ru

Ginew Vladimir Nikolaevich, Doctor of Sciences (History), leading researcher of St Petersburg Institute of history of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: spb_ii_ran@mail.ru

Goncharova Ekaterina Viktorovna, lector of social Sciences, Pskov state University.

E-mail: diva1986@yandex.ru

Evdokimov Artem Vladimirovich, postgraduate student, Institute of international relations and world history, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.

E-mail: Artemius2014@yandex.ru

Isaev Sergey Alexandrovich, Ph. D., senior researcher of the St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: isayevsviir@yandex.ru

Kasatov Andrey Alexandrovich, Ph. D., St Petersburg Institute of history of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: akasatov@mail.ru

Kedrov Nickolay Gennadievich, Ph. D., leading research fellow of Vologda State University.

E-mail: nk149@yandex.ru

Khaziev Rustem Askhatovich, Doctor of Sciences (History), professor, Department of History, The Bashkir State University (Ufa).

E-mail: KhazievRA@mail.ru

Kukushkin Vadim Evgenievich, Ph. D. (Carleton University, Canada), independent historian.

E-mail: koukouch@yahoo.com

Kulikov Sergey Viktorovich, Ph. D., senior researcher, St Petersburg Institute of history of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: sergeykulikov70@mail.ru

Lukina Nina Vladimirovna, Ph. D. (geological and mineralogical sciences), Moscow.
E-mail: lukina.35@mail.ru

Medvedev Igor Pavlovitch, member-correspondent of the Russian Academy of Sciences, Dr. of Sciences (History), chief researcher of the St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Chairman of the St Petersburg Byzantine group, Professor, Department of General linguistics, St Petersburg State University.

E-mail: spb_ii_ran@mail.ru

Naumov Nikolay Nikolajevich, PhD-student, Moscow State University, Faculty of history.

E-mail: nn-naumov@mail.ru

Priamitzyn Vladimir Nikolaevich, Ph. D. (military history), deputy of department chief in Military history research institute of Russian Federation General Staff Military Academy.

E-mail: priamitzynvn@mail.ru

Pudov Gleb Aleksandrovich, Ph. D., senior researcher, Russian Museum.

E-mail: narodnik80@list.ru

Raskin David Iosifovich, Doctor of Sciences (History), head of the Department of scientific publications of the Russian state historical archive.

E-mail: d.raskin@home.eltel.net

Rudnik Sergey Nikolaevich, Ph. D., Docent of the National Mineral Resources University (Mining University).

E-mail: rudnik7@yandex.ru

Rupasov Aleksandr Ivanovich, Doctor of Sciences (History), leading research fellow, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: rupasov_ai@mail.ru

Safonov Mikhail Mikhailovich, Ph. D., senior researcher of the St Petersburg Institute of history of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: m.safonov@list.ru

Smirnova Dina Dmitrievna, Ph. D., assistant, chair of history, Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: kvarn@rambler.ru

Sverdlov Michail Borisovitch, Doctor of Sciences (History), Professor, chief researcher, St Petersburg Institute of history, Russian State Pedagogical University.

E-mail: sverdlovmb@mail.ru

Vovina-Lebedeva Varvara Gelievna, Doctor of Sciences (History), leading researcher, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: varvara_vovina@mail.ru

Требования к публикации статей и материалов

• Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. (для аспирантов — не более 0,5 а. л.). Объем публикуемых документов и рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном и распечатанном виде (шрифт текста Times New Roman, 14 кеглем, сноски — 10 кеглем).

• Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, учебного звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

• Текст должен быть снабжен аннотацией на русском и английском языках (не менее 200–300 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной классификации), который приводится над фамилией автора слева.

• Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов. В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) список использованной литературы.

• Иллюстрации принимаются только черно-белые, в форматах tif и jpg, с разрешением не менее 300 dpi.

• Ответственность за точность цитат, приводимых фактов, имен собственных, географических названий лежит на авторах материалов, так же как и за то, что в них отсутствует упоминание сведений, не подлежащих открытой публикации.

• Статьи, поступившие в редакцию, регистрируются. Решение о публикации / отказе в публикации / направлении рукописи на доработку принимается ответственным редактором и сообщается автору в срок до 60 дней.

• Все поступившие в редакцию материалы подлежат предварительной оценке редакционной коллегией или ответственным редактором на предмет соответствия установленным формальным требованиям, а также на предмет отсутствия в рукописи неправомерного заимствования текста, иллюстраций, таблиц и пр.

• Все материалы, не отклоненные в результате предварительной проверки, подлежат обязательному независимому научному рецензированию без указания фамилии автора. Научное рецензирование может осуществляться любыми специалистами, в том числе и членами редакционной коллегии.

• До публикации материалов рецензенты и члены редакционной коллегии не вправе использовать рецензируемые материалы или ссылаться на них.

• Авторы должны подписать с редакцией журнала лицензионный договор на право использования научного произведения в «Петербургском историческом журнале».